Марьяна Сурикова
Просто позови.
Академия жизни
Фэнтези • Любовный роман • Юмор

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Как чувствует себя королева, которую свергли с престола? Да точно так же, как теперь чувствую себя я. И пусть королевство это умещалось в стенах одной самой лучшей академии, а моими подданными были ее ученики, но именно я правила этим маленьким миром и именно меня ожидала свадьба с самым потрясающим мужчиной на свете. А потом… потом я встала на пути того, кто не достоин целовать землю у моих ног, и пусть это вышло случайно, но именно эта случайность сломала мой мир.

- Марьяна Сурикова
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30

    - Глава 31
    - Глава 32
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16

Марьяна Сурикова
АКАДЕМИЯ ЖИЗНИ

Глава 1
Я — АРИСТОКРАТКА

Я шла по коридору, а все расступались передо мной. Краем глаза замечала робкие или заискивающие улыбки. Иногда выделяла в толпе чей-то хищный взгляд и гордо поднимала голову выше — мечтать о недостижимом не воспрещается, любуйтесь, восхищайтесь, а я дарю свою благосклонность лишь избранным.

Иду дальше, все ускоряя шаг, и там, в конце коридора, — он, мой желанный мужчина, мой жених, самый родовитый аристократ в нашем королевстве. Он протягивает ко мне руки, а я тянусь навстречу, но понимаю вдруг: что-то неправильно. А что Эльмарин делает здесь, в коридоре моей академии? Я останавливаюсь, прикладываю руку ко лбу, и картинка начинает расплываться перед глазами…

Резко сев в постели, с тягостным чувством оглядываюсь вокруг. О нет! Это был всего лишь сон, такой сладкий сон из моей прошлой жизни. Вновь вокруг темнота противного узкого чулана, а над головой раздается скрип старой лестницы каждый раз, когда кто-то крадучись шагает по ней, пытаясь вернуться в комнату после наступления ночного часа. Поймает их староста факультета — и не поздоровится смельчакам. Я вновь прижала пальцы ко лбу, пытаясь унять резкую боль и вспоминая обо всем, что случилось со мной.

Наше королевство Амадин считалось не таким уж большим в пределах огромной страны Эстотьерии, являющейся Союзом объединенных королевств. Здесь, как и во всем государстве, царило вечное лето, оттого большинство жителей не бедствовали, а богачей было столько, сколько в иных королевствах насчитывается бедняков.

Пожалуй, только одна проблема мешала абсолютному процветанию нашего стабильного мира — вечная война между аристократами и плебеями (хотя они предпочитали называть себя виерами). Пусть столкновения с оружием в руках уже давно ушли в прошлое, но враждовали мы по-прежнему. Стоило аристократу встретиться с виером где-нибудь в узком переулке, неизменно вспыхивала ссора, которая нередко приводила к магическому поединку. Очень печально, что этот поединок мог закончиться в пользу плебея с той же долей вероятности, что и в пользу элита (так уничижительно обласкали нас простые людишки).

На свое счастье, я родилась в одной из самых родовитых

семей королевства. У меня с самого раннего детства было все, о чем только может мечтать человек. «Аристократы — это верхушка общества» — так всегда говорил мой отец. «Ты должна гордиться своей родословной, дорогая, именно она — твое главное достоинство и билет в счастливую жизнь» — эту фразу день за днем я слышала от матери.

Когда я достаточно подросла, чтобы мыслить осознанно, то убедилась в правоте слов родителей. Будучи дочерью одного из древнейших родов Лавальеро, я получала все привилегии, положенные высокородной состоятельной аристократке, была желанной гостьей в каждом богатом доме, на меня взирали с восхищением, а в пятнадцать лет состоялось самое значимое событие в жизни — родители заключили мою помолвку с главой рода Остеус.

Эльмарин Остеус — самый видный холостяк в королевстве, на которого претендовала каждая третья незамужняя аристократка Амадина. Красивый, знатный и сильный маг — он стал моей мечтой, воплотившейся в реальность. Именно в тот знаменательный день на первом балу, посвященном моему пятнадцатилетию, я встретила этого потрясающе красивого мужчину с волосами цвета ночи, мускулистой и гибкой фигурой и повергающим в трепет взглядом темно-карих глаз. Его обаяние и манеры вскружили мне голову, от изящных комплиментов и тонких намеков хотелось петь и смеяться.

Когда он пригласил меня на танец и я вложила свою ладошку в его сильную руку, сердце вдруг замерло в груди, а затем забилось с удвоенной силой. Ближе к концу вечера мужчина вывел меня на балкон под звездное небо, подарил самый первый в жизни поцелуй и разрешил называть себя Эрин.

— Мой Эрин, — простонала я вслух, вновь утыкаясь в подушку. Она единственная видела слезы униженной аристократки, именно она помогала мне, заглушая горькие рыдания, именно она разделяла мою боль.

Два года длилась помолвка, а потом я поступила в академию. Здесь я должна была проходить обучение, пока не истекут положенные три года, а в двадцать лет мы с Эрином планировали сыграть свадьбу. Я бы получила диплом академии и овладела всеми необходимыми знаниями и навыками, которыми положено обладать жене такого видного политического деятеля, каким был мой будущий супруг. Совсем немного времени не хватило мне до исполнения заветной мечты.

Полтора года и четыре месяца назад

— Милая, этот день станет одним из самых торжественных событий в твоей жизни. Покажи себя достойно, дай понять остальным, насколько высокое положение ты занимаешь. Не груби, всегда будь вежлива, но не стоит снисходить до тех, кто ниже тебя по статусу.

— Я сделаю так, как ты велишь, Эстер.

Моя мама, Эстер Лавальеро, была истинной аристократкой, каждое движение которой дышало чувством собственного достоинства и гордостью за именитых предков, чья родословная насчитывала несколько веков. Она не была красавицей, но природная утонченность скрадывала общее впечатление от не слишком правильных и гармоничных черт породистого лица. Истинным богатством Эстер были ее роскошные волосы, вызывавшие зависть у многих красавиц-аристократок. Такие же чудесные тугие кудри цвета золотистого меда достались и мне.

Я несказанно гордилась столь щедрым подарком судьбы и ухаживала за непослушными локонами ежедневно и очень тщательно. Перед сном служанка проводила щеткой по моим волосам не менее ста раз, пока они не укрывали фигуру тяжелым блестящим покрывалом.

Я слышала однажды, как наш дальний родственник, приехавший погостить на пару недель, шептался в углу с одной из кузин-приживалок. Он заявил тогда, будто отец взял мать в жены лишь из-за ее волос, потому как больше смотреть было не на что. Мелкий человечишка, недостойный состоять в родстве со столь могущественной и знатной семьей, как наша! Он вылетел из дома в тот же день, и двери особняка Лавальеро были с тех пор навсегда закрыты для него и той обедневшей кузины.

Впрочем, браки среди аристократов заключались испокон веков, и, возможно, наследственность играла свою роль, оттого редко у кого рождались по-настоящему красивые дети. В нашей семье вся красота досталась моему отцу, галантному, сильному и уверенному в себе мужчине. Я безмерно уважала его и гордилась честью быть дочерью человека, вызывающего у всех невероятное восхищение. Красивее моего отца был только Эльмарин Остеус.

Я не жалела, что привлекательность Роланда Лавальеро не перешла ко мне, смягчившись в девичьих чертах и исполнившись особого очарования юности, и была вполне довольна своей внешностью. Пусть рост достался невысокий, но я была стройной, а осанкой могла соперничать с самой наследной принцессой. И хотя черты лица не отличались приковывающей чужой взгляд прелестью, зато были правильными и в целом придавали облику приятную гармоничность.

Вновь взглянув в зеркало, поправила густые локоны,

скрепленные на голове золотой короной с драгоценными камнями. Платье из блестящего голубого шелка сидело на фигуре без единой морщинки. Ни одна грубая складка не портила струящейся красоты легкой материи, обнимавшей тонкий девичий стан. Сегодня я поступаю в Академию аристократии — высшее и самое престижное учебное заведение королевства Амадин. На моем представлении ученикам и преподавателям будет присутствовать Эрин. Я немного прикрыла глаза, делая глубокий вдох и представляя, как загорятся восхищением его глаза, когда я поднимусь на пьедестал и произнесу приветственную речь.

Экипаж плавно подкатил к широкому крыльцу, облицованному серым камнем. Слуга спрыгнул с запяток и отворил дверь, помогая мне выйти из кареты. Я ступила на бордовую дорожку, устилавшую ступеньки, и направилась к массивным дубовым дверям, обитым медными пластинами с красивыми узорами.

Я видела академию раньше, но прежде не входила под сень этого древнего здания, чей возраст насчитывал не одно тысячелетие. Пусть внешне я не проявляла никаких эмоций, но внутренне содрогнулась от величия старого замка. Он был огромный, а острые шпили круглых башен, казалось, пронзают само небо. Сложенный из серого камня снаружи, внутри он выглядел еще более мрачным. В просторном холле вдоль стен висели магические шары, но их свет не проникал в затененные углы, а окон было невероятно мало, настолько, что узкие отверстия больше напоминали древние бойницы, а не источник столь необходимого этому месту освещения. Черный каменный пол устилали бордовые ковры, они же покрывали широкую лестницу, которая вела вверх, разделяясь на два пролета от общей площадки.

Именно на этой площадке сейчас стоял высокий мужчина с длинными белыми волосами, один из сильнейших магов страны, невероятно старый, как мне казалось, ведь его возраст, по слухам, давно перевалил за четыре сотни лет. Внешне, впрочем, он выглядел лет на тридцать шесть (если судить с точки зрения обычных людей). «Наверное, он принимал участие еще в войнах с плебеями», — вдруг подумалось мне.

— Приветствую вас под сводами нашей академии, — раздался зычный, удивительно громкий голос ректора.

Мать и отец, ступавшие по обе стороны от меня, слегка склонили головы в ответ. Далеко не каждому поступающему выпадает подобная честь — получить приветствие от Зора Анделино лично. Мы поднялись по ступенькам и остановились

напротив ректора.

— Как вас зовут, дитя?

— Виолетта Лавальеро.

Я присела в изысканном реверансе, а когда выпрямилась, заслужила одобрительный кивок от Эстер. Впрочем, и сама знала, что во всем, касающемся подобных церемоний, мне нет равных. Давно уже научилась идеально выверять все движения тела, в совершенстве контролировать мимику лица, чтобы на нем не отразилось ненужных эмоций. Если что и способно было выдать меня, то это выражение глаз, в которых вполне мог отразиться испуг, но ведь скрыть свои чувства — дело нехитрое, нужно лишь слегка опустить взгляд вниз, демонстрируя уважение к стоящему напротив человеку.

Виолетта — это имя было единственной слабостью, которую за все время проявила мать в отношении собственной дочери. Однажды Эстер рассказала, как после моего рождения повитуха вручила ей на руки крошечный сверток с пищащим младенцем, тогда-то мать и обратила внимание на цвет глаз новорожденной. Сперва ей показалось, что они черные, но позже она рассмотрела, что глаза мои — темно-фиолетового оттенка. Этот редкий цвет достался мне в наследство от далекого предка, хотя от кого именно, родители не знали сами.

— Идем, Виолетта. Я провожу тебя в общий зал. Там сейчас собрались все преподаватели и студенты. Тебе выпала честь произнести приветственную речь перед новым потоком учеников.

Я вновь склонила голову и последовала за ректором вверх по ступенькам. Бесспорно, это не только честь, но и знак отличия. Всем студентам сразу станет ясно, что я не обычная ученица. Общий набор в академию проводился раз в три года, и далеко не каждый мог поступить сюда, а если поступивший еще и выступал перед всеми, то любой дурак мог догадаться о его высоком статусе.

Мы зашли в зал, превосходивший своими размерами даже нижний холл. Окон здесь было больше, и они казались намного шире, но опущенные бордовые шторы скрывали солнечный свет, погружая помещение в таинственный полумрак. Слишком высокий свод терялся в темноте, а огромные колонны создавали впечатление чего-то векового, незыблемого, но вместе с тем довольно мрачного. Голубоватый мерцающий свет магических шаров, зависающих над головами присутствующих, добавлял собранию налет торжественности.

В центре зала находилось возвышение, которое я про себя назвала пьедесталом. Вокруг него стояли резные деревянные стулья. По бокам расположились преподаватели, а дальше

полукругом сидели студенты. Рассадка осуществлялась по статусу обучающихся. Те, кто занимал высокое положение в обществе, сидели ближе. В самом конце зала расположилась соответственно мелкая аристократия.

Когда мои родители заняли свои места напротив пьедестала, я уверенно взошла по ступенькам и начала с приветствия к преподавателям, заверив их от лица всего потока, что мы осознаем, какая это честь — быть принятыми в столь замечательное место и насколько мы ценим возможность обучаться под руководством таких изумительных мастеров. Пока произносились выученные назубок слова, я воспользовалась возможностью окинуть взглядом присутствующих, едва сдержав нежную улыбку, когда заметила рядом с ректором Эрина, а заодно оценить их реакцию на мои слова. Она была, как и следовало ожидать, весьма положительная. Конец речи должен был явиться кульминацией, а потому я выдержала небольшую паузу, прежде чем продолжить.

— Через два года состоится состязание между двумя школами. К большому сожалению, на прошлом соревновании Академия виеров, которая не достойна даже носить столь высокое звание, одержала победу. В этот раз мы должны напомнить о себе. Я знаю, что каждый новый поток выбирает себе старосту, и хотела выдвинуть собственную кандидатуру.

Я говорю об этом именно здесь, а не на обычном собрании учащихся потому, что давно задалась целью поступить в Академию аристократии и сделать все, дабы прославить ее звание самой лучшей академии в королевстве. Жаль, что звание это столь зависит от внешних факторов, а в частности, от пресловутого соревнования между двумя самыми известными высшими школами королевства.

Пусть виеры уступают нам очень во многом, но они сильные маги и умудрились победить два года назад. Взяв на себя обязанности старосты, я, с позволения и одобрения наших преподавателей, постараюсь согласовать учебу своих подопечных таким образом, чтобы за два года выделить самых талантливых и помочь им подготовиться к состязанию.

Последние слова сопровождались одобрительными возгласами. Я обвела победным взглядом обращенные ко мне лица — вот нисколько не сомневалась, что эту идею поддержат! Уж слишком сильно было унижение, испытанное от проигрыша виерской академии магии. Проклятые простолюдины! Я уже набрала в грудь побольше воздуха и хотела продолжить, как внезапно раздался чей-то голос:

— А вы уверены, что справитесь со столь высокой задачей?

Я перевела взгляд на пожилого преподавателя, сидящего по правую сторону от возвышения. Мужчина носил до неприличия короткие волосы, кончики которых едва прикрывали уши. Седина посеребрила его голову, но в целом учитель отличался крепким телосложением, хотя и горбился по-стариковски.

Единственное, что привлекало внимание в его непримечательном облике, были глаза глубокого темно-зеленого оттенка. Он смотрел то ли со злостью, то ли с презрением, даже понять было сложно. Вот именно в тот момент я осознала, что не со всеми в академии у меня сложатся хорошие отношения, а в частности, с этим странным незнакомцем, который явно меня невзлюбил. Кто он такой? Какой предмет ведет? С чего посмел сомневаться во мне, Виолетте Лавальеро?!

Сохраняя на лице вежливую улыбку, я холодно произнесла:

— Я никогда не бросаю слов на ветер.

Глава 2
ЛУЧШАЯ АКАДЕМИЯ В КОРОЛЕВСТВЕ

Завершив свое выступление, я спустилась вниз и заняла место рядом с родителями. На возвышение поднялся ректор, а я поймала одобряющий взгляд Эрина и слегка улыбнулась жениху.

Речь главы академии была недолгой, он призвал всех усердно учиться, проявлять уважение к своим наставникам и не позорить собственного имени поведением, недостойным аристократов. Моя кандидатура как старосты была одобрена, теперь именно я отвечала за весь поток вновь набранных студентов. Там же в зале нам определили куратора, именно к этому человеку в дальнейшем мне следовало обращаться со всеми вопросами относительно учебы и поведения студентов.

Когда ректор завершил свою речь, он попросил будущего куратора представиться лично. Я подняла глаза и даже сумела сохранить на лице невозмутимое выражение, когда со стула поднялся тот самый старик, усомнившийся во мне. По словам Зора Анделино, он был одним из самых опытных и сильных магов, и нам всем крупно повезло попасть под его начало.

Все церемонии закончились через полчаса. Теперь мне предстояло проследить за расселением студентов, прибывших издалека, а после можно было вернуться домой. Жить в общежитии при академии я не собиралась. Сюда нельзя было брать служанок, и никто не помогал бы мне одеваться или мыть мои прекрасные волосы. К тому же я полагала, что в академской столовой кормили совершенно отвратительно.

Для меня любое превышение нормы являлось отвратительным. Дома повариха всегда готовила те блюда, что заказывала я. А поскольку я всегда тщательно следила за своей внешностью, то и излишков в еде себе не позволяла. Только простолюдинки могут объедаться в тех же столовых и впихивать в себя огромное количество мучного и сладкого. Думаю, их зубы наверняка очень быстро портятся по этой причине, а кожа на лице покрывается прыщами. Я даже уверена, что в виерской академии полным-полно подобных уродин.

Вернувшись домой, я прошла в свою комнату и приказала привести портниху. Необходимо было обновить гардероб. В академии преобладали серые и черные тона, а сам герб представлял собой огненную птицу на красном фоне. Этот

древний символ являлся фамильным гербом славного древнего рода Аспарентус, именно Элинио Аспарентус был основателем нашего учебного заведения.

Многим студентам выдавали положенную форму — длинные черные мантии с красной подкладкой и вышитой на правой стороне символикой в виде парящей золотой птицы. Насколько я могла судить о ткани, она была пусть и качественная, но недостаточно дорогая. Я собиралась заказать себе несколько накидок из шелка и парчи для торжественных выходов, а на более холодные дни — из шерсти викуньи с оторочкой из меха самого дорогого животного в королевстве — серебристого левконуса. Этот мелкий зверек водился только высоко в горах и был невероятно шустрым, немногие охотники отваживались подняться так высоко, чтобы его поймать. Однако и стоимость меха одного зверька оценивалась исключительно в золотых дисках, притом что на один диск вполне можно было скромно прожить целый месяц.

Мне также могли понадобиться разнообразные платья, в которых я буду посещать лекции, и наряды для торжественных мероприятий. С выбором цвета ткани придется помучиться. Мне не нужны кричащие цвета, но и унылых тонов я не переношу. Придется пересмотреть множество отрезов, чтобы выбрать именно те оттенки, которые подчеркнут белый цвет моей кожи, придадут глазам большую глубину и оттенят мои золотые волосы.

С портнихой мы провозились до самого вечера, поэтому спать довелось лечь позднее, чем привыкла. Я не терпела нарушений режима, но ради красоты пришлось пойти на определенные жертвы. Несмотря на это, утром поднялась, едва рассвело. Это был обычный час для подъема, я не признавала привычек своих сверстниц вставать в обед. Слишком многое приходилось успеть сделать за день.

Утром, как обычно, приняла холодную ванну, затем потратила час на верховую езду по городскому парку, в котором мне не встретился ни один наездник, по возвращении позавтракала специально испеченными для меня булочками с пророщенной пшеницей и выпила стакан свежевыжатого сока.

После завтрака я собиралась отправиться в академию, чтобы взять у куратора листы с расписанием занятий, а также перечень с именами студентов. Для этого пришлось пожертвовать уроками плавания в специально выстроенной для меня купальне, а массаж тела перенести на послеобеденное время. Занятия музыкой, впрочем, должны были состояться в привычный час (я полагала, что не задержусь в академии).

Когда я вышла из дома, меня ждал очень приятный сюрприз. У крыльца остановилась новенькая черно-золотая карета, в которую были впряжены две лошади белоснежной масти. У кареты стоял довольный отец.

— Виолетта, посмотри, какой подарок я приготовил в честь твоего поступления в академию.

Я знала, что папа мечтал об этом поступлении едва ли не с самого моего рождения. Ему не повезло иметь сына, и оттого он столь много времени уделял подготовке дочери, ожидая, что именно я собственными успехами в учебе и удачным замужеством сумею поддержать и укрепить славу нашего рода. Отец нанимал учителей, которые обучали меня языкам соседних королевств, истории, основам магического анализа и формулам, технике магических ударов и многому другому, более необходимому мужчине, чем женщине. Каждое воскресенье мы с Роландом Лавальеро упражнялись в фехтовании, и иногда я удостаивалась сдержанной похвалы за особенно удачный выпад.

Теперь, когда мечта отца воплотилась в реальность, а я к тому же приняла на себя обязанности старосты всего потока, Роланд подарил мне собственную карету и лошадей. Это был по-королевски щедрый дар. Мой новый экипаж был изготовлен не из металла или дерева, а из особенного безумно дорогого материала, легкого, но невероятно прочного. Он доставлялся на заказ из одного далекого королевства не менее двух месяцев. Представляю, что станется с остальными студентами, когда они увидят, как я подъезжаю к академии в этой роскошной карете.

— Нравится? — спросил отец.

— Роланд, у меня нет слов! Благодарю за подарок.

— Ты его заслужила. Главное, веди себя достойно, не опозорь честь семьи. Я верю, что ты сможешь справиться с поставленной задачей, и на следующем соревновании наша академия одержит верх над этими плебеями. После все станут говорить, что победа — твоя заслуга.

Еще раз выразив отцу горячую благодарность, села в свою прекрасную удобную карету и отправилась в академию. Я, бесспорно, осознавала, как должна быть счастлива обучаться здесь, но все же само здание было слишком мрачным — эти своды, казалось, давили своей тяжестью.

Стараясь не обращать внимания на непрошеные мысли, я решила сперва поприветствовать ректора.

Зор Анделино галантно поцеловал мне руку, а затем попросил секретаря препроводить очаровательную Виолетту Лавальеро в кабинет куратора. Супротив всех ожиданий, Амир Вальенте встретил меня не учтивым кивком, а холодным

прищуром. Единственное, что он соизволил сделать, так это слегка кивнуть в ответ на мое приветствие, а после придвинул к краю стола пачку бумаг и произнес:

— Здесь все необходимое. Дальше разберетесь сами. Занятия начнутся в понедельник в девять утра. Доведите до сведения остальных студентов, что в половине девятого будет проведен общий сбор и произнесена напутственная речь. А теперь можете идти.

Меня невероятно возмутило подобное обращение. Разве я исполняю роль его служанки? Как куратор он обязан считаться со мной, а как аристократ — проявлять уважение к древности моего рода.

— Куратор Вальенте…

— Да?

— Кажется, мое присутствие вызывает в вас отрицательные эмоции. Я чем-то вызвала ваше неудовольствие?

— Дорогая Виолетта…

Я едва не поморщилась от подобной фамильярности. Старичок же поднялся из кресла, распрямил плечи и оказался выше меня на голову. Несмотря на почтенный возраст, преподавателя точно нельзя было назвать хилым, а учитывая его магическую силу и опыт, лучше было не нарываться на неприятности, однако терпеть подобное отношение я не собиралась.

— Я не люблю тех, кто, не успев показать себя с лучшей стороны, заявляет о собственной значимости. Мне еще не за что вас уважать. Я привык судить о людях по их поступкам, а не по знатности рода. А таких, как вы, лощеных аристократов, которые не обладают сколь-нибудь выдающимися достоинствами, но многое о себе мнят, я встречаю на своем пути с завидной регулярностью. Если вас что-то не устраивает, обратитесь к ректору, чтобы вам поменяли куратора.

Я даже покраснела от злости, но нашла в себе силы ответить с достоинством. Ничего, стерплю в этот раз, но еще доведу тебя, противный старикан, сам попросишь ректора об увольнении.

— Вы ошибаетесь, куратор Вальенте. Полагаю, что еще смогу вас приятно удивить.

— Будем надеяться.

Занятия начались в понедельник. На общем сборе потока куратор сказал о разделении нас на шесть групп, каждая из которых будет заниматься в определенной аудитории. Я полагала, что, имея за плечами годы подготовки к обучению в академии, без труда справлюсь с занятиями и буду выполнять

задания на высшем уровне. Однако здесь ожидал неприятный сюрприз — куратор Вальенте очень сильно невзлюбил меня и делал все возможное, чтобы отравить золотые дни моего пребывания в самом чудесном учебном заведении.

Кроме старика у меня не было явных недоброжелателей. Напротив, везде я встречала почитание, уважение или искреннее восхищение. Статус старосты давал мне право принимать важные решения относительно проживания и учебы студентов. Именно поэтому многие из них пытались подольститься ко мне, дабы выпросить лишний выходной или право на дополнительное занятие по предметам их неуспеваемости. Многие полагали, что я могу оказать влияние на преподавателей, чтобы те подкорректировали оценки. Сами учителя считали меня фавориткой ректора, а также преклонялись перед моим общественным положением.

Многим стало известно о помолвке с родом Остеус, и это также играло мне на руку. Только противный старикан продолжал язвить, делать обидные замечания или во всеуслышание указывать мне на ошибки в ходе выполнения заданий. Стерпев несколько подобных издевок, я задумала отомстить зловредному куратору.

Для теоретических занятий всем нашим шести группам были отведены специальные аудитории на втором этаже, на третьем располагались просторные комнаты, напоминавшие музыкальные гостиные с зеркалами во всю стену и разнообразными музыкальными инструментами. Каждой группе отводился свой зал для занятий музыкой, стихосложением, танцами. Боевая магия изучалась только в закрытых подвальных помещениях, напоминавших древние катакомбы. Говорят, в таких в свое время прятались маги из числа восставших плебеев.

Подземные залы были защищены всевозможными заклинаниями высшего уровня. Каждый из нас, отрабатывая определенные удары, должен был создавать вокруг себя защитную сферу, не позволявшую остаточным магическим зарядам попасть в случайных свидетелей. Держать сферу самостоятельно мы пока не научились, соответственно ее должен был генерировать вокруг студентов преподаватель. Именно этим я и собиралась воспользоваться, планируя месть куратору Вальенте.

В самый первый день занятий нас привели в огромный зал на первом этаже, в котором на многочисленных полках лежал различный магический инвентарь. Преподаватель Демиус Ритьери приказал каждому ученику сделать выбор в пользу одной вещи.

— Вы видите перед собой так называемое магическое оружие — эсканилоры. Многие из вас знают, что при поединке каждый аристократ направляет свой магический заряд в конкретное орудие для ведения боя. Большей популярностью среди мужчин пользуются трости вроде этой.

Голубоглазый блондин-преподаватель прошел к одной из полок и снял с нее изящную резную трость. Я же негромко кашлянула, призывая к порядку пару студенток, которые смотрели на привлекательного мага влюбленными глазами и уже склонились друг к дружке, чтобы пошептаться о предмете своих воздыханий. Поймав мой строгий взгляд, обе мгновенно опустили глаза вниз, а потом не поднимали их выше трости в руках Демиуса.

В тот день я выбрала для себя изящную подвеску в виде огненной птицы на цепочке с крупными золотыми звеньями. Крепление подвески было устроено таким образом, чтобы в подходящий момент легко было сорвать птицу, а после прикрепить обратно.

Бесспорно, в более громоздкие предметы легче направлять энергию, и большинство студентов выбирали именно такие. Многие последовали примеру Демиуса и взяли трости, пара человек обзавелась длинными посохами, две воздыхательницы преподавателя вместо тросточек выбрали более приличествующие леди изящные зонтики, а подобную моей мелкую вещицу не осмелился взять никто. Хотя здесь нечему удивляться, и пускай остальные идут по легкому пути, а я посредством усиленных тренировок овладею способностью управлять подвеской и превращу ее в послушный моей воле амулет.

Таким образом, на наших занятиях боевой магией мы пока обучались направлять энергию в эсканилор, а после пытались переправить удар противнику. Группу, в которую входила я, вел лично наш куратор, он же держал над учениками сферу во время тренировок.

Задумка с местью была очень проста — я собиралась незаметно под прикрытием магического поединка направить заряд не в противника, а в сферу за его спиной, а когда она лопнет, якобы не сдержав магического выброса, можно будет пожаловаться ректору на некомпетентность нашего преподавателя. Если ректор заподозрит, что в силу собственной забывчивости уважаемый Амир Вальенте не успел вспомнить и подобрать достаточно сильное заклинание и подверг опасности здоровье остальных учеников, это станет лучшей местью зазнавшемуся старикану. Списать все на его преклонный возраст — вот лучший вариант. Еще, пожалуй, стоит посочувствовать

немного по поводу того, как старость меняет превосходных магов, которые ввиду слабой памяти не справляются с защитой подопечных.

Занятие началось как обычно. Мы спустились в подвалы и зашли в мрачный зал, вдоль стен которого висели магические шары, освещавшие темное сырое помещение. Куратор велел разбиться на пары. Студенты замерли, ожидая моих указаний, а я быстро прошла вдоль ряда учеников, каждому определяя партнера, затем пригласила в пару Грина Тинкерелло. Он хорошо проявил себя с первых занятий, у него был сильный удар и неплохой магический потенциал. Если биться со слабаком, то потом никто не поверит, что сфера не выдержала. Остаточный заряд должен быть достаточно мощным.

Мы отошли к стульям возле стены и расположились на них, наблюдая за поединком первой пары. Грин выглядел скованным и бросал на меня редкие настороженные взгляды. «До сих пор не верит собственному счастью стать моим партнером», — подумалось мне. Я подарила молодому человеку одобрительный кивок, поправила волосы и перевела взгляд в центр зала.

Две студентки замерли напротив друг друга, и вокруг них возникло слабое серебристое свечение. Девушки вытащили свои эсканилоры. Одна из противниц закрыла глаза, пытаясь сконцентрировать силу и переправить ее в зажатый в левой руке тонкий серебряный жезл, вторая в этот миг активно помахивала зонтиком, очевидно стремясь достичь наибольшей концентрации. Их приготовления вызвали на губах презрительную усмешку, а окрик Амира полностью соответствовал моим мыслям:

— Глаза не закрывать, эсканилорами не размахивать! Наблюдайте за противником, чтобы не пропустить неожиданный удар. Призовите силу, ощутите, как энергия циркулирует по вашим венам. Сделайте глубокий вдох, а на выдохе почувствуйте, как в груди разрастается тепло, — это и есть ваша магическая сила, просто прикажите ей перетечь в ладонь, а из нее в эсканилор. Направьте энергию в предмет!

Девушки старательно задышали, пошире раскрыв глаза и с усилием сжав в ладонях эсканилоры. Среди студентов раздались сдержанные смешки, а преподаватель строго глянул в нашу сторону и конечно же не удержался от замечания:

— Староста Лавальеро, вы в состоянии контролировать вашу группу? Отчего я слышу смех в рядах студентов? Вы не в курсе, что это отвлекает? А может, остальные ученики уже достигли необходимого уровня мастерства? Следите за порядком! Если кто-то будет мешать девушкам концентрироваться, отправится в коридор.

Я только крепче сжала ладони, сдерживая собственную злость на куратора. Ну погоди, немного осталось!

Попытки первой пары провести поединок оказались весьма жалкими. Заряды, посланные в эсканилоры, были настолько слабыми, что, столкнувшись в центре сферы, рассыпались даже не разноцветными искрами, а разлетелись в стороны переливчатыми мыльными пузырями. Я вновь поправила волосы, распрямила плечи, приготовившись к выходу в центр зала, но, как только стала подниматься со стула, противный Амир пригласил другую пару, а я лишь скрипнула зубами от злости. Он намеренно выставляет меня в дурацком свете, и это ему с рук не сойдет!

Я с трудом удерживала на лице бесстрастное выражение, следя за упражнениями студентов и опасаясь лишний раз взглянуть в сторону куратора, иначе он мог прочесть в моих глазах собственный приговор. Только в самом конце занятия старик разрешил нам с Грином сойтись в поединке. Повинуясь кивку Амира, мы прошли в центр зала. Я остановилась ровно в середине начертанного круга, а парень сделал еще пару шагов и неуклюже споткнулся о собственный посох, едва не растянувшись на полу. Противный преподаватель никак не прокомментировал эту оплошность, хотя, будь я на месте Грина, уже бы наслушалась насмешек.

Концентрировать энергию в эсканилоре я научилась хорошо, примерно так же, как и направлять ее в нужную точку. Сперва стоило провести несколько выпадов, а удар в саму сферу направить, когда из-за разноцветных вспышек никто не сможет уследить за потоком энергии. Зажав птицу в ладони, я слегка отвела руку и направила первый энергетический выброс в правое плечо Грина. Парень махнул посохом и поймал молнию вспыхнувшим зеленым светом набалдашником. Заряд рассеялся, как и положено, а поверхность сферы пошла радужными волнами.

Бой продолжился. Я радовалась в душе, что выбрала столь достойного противника. Небольшое сожаление вызывало лишь то, что Грин практически не атаковал, а только отражал мои заряды, и в следующий миг я нарочно опустила эсканилор, призывая парня к ответному выпаду. Студент даже побледнел и беспомощно оглянулся на преподавателя, а тот лишь махнул рукой, разрешая применить ответный удар. Грин крепче сжал руками посох и поднял его повыше. Набалдашник стал переливаться всеми цветами радуги, с него сорвался голубой шар и плавно полетел в мою сторону, что вызвало на губах Вальенте презрительную усмешку, а его голос в который уже раз озвучил мои мысли:

— Что за глупость, Тинкерелло? Вы бьетесь с противником

или производите на девушку впечатление собственным умением запускать разноцветные шары?

Парень стал пунцовым, залившись краской до кончиков ушей, а потом резко выбросил вперед руку с посохом, и я отразила серебристую спираль, рассеяв ее ответным зарядом. С этого момента бой пошел в нужном мне темпе, заряды летели один в другой, а сфера мерцала.

Я вся подобралась, когда наступил определенный момент, сконцентрировалась для удара и изящно отклонилась в сторону, принимая краем эсканилора тонкий золотой луч. В блеске рассыпавшихся искр, помутнивших прозрачную сферу, я очень быстро сделала ответный выпад. Грин даже не успел отреагировать на молниеносный удар, вспыхнувший лиловым зигзагом над его плечом, и тот пришелся точно в сферу. Я крепче сжала пальцами птицу, защита вокруг нас окрасилась в лиловый оттенок, а в зале послышались взволнованные голоса. Сфера все разрасталась, и я уже предвкушала увидеть испуг на лице куратора, когда шар лопнет и лиловые молнии понесутся по залу, а Амиру придется блокировать их все разом, чтобы защитить студентов. Я нисколько не сомневалась, что старик справится с этим, но ведь цель уже будет достигнута.

В этот самый миг раздалось зловещее шипение, а потом лиловый шар лопнул с оглушительным хлопком, но вместо молний распавшаяся защита пролилась на мою голову лиловой дурно пахнущей жижей. Я замерла на месте, поймав пораженный взгляд бледного Грина, и посмотрела на безмолвных шокированных студентов, которые даже не поняли, что произошло, а затем взглянула на своего теперь уже заклятого врага. Как он это сделал? Как изменил заряд сферы? Как догадался о моем намерении? Мерзкий старикан невозмутимо опирался на трость, разглядывая мою лиловую голову.

— Занятие окончено. Вам, дорогая Виолетта, лучше принять душ. Боюсь, что магический способ очищения тела от этой субстанции не поможет убрать неприятный запах. Сделать это нужно побыстрее, если не хотите, чтобы цвет ваших волос в будущем соответствовал вашему имени.

Из-за мерзкого старика мне пришлось срочно бежать в жилое крыло академии и подниматься по ступенькам на четвертый этаж. Амир отпустил нас за пять минут до конца занятия, и только по этой причине на моем пути не встретилось ни одного студента.

Четвертый и пятый этажи были отведены под жилые комнаты девушек и юношей. В каждой комнате была ванная, а отдельные душевые находились в конце коридора. Я, как и большинство истинных аристократов, терпеть не могла общие купальни. Как

можно мыться там, где до тебя принимали водные процедуры сотни других девушек?

С чувством величайшего омерзения я прошествовала к отдельной закрытой кабинке и только сейчас вспомнила, что не имею ни сменной одежды, ни полотенца, ни мыла. А еще, кажется, настал тот самый момент, когда я готова была придушить куратора Вальенте собственными руками, а потом с огромным удовольствием отпинать его хладный труп. Внезапно за дверью раздался звук чьих-то стремительных шагов, и в душевую ворвались три девушки из моей группы.

— Виолетта, мы принесли тебе вещи.

Запыхавшиеся одногруппницы держали в руках большое синее полотенце, запакованный в блестящую бумагу кусочек мыла, а также форменную мантию и длинное зеленое платье.

— Предлагаете мне воспользоваться чужими вещами?

Я презрительно оглядела их подарки, а девушки сконфуженно опустили руки, и одна из них, Селена Винберг, смущенно произнесла:

— Все вещи новые. Это платье мне прислали из дома, и я его ни разу не надевала, а мыло, полотенце и мантию выдают здесь по паре. Никто не использовал эти вещи до тебя.

Скривившись, я протянула руку и приняла их подарки, поскольку выбора не оставалось. Если верить Амиру, краска и запах могли намертво впитаться в кожу, если я буду ждать еще дольше.

— Хорошо. А теперь можете идти. — Я повернулась и шагнула в кабинку, закрывая дверь. Как теперь мне одной совладать с волосами? Служанка всегда сперва наносила на них специальный бальзам и расчесывала кудри, пока они не выпрямлялись. Только так можно было легко вымыть голову, а потом просушить волосы полотенцем, и лишь после нанесения очередной порции бальзама девушка произносила специальное заклинание, благодаря которому волосы высыхали. Уже спустя несколько минут они вновь завивались тугими золотыми кольцами, а служанка укладывала их в прическу.

У меня же с собой не было бальзама, а заклинание я никогда не учила. Как мне вообще мыться? Не звать же в помощницы одну из одногруппниц. Не терплю рядом незнакомых девиц, которые будут помогать мне принимать душ. С горем пополам стянув грязную одежду, я бросила ее на пол и прошла за занавеску.

Когда включила воду, то из медной круглой лейки над головой полилась совсем тонкая холодная струйка, которая постепенно становилась теплее. Кое-как увеличив напор, я стала намыливать ладони. Уже спустя минут пять я проклинала все на

свете, потому что оказалось невероятно трудно не только намылить волосы, но еще и отмыть их. Пальцы путались в кудрях, а противная лиловая жижа с огромным трудом отлипала от кожи. Минут через тридцать моих мучений я услышала робкий стук в дверь душевой кабинки, и голос той же Селены произнес:

— Виолетта, я могу помочь?

— Нет. — Единственное, что смогла ответить я, отплевываясь от лезущей в глаза и рот мыльной пены. Ну погоди, Амир, я еще найду способ отомстить тебе!

Когда я вышла наружу, натянув на себя платье вместе с мантией и кое-как замотав волосы полотенцем, лицо мое пылало от гнева. Одногруппницы ожидали меня за дверью.

— Мы боялись, что-то случилось.

— Почему вы не на занятиях?

— Следующим уроком теория боевой магии у куратора, а его вдруг срочно вызвали по неотложному делу. Он велел всем идти в библиотеку и дал задание, по какой главе подготовить конспект к завтрашнему занятию.

Я облегченно выдохнула и прошла к умывальнику с зеркалом. Хорошо, что не пропустила урок, иначе куратор снова стал бы цепляться и язвить. Когда размотала полотенце, то едва не застонала снова — волосы запутались окончательно. Девушки тут же подскочили ближе и наперебой принялись предлагать свою помощь. Я милостиво позволила Селене прошептать заклинание и подсушить волосы. Две остальные помощницы выбежали из душевой и вскоре вернулись с расческами. Очень осторожно, опасаясь слишком сильно дернуть за золотистую прядь, девушки начали расчесывать мои кудри и провозились с ними не менее сорока минут.

Пришла пора обеда, а они все пытались уложить мои волосы и оттого опоздали в столовую. Я никогда ее не посещала и питалась только тем, что готовили дома и привозили ровно к обеду. Когда наконец прическа была готова, я придирчиво оглядела себя в зеркало и вынуждена была признать, что выгляжу вполне сносно. Только после этого соизволила спуститься вниз. Карета ждала у входа, и с моего разрешения девушки забрали у слуги большую корзину с едой, а в благодарность за их помощь я позволила одногруппницам составить мне за обедом компанию. У нас оставалось около тридцати минут до начала послеобеденных занятий, поскольку еще не закончилось время, отведенное для отдыха студентов.

— Как потрясающе готовят у тебя дома! Что это за чудесное блюдо? — с набитым ртом вопрошала у меня толстушка Дениза.

— Все рецепты я придумываю лично. Это мясо с овощами на

пару. Продукты в его составе подобраны таким образом, чтобы блюдо было не только вкусным, но и полезным. Я предпочитаю диетическую пищу с малым количеством соли, чтобы не портить фигуру.

— У тебя потрясающая фигура, такая стройная, — принялась отвешивать комплименты Жизель, — а кожа белая и нежная.

— Для ухода за кожей существует целый комплекс разнообразных процедур.

— Ты всегда все делаешь правильно, Виолетта. Я никогда не замечала за тобой каких-либо слабостей. Ты столь уравновешенна, даже голоса никогда не повысишь, — заметила Селена.

— Истинная аристократка должна в совершенстве владеть своими эмоциями.

— Но это ведь так скучно! — вдруг высказалась Дениза. — Намного интереснее уметь посмеяться над хорошей шуткой или поплакать над каким-нибудь трогательным событием.

Я только скривилась в ответ на ее слова, а девушка продолжала щебетать:

— И вся наша академия такая скучная и мрачная. Хоть бы бал какой устроили. Уже больше месяца как начались занятия и приняли новых студентов, а это событие никак не отмечалось. В Академии виеров уже провели бал в честь новичков, и такое у них каждый год.

— Неудивительно. Плебеев слишком много, вот они и проводят ежегодный набор, а в нашей академии набирают студентов только раз в три года.

— Тем более это событие стоит отметить.

— Ты предлагаешь нам брать пример с плебеев? — Я пристально вгляделась в лицо побледневшей Денизы.

— Зачем брать пример, — перевела внимание на себя Селена, — мы ведь можем сделать все намного лучше и роскошнее. Кто кроме тебя, Виолетта, мог бы справиться с подобным испытанием? Это своего рода вызов — провести роскошный бал, чтобы даже виеры обзавидовались.

Я поудобнее устроилась на покрывале, сдерживая желание опереться на дерево за спиной. Подобная расслабленная поза не пристала аристократке, спину необходимо всегда держать ровно. Переведя взгляд на зеленую крону над головой, я задумалась. Чтобы организовать по-настоящему потрясающий бал, мне понадобится не меньше месяца. С другой стороны, ректор не должен быть против, подобное мероприятие никак не отразится на престиже академии.

— Полагаю, сперва стоит обсудить этот вопрос с ректором и

куратором, а потом я скажу вам окончательное решение.

— Как здорово! — Девушки так сильно обрадовались, что их оживление даже у меня вызвало улыбку, и ее удалось сдержать с большим трудом.

Глава 3
ХОРОШЕЕ ВОСПИТАНИЕ

Вопреки ожиданиям Зор Анделино воспротивился идее организовать бал. Я зашла в огромный мрачный кабинет после уроков и обратилась к ректору с данным вопросом, заверив, что все хлопоты по организации беру на себя. К собственному неудовольствию, застала в кабинете куратора, который вальяжно расположился на диване, поигрывая своей неизменной тросточкой. Я бы предпочла обсуждать этот вопрос с Зором наедине, присутствие противного старикана, вечно норовящего ставить мне палки в колеса, было принято без малейшего энтузиазма.

— Тратить средства школы на какой-то там бал? — вопрошал ректор. — Зачем отвлекать студентов от учебного процесса? Сейчас половина девушек начнет обсуждать приготовления, и мыслям о занятиях в голове не останется места.

— Студенты полагают, что не мешало бы несколько разбавить атмосферу ежедневной учебы ярким событием.

— Сколько студентов высказалось за эту идею?

Я молча протянула список с именами и подписями. Зор взял его в руки и поморщился, когда свиток развернулся и край его коснулся пола. Пробежав глазами половину имен, ректор вернул список обратно.

— В расходы школы на этот год не включена статья «Организация бала», — отрезал Анделино.

— Магистр Анделино, — внезапно подал голос куратор, для пущей важности упомянув академическое звание ректора, — позвольте же детям повеселиться.

Я взглянула в сторону Амира, пытаясь сдержать собственное удивление, а он вдруг слегка улыбнулся в ответ.

— Виолетта, поскольку вы все затеяли, то и займитесь сбором средств. Если вам это удастся, то бал состоится. А теперь ступайте, у нас с куратором неотложные вопросы.

Я повернулась к двери, а куратор вдруг окликнул:

— Погодите, Виолетта. — Он поднялся с дивана и подошел ко мне, протягивая небольшой серый мешочек, в котором позвякивали монеты. Судя по тяжести, это были настоящие золотые диски. На сей раз даже моего самообладания не хватило, чтобы сдержать удивление, но куратор уже отвернулся и прошествовал обратно к дивану, мне же оставалось только покинуть кабинет.

Чтобы вырученных средств хватило на организацию бала, пришлось задействовать связи моей семьи. Сперва я, как староста, обратилась к студентам из обеспеченных семей, и те внесли свой вклад в организацию кто деньгами, а кто и участием в самом процессе: некоторые студенты нашли хороших музыкантов, кто-то предоставил мне списки декораторов, остальные указали на подходящих учредителей и распорядителей, способных провести подобное мероприятие.

Мне теперь оставалось лично проинспектировать всех кандидатов и выбрать лучших. Предстояло побеспокоиться об угощении, подобрать музыку и танцы, купить необходимые украшения и многое другое. Поскольку денег было недостаточно, мне пришлось провести от имени семьи благотворительный вечер. Правда, на организацию бала я взяла только одну треть собранных средств, остальные были отданы курируемому нашей семьей сиротскому приюту.

Спустя три недели подготовки я была совершенно измотана. Бал уже снился мне ночами, и на нем обязательно происходило какое-нибудь скверное событие, которое портило весь праздник.

За последнюю неделю предстояло подготовиться самой. Я обратилась к лучшей портнихе в городе, у которой и заказала платье. Та была просто невероятно взволнованна, и со стороны могло показаться, будто она не слишком довольна этим заказом, особенно после фразы: «Мисс Виолетта, это большая честь, но за такой короткий срок… может, выберете уже готовое платье, мы лишь подгоним по вашей фигуре. У нас есть совершенно потрясающие наряды, удивительные…»

— Нет, — отрезала я. — Я никогда не ношу готовых вещей, только те, что шьют на заказ. Я сама лучше знаю, какой фасон и цвет больше подходят именно мне. Вы поняли?

— Конечно, мисс Лавальеро. Мне придется привлечь к работе всех мастериц, чтобы уложиться в срок. Вы выбрали слишком сложный фасон, а еще вышивка и…

— Это не моя забота. Именно за работу я и плачу вам деньги. Через неделю все должно быть готово.

С этими словами я покинула салон и направилась в ювелирную мастерскую. Ожерелье, заказанное еще полгода назад, дожидалось меня в атласной коробочке с золотыми застежками. Ювелир должен был изготовить его по специальному эскизу. Я предполагала хранить это уникальное украшение, стоившее баснословных денег, и надеть только на особо торжественное мероприятие, а теперь рассудила, что на балу, подготовленном лично мной, следует появиться именно в этом ожерелье и никаком другом. Я обязана блистать и поразить присутствующих

своим видом, дабы продемонстрировать всем, как должна выглядеть настоящая аристократка.

Мастер открыл коробочку и затаил дыхание, а я склонилась ниже, рассматривая лиловые камни, заключенные в мерцающий радужный металл. Такого украшения не было ни у кого в мире, даже у наследной принцессы! И дело здесь не в цене, а в совершенной уникальности ожерелья.

Никто раньше не догадался, что можно совместить амарил и радужный металл, а также не огранять камень, а просто слегка отшлифовать поверхность, не портя его природную структуру. Амарил, ограненный привычным методом, выглядел нисколько не лучше остальных драгоценных камней, а вот внутри этих овальных лиловых капель можно было заметить совершенно особенные черные искры, которые отличали природный амарил. Только ему приписывали свойства наделять свою носительницу особой прелестью, делать ее еще красивее в глазах окружающих.

Само ожерелье по форме напоминало спираль. Оно располагалось на груди таким образом, что сверкающие капли не соприкасались и блеск каждого камня не затмевал другого, а скорее наоборот, дополнял, делая еще ярче и оттеняя нежность и гладкость кожи надевшей украшение дамы. А самая яркая капля помещалась как раз в ложбинке груди, приковывая внимание к изящному покрою скромного, но вместе с тем соблазнительного выреза.

К большому сожалению, отец не согласился заказать ожерелье, заявив, что оплатить подобную игрушку — это слишком дорогое удовольствие. И тогда я продала его подарок, ту самую замечательную карету, чем вызвала огромное неудовольствие Роланда и заслужила массу поучительных наставлений от матери. Мне пеняли за сумасбродство, неразумную трату всех сбережений (накопленных мной из денег, выделяемых на ежедневные расходы), которые тоже пришлось добавить к уже имеющейся сумме. Впрочем, неудовольствие родителей не портило мне настроения и чудесного предвкушения того, как я сумею затмить всех на балу, а Эрин не сможет оторвать от меня восхищенных глаз.

Я с величайшей осторожностью взяла плоскую коробочку и положила ее в сумочку, крепко прижав ту к груди. Предстояло зайти в последний магазин и выбрать для себя белье, перчатки и чулки, и можно будет отправляться домой. Служанка покорно брела следом по улице, а пара лакеев несла мои покупки. Я как раз проходила мимо стеклянной витрины магазина женских шляпок, когда из двери этого заведения прямо на тротуар вытолкнули седоволосую женщину в лохмотьях.

— Убирайся, попрошайка! Не смей больше позорить мой магазин своим присутствием и клянчить деньги у посетителей! — С этими словами разъяренный хозяин захлопнул дверь, а я уже собиралась обойти распластавшуюся на тротуаре фигуру, когда женщина встала на корточки и подняла голову, столкнувшись со мной взглядом. Я резко остановилась, а попрошайка поднялась на дрожащие ноги и, натянув трясущимися руками шляпу на свои свисавшие грязными сосульками седые волосы, побрела вниз но улице.

— Стой! — крикнула я.

Женщина, будто не слыша, ускорила шаг, а я кивнула слуге, и тот, опустив на тротуар коробки, догнал и ухватил старуху за руку, а потом подтащил ко мне. Попрошайка принялась вырываться, но при этом не произносила ни слова.

— Малия? — спросила я, а женщина лишь опустила голову ниже и потерла лицо грязными ладонями. — Это ты, Малия, я узнала тебя.

— Мисс Виолетта, — раздался старческий шепот.

Малия — няня, которая воспитывала меня, пока мне не исполнилось пять лет. Это сейчас постаревшее и осунувшееся лицо слишком хорошо врезалось в память. В детстве у меня не было никого ближе этой женщины. Она единственная относилась ко мне с любовью и нежностью, потакала детским капризам, по-доброму журила за шалости, скрывала от родителей возмутительные проказы и дозволяла мне плакать или веселиться, когда никто не наблюдал за нами. Мне в то время казалось, что Малия самая замечательная няня на свете. Кроме наших совместных увлекательных игр я обожала те истории, что она сама придумывала.

Я помню однажды, когда Малия, уложив меня в постель, сидела рядом и рассказывала потрясающую сказку о любви простого мужчины и женщины-аристократки, в комнату неожиданно и совершенно неслышно вошла мать. Нянюшка тогда резко замолчала, а потом вдруг пожелала мне спокойной ночи и ушла. На следующий день, когда я проснулась, женщина уже покинула наш дом. Я спрашивала у родителей, куда ушла няня, а они ответили, что она больше не будет у нас работать. Когда же я устроила истерику с требованием вернуть Малию обратно, отец заявил, что такое поведение не пристало дочери аристократа, а мать добавила, что Малия ушла потому, что я слишком капризная особа и веду себя неправильно.

Потом я еще долго вела себя очень тихо, бродила по дому как неприкаянная и не смела повышать голос. Родители даже вызвали врача, опасаясь, что дочь заболела. Доктор осмотрел меня и

заявил, что ребенок абсолютно здоров, и тогда я решилась спросить у родителей, вернется ли Малия теперь, когда я веду себя очень хорошо и правильно. Мне ответили, что няня никогда не вернется и пора уже забыть о ней, а через пару дней отец нанял чопорную и строгую гувернантку. Именно с тех пор я поняла, что необходимо всегда быть лучшей во всем и делать лишь то, что одобряют взрослые люди, ведь только так можно заслужить чью-то любовь и не потерять по-настоящему близкого человека.

Лишь спустя много лет я узнала, что родители просто выкинули Малию из дома безо всяких рекомендаций, уличив ее в том, что она вкладывает в голову ребенка совершенно запрещенные вещи.

— Отпустите, мисс Виолетта, пожалуйста, мне пора.

— Где ты живешь сейчас, Малия? Почему ты в таком виде?

— Все хорошо, мисс. Просто так получилось, что… бывает так в жизни, понимаете? — Она замолчала, а потом тихо добавила: — Мне правда пора идти.

Женщина подняла голову и взглянула мне в глаза.

— Вы такая взрослая теперь, настоящая красавица.

Я отвернулась от нее и сделала слуге знак рукой. Тот достал из кармана сюртука кошелек, а Малия вдруг отшатнулась прочь.

— Я не возьму от вас денег, мисс Виолетта. Я не приму подачки от семьи Лавальеро. — И она вновь бросилась прочь, а я кинулась следом и догнала ее уже на углу улицы, ухватив за грязный рукав и развернув женщину к себе. По ее лицу текли слезы.

— Если не желаешь брать денег, то возьми вот это, — сказала я, вытаскивая из сумочки атласную коробочку, — эта вещь принадлежит мне лично, продашь и сможешь обеспечить свою старость.

Я впихнула в дрожащие старческие ладони коробочку, отвернулась и, не прощаясь, пошла прочь.

Родителей дома не оказалось, они отправились на очередной прием, и я воспользовалась их отсутствием, чтобы написать письмо ювелиру. Пройдя в комнату, быстро составила послание на специальной бумаге. Бумага была очень дорогая и продавалась только в нескольких магазинах города. Их хозяин нанимал лучших магов, которые и создавали для него эти тонкие листы с золотистыми краями. Стоило поджечь такой над пламенем особой свечи и прошептать имя человека, как лист переносился по адресу и возникал прямо перед адресатом.

Все люди в нашем королевстве обладали магией в той или

иной степени. Каждый владел даром в определенной сфере, но не каждый мог раскрыть его и овладеть им в совершенстве. Были среди жителей Амадина и те, кто не имел возможности учиться, а потому нанимался в слуги к богатым аристократам или виерам.

Сила дара также различалась. Например, кому-то дано было создавать волшебную бумагу, а кто-то обладал способностями к телепатии. Таким магам, чтобы услышать мысли другого человека, достаточно было использовать некий предмет, например браслет, кольцо или простую с виду шпильку для волос. Я к телепатам не относилась, да и свой дар пока не развила, поэтому практиковалась в общей магии — ведь дар помогает быть лучшей в одном деле, а общая магия дает возможность овладеть универсальными заклинаниями.

Спустя несколько мгновений после того, как я сожгла письмо над свечой, передо мной появился ответ — всего несколько строчек:

«Ваш заказ доставят вечером. Изготовлю на совесть, никто не отличит подделку от оригинала».

Листок я тут же уничтожила и решила сперва переодеться, а потом заняться делами. Служанка внесла коробки в комнату и стала распаковывать покупки. Понаблюдав за ней некоторое время и убедившись, что девушка кладет все вещи на строго отведенные для них места, я вновь села за стол и приступила к составлению списка студентов, которые собирались посетить бал, чтобы после прикинуть соотношение парней и девушек.

Помимо забот с балом еще предстояло написать трактат по теории боевой магии по теме: «Заклинания, выбивающие из рук противника эсканилор». Вот ведь скука смертная! Однако если я не напишу, куратор живьем съест. Амир Вальенте именно для меня выбирал самые нудные и сложные темы, а остальным давал по-настоящему интересные задания.

Тем же вечером состоялся крайне неприятный разговор с матерью, который я, впрочем, предвидела:

— Виолетта, служанка доложила, что сегодня вам на улице повстречалась Малия. Мне рассказали, ты хотела дать бывшей няне денег, а после еще и догоняла ее, когда та бросилась бежать прочь по улице. Изволь сейчас же объяснить свое поведение.

— Прошу прощения, Эстер, я проявила непозволительную слабость. Мне действительно не следовало догонять Малию, но ведь ты всегда внушала мне, что аристократы должны служить для остальных примером истинного великодушия. Малия

находилась в таком жалком состоянии, что я не могла не проявить к ней сострадание. А когда она отказалась брать деньги и хотела убежать, мне пришлось догнать ее и попытаться воззвать к разуму этой женщины, заверить, что для таких, как она, существуют определенные места вроде домов терпимости, а раз в неделю проводятся благотворительные обеды рядом с городской площадью. Поверь, матушка, если бы не ее совершенно изможденный вид, я бы прошла мимо, как и положено мне согласно занимаемому положению.

— Твое великодушие похвально, Виолетта, но впредь уясни себе одно — к этой женщине ты не посмеешь более приближаться, а сегодня тебе следовало послать слугу, он вполне мог объяснить ей все сам. Ты позоришь нас своими сумасбродными выходками. Отец до сих пор не может отойти от того возмутительного поступка, когда ты продала карету ради ожерелья. Где оно, кстати, ты собиралась забрать его сегодня.

Я молча поднялась из кресла у окна, в котором делала наброски злосчастного трактата, и достала из небольшого сундучка шелковую коробочку, аналогичную той, что лично забирала у ювелира. Открыв крышку, протянула коробочку матери. Она подошла поближе и немного склонилась вперед, рассматривая лиловые капли в радужном блеске переливающегося металла.

— Что же, весьма недурно. После того как наденешь его на бал, мы поместим ожерелье под надежную охрану, это слишком дорогая вещь. И в будущем, дорогая, чтобы не огорчать нас с Роландом, спрашивай разрешения, прежде чем решишься заказывать волшебные вещи.

— Да, мама. — Я покорно склонила голову, а Эстер подошла и запечатлела на лбу поцелуй.

— Отдыхай, завтра у нас визит в общество просветительского чтения, тебе предстоит переписать несколько новых поучительных советов, что сочинила Тиана Реассон. Эта дама невероятно талантлива и пишет по-настоящему полезные вещи, которые пригодятся многим молодым девушкам вроде тебя. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Эстер.

Мать ушла, а я отодвинула пюпитр и откинула голову на спинку кресла. Что может быть тоскливее советов Тианы Реассон? Длиннющие наставительные проповеди, написанные заумными словами, которые мне не только приходилось переписывать в специальную книжечку, но еще и цитировать затем наизусть перед матерью.

Если бы я могла выбирать, то в первую очередь сожгла бы эту

книжку, а потом еще половину книг из нашей библиотеки. В ней даже романов не было, только куча умных или наставительных произведений. С горьким вздохом поднялась на ноги и прошествовала в ванную комнату.

Проведя скучнейший день, начавшийся с визита в читательское общество, а затем посещения нескольких благотворительных организаций и кружка великосветских манер, чья основная цель состояла в распространении среди аристократов правил поведения в обществе, я наконец-то вернулась домой. И вот там меня ждал сюрприз.

В комнате на туалетном столике обнаружился конверт, обычный белый конверт, а в нем письмо. Подобных посланий я не получала уже очень давно, ведь нет необходимости писать что-то на обычной бумаге, когда есть специальные магические листы или иные способы доставлять послания. С любопытством повертев конверт в руках, не обнаружила на нем имени адресата, зато, когда достала письмо, сразу поняла, в чем дело.

«Славная моя девочка» — так оно начиналось. После этих слов не было смысла гадать — славной девочкой звала меня только Малия в далеком-далеком детстве. Я быстро прошла к двери и заперла ее на замок, а затем, устроившись в кресле у окна, снова развернула лист желтоватой бумаги.

«Благодарю тебя за твой искренний и такой великодушный порыв. Столько лет прошло с нашей последней встречи, а ты узнала свою старую няньку. Надеюсь, у тебя не возникнет проблем оттого, что подарила мне это ожерелье. Мне сложно поверить, что люди, выросшие в довольстве, еще способны сочувствовать тем, кому повезло меньше. Поверь, я знаю, о чем говорю. Многое довелось пережить за эти годы и многое довелось увидеть.

Я не буду писать ни о своей давней ненависти к твоим родителям, ни об отношении к остальным аристократам, для которых человек ниже их по положению представляется недостойным внимания. Надеюсь, тебе никогда не доведется испытать того, что выпало на мою долю. Может, благороднее было бы вернуть твой подарок обратно, но сейчас уже поздно. Я показала ожерелье своему хорошему другу, и он объяснил, что подобную вещь нельзя хранить при себе. Он забрал подарок и продал его по частям, все деньги

отдал мне, а потом велел покинуть королевство, что я и сделала.

Сейчас, пока ты читаешь это письмо, я совершаю первое в своей жизни путешествие. Там, в другом месте, у меня будет новый дом и новая, пусть и недолгая жизнь. Спасибо, моя девочка. Прости, что покинула тебя много лет назад среди этих бездушных черствых людей. Мне следовало быть осторожнее, мне следовало лучше следить за тем, что и когда я говорю, и тогда, возможно, мы смогли бы больше времени провести вместе.

Я пыталась хоть разочек увидеться с тобой после, но мне этого не удалось, а наша случайная встреча произошла слишком поздно. Я всегда очень любила тебя. Ты была милым, жизнерадостным и совершенно обычным ребенком, что безмерно удивляло меня, особенно когда я смотрела натвоих родителей. Надеюсь, эти слова не заденут твоих дочерних чувств.

Помни, моя хорошая, если когда-нибудь в жизни для тебя наступят трудные времена, ты всегда сможешь обратиться за помощью к одному человеку — моему замечательному другу, который нередко помогал мне. Я рассказала ему о тебе, а в этот конверт вложила карточку с его именем и адресом. Если будет трудно, не стоит колебаться, обращайся к нему за помощью, он не откажет.

Крепко целую тебя,

твоя Малия».

Я прочитала последние строчки и сжала листок в руках. Как сложно было понять собственные чувства в этот момент. Я вдруг задумалась о тех днях, когда была еще совсем маленькой девочкой и бегала повсюду тенью за веселой нянюшкой, тормоша ее, задавая бесконечное количество вопросов и выпрашивая поиграть со мной в очередную интересную игру.

Воспоминания так поглотили меня, что стук в дверь заставил вздрогнуть от неожиданности. Быстро подскочив из кресла, я подбежала к столику и зажгла свечу, а потом поднесла край бумаги к пламени и положила загоревшийся листок в серебряное блюдце. Лишь когда от послания остался пепел, я прошла к двери и отворила служанке, которая пришла помочь мне приготовиться ко сну. Расчесав мои волосы и заплетя их в толстую косу, девушка помогла мне надеть ночную рубашку. Когда я уже собралась лечь

в постель, служанка подошла к креслу, чтобы забрать с него вещи, и увидела забытый конверт.

— Мисс Виолетта, здесь у вас бумага какая-то.

— Положи на мой стол, к той стопке, что касается предстоящего бала.

— Хорошо, мисс. На конверт похоже. Мне в таких из дома давным-давно письма присылали..

— Это одно традиционное заведение, у них такой стиль — используют только устаревшие вещи.

— Вот ведь диковинно придумали! — С этими словами служанка отнесла конверт на стол, а я, облегченно вздохнув, повернулась на бок, обняла покрепче подушку и очень скоро уснула.

Глава 4
ЗАГАДКА

Последняя неделя перед балом выдалась невероятно насыщенной. На занятиях царило необычайное оживление. Если парни еще старались вести себя более сдержанно, то девушки оказались просто не в состоянии сосредоточиться на скучных и монотонных лекциях, а вместо этого постоянно шушукались.

Только на теории боевой магии всегда был идеальный порядок, так как куратор держал нас всех в ежовых рукавицах. Он хорошо и доступно объяснял темы, но если замечал, что кто-то отвлекается на посторонние вещи, немедленно призывал к порядку. О методах, которые использовал наделенный буйной фантазией старик, можно судить хотя бы по тому лиловому дождику, который он устроил лично для меня. Наши университетские шутники (а были в среде учащихся-аристократов и такие) частенько сокрушались, что им очень далеко до Амира.

Однажды на одной из пар, когда мы старательно скребли в своих записных книжках пишущими палочками, пытаясь не упустить ни слова из речи куратора, он внезапно замолчал. Подняв головы, все посмотрели сперва на стоящего на преподавательском возвышении Амира, а затем, проследив за его взглядом, на пару студентов, которые замерли в весьма странных позах и с очень комическим выражением на лицах.

Как я позже поняла, бедолаги пытались передразнивать манеру старика вести занятие, а он их самым настоящим образом заморозил прямо на середине процесса, отчего те застыли, подобно истуканам, и, будучи в состоянии все видеть и слышать, пошевелиться просто не могли. В конце занятия Амир заявил, что студенты останутся в таком виде до конца учебного дня, и велел нескольким парням из группы переносить горе-шутников на следующие занятия, дабы они не прогуляли ненароком положенные учебные часы.

В конце урока, когда студенты отправились на выход, а несчастных замороженных поволокли на себе их товарищи, Амир подозвал меня к себе. Я гордо приблизилась к возвышению, сдерживая настойчивое желание вооружиться чем-нибудь подлиннее и поострее.

— Дорогая Виолетта (противный старик прекрасно понимал, как раздражает меня подобное обращение, и частенько его использовал), не вы ли давали обещание справляться с возложенными на вас обязанностями старосты? Время идет, а

отбором студентов, которые смогут принять участие в соревновании между школами, вы так и не занялись. Студентки на занятиях болтают только о бале, вызывая неудовольствие других преподавателей. Успеваемость резко понижается. О чем вы вообще думаете?

— Куратор Вальенте, я уже сейчас могу перечислить вам нескольких подходящих, на мой взгляд, студентов, которых нужно будет подготовить к соревнованию. А что касается девушек, то сегодня же я проведу воспитательную беседу и объясню, что праздник не повод пренебрегать занятиями.

— Удивляюсь, почему вы не сделали этого раньше. Похоже, вы сами слишком заняты.

— Бесспорно, приготовления занимают все свободное время, но я не оставляю без внимания и остальные обязанности.

— Что очень странно.

— Что, простите?

— Создается ощущение, дорогая Виолетта, что вы подобны хорошо выдрессированному зверьку, который делает только то, чего от него ожидают другие. У вас самой есть хоть какие-то личные увлечения, предпочтения?

На секунду я растерялась, поглядывая на старика и задаваясь вопросом, не смеется ли он сейчас надо мной, но взгляд проницательных зеленых глаз был серьезен как никогда.

— Полагаю, моя личная жизнь и увлечения никак не связаны с учебной деятельностью и кругом ваших обязанностей как куратора, уважаемый Амир Вальенте, — ответствовала я, наблюдая, как старик вновь презрительно кривит уголок рта.

— Ступайте, Летта.

— Простите? Как вы меня назвали?

— Летта — это сокращенный вариант вашего имени и, по моему мнению, подходит вам намного больше. Знаете, на древнем языке слово «мариолетта» означает «послушная кукла».

Я молча выпрямилась, держа спину так ровно, как только возможно, повернулась к выходу и покинула класс, презрев все правила приличия, требующие от меня сперва вежливо попрощаться с куратором. Мерзкий старикан! Да он переходит все границы!

Сейчас думаю, что, не выведи меня Амир тогда из себя, я смогла бы с достоинством выйти из ситуации, возникшей немного позже, но из-за обидных слов куратора я находилась в совершенно смятенных чувствах и с трудом себя контролировала.

Следующее занятие проходило у преподавателя Демиуса Ритьери, того самого красавчика-блондина, чьей обаятельной

персоной восторгалась половина студенток всего потока. Он вел дисциплину под названием «Теория зачарованных предметов», и одно теоретическое занятие всегда чередовалось с одним практическим. На этом уроке Демиус рассказывал о предметах, способных изменить облик человека. На его столе лежали самые разнообразные вещи: от расшитого разноцветными камнями пояса до странного головного убора, напоминающего приплюснутый сверху конус.

— Эти вещи принадлежали в свое время известным в истории сильным магам. Например, сей пояс, — Демиус подцепил кончиками пальцев пушистую кисточку и поднял пояс вверх, — являлся собственностью известного мага-убийцы Лютоуса Чинкалло. Как вы должны помнить из истории нашего королевства, которую любой уважающий себя аристократ изучает с младшего возраста, Лютоус имел способность оборачиваться великаном, что давало ему возможность бросаться на своих противников и давить их на месте. Прискорбен тот факт, что справиться с ненормальным магом удалось только виеру по имени Атревид Десесператун. Сам Атревид погиб в ходе поединка, но у него получилось уничтожить величайшего злодея тех дней, а этот пояс остался как напоминание. Подобных магических вещей более не изготавливают ни в нашем королевстве, ни в других.

— Преподаватель Демиус, — раздался тонкий голосок одной из самых преданных поклонниц Ритьери, — а если кто-то украдет этот пояс и использует в дурных целях?

— Дело в том, Гинелла, — протянул Демиус томным голосом, вызвав на лице девушки жаркий румянец, — что каждая вещь изготавливалась для конкретного человека. Без связи с хозяином, чьи магические способности взаимодействовали с силой, заключенной в поясе, этот предмет никого больше не обратит в великана. Сейчас это обычная тряпка, не способная причинить вред.

— А как Лютоус смог изготовить пояс? — спросил один из студентов.

— Не он его изготавливал. Пояс делался на заказ, но кем и где, до сих пор остается загадкой. Только очень сильные маги способны взаимодействовать с предметами и зачаровывать их определенным образом. Такие маги редкость во все времена. А теперь запишем с вами классификацию волшебных предметов, меняющих облик человека.

После этих слов Демиуса студенты необычайно притихли и принялись писать под диктовку, а Ритьери прохаживался по рядам между стульями и периодически заглядывал учащимся

через плечо. Когда он проходил мимо меня, то неожиданно наклонился слишком близко и жарко шепнул на ухо:

— Останьтесь после занятия, Виолетта, — а потом выпрямился и как ни в чем не бывало отправился дальше.

Будучи еще под впечатлением от обиды, нанесенной куратором, я никак не могла собраться с мыслями и сообразить, что теперь нужно Ритьери.

Когда лекция подошла к концу, а остальные ученики потянулись к выходу, я осталась сидеть на месте, наблюдая, как Демиус постепенно выпроваживает из аудитории своих поклонниц, окруживших преподавателя веселой стайкой и наперебой задающих ему разнообразные вопросы.

С трудом отвязавшись от последней студентки, Ритьери прямиком направился ко мне и уселся на край стола, расположившись на нем столь вольготно, словно ему там было самое место. Закинув ногу на ногу, преподаватель склонился вниз и начал довольно странный разговор:

— Виолетта, как проходит подготовка к балу?

— Постепенно, уважаемый приор[1] Ритьери.

— О, Виолетта, к чему же столь официальное обращение? Вы можете звать меня просто Демиус. — Преподаватель посмотрел на меня с задумчивой улыбкой, явно ожидая проявления бурного восторга. В ответ я положила подбородок на скрещенные ладони и устремила на него внимательный взгляд.

— Как вы серьезны, Виолетта, всегда столь собранны и прилежны.

— О чем вы хотели поговорить, Демиус? У меня еще много дел.

Преподаватель удивленно приподнял бровь, потом внезапно спрыгнул со стола и склонился вниз. Схватив мою руку, поднес ее к губам и поцеловал.

— Виолетта, я не смею вас задерживать. Я лишь хотел попросить о чести подарить мне несколько танцев на предстоящем балу. Вы ведь не откажете?

— Боюсь показаться невежливой, но я уже пообещала все танцы моему жениху.

— Правда? Но я полагал, что раз Эльмарин Остеус не сможет присутствовать, то вы потанцуете со мной.

— Не понимаю, о чем вы?

— Я встречал на днях вашего жениха, и он говорил о какой-то поездке. Я полагал, что вы в курсе.

Я села ровнее и скрестила на коленях руки, пристально разглядывая деревянную резьбу по краю стола.

— Вы огорчены, Виолетта? — Ритьери вдруг коснулся

кончиками пальцев моего подбородка, поднимая лицо выше, и доверительным тоном сообщил:

— Я постараюсь сделать все, чтобы вы не скучали на балу без вашего жениха. Согласны ли вы подарить мне пару танцев?

Пришлось напрячь последние силы, чтобы удержать на лице вежливую улыбку и не выдать собственной тоски. К горечи обиды примешалось острое чувство разочарования.

— Вы сказали пару танцев? Я не возражаю.

— Превосходно, Виолетта! — С чувством выполненного долга Демиус слегка поклонился и даже помог донести до двери мою изящную сумочку с письменными принадлежностями и книжкой для записей. — Приятного вам дня.

Покинув душную аудиторию, я подошла к раскрытому окну коридора и взглянула на яркий солнечный день. Набрав полную грудь воздуха, затаила дыхание и прикрыла глаза на мгновение, усилием воли отгоняя прочь мысли о том, что Эрин не будет присутствовать на балу, в организацию которого я вложила столько сил. Я ведь так старалась, я очень хотела, чтобы он все это увидел и гордился мной, хотела танцевать с ним весь вечер, а он даже не предупредил о своей поездке.

Внезапно громкие голоса за углом коридора привлекли мое внимание:

— Я его приглашу, ты поняла, мышь белобрысая?

— Да он на тебя, дурнушку корявую, даже не посмотрит. Он будет танцевать со мной!

Быстро завернув за угол, узнала в двух склочницах Гинеллу и Ребекку — самых верных поклонниц голубоглазого преподавателя Ритьери.

— Это ты опозоришься! — кричала меж тем вторая. — По этикету преподавателей нельзя приглашать, только если они сами примут участие в танцах. А Демиус обязательно пригласит меня, на тебя он даже не смотрит!

— Да ты ничего не соображаешь в мужчинах, я ему нравлюсь с самого первого дня!

После этих слов, которые, судя по всему, явились последней каплей, темноволосая Гинелла кинулась на свою противницу и вцепилась той в волосы.

Покраснев от переполнившего меня чувства праведного гнева, я крикнула громче, чем позволено разговаривать настоящей аристократке:

— А ну прекратите немедленно!

— Виолетта! — пискнула Гинелла и отцепила руки от волос противницы.

Раскрасневшиеся соперницы потупили глаза и шумно

дышали.

— Какой позор! Как недостойно вы себя ведете! Повезло еще, что вас не увидел никто посторонний. Вы понимаете, какую репутацию создаете нашей академии своими возмутительными выходками? Кричите здесь, словно плебейки на рынке. Немедленно верните мне пригласительные билеты на бал! Не хватало еще, чтобы вы там передрались за право танцевать с Ритьери!

— Виолетта, прошу тебя, позволь нам потанцевать, пожалуйста, мы так долго ждали этого праздника! — взмолилась Ребекка, а Гинелла стояла рядом и изо всех сил кусала губы, чтобы не расплакаться.

— Нужно было вести себя соответственно. На бал вы не идете! — Я отвернулась от расстроенных девушек и отправилась на следующее занятие. Может, хотя бы это научит их держать себя в рамках приличий.

Уже вернувшись вечером домой, обнаружила на туалетном столике подарок от жениха. В записке, прилагавшейся к темно-синей бархатной коробочке, красивым твердым почерком было написано:

> «Милая Виолетта, невероятно жаль сообщать тебе, что неотложные дела не позволяют мне присутствовать на балу, организуемом тобой в эту субботу. Я должен отлучиться из королевства на пару дней. Навещу тебя, как только вернусь, а пока прошу принять мои искренние сожаления и небольшой подарок, который, я надеюсь, немного смягчит твое сердце и подсластит горечь нашего недолгого расставания.
>
> *Твой Эрин».*

Раскрыв коробочку, я обнаружила в ней лиловые капли амарила, заключенные в радужный металл. Изумительные серьги тонкой работы чудесным образом гармонировали с тем самым колье, что я недавно забрала у ювелира.

Глава 5
ПРАЗДНИК

— Это потрясающе!

— Просто великолепно!

— Совершенно изумительно, Виолетта!

Такие возгласы я слышала со всех сторон, медленно обходя бальный зал. Все вокруг сияло и сверкало в ослепительном блеске магических кристаллов. Осматривая критическим взглядом убранство самого большого танцевального зала академии, я придирчиво оценивала не только украшения, но и удобное расположение столов с угощениями, рассадку музыкантов, расстановку небольших диванов для тех, кто пожелает отдохнуть от танцев. Даже мой взыскательный взор практически не находил, за что зацепиться.

— Вы довольны услугами нашей фирмы, мисс Виолетта?

Я обернулась к декоратору — молодой женщине, которую сама же наняла, выбрав из тридцати кандидатов. Ее фирма была небольшой, но то, как владелица вела свои дела и более чем ответственный подход к организации, плюс учет всех пожеланий клиента без малейших попыток оспорить, — все это сыграло в пользу именно «Блеска» (так называлось заведение мисс Памелы, единственной женщины-декоратора из предложенных мне на выбор кандидатур).

— Вы замечательно справились со своими обязанностями.

— Боюсь, здесь моих заслуг меньше, чем ваших. У вас определенно талант в том, что касается организации подобных мероприятий. Ведь мы работали строго согласно вашему плану.

— Благодарю за похвалу.

— Я совершенно искренна, мисс Виолетта. Имей я такую возможность, непременно предложила бы вам работу в своей конторе.

— Вы забываетесь, мисс Памела.

— Ни в коей мере. Поверьте, я крайне взыскательна к своим сотрудникам. Пусть это не выглядит комплиментом в ваших глазах, но я лишь хотела подчеркнуть ваше мастерство. Зал выглядит изумительно. — Она обвела рукой сияющее пространство вокруг нас, а я в сотый раз окинула взглядом увитые плетистыми розами стены.

Яркие цветы магических растений мягко сочетались оттенками розовых, малиновых, красных тонов — один плавно перетекал в другой, образуя общую цветовую гамму праздника.

Зеленые стебли обвивали искусственные золотые колонны из гипса, установленные вдоль стен, между которыми стояли мягкие диваны, обтянутые темно-синим шелком.

Стремясь придать празднику больше шарма, я заказала магические кристаллы, которые по цене намного превосходили обычные световые шары, но и свет, излучаемый ими, был гораздо ярче, а грани кристаллов, зависающих в воздухе, изумительно переливались радужными оттенками. Паркет повторял цветочный рисунок, и его цвет соответствовал тону стен. Оркестр располагался на небольшом острове посреди искусственного озера, вокруг которого должны были танцевать пары, и блеск этого озера отражался в зеркальном потолке, как и сияние кристаллов и глянец золотых колонн.

Честно говоря, я совершенно не любила розы, но никому не призналась бы в этом. Роза — самый аристократичный и изысканный цветок на свете. Никто бы не понял, организуй я праздник и укрась все вокруг нежными веточками сирени. Пусть ее аромат не уступает запаху роз, но больно непритязателен этот скромный цветочек. Ведь мужчины не дарят своим возлюбленным сирень. Для демонстрации сильных чувств намного лучше подходят унизанные острыми шипами прекрасные и опасные растения, чью красоту даже в поэмах воспевают.

Участники бала все прибывали. Девушки входили под руку с кавалерами или в сопровождении подруг. Пришлось сделать несколько дополнительных приглашений для женихов и поклонников, иначе партнеров по танцам всем бы не хватило.

В этом году при наборе в академию девушек оказалось больше. Многие сыновья из аристократических семей предпочитали академии магии военные казармы при королевском дворе. Хотя хороший маг всегда ценился выше обычного (пусть и на службе у короля) гвардейца, зато учиться там было проще и, наверное, интересней для мужчин. Оно и понятно, их влечет оружие, тренировочные бои, испытательные полигоны, где можно дать волю собственной силе, ярости, желанию показать свое превосходство.

Наряды дам и кавалеров отличались определенной строгостью согласно принятым в высшем обществе правилам. Однако многие девушки умудрились несколько занизить зону декольте, выбрать юбки попышнее, чтобы подчеркнуть талию, а несколько студенток даже оголили плечи, заказав платья без рукавов и прикрыв верх лишь легкой полупрозрачной материей. Я недовольно глянула в их сторону, но отвернулась, не сказав ни слова. Сегодня сделаем небольшое послабление в честь бала, но если нечто подобное будет иметь место в стенах академии, то я

им не завидую.

Второй причиной данной уступки было то, что я тоже позволила себе слабость и заказала для бала платье лавандового, а не розового цвета, хотя именно второе больше подходило под тематику вечера и именно красные, розовые и даже пурпурные оттенки преобладали в туалетах девушек.

Платье с плотно облегающим лифом имело небольшой вырез, открывавший ложбинку между грудями, где и покоилась капля фальшивого амарила. Низ расходился легкими волнами при каждом движении, а материя начинала переливаться всеми оттенками сиреневого. Создавалось ощущение, будто это прохладный ручеек струится вдоль моих ног, настолько невесомой и мягкой была ткань. Я ощущала себя королевой праздника. Пусть ожерелье было поддельным, зато серьги настоящими, и магия камня работала совершенно потрясающим образом: когда я проходила мимо, мужчины оборачивались вслед.

Лишь три обстоятельства портили этот чудесный вечер: во-первых, Эрин все-таки уехал из королевства, хотя я до последнего надеялась, что он изменит время поездки и посетит бал; во-вторых, противный старикан Амир Вальенте присутствовал здесь на правах куратора; ну а в-третьих… Третье обстоятельство внезапно выросло на моем пути недалеко от увитой зелеными стеблями колонны, при этом вид оно имело настолько щегольской, что я невольно замедлила шаг, окидывая взглядом высокую фигуру Демиуса Ритьери.

Преподаватель нарядился в свободную синюю рубашку, атласный жилет сапфирового цвета, свободного покроя темно-синие брюки и такой же фрак. Ярким пятном в этой гамме ультрамариновых оттенков являлся бордовый шейный платок с небрежно завязанным узлом. На ногах нашего университетского франта оказались черные лакированные туфли. Если бы я не владела собой в совершенстве, то непременно открыла бы рот, но вместо этого чинно присела перед преподавателем в некоем подобии реверанса и протянула для поцелуя руку.

— Виолетта, вы подобны хмельному вину, при взгляде на вас голова идет кругом, а блеск глаз пьянит и… — Демиус выдержал паузу, а потом понизил голос и добавил: — И притягивает неимоверно.

— Я не желала бы стать причиной вашего быстрого опьянения, Демиус. Иначе вам придется покинуть бал раньше времени.

В ответ мужчина лишь обольстительно улыбнулся:

— Несмотря на молодость, вы весьма искусны в придворной науке, Виолетта. Умеете дать отпор зарвавшемуся поклоннику?

— Вы относите себя к моим поклонникам, Демиус?

— К самым пылким, очаровательная Виолетта! Не желаете ли станцевать?

— Благодарю за приглашение, но только после первого танца, — промолвила я, отчаянно пытаясь найти благовидный предлог и отвязаться от настойчивого кавалера, чтобы он не вытянул меня на середину зала на глазах у всех. Пусть я дала обещание, но открывать бал с этим мужчиной было бы слишком опрометчиво.

Взгляд, обежавший собравшихся, выхватил на диване в углу нашего куратора. Амир сидел, положив ладони на набалдашник своей любимой трости, и задумчиво наблюдал за оркестром. Вот оно! Чудесная возможность! Мало того что отвяжусь от Ритьери и открою бал с куратором, что гораздо приличнее, так еще и насолю старикану, который явно опозорится, когда ему придется отплясывать у всех на виду эльтареллу.[2]

Изящно отвернувшись от Ритьери, я направилась прямиком к куратору и остановилась возле дивана, пытаясь привлечь внимание Амира.

— Виолетта?

— Куратор Вальенте, окажите честь открыть со мной бал?

— Мм… — Старичок определенно растерялся. — Здесь столько кавалеров, очаровательная Летта, зачем вам в партнеры такой старик, как я?

— Именно вы помогли празднику свершиться. Но если здоровье не позволяет, то я не смею более вас тревожить, — едва ли не сквозь зубы промолвила я, разозлившись, что он вновь назвал меня Леттой, а после добавила с притворным вздохом: — Придется отыскать партнера, который в состоянии сделать несколько танцевальных па по залу. Приятно вам отдохнуть здесь, в уголке, куратор Вальенте.

Я немного присела перед стариком, а он в этот миг рассматривал меня, и я отчетливо увидела, как в уголках его губ промелькнула усмешка. Внезапно куратор поднялся на ноги, положил свою трость на диван и поклонился, протягивая мне руку. Я машинально вложила в нее ладонь, озадаченно поглядывая на деревянный атрибут.

— Вам не понадобится ваша трость, куратор?

— Не тогда, когда я собрался сделать несколько па по залу с очаровательной партнершей. — С этими словами Амир повел меня в центр к самому озеру. Я подняла руку, подавая знак музыкантам, и воздух наполнился чарующими звуками мелодии. Медленный проигрыш дал нам время занять места напротив друг друга, а на лице куратора в этот миг мелькнуло на редкость

хитрое выражение, которое мне совершенно не понравилось. Неужели догадался, что я задумала?

Амир Вальенте поклонился, но, выпрямляясь, отчего-то коснулся ладонью поясницы. «Старость не радость, дорогой куратор, совсем ревматизм замучил?» Я изящно присела в реверансе, опуская глаза в пол. Начиналась красивая игра двух танцоров.

Прекрасный танец эльтарелла предполагал ухаживание — партнер ступал вокруг дамы, добиваясь ее внимания, а партнерша отворачивалась и кокетничала, и все это было завуалировано искусными и непременно плавными движениями. Куратор двинулся вокруг меня, а я медленно поворачивалась, но руки не подавала.

К берегу озера стали выходить остальные пары, и все они повторяли хорошо заученные движения. Все шло так чинно и мирно, так плавно, а потом вдруг оркестр сделал резкий переход, и музыка грянула, словно гром, весь зал сотрясся от мощных аккордов, и ритм понесся, будто резвый скакун. Вслед ему сорвались с места девушки, стремясь скрыться от настойчивых поклонников, но были пойманы за руку, и еще один, но уже стремительный оборот вокруг своей оси, и… и мерзкий куратор пребольно наступает мне на ногу, вырвав тихое: «Ох!» Я запинаюсь и падаю назад, а Амир ловит меня у самого пола и снова застывает, ухватившись за поясницу.

Ах, если бы я только могла, я вырвала бы сейчас клок этих седых волос! Ужасно даже представлять, как комично я смотрелась со стороны, зависая у самого пола, без возможности выпрямиться потому, что мерзкий старикан мешал мне это сделать! С кряхтеньем куратор наконец разогнулся, а потом повел меня в танце дальше, а темп все нарастал, движения становились резче, партнеры ухватили девушек под локоть и повели по кругу, совершая небольшие подскоки. Куратор тоже подпрыгивал рядом со мной и будто нарочно делал это столь забавно (в отличие от изящных подскоков других танцоров), что я едва сдерживала смех и кое-как могла уследить за собственными движениями. Я уже мечтала, чтобы танец поскорее закончился.

И вновь партнеры взяли девушек за руки и стремительно закружили. Амир настолько быстро провернул меня вокруг собственной оси, что я сделала несколько лишних вращений, и голова пошла кругом, а в следующий миг мне отдавили уже вторую ногу, а потом, крепко ухватив за талию, Вальенте поволок меня сквозь ряды танцующих, будто сорвавшийся с якоря буксир.

В своем стремительном танце мы сбили по дороге несколько пар, но я даже извиниться не успела. А когда при заключительном

аккорде внезапно взлетела, то с огромным трудом сдержала крик ужаса, потому что куратор не просто поднял меня за талию, а подбросил вверх, и потом, когда я уже простилась со всем белым светом, едва успел подхватить. Поставив меня на дрожащие ноги, Вальенте поклонился и — ну какой же мерзавец! — вежливо мне улыбнулся и поблагодарил за танец. Я с трудом переводила дыхание, а он даже не запыхался. Чертов маг! Наверняка весь свой резерв задействовал, чтобы устроить мне эту прилюдную взбучку! Все равно доберусь до тебя когда-нибудь!

Я позволила куратору проводить себя к злополучному дивану. При этом маг старательно делал вид, что безумно устал, и едва ли не повис на моей руке, отчего создавалось впечатление, будто это не он меня, а я его провожаю. К тому же Амир все сокрушался, что годы уже не те, а молодежь нынче предпочитает только веселые пляски, в его же времена танцы были совсем другими.

Затем он вдруг принялся вещать о временах своей молодости, о своей семье и о том времени, когда сам учился магии, и мучил меня подобным образом последующие полчаса, поскольку прервать вдруг разговорившегося куратора на полуслове или просто уйти было бы верхом невежливости и нарушением всех приличий. Наконец, улучив момент, когда Амир переводил дух после очередной длинной тирады, я быстро проговорила:

— Боюсь, мне пора. Я пообещала танец Демиусу Ритьери.

Сам преподаватель в этот миг проходил недалеко от дивана, бросая на меня многозначительные взгляды.

— А-а-а, ну идите, идите. Я все понимаю, вам, молодым, нет дела до нас, стариков. Гораздо интереснее проводить его со всякими там Демиусами. — Старик вздохнул, а потом пробурчал себе под нос: — Смертельно унылый пижон.

У меня от удивления даже глаза округлились.

— Что?

— А?

— Вы только что назвали преподавателя Демиуса пижоном?

— Да что вы, Летта, вам послышалось. Я сказал: «Старый уклад уж смешон». Вы идите, идите, танцуйте.

Запрятав подальше собственное возмущение, я отступила от старика и вскоре уже выходила на танец с мгновенно оказавшимся поблизости Ритьери.

Демиус танцевал, бесспорно, очень хорошо, никаких тебе отдавленных ног, головокружения или непредусмотренных полетов. Вот только глаза его так подозрительно блестели, и руку мою он сжимал слишком сильно. А горячая ладонь на талии, казалось, готова прожечь платье.

Я танцевала, старательно считая про себя шаги, потому что только это помогало сохранять невозмутимое выражение лица. У меня возникла стойкая уверенность, что я подобна праздничному блюду, которое преподаватель задумал сегодня отведать. Стремясь спасти все самое ценное, а именно мою честь и репутацию, я подарила Демиусу пару танцев и категорически отказалась танцевать дальше, отговорившись усталостью. Вот только один момент я не учла — Ритьери тотчас же воспользовался моей отговоркой и отвел меня за руку к раскрытому окну.

— Здесь вы сможете подышать свежим воздухом, это приведет вас в чувство, — вымолвил преподаватель.

Я выглянула в тихую звездную ночь. Окно было высоким — почти до пола. Одна из причин, почему я выбрала именно этот зал — в нем единственном были такие широкие окна, которые пропускали достаточно воздуха. Два проема разделялись столбиком, оплетенным зелеными листьями, а в качестве занавески использовались гирлянды из крошечных розовых бутонов. Я отодвинула в сторону несколько гирлянд, вдыхая ночную прохладу, а в следующий миг оказалась уже снаружи.

Демиус ловко и невероятно быстро вытащил меня через окно на крошечный балкон с очень низкими перилами. Балконы эти выполняли чисто декоративную функцию, поэтому стоять на них можно было, только прижавшись к стене и почти вплотную друг к другу.

От испуга я прилипла к холодной каменной кладке рядом с оконным проемом, а преподаватель склонился надо мной, поймав в капкан сильных рук. Я уже знала, что последует далее, а потому не решалась поднять голову, но пальцы Демиуса цепко ухватили за подбородок, и преподаватель меня поцеловал.

Как и в танцах, в поцелуях Демиус был безупречен, все настолько выверено и так профессионально, что я понять не могла, то ли меня действительно целуют, то ли пытаются обучить самой технике поцелуя. Это было приятно, но не хватало эмоций или взрыва чувств, голова не кружилась, и даже дрожи в теле я не ощутила. Когда Ритьери наконец выпустил меня, с улыбкой глядя в глаза, я размахнулась и со всей силы влепила ему пощечину.

Мужчина резко отшатнулся, но не рассчитал, что позади низкие перила, запнулся о них и упал спиной вниз. Я в ужасе закрыла ладонями рот, склоняясь вперед и глядя на распластавшегося на земле преподавателя. Это же второй этаж! А если он сломал себе что-нибудь?! Демиус лежал неподвижно, и в сердце стала закрадываться паника. Я быстро переступила через низкий подоконник, возвращаясь в зал, и не нашла ничего лучше,

чем направиться к памятному дивану. С улыбкой раскланиваясь с окликающими меня знакомыми, я быстро приблизилась к куратору.

— Виолетта? Что, еще один танец?

— Нет-нет, куратор. — Я с улыбкой присела рядом на диван и слегка склонилась к удивленному Амиру. — Там преподаватель Ритьери выпал из окна, — все так же улыбаясь, прошептала я.

Выражение лица куратора резко изменилось, с него внезапно сошло добродушное выражение, а взгляд стал жестким.

— Сам упал?

— Я дала ему пощечину, он оступился и… теперь лежит и не двигается.

— Виолетта, вы…

— Виолетта! — прервал нас голос ректора. — Как вы очаровательны сегодня!

— Господин ректор, — я улыбнулась и спрятала дрожащие пальцы в складках юбки, — вы все же нашли время посетить бал?

— Не мог проигнорировать ваше приглашение. Должен признать, вы великолепно все устроили. Не хотите ли потанцевать?

Я перевела взгляд на куратора, а тот уже снова добродушно мне улыбался.

— Конечно, потанцуйте, Виолетта, а я пока пойду прогуляюсь, что-то в зале душновато.

Много времени прошло после ухода куратора, а он все не возвращался. Я старалась вести себя как ни в чем не бывало, но слишком часто поглядывала на дверь, а в конце концов не выдержала, проскользнула на злополучный балкон и со страхом посмотрела вниз: там было пусто.

Осознав, что танцевать совершенно не тянет, я подошла к чаше с хмельным лимонадом — этот прохладительный напиток содержал в себе небольшую долю алкоголя и придавал мыслям приятную легкость, помогая расслабиться. Когда я допивала второй по счету фужер, позади раздалось:

— Не нальете ли мне, Виолетта?

Рука дрогнула, и ярко-оранжевый лимонад едва не пролился на мое платье. Ну зачем так подкрадываться?

— Конечно, куратор Вальенте, — невозмутимо ответила я, протягивая ему полный бокал. — Ну как себя чувствует преподаватель Ритьери? — с кажущимся спокойствием задала мучивший меня вопрос.

— Вполне сносно для человека, получившего перелом лучевой кости.

Я поднесла к губам бокал, скрывая ото всех выражение лица, потому как невероятно трудно сейчас было совладать с эмоциями. Первая мысль была: «Он жив!», а вторая: «Перелом, что мне за это будет?»

— Полагаю, кости срастутся быстро. Он ведь маг.

— Полагаю, так, — ответил куратор, пристально глядя на меня.

Я вдруг сообразила, что из-за собственного волнения совершенно забыла его поблагодарить.

— Благодарю вас, куратор Вальенте, за вашу помощь.

— Обращайтесь, Виолетта. Всегда к вашим услугам. Как только надумаете выкинуть очередного поклонника из окна, сразу же зовите меня, а еще лучше предупредите заранее, чтобы я подготовился.

— Это вышло случайно, он позволил себе поцеловать меня без разрешения.

— А с чего он вообще захотел вас поцеловать? Или правильнее будет спросить, что заставило вас нацепить на себя украшения из амарила? Не для того ли, чтобы соблазнять возможных поклонников? А теперь вы сетуете на то, что он вас, видите ли, поцеловал?

Мне захотелось объяснить, как Ритьери проявил свой интерес до бала, но я вдруг поняла, что это будет выглядеть так, словно я оправдываюсь, хотя ни в чем не виновата. Пришлось ответить холодно и со всем достоинством:

— Амарил не рождает страсть в сердце, он лишь придает хозяйке большую привлекательность…

— Которая рождает страсть сама по себе. Знаете что, мисс, поезжайте-ка вы домой, пока я вас тут прилюдно не выпорол за эту вашу всезнательность и поучительный тон!

Я ничего не ответила и отвернулась. Он помог мне сегодня, а значит, я промолчу. Пусть так, поеду домой, все равно вечер испорчен безвозвратно. Ну почему куратор такой противный старик?! Я ведь была ему так благодарна, а он снова все испортил!

Глава 6
КАК ТЯЖЕЛО БЫТЬ ПРАВИЛЬНОЙ

Более мы с куратором к данной теме не возвращались, и отношения наши не слишком переменились. Ритьери временно заменял другой преподаватель, а я с волнением ожидала, когда Демиус вернется.

Спустя несколько дней после бала из соседнего королевства приехал Эрин. Он нанес нам визит, и родители даже оставили нас на несколько минут наедине. Я чувствовала себя отчего-то скованно, хотя раньше всегда невероятно радовалась редким появлениям жениха. Возможно, свою роль сыграл тот поцелуй на балконе, о котором я решила промолчать.

— Тебе понравился мой подарок, Виолетта? — спросил Эрин, приблизившись ко мне со спины и положив руки на талию.

— Изумительный подарок. Жаль, что ты не смог присутствовать на празднике. Подарок предназначался именно тебе.

— В моих глазах ты всегда привлекательнее других женщин, — ответил Эрин, развернул меня лицом к себе и коснулся губ легким ласковым поцелуем, пробудившим в душе грусть и нежность.

— Мне пора, — вздохнув, прошептал он.

— Да, понимаю. Как всегда, много дел.

Эрин склонился и поцеловал мою ладонь, а потом нежно сжал тонкие пальчики и ушел.

Жизнь закрутилась в привычном ритме. Гимнастика и верховые прогулки по утрам, холодный душ и легкий завтрак, а затем учеба. Я старательно училась сама, но при этом не менее пристально следила за успеваемостью остальных студентов. Я выделила нескольких человек со всего потока, которым предстояло пройти ряд испытаний. Тех, кто справится со всеми заданиями, мы отберем для предстоящих соревнований.

Среди лучших был и мой партнер по боевой магии Грин Тинкерелло, и казалось, что он вполне мог претендовать на должность капитана нашей команды. Однако все списки согласовывались с куратором, который лично вычеркивал кандидатов и не забывал при этом сделать какое-нибудь гадкое замечание вроде: «Вы и этого сюда включили? Создается ощущение, что вы просто наугад перебираете всех студентов, Виолетта».

Я уже давно уяснила, что спорить и пререкаться с Амиром

себе дороже, гораздо больше его злило мое холодное молчание, в такие моменты он обычно называл меня Леттой. Однако наше безмолвное противостояние не влияло на учебный процесс и мои собственные успехи. Ректор несколько раз даже лично выразил благодарность за то, как хорошо я справляюсь с обязанностями старосты.

У меня появилось несколько тайных поклонников, которые оставляли записки с цветами в самых неожиданных местах. Девушки старались подражать мне, и я невольно ввела в академии моду на одежду сиреневых тонов. Кто-то даже предложил изменить черный цвет мантий на сиреневый, но я посчитала, что это будет слишком.

Все шло своим чередом, пока два события не изменили спокойное течение моей жизни. Во-первых, вернулся преподаватель Демиус, здоровый и невредимый, вот только отношение его ко мне изменилось на совершенно противоположное, и вскоре его предмет стал самым нелюбимым из всех. Ритьери задавал самые сложные задания, постоянно искал ошибки в моих ответах, язвил и пытался всячески меня унизить. Я стойко сносила его отношение, делая вид, что меня оно совершенно не волнует. Все обаяние голубоглазого ловеласа отныне предназначалось другим студенткам, и только я стала исключением из правил.

Второе происшествие было косвенно связано с Ритьери, и именно оно сломало наше с куратором хрупкое перемирие.

Случилось все в один из мрачных и хмурых дней, когда за стенами академии шел дождь и завывал пронизывающий ветер, от чего само здание становилось еще более неуютным. После обеда я собиралась отправиться в аудиторию, в которой по расписанию у нас должны были проходить занятия по магическому анализу. Вспомнив, что в прошлый раз не всем хватило магических дощечек, на которых гораздо удобнее составлять различные формулы, я пошла в небольшой чулан, где хранился учебный инвентарь.

Потянув за дверь, обнаружила, что ее заклинило изнутри. К счастью, я тратила все свободное время на изучение дополнительного материала помимо общей учебной программы, а потому легко вспомнила подходящее к этому случаю заклинание. Раздался легкий щелчок, дверь отворилась, а я застыла на месте. Глазам предстало такое, от чего более чувствительная барышня упала бы в обморок.

В полутемном чулане помимо инвентаря обнаружился преподаватель Ритьери собственной персоной, сжимающий в объятиях Селену. Ноги девушки располагались вокруг талии

мужчины, юбки задрались до самых плеч, а Демиус стоял со спущенными штанами в одном нижнем белье.

Мой шок не описать никакими словами. Что за вопиющее поведение в стенах академии?! Ведь Демиус преподаватель, а Селена студентка! Да как она могла? Она ведь одна из лучших учениц! Пусть девушка бывала порой излишне эмоциональна, но при этом отличалась прекрасными манерами, и я испытывала к ней искреннее расположение, нас можно было назвать почти подругами. Как могла она вытворить такое!? В этот миг Ритьери пошевелился, и это движение вывело меня из состояния шока. Резко захлопнув дверь, я поспешила к ректору.

В приемной секретаря на месте не оказалось. Чуть поубавив пыл, я постучала в дверь ректорского кабинета, услышала: «Войдите», и ужасно удивилась, застав в комнате куратора Вальенте.

— Ректор Анделино вышел, — пояснил Амир, — у вас какие-то вопросы, Виолетта?

— Я желала бы обсудить их именно с ректором.

— Тогда ждите, — указал куратор на соседнее кресло.

Однако сидеть я была не в состоянии, а потому прошла сперва к окну, затем к книжным полкам, потом снова к окну.

— Впервые замечаю у вас подобное волнение, Виолетта, вы даже на падение Ритьери реагировали гораздо спокойнее.

— Вы путаете волнение с возмущением, куратор Вальенте.

— И чем же вы столь возмущены?

Я повернулась к Амиру, раздумывая, стоит ли рассказывать ему обо всем. А впрочем, почему бы и нет? Все равно этот вопиющий случай скоро станет достоянием общественности. Молчать о подобном точно нельзя. Постаравшись не краснеть в процессе рассказа, я подробно изложила Амиру суть происшествия.

— Я обязана доложить ректору. Этот случай необходимо предать огласке, а посмевшим вести себя подобным образом определить строгое наказание!

— Допустим, я согласен в вопросе наказания Ритьери, но девочку стоит пожалеть.

— Пожалеть? Да вы себя слышите? Вы предлагаете потакать разврату в стенах аристократической академии? Это ведь не какая-нибудь виерская академия — истинная обитель порока, — это святая святых, где проходят обучение дети верхушки нашего общества. Именно аристократы являются оплотом морали и нравственности в королевстве Амадин! А вы хотите, чтобы Селене это сошло с рук? Она нарушила главное правило поведения в обществе — женщина обязана хранить свою чистоту до свадьбы,

обязана беречь свою честь и репутацию, иначе она не имеет права вращаться в великосветском обществе!

— Виолетта, я с какой-то стороны понимаю ваше возмущение, но хотя бы попытайтесь понять. Есть в нашей жизни чувства, способные кардинальным образом менять мировоззрение. Страсть — одна из таких эмоций. Она затмевает разум, рушит все запреты, именно она в данном случае явилась, как вы выразились, причиной нравственного падения Селены.

— Она должна была держать себя в руках!

— Но ведь не всем повезло родиться с куском амарила в груди вместо сердца, как вы считаете?

— Что?!

— Просто поставьте себя на ее место. У девочки очень непростые отношения с родными, она сильно переживала по этому поводу в последнее время, а Ритьери, как я понимаю, воспользовался ситуацией в своих целях…

— Знаете, куратор Вальенте, я действительно не в состоянии вас понять. В моей семье никогда не позволялось даже думать о подобных вещах, а уж о том, чтобы это сотворить!.. Отчего же Селену этому не научили, ведь ее родители аристократы?

Я вся пылала праведным гневом. Поведение куратора и его слова возмутили до глубины души. Наш спор достиг наивысшей точки именно в тот момент, когда в кабинет вернулся ректор.

— Что здесь происходит? — тут же поинтересовался глава академии, взирая на раскрасневшуюся меня и побледневшего куратора, который поджал губы так, что они превратились в тонкую полоску.

— Ну что же, Летта, вперед, докладывайте о возмутительном происшествии, — промолвил Амир, потом поднялся с дивана и покинул кабинет.

Новость об отношениях Демиуса и Селены облетела всю академию. Родители студентов возмущались распущенностью нравов современной молодежи и тому, что подобное имело место в стенах учебного заведения. Ритьери уволили буквально на следующий день, многие родители требовали исключить и Селену тоже, но куратор Вальенте стоял за девушку горой, и даже ректор в итоге согласился с его доводами.

Я не желала видеть бывшую подругу, но однажды нам довелось столкнуться в коридоре. Я едва узнала бледную, словно разом похудевшую до размеров тростинки Селену.

— Виолетта, — кивнула она мне.

Я хотела гордо пройти мимо, как поступали остальные ученицы, но что-то в ее глазах заставило меня остановиться.

— Селена, думаю, нет смысла интересоваться, как ты поживаешь. Я полагаю, ты уже осознала всю глубину собственного проступка?

— Ты не понимаешь, Виолетта, ведь я люблю его, и мы собирались пожениться в конце учебного года.

— Отчего же ты не подождала до свадьбы? Если бы она свершилась, конечно.

— Она бы свершилась! Он тоже любит меня! А теперь ему пришлось… пришлось уехать, скрываться от позора…

— Почему же он бросил тебя одну, если любит? Ведь тебе сейчас самой приходится расплачиваться за ваш совместный позор.

— Он… он вернется, обязательно вернется. Виолетта, мои родители, они не отвечают на письма, а вчера ректор вызвал меня к себе в кабинет и сказал, что они настаивали на моем исключении из академии. Я… я хотела попросить, пожалуйста, напиши им письмо. К тебе они прислушаются, они всегда ставили тебя в пример еще с того дня, когда ты выступила перед вновь набранным потоком студентов. Прошу, пожалуйста.

— А что мне им написать? — ответила я. — Что они неправильно воспитали собственную дочь?

Селена закрыла лицо руками и заплакала, а потом бросилась бежать прочь по коридору, пока не скрылась за поворотом. Я проводила ее взглядом. Отчего-то на душе было необычайно мерзкое чувство, словно я поступила неправильно. Но ведь меня с самого детства учили пресекать порок на корню, прежде чем он разрастется, подобно снежному кому. Только именно сейчас эти прописные истины, усвоенные едва ли не с самого рождения, совершенно не убеждали меня в правильности содеянного.

Вечером я все-таки написала письмо родителям Селены и попыталась обвинить во всем Ритьери, охарактеризовав девушку как невинную заблудшую овечку, которой не посчастливилось повстречать на своем пути истинного искусителя. Отправив послание, я легла спать.

На следующий день, едва я пришла в академию, застала в холле огромную толпу народа.

— Что происходит? — спросила я одну из учениц.

— Все обсуждают последнюю новость.

— Какую новость?

— Говорят, этой ночью Селена пыталась наложить на себя руки.

— Что? — просипела я, потому что воздуха вдруг стало не хватать.

— Не выдержала позора, очевидно. Хотя раньше надо было думать.

У меня все поплыло перед глазами. Хотела наложить на себя руки? Селена?

— А где, где она сейчас?

— Ее забрал из академии куратор Вальенте. Он ее и спас. Говорят, она пыталась повеситься в дальней башне, а он ее из петли вытащил, а потом увез к целителям.

Я молча отошла от группы гомонящих студентов, пытаясь скрыться подальше от этого шума, хотя разве можно убежать от себя и собственной совести?

Селена в академию так и не вернулась, и что с ней случилось, я не знала. Спустя неделю после рокового происшествия я набралась смелости отправиться к куратору. Мне нужно было узнать, что же сталось с девушкой, потому что страшные мысли мучили меня изо дня в день и не давали спокойно спать но ночам.

Амир оказался в кабинете, и это была наша первая встреча с того памятного спора, после которого мы общались исключительно через третьих лиц или посредством записок.

Когда я вошла, старичок поднял голову от кипы бумаг на столе и скривился.

— Что нужно, Виолетта? Я занят.

— Добрый день, куратор Вальенте, я не займу у вас много времени. Мне нужно узнать, что случилось с Селеной. Она здорова? Где она теперь?

Куратор откинулся в кресле и язвительно произнес:

— Совесть замучила, Лавальеро? А я и не знал, что она у тебя есть.

Я пропустила это фамильярное обращение на «ты» мимо ушей. Пусть Амир язвит себе на здоровье, я уже привыкла, главное, чтобы ответил.

— Так она здорова?

— Чувствует себя намного лучше, чем после последнего разговора с тобой.

— Когда она вернется в академию?

— Никогда.

Я удивленно посмотрела на куратора, полагая, что ослышалась.

— Почему?

— Сама догадайся, Летта. Что ей здесь делать?

— Но вы говорили о ее семье и…

— Ситуация изменилась для Селены, ей гораздо лучше находиться подальше от людей, подобных тебе. Сейчас она в

порядке, сюда ей можно не возвращаться, а остальное никого не касается. Теперь тебе полегчало? Можешь идти.

Я молча развернулась к двери и уже протянула руку, когда в спину донеслось:

— Я жду нового списка участников соревнований, и будь добра, займись организацией состязаний среди претендентов. Составь перечень испытаний, используя материалы с прошлых встреч между академиями, и принеси его мне. Понятно?

— Яснее некуда. Всего хорошего.

Уже сейчас, спустя полтора года, оказавшись в столь плачевном положении, я очень ясно вижу собственные ошибки, приведшие к моей личной трагедии. Однако в то время мне казалось, что я все делаю именно так, как надо.

С самого поступления в аристократическую академию каждый день моей жизни был заполнен множеством различных дел и хлопот. Помимо основных предметов, таких как теория и практика боевой магии, магический анализ, теория зачарованных предметов, история магии в королевстве Амадин, политология, музицирование, танцы и этикет, я брала еще факультативные занятия. По вечерам на дом приходили учителя, преподававшие обычные бытовые заклинания (я хорошо усвоила урок с лиловой краской), основы магической дуэли, которая несколько отличалась от боевой магии, и, тайком от родителей, историю виерского движения в королевстве Амадин.

Кроме учебы я постоянно занималась решением различных вопросов, связанных с обязанностями старосты. Ко мне обращались преподаватели, студенты и родители учащихся, и все требовали, чтобы я помогала им разбираться с возникающими проблемами: от магических поединков между задиристыми аристократами до плохой успеваемости отстающих учеников. Еще и куратор с ректором свалили на меня организационные вопросы, связанные с состязанием академий.

В конце концов, я настолько утомилась от этих бесчисленных дел, что подключила к своей работе добрую часть учеников, каждому назначила определенные обязанности и сформировала по-настоящему хорошую команду, благодаря которой смогла наконец вздохнуть спокойно. Попытки преподавателей и родителей завалить меня дополнительными заданиями отныне пресекала на корню, отказывая всем тем, чьи просьбы казались слишком незначительными и не стоящими моего внимания и драгоценного времени.

По мере того как учебный год близился к концу, задания и теория становились все сложнее. В нашей академии не было

системы экзаменов, как в других небольших учебных заведениях типа магических школ. У нас каждое занятие начиналось с повторения предыдущего, а раз в три урока проводились опросы, тесты, контрольные работы. С такой же периодичностью мы сдавали и практические приемы.

Некоторые учителя предпочитали давать задания, исходя из наших знаний, приобретенных на всех уроках с начала обучения. Например, на боевой магии любого из студентов могли вызвать в центр зала и попросить показать какой-нибудь прием по желанию преподавателя. По этой причине приходилось периодически повторять пройденный материал, не забывая изучать новый.

Время во всех этих хлопотах летело столь быстро, что совершенно незаметно пришла пора проводить отбор студентов, которые примут участие в соревнованиях между академиями.

Глава 7
ОТБОР

Участие в подобных состязаниях являлось большой честью и сулило немалые выгоды. Тем, кого отбирали, выпадала редкая возможность быть замеченными придворными экзаменаторами. Именно эти люди привлекали талантливых магов к работе при королевском дворе, куда было невероятно трудно попасть. Те же экзаменаторы устроили предельно сложную систему тестов, на подготовку к которой люди тратили не один год, однако именно участникам состязаний давались значительные послабления.

Меня соревнования в этом смысле не привлекали, я ведь не собиралась работать после замужества. Зато менее родовитым аристократам, которым не столь повезло в жизни, этот шанс представлялся чем-то вроде волшебного камня, исполняющего желания. На победителей взирали как на героев, а академии, в которой они обучались, на последующие два года присваивался статус лучшей. Это давало определенные льготы и дополнительные денежные средства, идущие не только из государственной казны, но и от заинтересованных лиц.

Неудивительно, что многие родители пытались пристроить своих детей в команду, но самой настойчивой оказалась мать Денри Уинтона, подкарауливавшая меня в самых неожиданных местах и убеждавшая всенепременно включить в заветный список ее талантливого мальчика. Сперва я очень вежливо объясняла, что отбираются только те, кто сможет принести команде победу, и личные предпочтения не учитываются. Но после третьей ее попытки я разозлилась и едва не вышла из себя, а потому заявила, что ее сын не будет играть в команде, он слишком мало трудится и чересчур ленив для хорошего студента, каковым она его считает. В ответ на мои слова миссис Уинтон поджала губы и ушла не прощаясь, больше она меня не беспокоила.

В день соревнований в академии были отменены занятия. Участники, пребывавшие в необычайном волнении, и остальные ученики отправились на старый полигон позади замка, где каждый занял отведенное на трибунах место. Кроме студентов присутствовали также их родители, а центральное сиденье занимал сам ректор. Посреди поля стояли я, куратор и отобранные двадцать человек. Поскольку команда должна была состоять из пяти участников, каждый из которых проходил определенное испытание, я разделила всех на четыре группы.

Куратор поднял руку и резко опустил, подавая сигнал, и в тот

же миг земля под ногами задрожала, и я едва не вцепилась в Амира, потому что мы вдруг очутились на стремительно возносящейся ввысь каменной глыбе, выросшей прямо из утоптанной серой почвы. Отсюда сверху мы могли хорошо обозревать всех участников. Я заметила, что вокруг четырех групп выросли стены, разбив полигон на равные сектора. Сами же студенты ошарашенно озирались и о чем-то перешептывались. Я сделала осторожный шаг к краю, немного склоняясь вниз, и тут же услышала голос куратора:

— Если свалишься, Виолетта, я ловить не буду.

Я отступила, не отрывая взгляда от замерших студентов.

— Ты наблюдатель, — продолжил Вальенте, — твоя задача следить за членами команды. На главном состязании рядом будет стоять Зор, пока ты фиксируешь состояние участников, он отслеживает не только применяемые магические приемы, правильность используемой тактики, но и их соответствие правилам. От тебя зависит вовремя подать сигнал, если кто-то не справляется с задачей. Ты можешь хорошо видеть каждого человека, у тебя будут в руках пять амулетов, связанных с каждым студентом и окружающими их секторами. Как только понадобится твое вмешательство, активируешь амулет, и участник окажется снаружи, это соответственно означает, что он выбывает из соревнований. Уяснила?

— Да.

— Теперь наблюдай, дальше буду делать замечания в ходе состязаний.

Перед участниками вдруг материализовались полупрозрачные голубые дощечки, на которых вспыхнули буквы: «Водоворот».

— Что это?

— Это предстоящее испытание. Теперь им нужно сообразить, что именно их ожидает, и продумать порядок действий, а также выбрать лучшего из группы, который в состоянии справиться с заданием. За этим обычно следит капитан команды.

— Водоворот, то есть вода, и для защиты от нее нужен какой-то полог или лодка, хотя… нет. Там же будет воронка, значит, утянет под воду. Следовательно, нужна защита со всех сторон, чтобы внутри оставался воздух. Точно! Пузырь, нужен мыльный пузырь!

Куратор одобрительно хмыкнул, а я снова пристально посмотрела вниз, где участники выбирали из своих рядов того, кто первым отправится на испытание. Вперед от каждой группы выступило по одному парню, и вместе они приложили ладони к дощечкам. Тогда же на большом мерцающем экране, зависающем

над полем, появились надписи: «Испытание первое — Дерил Маквил, Энтони Саупренкинс, Анджело Рой, Элизар Тервудс».

Спустя мгновение вокруг каждого из названных студентов появились полупрозрачные грани огромного, словно хрустального, куба, отрезавшие парней от остальных участников, а потом вдруг этот куб стал стремительно заполняться водой. Я очень пристально наблюдала за действиями студентов, боясь даже вдохнуть поглубже.

На моих глазах Дерил и Элизар создали прозрачные мыльные пузыри. «Уф, догадались», — выдохнула я, заметив при этом, что Энтони сотворил некое подобие лодки, которая тут же закачалась на бурных волнах, Анджело же уплотнил субстанцию под своими ногами и теперь стоял на воде, немного покачиваясь. В следующий миг, когда вода достигла верхней отметки в каждом кубе и теперь напоминала бурное море, из ниоткуда возник вихревой поток, а следом появилась и воронка, и участников стремительно повлекло к самому центру.

Дерил и Элизар исчезли под водной гладью, и сквозь толщу зеленоватой воды виднелись их силуэты в мыльных пузырях, которые бурно кружило, вращало и кидало из стороны в сторону, однако защита держалась хорошо и охраняла своих создателей. У двух других участников тем временем начались явные проблемы: толща воды под Анджело не выдержала бурного вращения и попросту разбилась на несколько частей, а парень не смог удержаться на поверхности и с криком был утянут под воду.

В тот же самый момент Энтони пытался направить лодку подальше от воронки, но неумолимая сила влекла его все ближе, пока парня не тряхнуло на очередной высокой волне и не выкинуло из лодки прямо в водоворот.

— Спасайте их! — крикнула я, а в следующий миг мокрые и отплевывающиеся студенты оказались снаружи куба. — А если вовремя не заметишь опасность? — вдруг спросила я, рассудив, что не всегда наблюдатель чувствует то, что ощущает сам участник соревнований.

— В таком случае участник самостоятельно может активировать амулет и перенестись наружу.

Вода стала стремительно покидать куб, и вот уже по зеленой траве катаются два мыльных пузыря с ошалевшими парнями.

Спустя несколько минут прошедшие и провалившие испытания покинули поле. Я наблюдала, как на табличках, сменивших цвет на желтый, возникла следующая надпись: «Пустыня».

Я принялась усиленно раздумывать, что бы это могло значить. Пустыня — это зной и палящий жар солнца, от которого

невозможно укрыться. Что в пустыне требуется больше всего? Конечно же вода! Формулы, они должны идеально знать формулы и вычертить их на песке, чтобы превратить его в воду! Попытка только одна, а значит, даже малейшей ошибки быть не должно.

Я глянула вниз на следующих участников, а на экране уже высветились имена: «Испытание второе — Лиза Эрвуд, Тирен Макварелло, Даяна Настер, Эгби Вилсон».

Неплохо. Эти студенты и вправду одни из самых старательных зубрил. Посмотрим, кто пройдет отбор.

И вновь вокруг испытуемых выросли грани прозрачного куба, а в его стенки ударил мелкий желтый песок. Даже отсюда сверху было хорошо видно, как светит внутри палящее солнце, как бедные девушки пытаются закрыться от его лучей руками, а единственный парень Тирен опустился на колени и вычерчивает на песке первую формулу. Я внимательно вглядывалась в знаки. Верно, верно и тут, и тут, а вот здесь… Я шагнула к краю, чтобы крикнуть Тирену, что он допускает ошибку, но рука куратора в тот же миг утянула меня обратно в центр платформы.

— Помогать нельзя, Виолетта, это грубейшее нарушение правил состязания. Из-за этого исключат всю команду.

Не отрывая взгляда от парня, заметила, что он уже почти закончил и выводит последнюю закорючку, и самой захотелось прикрыть глаза. Как же это волнительно — стоять и наблюдать, даже понимая, что это всего лишь испытания внутри школы. Тирен добавил последний штрих, и в тот же миг был снесен воздушной волной к самой стенке куба, где его со всей силы ударило о прозрачную грань, и парень свалился без сознания.

— Ну что за дурак! — в сердцах высказала я. — Перепутал формулу создания воды с формулой воздушного взрыва.

— А вот за этим должна следить ты, Летта. Кто обещал натаскать студентов как следует?

— Я обещала выбрать лучших и выбрала! А натаскивать будем в следующем году, до игр целых двенадцать месяцев!

Хотела было добавить еще и про ответственность куратора следить за успеваемостью студентов, но отвлеклась на одну из девушек — Даяну, которая успешно создала небольшую ямку с водой прямо посреди песчаной дюны. Вот только вода в ней была черного цвета и, кажется, кишела червями.

— Фу-у-у, — скривилась я. — Это пить невозможно!

— Ну, если и правда умираешь от жажды, будешь рад глотку любой жидкости, — не преминул вставить куратор.

— Но не такой же! От нее и умереть недолго.

— Если сходишь с ума без воды, перед глазами все темнеет, кружится голова и горло жжет нещадно, то становишься менее

придирчивым.

— В любой ситуации нужно сохранять самообладание.

— Нужно. Главное, чтобы это было возможно.

Я продолжила наблюдать за девушками.

— Как они выберутся? — спросила я Амира.

— Как только пройдут испытание и напьются воды.

Я обратила внимание, что Тирен уже находится вне куба и его пытаются активно привести в чувство наши целители. Поглядев в сторону девушек, заметила, что солнце, кажется, стало печь еще сильнее. Даяна протягивала к черной луже трясущиеся ладони, но никак не могла заставить себя зачерпнуть жидкость.

Я поняла, что ей становится все хуже от жары. Остальным конкурсанткам тоже приходилось нелегко. Обе заканчивали свои формулы, и у Лизы получился настоящий хороший источник с чистой водой, а вот Эгби создала кусок камня. Мне хотелось топнуть посильнее ногой и заявить им, какие они бездари. Да ведь формула элементарная!

— Формула действительно проста, — ответил вдруг куратор, словно прочитав мои мысли. — Вот только стоит учитывать, что эти нежные создания впервые в жизни очутились в таких нечеловеческих условиях. Полагаю, от жары их разум затуманился.

Вечно он всем находит оправдания и всех жалеет, кроме меня. Даже обидно. Лиза наконец напилась воды, а две остальные девушки отчаянно замахали руками, призывая вытащить их наружу. Когда они очутились за пределами куба, то просто свалились на траву, пока к ним не подбежали целители и не унесли обеих в палатку.

Следующей на экране появилась надпись: «Поединок».

— Это магическое испытание? — спросила я куратора.

— Полагаю, что это испытание на скорость реакции.

— Почему?

— Цвет таблички стальной, словно шпага.

— Фехтование, — догадалась я.

И точно. Едва четыре следующих участника оказались за прозрачными гранями, вокруг них словно сгустилась тьма. Внутри куба наступила ночь, возле стен зажглись световые шары, а из темноты навстречу каждому испытуемому шагнула полупрозрачная фигура со шпагой в руках.

И вновь я смогла оценить мастерство фехтовальщиков только на слабую оценку, вроде пятерки по нашей десятибалльной системе. Я понимаю, что фехтование уходит в прошлое и популярны стали магические поединки, но ведь это дань

традиции. В любой уважающей себя аристократической семье мальчиков обязаны обучить владению шпагой! Отец и то меня научил! Из четырех участников только один, а именно Грин Тинкерелло, владел шпагой превосходно. Вот что значит прекрасная родословная и именитые родители. Я даже улыбнулась, когда парень задрал вверх голову, донельзя довольный собой, и посмотрел прямо на меня, будто красуясь.

— Следовало бы одарить героя поцелуем, Летта. Может, остальных участников это вдохновит?

Противный куратор не забывал прокомментировать каждое событие и представить все так, будто я в чем-то виновата. Я ведь никогда даже не флиртовала с Тинкерелло.

— У меня есть жених, куратор Вальенте, и только он один достоин моих поцелуев.

— Как же, как же, прекрасно помню, что случается с недостойными, — хмыкнул старикан и оперся на свою трость, наблюдая за тем, как на табличках возникает новая надпись: «Хищники».

— Хищники? На них натравят хищников? Это что за испытание такое? Их же растерзают!

— Ну, если не сообразят, как справиться со зверем, тогда точно растерзают, — ответил невозмутимый куратор.

Нет, ну скажите на милость, это состязания или игры на выживание?! Чему куратор радуется? Я была невероятно возмущена, на трибунах также раздавались гневные возгласы, то родители студентов выказывали собственное недовольство. Однако Зор Анделино поднял руку, и голоса смолкли. Посмотрев вниз на участников, заметила, что они нерешительно мнутся у своих табличек, посматривая друг на друга.

Я попыталась придумать, как вообще можно защититься от хищников, не имея никакого оружия и зная, что обычная магическая сфера тоже не станет спасением. Внизу пара парней выступила вперед и приложила ладони к экрану. Это были самые сильные студенты на нашем потоке, то есть физически сильные, в плане магии они не слишком блистали. Неужели полагают побороть зверей таким вот образом? Как-то слишком просто и даже глупо.

Следующей вперед выступила девушка из третьей группы и тоже приложила ладонь к дощечке, вызвав новый гул голосов на трибунах. Девушку звали Жаннетт, она была из небогатой и не слишком родовитой семьи, однако училась очень хорошо, а деньги на ее обучение, как я поняла, родственники собирали очень долгое время. Между собой мы все называли ее Жани за маленький рост и хрупкое телосложение. Неужто догадалась, как

решить задачу? Что она придумала?

В этот миг вперед вышел последний участник, высокий худой парень, и последнее имя появилось на большом экране, а вокруг ребят выросли грани огромного куба. Теперь это был густой зеленый лес, сами участники очутились посреди круглой полянки, а из леса навстречу выступили хищники.

— Ох! — выдохнула я, прикладывая ладонь ко рту и бросая взгляд на спокойного, и даже, сказала бы, развлекающегося Амира, который с удовольствием рассматривал волка, медведя, тигра и пантеру.

Двое силачей на моих глазах резво кинулись вперед, даже не удосужившись передать заряд в свои эсканилоры. Ну что за дураки?! Одному из них достался медведь, а другому тигр, а они хотят побороть их голыми руками? Безумцы! Едва парни подбежали на достаточное расстояние, как медведь встал на задние лапы, а тигр припал к земле, и в тот же миг храбрецы очутились за пределами куба.

— Сила есть, значит, мозги можно не напрягать, — прокомментировал Амир.

Я продолжила наблюдать за двумя оставшимися претендентами. Высокий худой Рен Иллиотт осторожно подкрадывался к развалившемуся у кромки леса волку и резко остановился, когда тот широко зевнул. Я увидела, как побледневший парень покрепче сжал в руках свой эсканилор в виде изогнутой деревянной клюки, протянул руку вперед и направил прямо в лоб зверя зеленый луч. Волк уронил голову на лапы, его глаза закрылись, однако Иллиотт оставался внутри куба.

— М-да-а-а, — протянул куратор, — оглушить оглушил, а дальше что?

«Значит, просто вывести хищника из строя мало, нужно его победить!» — наконец догадалась я. В таком случае остается только один вариант — заклинание подчинения, а еще важно не испугаться — без контроля над эмоциями заклинание произнести не получится.

В этот момент Жани уже приближалась к пантере, только девушке не столь повезло, как Рену, ее хищник отдыхать и не думал, а осторожно крался навстречу. «Не показывай своего страха, — хотелось крикнуть мне. — Не бойся, они чуют это!» Если хищник ощутит уверенность противника, тогда позволит приблизиться к себе, и в этот момент можно будет накинуть на него «ментальную» сеть и заставить выполнять свои команды. Однако подсказывать я не имела права, а выдержки Жани явно не хватало, и это ее подвело! Пантера прыгнула, а девушка

завизжала и распласталась на земле, в тот же миг очутившись за пределами куба.

— Очень жаль, — протянул Вальенте, — ведь она единственная сообразила, что сделать, только самообладания не хватило. Тебя бы туда, Виолетта, — добавил куратор, а я искоса взглянула на него и по хитрому выражению лица заподозрила, что это был не столько комплимент, сколько пожелание, чтобы мной с аппетитом пообедали. Мерзкий старикан, ужасно противный, терпеть не могу!

Несмотря на злость к куратору, Жани я тоже жалела, ей бы участие в финальных состязаниях могло помочь в дальнейшей карьере.

Тем временем действие снотворного заклятия заканчивалось, и волк уже начинал шевелить ушами и дергать лапами, а Рен так и не придумал, что сделать дальше. Да и вряд ли придумает. Теперь у него сил не хватит на заклинание подчинения.

Словно в ответ на мои мысли парень с размаху бросил эсканилор на землю, плюхнулся рядом и сжал ладонями голову, а спустя миг уже сидел на граве за кубом.

— Запомни, Летта, — вдруг вымолвил куратор, — никогда не нужно сдаваться.

— А что бы он сделал? — удивилась я. — Убить волка он не может, подобные заклинания были уничтожены очень давно, на ментальный контроль не хватит сил, ему ничего не оставалось…

— Он мог сотворить для волка ошейник, пока тот спал. Всего-то навсего.

— Но ведь… — Теперь мне захотелось схватиться ладонями за голову. Подчинить хищника! Это так просто! Ошейник и есть символ подчинения, Рен вполне мог пройти это испытание. Похоже, мне не помешает нанять репетитора по решению логических задач как сложными, так и наиболее простыми методами. Займусь этим завтра.

— В этом соревновании нет победителей?

— Верно.

Я посмотрела вниз на оставшихся участников — всего четыре человека. Кто же из них пройдет следующее испытание, которое, судя по всему, легким точно не будет?

— Во всем этом есть система. Первое задание — это умение генерировать защиту, второе — это построение магических формул и точность расчетов, третье — ловкость и скорость реакции, четвертое — внутренний самоконтроль. Что же может быть в пятом состязании?

— А ты подумай, Виолетта.

— Думаю, испытание на силу.

— Проверим, насколько ты права, — улыбнулся Амир.

Внизу на дощечках уже появилась новая надпись: «Камень желаний», — и я вновь принялась размышлять о сути задания. Камень желаний — это мифический артефакт, которого на деле не существует, но многие в него верят и пытаются его отыскать. Говорят, он скрыт высоко в горах, там, где остроконечные вершины прячутся в пушистых облаках, а холодный белый снег никогда не тает.

Я поежилась, представив эту картину. Никогда не любила холод. В нашей стране вечного лета морозов не знали, разве только в прохладные дождливые дни закутывались в теплые плащи или сидели дома возле горящих каминов. Говорят, в других странах в году целых четыре сезона и самый холодный из них зима.

Звук гонга привлек внимание. Взглянув вниз, увидела, как последние участники прижали ладони к экранам и очутились у подножия высокой горы. Холодные прозрачные грани выросли вокруг, закрыв всех четырех в один огромный куб.

Я сперва сильно удивилась, но потом сообразила, что в этом задании не просто нужно добраться до вершины и отыскать камень, необходимо сделать это быстрее остальных соперников. Кажется, до участников это тоже дошло, потому что они бросились к горе и стали карабкаться наверх.

Быстрее всех ползли Шон и Гир, но они и были настоящими спортсменами, увлекались верховой ездой, стрельбой из лука и показывали замечательные результаты на боевой магии. Кто-то из них наверняка будет первым. Мне казалось, я могу предсказать итог состязания, а потому немного огорчилась, когда обнаружила, что молодые люди, едва добравшись чуть выше середины скалы, стали продвигаться наверх медленнее, будто весь запал куда-то пропал.

— Что-то они сбавили скорость, — сказала я куратору.

— Воздух становится более холодным и разреженным. Лезть наверх все труднее, а они слишком быстро рванули вперед вначале, нужно было рассчитать собственные силы. Вон там чуть ниже Дени Рамкинс двигается медленно, зато уверенно и скорость не сбавляет.

— Они не замерзнут?

— Сомневаюсь, что можно сильно замерзнуть, затрачивая столько сил при подъеме в гору.

И действительно, парни скорее выглядели взмокшими, чем замерзшими. Они ползли вверх, перебираясь с камня на камень, хватаясь за те валуны, что лежали выше, подтягиваясь и продвигаясь все дальше.

Если бы меня спросили, кому помочь добиться победы в состязании, я бы указала на Гира. Он был одним из лучших студентов, сильным, решительным, с прекрасной родословной, а потому достойным чести участвовать в главных соревнованиях.

Однако в одном куратор прав: на состязаниях академий мы не можем допускать ошибок, а затратив столько сил, едва начав подъем, парни поступили попросту глупо. Теперь едва карабкаются, лица покраснели, пот катится градом, дышат натужно. Дени вот мудро все рассчитал и поднимается уверенно, пусть и медленно. До вершины горы оставалось совсем немного, а Шон и Гир окончательно выдохлись, и, кажется, Шон даже шагу вперед сделать не мог, а Гир все еще пытался ползти. На этом участке Дени их и обогнал, а ниже всех остался Лэн, который выглядел не лучше первых двух участников.

В общем, куратор угадал, как и всегда. Первым до вершины добрался именно Дени, он же бросился к большому серому валуну в центре и, упершись в скалу ногами, попытался сдвинуть тяжеленный камень. Вот только сил не хватало. И снова Дени проявил сообразительность, когда схватил валявшуюся неподалеку толстую крепкую палку и использовал ее в качестве рычага, подсунув один конец с краю и приподняв валун таким образом, что под ним обнаружилась небольшая ямка.

Парень, нажимая обеими руками на палку, ногой вытолкнул из ямки голубой камень, тот откатился в сторону, а я изумленно выдохнула, когда увидела, как его схватил доползший-таки до вершины Гир. Именно он незаметно подкрался к Дени, пока тот отпускал рычаг, и ухватил добычу. Теперь он с победной улыбкой сжимал пальцами камень желаний, а грани куба уже растворялись в пространстве, и скоро все четверо взмокших участников оказались посреди ровного зеленого поля. Я взглянула на молчаливого куратора, чтобы задать интересовавший вопрос:

— Это считается победой?

— Он достал камень, — глухо ответил Амир, а после добавил обычным тоном: — Отбор закончен, Виолетта, пора чествовать победителей.

Пятеро членов команды были отобраны, а с капитаном мы собирались определиться чуть ближе к самим состязаниям. Дерил Маквил, Элизар Тервудс, Лиза Эрвуд, Грин Тинкерелло и Гир Освальд выстроились в ряд посреди поляны, принимая поздравления от других участников и слушая приветственные возгласы зрителей. Они были отобраны в результате магических поединков, а подобные результаты считались неоспоримыми.

Я видела, как Дени, пожимая руку Гиру, что-то негромко

сказал, а тот надменно кивнул в ответ, и на запястьях обоих вспыхнул и погас едва заметный символ — две скрещенные шпаги. Дени вызвал соперника, укравшего его победу, на магический поединок, а Гир вызов принял, теперь эти знаки будут печь запястье до тех пор, пока бой не состоится.

После завершения отбора были распланированы вечерние тренировки с нашими будущими участниками состязаний. Амир Вальенте неожиданно отказался лично курировать подготовку, отговорившись занятостью, а вместо этого прислал нам преподавателей по теории зачарованных предметов и магическому анализу, я же отвечала за составление тех испытаний, что были связаны с внутренним самоконтролем. Мы определяли, какими именно навыками лучше владеют конкретные ученики, а затем тренировали их по данному направлению, не забывая и об общих заданиях. Помимо этого пришлось подбирать каждому участнику замену на случай непредвиденных ситуаций.

Дополнительные обязанности загрузили мой и без того плотный график, зато послужили превосходным оправданием, чтобы отказаться посещать, например, читательские общества и прочие подобные организации, из-за чего Эстер не преминула выказать свое недовольство. Однако отец встал на мою сторону, заявив, что я удостоена высокой чести помочь студентам защитить престиж академии, и мать отступилась.

Глава 8
ПРЕМЕРЗКИЙ КУРАТОР

Так тянулись дни до последнего месяца занятий, и на финальной неделе тренировки университетской команды пришлось приостановить, поскольку каждый день был посвящен сдаче финальных тестов и контрольных.

Самыми простыми оказались для меня такие предметы, как музицирование, танцы и этикет, хотя должна признать, не все могли похвастать подобной хорошей успеваемостью. Были у нас отдельные студенты, которые за весь год так и не научились красиво исполнять танцевальные па, виртуозно играть популярные мелодии на фортепиано или же изящно орудовать столовыми приборами.

Меня подобное отношение к самым легким и необходимым в нашем обществе вещам невероятно раздражало. Ведь совершенно ясно, что причина кроется в самих студентах, которые из-за лени не желают потратить лишние пару часов в день, чтобы потренироваться и повысить свой уровень. Я бы, будь моя воля, таких учеников выгнала, хотя подобной практики в аристократической академии не существовало: неуспевающих попросту принуждали к отработке проваленных предметов на каникулах.

Следующим по сложности являлся магический анализ, но благодаря дополнительным занятиям я вызубрила основные формулы наизусть и заполнила финальные тесты практически без ошибок. Теория зачарованных предметов, история магии и политология потребовали больше времени на подготовку, поскольку необходимым являлось знание важных исторических дат и имен самых известных в этой сфере лиц, а также классификации магических предметов и сложной системы политического устройства в королевстве.

Несколько вечеров я посвятила повторению и ради этого даже отменила запланированную встречу с Эрином, пригласившим меня на прогулку к озеру. Жених, казалось, сильно огорчился моему отказу и потребовал, чтобы по завершении учебы на каникулах я вместе с ним посетила фамильный замок рода Остеус. Он жаловался, что мы слишком редко видимся (хотя дело здесь было не во мне, а скорее в его вечной занятости). Я, естественно, ответила согласием, и ожидание сказочных каникул придало дополнительный стимул, чтобы поскорее сдать все задания, а не заниматься их отработкой вместо чудесного отдыха.

Последними и самыми сложными предметами являлись теория и практика боевой магии у нашего милого куратора, и моя интуиция подсказывала, что так просто я ее не сдам, что Амир Вальенте не преминет подпортить мне радостное предвкушение от предстоящих каникул с Эрином.

Теория у куратора проходила как обычно: все мы сперва заняли свои места, расположенные полукругом вокруг преподавательского возвышения. На каждом столе уже лежал индивидуальный тест. Я подозревала, что мне досталось задание непростое и очень каверзное, но сравнить его с тестами других учеников, к сожалению, не было возможности. Когда все расселись, куратор установил на столе обычные песочные часы и, перевернув их, произнес:

— Время пошло. Как только в верхней чаше закончится песок, вы все должны положить выполненные задания на край стола, кто замешкается, получит незачет и отработку на следующий месяц.

Едва он закончил фразу, все схватились за пишущие палочки и приступили к решению заданий. Как я и думала, куратор не мог обойтись без маленькой шпильки, хотя сам, пожалуй, считал это отличной шуткой. Мне попалось задание об изменении первоначального заряда защитной сферы. Необходимо было рассчитать формулу превращения прозрачной защиты в шар, состоящий из лиловой субстанции. Невероятно забавно! Мне едва удалось удержаться от презрительного фырканья, за это куратор мог сделать замечание, а то и выгнать с экзамена.

Я сперва записала в листок все формулы, которые могли понадобиться, а затем стала выводить конечную. Проблема была в том, что, хотя Амир и объяснял нам, как менять защиту, он упоминал о ее превращении в жидкую управляемую субстанцию лишь в общих чертах, а приводимые им тогда расчеты я не слишком хорошо запомнила. Мне пришлось выводить формулу самостоятельно, основываясь на собственных умозаключениях.

Когда я старательно записывала ответ, раздалось шуршание листочков. Быстро поставив точку, я сдвинула готовый тест на край стола, а подняв глаза, увидела, как упала последняя песчинка. Куратор стал по очереди подходить к каждому ученику и просматривать ответы. Те, кому он кивал головой, поднимались и покидали комнату, отправляясь в нижний зал. Я сидела с дальнего края и оттого оказалась последней. Едва моя соседка подхватила собственные вещи и помчалась к выходу, Амир взял лист и принялся просматривать расчеты, а затем нахмурился, разглядывая ответ.

— Хм, Виолетта. Должен признать, что незаметно посылать энергетический заряд в сферу у тебя получается намного лучше,

чем менять защитную материю. В целом ответ выведен правильно, вот только на практике из данной формулы мог вполне получиться зеленый или, скажем, бурый в крапинку эллипс. Здесь два лишних и при этом взаимоисключающих расчета, сама формулировка слишком затянута, а в ответе прописаны совершенно ненужные субстанционные потоки. Если, допустим, твоя формула в чистом виде достанется новичку, то он вполне может послать в эсканилор лишний заряд, а это приведет к абсолютно иному результату. Профессионал же, с другой стороны, с заданием справится, но сделает при этом необходимую корректировку. Даже не знаю, засчитывать ли твой ответ.

— Но, куратор Вальенте, вы ведь не давали нам подобных формул.

— Я объяснял и показывал основные расчеты, Летта, а ваша задача как магов — вывести на их основе любую конечную формулу. Или ты полагаешь, что при устройстве на работу кто-то будет рассказывать новым сотрудникам, как именно справляться с заданием?

— Не имею об этом ни малейшего понятия.

— Ты о многом не имеешь понятия, позволь заметить. Я засчитаю твой ответ, если справишься с практической частью. На этом все.

Мне ничего не оставалось, как кивнуть и с гордо поднятой головой степенно отправиться к выходу.

Студенты уже собрались в зале. Все приготовились и держали в руках эсканилоры. Я тоже отцепила птицу с цепочки и заняла место с краю. Мы ждали, когда куратор разобьет нас на пары, но вместо этого Амир велел построиться в ряд и стал подходить к каждому ученику и лично проводить поединок. У меня даже ладони вспотели от испуга. Биться с Амиром один на один совершенно не хотелось. То, что куратор не позволит схитрить и заметит любую оплошность, было ясно как белый день. По мере приближения старикана я все больше нервничала, начиная всерьез опасаться за предстоящую поездку в замок к жениху.

Когда остальные уже сидели на лавках вдоль стен, я осталась одна напротив Амира. Ужасно хотелось отступить куда-нибудь подальше потому, что куратор был единственным человеком, в присутствии которого я по-настоящему терялась. Уж очень непредсказуемые вещи Вальенте порой выкидывал. Они совершенно не вписывались в мои представления о правильном поведении в обществе. В общем, когда куратор замер напротив, я испытала сильнейшее желание запустить в него эсканилором и сбежать подальше. Вместо этого выпрямила спину и сжала

посильнее птицу в ладони.

— Приступим, Виолетта. Твоя задача — гасить атакующие удары, используя подходящие приемы.

— Мм…

— Начали!

«Спасите же меня кто-нибудь!» — именно подобным образом я взывала о помощи в своих мыслях, а внешне с совершенно невозмутимым лицом блокировала выпады куратора. Амир же словно развлекался, пуская по мне то спиралевидные молнии, то мелкие огненные шарики, похожие на дробь, которой охотники заряжают свои ружья, то горящие магические болиды.

Я отражала, как могла. Заклинания я подбирала правильно, но едва успевала за куратором, он мог наносить удары столь быстро, что мне просто не хватало скорости.

— Хм… Летта. Учишь ты превосходно, а вот с реакцией нужно что-то делать, — высказал Вальенте спустя десять минут после начала поединка.

Я в этот момент пыталась отдышаться, едва сдерживаясь, чтобы не растянуться сейчас на полу и лежать так, не двигаясь, ближайшие сорок минут.

— Слишком много времени затрачиваешь на передачу заряда в эсканилор. Если бы ты по первым пассам предугадывала заклинание, то могла бы действовать быстрее, а так… боюсь, не могу засчитать это за сдачу предмета, придется отрабатывать.

— Что? — спросила я, искренне надеясь, что ослышалась, но Вальенте в ответ просто повернулся ко мне спиной и отошел на середину зала.

— Плохо, студенты. Из вас сдала только половина. Те, кому я поставил зачет, могут отправляться на каникулы. Остальные будут проходить отработку последующие две недели вместо положенного месяца. Двух недель хватит, чтобы вас потренировать, а больше тратить времени от своего законного отдыха мне не хочется. Всего хорошего, увидимся в понедельник в девять утра. — С этими словами куратор покинул зал, а я так и осталась стоять столбом, не в силах даже двинуться с места.

Да как он посмел! Как посмел приравнять меня к остальным студентам! Как посмел оставить на отработку, лишив долгожданных каникул с женихом!

Я была вне себя от гнева. Разозлилась так, что направилась прямиком к ректору и принялась жаловаться на предвзятость куратора.

— Виолетта, — пытался успокоить меня Анделино, — я прекрасно вас понимаю, к тому же недавно виделся с вашим

женихом при дворе, и он говорил об этой поездке. Но поймите, я ничего не могу изменить. Амир Вальенте превосходный преподаватель, и нам было нелегко сманить его в нашу академию.

— Сманить?

— Он ранее работал наставником при дворе, и лишь год назад удалось уговорить его преподавать здесь. Тогда ваш куратор выдвинул условие, чтобы в его учебный процесс никто не вмешивался. Мне действительно жаль, но, возможно, вам стоит поговорить с женихом и попросить его перенести поездку.

— Эльмарин не может перенести, у него все время расписано буквально по минутам.

— Тогда вам стоит поехать к нему после двух недель отработок. У вас ведь еще останется немного времени. Считайте, что Амир сделал подарок, предложив две недели вместо положенного месяца. А помочь с результатами я не в состоянии, извините.

— Спасибо, ректор Анделино, — промолвила я, поднявшись со стула и направившись к двери. Снова старик одержал верх, но придет время, когда я сполна отыграюсь за такое его отношение. И у этого мага найдутся слабые стороны, нужно просто немного выждать, тогда судьба предоставит мне шанс.

Именно так мечталось мне в то далекое время, и именно эта дурацкая мысль о мести толкнула меня на самый неправильный в жизни поступок. Я действительно затаилась и не лезла более на рожон, не пыталась пререкаться с куратором или жаловаться на него ректору, я просто ждала и наблюдала, когда Амир оступится, когда совершит ошибку, которой я не премину воспользоваться.

Две недели отработки превратились едва ли не в пытку. Старик прознал о нашем разговоре с ректором и в отместку нещадно гонял меня во время занятий. Я едва уползала после этих отработок, и на остальное просто не оставалось сил.

Когда же спустя несколько дней заехал Эльмарин, чтобы попрощаться, я испытала приступ настоящего гнева. Хотелось схватить какую-нибудь вазу и расколотить ее, а вместо этого вновь приходилось улыбаться, слушать утешения жениха и его слова о том, что он будет с нетерпением ожидать моего приезда. Как и всегда, Эрин надолго не задержался, нежно поцеловал меня на прощанье и уехал.

Честно говоря, было немного обидно. Мне кажется, что пожелай он этого очень сильно, то мог бы изменить свои планы и остаться здесь со мной, чтобы встречаться вечерами и вместе гулять, ведь теперь я была свободна от занятий и домашних

заданий.

Этими мыслями я, естественно, ни с кем не делилась. Было бы глупо говорить нечто подобное, например, Эстер. Она бы просто заявила, что это нормально, что я как будущая жена видного государственного деятеля должна заранее смириться с постоянной занятостью мужа. И все эти речи я знала наизусть, а потому молча переживала в душе и кляла на чем свет стоит ненавистного Амира. Зато не было предела моей радости, когда отработки наконец закончились.

В конце занятия Амир вдруг попросил меня задержаться. Я приблизилась к куратору, ожидая очередной пакости, вплоть до того, что лично мне время дополнительных занятий будет продлено на месяц.

— Впервые вижу такую бурную радость с твоей стороны, Летта. Даже глаза сияют. А ведь ты не добилась сколько-нибудь поразительных успехов в боевой магии. Я всегда полагал, что только собственное превосходство может искренне тебя обрадовать.

— Вы ошибались, куратор Вальенте. Меня радуют многие вещи.

— Например, конец ненавистных отработок, расставание с нелюбимым куратором и поездка к жениху, так?

— Откуда вы знаете? — удивилась я, только потом сообразив, что фактически призналась в том, что он мне ненавистен.

— Да так… — хмыкнул Вальенте. — Желаю приятной поездки, но не слишком бы рассчитывал на долгий и счастливый отдых. Эльмарин Остеус ведь такой занятой человек, у него даже на собственную невесту времени не хватает.

Эти слова отчего-то сильно задели меня, но я отнесла все на счет дурного характера куратора, который просто решил уколоть меня в очередной раз.

— Хочу дать совет напоследок, Летта, тебе не мешало бы поработать над реакцией, и не стоит считать, будто я нарочно занижаю твои оценки. А теперь можешь идти, счастливой дороги.

Я кивнула с самым достойным видом, ни на минуту не поверив его заверениям в непредвзятости, вежливо попрощалась и поспешила домой. Необходимо было отобрать самые красивые платья и украшения. Со мной в путь должна была отправиться служанка, а также дальняя пожилая кузина, которой отводилась в этой поездке роль дуэньи. Мама напутствовала вести себя прилично, не уединяться с женихом, не позволять ему лишнего и все тому подобное.

Отец согласился предоставить лучшую карету. Он все еще помнил тот случай с продажей его подарка и не упускал

возможности напомнить мне о проступке, но сохранение престижа семьи являлось для Роланда Лавальеро самым главным в жизни, а потому мне полагалось приехать в фамильный замок Эрина в роскошном и удобном экипаже. Когда все наконец было готово, а я отправилась в постель, то еще долго не могла сомкнуть глаз, предвкушая приятное времяпрепровождение с самым чудесным мужчиной в этом мире.

Глава 9
О ЧЕМ МОЛЧАТ ЛЕГЕНДЫ

Мы выехали рано утром, поскольку предстояло провести в дороге целый день. Сама поездка не была особенной, мимо проплывал довольно скучный сельский пейзаж, легкий ветерок приятно овевал лицо, проникая сквозь раскрытые окна. Кузина мирно дремала в уголке, а служанка устроилась на сиденье напротив и, как и я, смотрела в окно.

Привал сделали всего один раз возле небольшой гостиницы, где мы с кузиной поднялись в отведенные комнаты, чтобы привести себя в порядок, сменить одежду и пообедать. Затем путешествие продолжилось, и я уже откровенно скучала, поскольку пейзаж за окном не менялся. Только подъезжая ближе к владениям рода Остеус, я почувствовала душевный подъем, предвкушая долгожданную встречу. Мы ехали по извилистой дороге, а вдали виднелись синие скалы. Вдруг за поворотом я увидела среди камней развалины замка.

— Мелинда, — окликнула я служанку.

— Да, мисс Виолетта?

— Посмотри, там древние развалины.

— Что вы, мисс, они вовсе не древние.

— О чем ты?

— Это проклятое место, мисс Виолетта. Неужто вы не знаете? Ведь ваш жених живет неподалеку.

— О чем я не знаю?

— Когда-то здесь был древний храм духу сладострастия эфиальту.

— Что за ерунду ты говоришь, Мелинда?

— Я дело говорю, мисс Виолетта. Я из этих мест родом, а потому историю эту хорошо знаю. Раньше все люди верили в духов, поклонялись им и храмы ставили. Предания о тех временах до сих пор в народе живут. Говорят, и магические способности у людей от духов. Вроде как те, кто был рожден от обычной женщины и духа, и стали первыми магами. Поэтому люди в древности самых красивых дев отбирали, а те перед храмами исполняли танец, потому как духа можно соблазнить, а он свою силу ребенку подарит.

— А женщина могла родить от духа?

— Избранница могла. Потом те времена канули в прошлое, но храмы трогать никто не решался. А некоторым духам люди продолжали поклоняться. Говорят, эфиальт был одним из самых

могущественных. Многие верили, что он может подарить бездетной семейной паре потомство. А потом, во время войн с плебеями, король приказал порушить все храмы да запретил старые верования. Позже территории эти отошли знатному и сильному роду Мирас. На месте старого храма уж красивое озеро образовалось, туда селянки ходили в ворожейную ночь на суженого гадать. После глава рода Мирас дом возвел неподалеку, хотя его предупреждали не злить духа, говорили, что нельзя здесь жить, что дух проклянет весь род и потомки счастья не узнают. Так он не послушал. Видели бы вы, какой здесь красивый замок стоял!

— А ты видела?

— Ну так я картинки видела. Очень красивый! У хозяина дочь была — девица на выданье. От женихов отбоя не было. Приданое богатое, род знатный, сама красавица. Вот только подговорили ее как-то подружки в ворожейную ночь на озеро сходить, сказали, мол, погадаешь, хоть определишься, кого в мужья взять, с кем счастлива будешь. Вот она и пошла. А дальше страсти-то такие приключились, мисс Виолетта.

— Что за страсти?

— Пришли они, значит, ночью на озеро, одежу всю сняли, в воде голышом искупались, а как стали танец исполнять и слова гадательные произносить, так из самой середины озера поднялся мужчина.

— Мужчина?

— Да. Красивый-прекрасивый. Видать, прельстил его девичий танец. Только девки напугались до смерти, завизжали и бросились наутек.

— Так и бросились голышом?

— А то как же! Не до одежи им было. А вот дочка хозяина не убежала. Не смогла. Ноги будто к земле приросли. А мужчина тот прямиком к ней направился, схватил девушку на руки, а она и не воспротивилась. Отнес он ее на постель из травы душистой, там она поутру и проснулась одна.

— Одна проснулась?

— Ну так конечно. Дух-то поутру исчез.

— А это дух был? Наверное, сам дух сладострастия.

— Знамо дело, сам эфиальт. Ему, мисс Виолетта, ни одна женщина отказать не сможет. Только эфиальт — не добрый дух, а с той, кто его соблазнит, беда может приключиться.

— Что за беда?

— Будет он каждую ночь к ней во сне являться, ночи вместе проводить да силу и жизнь из тела вытягивать.

— Зачем?

— Да кто его знает? Может, из мести, а может, еще зачем. Вот и говорят, что стала с тех пор дочка хозяина сама не своя. Таяла день ото дня. Голову от любви к духу своему потеряла. Сама на озеро бегала каждую ночь, пока отец не прознал и не запер ее в доме. Стала она тогда будто помешанная. Эфиальта своего все призывала. Отец докторов лучших позвал, а те помочь не смогли. Один лишь старец древний с безумием девичьим совладал. Велел насобирать цветов белых и лиловых, что вокруг озера росли, да всю комнату деве украсить. Вот тогда и пришла она в себя.

— Успокоилась, значит?

— Притихла, перестала на озеро рваться. Вот только, мисс Виолетта, спустя недолгое время выяснили, что ребенка она ждет.

— Ребенка? Еще скажи от духа ребенок тот.

— От него самого. Духи, когда избранницу среди людей находили, дарили ей дитя. Вот и Эльвира забеременела. Вы только представьте, какой позор отцу ее! Чтобы никто не прознал, выдали девицу быстренько замуж за другого аристократа, правда, нищего, еще и приплатили ему. А когда ребенок родился, сделали вид, что недоношенный и рожден от мужа. Вот только Эльвиру это все не спасло. Она, как дитя родилось, ушла ночью из дома и пропала. Так и не нашли ее. Говорят, к суженому своему, эфиальту, ушла.

— Любишь же ты, Мелинда, всякие небылицы слушать. К чему такие сказки выдумывать? Просто девица до свадьбы другому мужчине отдалась и забеременела, а родители позор ее скрыть пытались, за нелюбимого выдали. Она и утопилась в конце концов.

— Не верите вы легендам, мисс Виолетта. А легенды не врут. И доказательство тому есть. Ребенок ведь вырос, наследовал за дедом своим дом и владения.

— И что тот ребенок, на духа похож был?

— С виду обычный мужчина, но говорят, что от отца своего он необычные свойства унаследовал, какие не всякому магу даны. Вот только ни отец, ни дед его не любили. Боялись даже. А потому, как стал постарше, сослали его в дальнее королевство учиться. А в иных королевствах, сами знаете, у них такое вольнодумство царит. Вот когда он возмужал и домой вернулся, дед уж умер, а отец совсем болезный стал. И этот Адриан начал всем заправлять. К аристократам никакого уважения не выказывал. Все о равенстве твердил. И все он по-своему делал, ни король, ни традиции аристократические ему не указ. Разозлил он владыку нашего непослушанием, а потому велел король его схватить и в тюрьму бросить, а земли и владения отобрать. Только, говорят, сбежал Адриан в последний момент, не иначе

как дух ему помог. Не схватили его и найти потом не смогли. Но пообещал он, что вернется и отомстит. Такие вот страсти, мисс Виолетта.

— А с замком что приключилось? Почему новому владельцу не отдачи?

— Так разрушился замок. За ночь одни руины остались. Никто этого не видел, только грохот в селе слышали, а когда прибежали, одни развалины нашли. С тех пор никто здесь поблизости не селится, и хозяина единого у земель этих нет. Теперь вот вашему жениху достались в награду за службу хорошую.

— Послушай, Мелинда. Если ты говоришь, что легенды не врут, то где же озеро заколдованное?

— Исчезло, мисс Виолетта, будто испарилось. Там теперь пустая глубокая чаша в земле, одни камни на дне лежат. Говорят, что в лунную ворожейную ночь озеро вновь появляется.

— Так и появляется?

— Истину вам говорю.

— Твою истину легко можно проверить, Мелинда. Достаточно в полнолуние на это место прийти и посмотреть, появится ли озеро.

— Да кто же решится на такое? Страшно ведь до ужаса.

— Тому страшно, кто в этот бред верит. Полнолуние у нас через три дня, вот и пойдем с тобой вместе. Посмотришь, что все это вранье и небылицы. Глупости, из-за которых люди на этом месте ничего построить не могут. Столько земли впустую пропадает.

— Да что вы, мисс Виолетта. Да я ни в жизнь не решусь прийти сюда ночью. Еще заберут нас в суженые эфиальт или сын его.

— Сказала — придешь, значит придешь. Я тебе приказываю.

Мелинда так до самого замка Остеусов и промолчала, забившись в угол кареты. А меня всегда ужасно злили подобные глупости. Верить в полную чушь, еще и рассказывать всем об этом. В своем окружении терпеть всякую ересь я была не намерена. Хотя таким людям словами ничего не докажешь. А значит, поведу ее ночью на предполагаемое озеро, пусть сама убедится. Выгонять хорошую служанку не хотелось, а урок преподать не помешает.

Когда карета подъехала к крыльцу высокого каменного замка с цветными витражными стеклами в окнах и витыми решетками на балконах, раздался восхищенный возглас обеих моих спутниц. Вся темно-синяя дорожка, расстеленная на серых ступеньках, была усыпана лиловыми лепестками. Эрин как раз спускался с

крыльца, чтобы подать мне руку, а слуга распахнул дверцу кареты.

— Виолетта, как я рад видеть тебя, — произнес мой жених, склоняясь и целуя затянутые в ажурную перчатку пальцы.

— Вся дорожка в лепестках, — улыбнулась я.

— Это необычные цветы. Эти розы я приказал специально вывести в оранжерее. Они названы в твою честь и столь же прекрасны и нежны, как и ты, моя дорогая. Их аромат подобен едва уловимому и столь изысканному шлейфу твоих любимых духов.

Я смущенно поправила упавшие на плечи локоны, промолчав о том, что так пахнут не духи, а та маска, которую служанка наносит каждый раз перед мытьем моих волос. В нее и правда входило розовое масло, но сам аромат не был моим любимым.

— Могу я поцеловать свою невесту? — нежно спросил Эрин, а я робко подняла голову, любуясь его красивыми темными глазами.

— Конечно, но лучше, когда мы останемся наедине, здесь слишком много слуг.

— Твое слово — закон, моя дорогая, — улыбнулся жених и повел меня внутрь замка.

Честно говоря, я ожидала, что эти каникулы мы проведем вместе, а потому удивилась, когда обнаружила, что в замке гостят родители Эрина. Его матушка была очень рада меня видеть, а отец отвесил изысканный поклон и вежливо улыбнулся, сказав, как счастливы они лицезреть такую очаровательную гостью в их доме.

— Ты наверняка устала с дороги, Виолетта, — проговорил жених, выводя меня из гостиной в холл к подножию широкой, уходящей на второй этаж лестницы. — Предлагаю подняться в отведенные тебе комнаты, отдохнуть, а через час спуститься к ужину. Твоя мама любезно сообщила рецепты твоих любимых блюд, и именно их сегодня подадут к столу.

— Ты такой заботливый, Эрин, — улыбнулась я.

— Всегда рад возможности доставить тебе удовольствие, — шепнул жених и нежно меня поцеловал.

Не знаю, правда, чего я ожидала от поездки. Думаю, помимо радости от встречи с любимым женихом, хотела ощутить его внимание, послушать комплименты, каждый день купаться в восхищении и нежности. Вместо этого нам приходилось вести себя очень чинно: никаких лишних слов, жестов или откровенных взглядов. Эрин к тому же большую часть дня работал с бумагами в кабинете, а я либо составляла компанию его матушке за вышиванием платочков и шитьем одежды для нуждающихся, либо

бродила в парке.

Со скуки даже решила отправиться в библиотеку, хотя и думала, что до начала занятий отдохну от книг и премудрых наук. Бродя между полками, просматривала различные научные труды, исторические записи, книги о выдающихся деятелях королевства, только в дальнем углу я смогла обнаружить что-то интересное. Там, покрытые толстым слоем пыли, на небольшой полке стояли в ряд три толстые книги по истории рода Мирас. Мне стало любопытно узнать, насколько же слухи соответствуют тому, что произошло на самом деле.

Пролистав первую книгу, обнаружила, что в ней рассказывается об основоположнике рода и его заслугах перед тогдашним правителем. Рассудив, что интересующая меня история, окончившаяся падением и вымиранием рода, должна содержаться в последнем томе, достала третью книгу, села в кресло и принялась листать страницы. В самом конце я натолкнулась на имя Адриана Мираса и перешла в начало главы.

Легенды оказались очень тесно связаны с историческими фактами. В книге говорилось, что Адриан был последним представителем рода Мирас, что мать его умерла от родовой лихорадки, что воспитывали юношу отец и дед, которые отправили его учиться не в Академию аристократии (что действительно странно), а в далекое королевство Танкелир. Там молодой человек освоил положенные науки, а после, вместо того чтобы вернуться домой, отправился путешествовать и, кажется, даже переплывал море и посещал иные страны. Когда Адриан вернулся на родину, его дед уже умер, а отец мучился от неизлечимой хвори, и молодой человек принял на себя все дела по управлению поместьем.

Управлял он очень хорошо, поместье процветало, но у молодого Мираса совершенно не складывались отношения с соседями. Кто-то из них доложил королю о вольнодумстве Адриана, о том, что тот обучает слуг грамоте и магии, что он не чтит аристократических законов и совершенно неуважительно относится к правителю королевства. Тогда Адриана вызвали ко двору, но он отказался явиться, отговорившись занятостью.

Подобная наглость разозлила короля настолько, что он приказал схватить юношу и притащить во дворец силой, дабы заключить дерзкого аристократа под стражу. Когда вооруженные до зубов королевские воины явились к замку, то Мираса в нем не застали, и никто не мог сказать, куда он исчез. Сам замок был разрушен в ту же ночь. Сей факт объяснялся тем, что скала, на которой он стоял, на протяжении многих лет размывалась изнутри подземными водами, и в конце концов часть скалы

обвалилась, а строение вследствие этого превратилось в руины.

Закрыв книгу, я еще долго размышляла о природе человеческой глупости. Почему, объясните мне, люди так любят сочинять небылицы? Это надо же, столько всего напридумывать!

— Мисс Виолетта, не стоит, право слово. Давайте не пойдем.

— Я обещала, что мы сходим к озеру, и ты лично убедишься, что все это выдумки. Я сама читала об истории замка и последнем представителе рода. Ничего о духах там не написано, ни единого слова.

— Да кто же об этом писать-то будет, мисс Виолетта?! Вот только все правда.

— Мать Адриана умерла после родов от лихорадки.

— Пропала она, мисс Виолетта, а родные это скрыли. И про сына, что не от мужа рожденный, тоже никому не говорили.

— Если не говорили, то почему об этом в легендах рассказывают? Ведь и магия у людей от духов, и Адриан много лет назад от духа родился, а потому сам исчез, еще и замок разрушил собственными силами — наверное, чтобы королю сокровища его не достались.

— Вот вы смеетесь, мисс Виолетта, а сами-то объяснить можете, откуда магия пошла, ежели не от духов?

— А что в магии особенного? У каждого человека она есть, как и дар к чему-то определенному. Это обычные энергетические потоки в нашем теле, которыми мы учимся управлять. Те, кто хорошо учится, становятся замечательными магами, а кто не умеет управлять своей силой, остаются неучами. Все очень просто. Эти процессы научно обоснованы, для каждого магического действия выведены определенные формулы.

— А что же тогда есть такие маги, которые… ой, пришли, мисс Виолетта.

Я остановилась, рассматривая груды камней, освещенные бледным светом луны. Позади развалин скала резко обрывалась вниз, словно падала в бездонную черную пропасть. Чуть вдали от руин виднелось углубление в земле. Пожалуй, озеро и правда было, но только вода могла уйти в землю, когда произошел обвал породы.

— Страшно, мисс. Тихо так, аж жуть. Луна сегодня красная встала, не к добру это.

— Перестань трястись, Мелинда. Пошли вперед.

— Не пойду я, здесь останусь.

— Останешься здесь — завтра же выгоню.

— Мисс Виолетта!

— Идем к озеру.

Мы осторожно пробирались между огромных камней, но пришлось остановиться, когда луна скрылась за тучами. Стало так темно, что идти вперед означало споткнуться о какой-нибудь булыжник.

— Знак это, — зашептала служанка, — домой возвращаться надо.

— Прекрати трусить, вон луна снова выглядывает.

В этот миг круглое светило действительно появилось из-за тучи и вновь осветило заросшие плющом камни.

— Мисс Виолетта, мисс Виолетта, вы только взгляните, плещется!

— Что плещется?

— Вода, мисс!

Я глянула в сторону озера и едва не отшатнулась от испуга, но переборола себя и всмотрелась внимательней. Чашу в земле застилал белый туман, оттого казалось, что там плещется вода.

— Это всего лишь туман, Мелинда.

— Да откуда он взялся? — зашептала служанка. — Клянусь вам, мисс, там под ним вода.

— А вот сейчас и проверим! — Я махнула девушке рукой, подавая знак следовать за мной, и подошла к самому краю бывшего озера.

Опустившись на колени, склонилась вниз и погрузила руку в молочные хлопья. Я ощутила лишь холод, никакой воды внизу не было, зато руке вдруг стало слишком зябко, даже пальцы занемели. Быстро выпрямившись, посмотрела на побелевшую ладонь — было такое странное чувство, словно кожу пощипывает. Я оглянулась, но Мелинду не увидела. Поднявшись на ноги, развернулась назад: побледневшая девушка пряталась за большим камнем и смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

— Здесь нет воды, обычный туман, — громко сказала я, а служанка вдруг побледнела, раскрыла рот, вытянула руку, указывая куда-то позади меня, и сползла на землю, лишившись сознания.

Я резко обернулась и… ничего не увидела. Луну вновь заволокло тучами, и такая непроглядная темень царила вокруг, неестественная черная мгла, в которой я даже своих рук не видела. Мне стало сильно не по себе, а честно говоря, я по-настоящему испугалась. Показалось, что ощущаю чье-то присутствие. Было так холодно, что мурашки побежали по коже. Может, все померещилось с испуга, но я, кажется, почувствовала на себе пристальный взгляд нечеловеческих глаз, способных хорошо разглядеть меня в этой темноте. И это было жутко, я не

видела ничего и не могла даже пошевелиться. Тело заледенело, а воздух словно сгустился вокруг, даже вдохнуть не получалось. Когда голова уже закружилась, а из горла вырвался хрип, первый серебристый луч упал на кончики моих туфель. Я смогла наконец вдохнуть, а тьму вокруг рассеял лунный свет. Передо мной все так же стелился белый туман, а по краю озера распустились белые и лиловые цветы, похожие на ирисы. Воздух наполнился их ароматом, пряным, душистым, слишком тяжелым. Я отступила, ощутив бурную радость от того, что могу двигаться. Кинулась назад и попыталась привести в чувство служанку.

— Мелинда, Мелинда, да очнись наконец!

Девушка слабо заворочалась, приоткрыла глаза, увидела меня и закричала.

— Что ты орешь? — Я хорошенько встряхнула служанку за плечи.

— Мисс Виолетта?

— Я это.

— Ой, мисс! Бледны-то как! Я решила, что передо мной призрак Эльвиры, что она пришла меня с собой увести.

— Не дури, Мелинда. Вставай давай, идем домой.

Я протянула руку, и девушка схватилась за нее, а потом вновь отшатнулась с криком:

— Мамочки мои!

— Что опять?

— Рука у вас, мисс Виолетта, чистый лед.

Я посмотрела на ладонь той самой руки, что опускала в туман. Она казалась очень белой, и я ее впрямь не чувствовала. Закрыв глаза, попыталась направить энергетический поток в заледеневшие пальцы, чтобы вернуть ладони чувствительность. Попытка оказалась неудачной, пришлось предпринять еще несколько, пока я не ощутила покалывание, а кровь снова не прилила к руке, и та стала потихоньку согреваться.

Когда я наконец пошевелила пальцами, то увидела на ладони едва различимый рисунок, напоминавший тонкую веточку с маленькими ажурными завитками, похожий на морозный узор, каким я запомнила его из детских книжек с картинками. Если я поворачивала руку, он немного серебрился в свете луны. Подняв голову, посмотрела на служанку, чтобы понять, заметила ли она, но Мелинда смотрела в сторону озера, не отрывая глаз.

— Что ты там увидела, Мелинда, почему в обморок упала?

Девушка с трудом сфокусировала взгляд на мне.

— Страшно так, мисс Виолетта. Вы там стояли, а позади вас он появился. Сам эфиальт! Только мне говорили, что он красивый мужчина, а это был дух, призрак. Я страшнее в жизни не видела!

Оскал на лице нечеловеческий, а глаза синим огнем светятся, он взлетел над озером и к вам руки протянул, я думала, убьет на месте, жизнь из тела вашего вытянет в тот же миг, а дальше провалилась в небытие, насилу в себя пришла. Батюшки мои, что теперь будет?

— Что будет? Померещилось тебе со страха. Озеро мы проверили, воды там нет, пора идти домой.

— Проклял он вас, мисс Виолетта, точно проклял. Теперь обязательно несчастье какое случится.

— Ты определись, Мелинда. То ты говорила, что ночами во сне являться будет, теперь о проклятии твердишь.

— Духи, они по-разному наказать могут. Кабы прельстился вами, то приходил бы во сне, а после ночи любви забирал бы по крупинкам душу и жизнь, пока не убил. А коли просто разозлился, то мог и проклясть, только как, неведомо, но ничего хорошего ждать не приходится.

— Прекрасно. Раз неведомо, то и нечего глупости говорить. Идем уже.

Я поднялась на ноги и зашагала между камней обратной дорогой, а Мелинда подскочила и бросилась за мной, точно ужаленная.

Глава 10
ЗНАКИ

Пробраться в замок не составило труда. Я заранее оставила открытыми небольшую калитку в стене и дверь, ведущую на черную лестницу. Прокравшись в комнату, быстро переоделась в ночную сорочку, умылась и легла в постель.

Когда я проснулась, солнечные лучи уже пробивались сквозь неплотно задернутые шторы. Я поднялась с кровати и подошла к окну. Солнце стояло почти в зените. Неужели уже полдень?! Что обо мне подумают родители Эрина, я ведь не явилась на завтрак?! И где Мелинда? Почему не разбудила? Я схватила со стола небольшой зеленый шар и сжала в ладони. Подобный способ оповещения слуг о том, что их вызывают хозяева, давно уже заменил старинные колокольчики. Шар в комнате Мелинды должен был загореться ярко-зеленым светом.

Мне пришлось прождать минут двадцать, но девушка так и не явилась. Ничего не оставалось, как самой натянуть на себя платье и перехватить взлохмаченные кудри шелковым шарфом. Первым делом отправилась в комнату нерадивой служанки, чтобы дать той нагоняй. Пусть она и бродила со мной полночи по развалинам, но все-таки негоже столько спать.

В комнате Мелинды шторы тоже были задернуты, а девушка крепко спала.

— Мелинда, — позвала я с порога, — живо поднимайся!

Она никак не отреагировала на мои слова.

— Мелинда! — Я подошла к кровати и склонилась над служанкой. Она была невероятно бледна, кожа на руках оказалась очень холодной на ощупь. — Мелинда, — уже тише позвала я, пытаясь привести девушку в чувство.

Лишь спустя минуту она открыла глаза, и я вздохнула с облегчением.

— Что с тобой?

— Плохо, мисс Виолетта, очень плохо.

— Где болит? Я врача позову.

— Не болит. Сил совсем нет, вытянул он их из меня, даже пошевелиться не могу.

— Кто вытянул?

— Приходил он ко мне, мисс Виолетта. Увезите меня отсюда. Спасите, заклинаю вас.

— Мелинда… ты полежи, отдохни, может, застудилась вчера? Я прикажу позвать врача.

— Не поможет он мне. Уезжать нужно, мисс Виолетта. Пока он надо мной полную власть не взял. Умру я вскоре, а он душу себе заберет, чтобы жила с ним в проклятом озере. Нельзя с духами связываться, мисс, ни с ними, ни с теми, кто от них рожден. На беду мы с вами на озеро ходили.

Я отвернулась от бредящей служанки. Сердце внезапно сдавило. Сегодня при ярком свете нового дня мне казалось, что все вчерашние события явились лишь плодом фантазии, я ведь так ничего и не увидела там, на озере, а кожа на ладони была такой же гладкой и чистой — от символа и следа не осталось. Зато Мелинда заболела, не иначе переохладилась, а может, сильный испуг сыграл свою роль. Чего только не примерещится суеверной девушке в ночной темноте. Я поспешила вниз, чтобы найти Эрина, но столкнулась с ним на лестнице.

— Виолетта, я шел к тебе. Как себя чувствуешь? Ты не заболела? Отчего у тебя такой взволнованный вид?

Я невольно потянулась руками к растрепанным волосам и неожиданно вспомнила, что одета в домашнее платье, то самое, в котором прилично проводить время у себя в комнатах, занимаясь, например, шитьем, а не разгуливать по чужому дому на глазах слуг и родителей будущего супруга. В таких нарядах дамы предпочитали являться на свидания к любовникам. Вниз не надевался тугой корсет, лишь соблазнительное нижнее белье, а завязки находились спереди — стоило потянуть за кончик тесемки, и шнуровка мгновенно распускалась, а платье спадало с плеч. Пускай мой наряд и был довольно скромным, а не полупрозрачным, например, но сам факт, что я забыла про приличный внешний вид, внушал опасения. Кажется, на мне плохо сказываются ночные прогулки и общение с суеверными служанками.

Я сделала шаг назад, щеки запылали румянцем. Эрин же окинул меня взглядом, а в глазах появился непонятный блеск.

— Моя служанка заболела. Я шла к тебе, чтобы попросить вызвать доктора. Прости, я совсем позабыла, что не оделась должным образом.

— Ты выглядишь очень мило. Если нужна помощь, я могу прислать к тебе служанку моей матери.

— Нет, не стоит. Просто пригласи Мелинде врача, а я пока поднимусь в комнаты, приведу себя в порядок. Ты можешь позвать вашего домашнего доктора, он же живет на территории замка?

— Боюсь, Юнбер откажется осматривать служанку, но я распоряжусь вызвать лекаря из деревни.

— Спасибо. — Я стремительно развернулась и быстро

направилась в свою комнату, просто сгорая от стыда.

Мое нервозное состояние сказалось и на попытках привести себя в порядок. Платье я натянула, но завязки на спине не поддавались и совершенно отказывались зашнуровываться. С прической тоже возникли проблемы, я даже с досады швырнула в стену расческой, потеряв терпение в борьбе с непослушными кудрями. Ну что за день сегодня такой? С самого утра не задался! Теперь еще и простейшие бытовые заклинания из головы выскочили от расстройства. Стоило и правда воспользоваться услугами служанки. Стук в дверь привлек внимание, и я обрадовалась, что Эрин все же отправил для меня помощницу. Крикнув «войдите!», ожидала появления девушки и очень удивилась, когда в комнату вошел мой жених.

— Виолетта, я пришел сказать, что за лекарем послали, а также хотел пригласить тебя на прогулку в экипаже. Родители изъявили желание съездить на дальние фермы, устроим там пикник. Ты согласна?

— Да, конечно, — ответила я, снова смущаясь. Положительно, день сегодня неудачный. В который уже раз предстаю перед Эрином в совершенно неподобающем для леди виде.

— Виолетта, милая, отчего ты так смущена?

— Все хорошо, я просто немного запуталась в заклинаниях. Сейчас приведу себя в порядок, и можем ехать.

— Позволь мне помочь, — улыбнулся жених, а потом приблизился и, не слушая возражений, весьма ловко затянул шнуровку на спине, чем несказанно меня удивил.

Потом Эрин коснулся моих волос и провел по запутанным локонам ладонями, а они под его пальцами распутывались сами собой и ложились красивыми завитками. Даже когда волосы был приведены в порядок, жених не убрал рук, а продолжал ласково перебирать золотые пряди, любуясь их сиянием в солнечном свете. Когда он поймал один локон и прижал к губам, я залилась румянцем до самых ушей, а Эрин вдруг развернул меня к себе и обнял руками за талию.

— Ты так мило смущаешься, Виолетта, но стоит ли быть столь застенчивой с тем, за кого вскоре выйдешь замуж?

— Извини, ты застал меня врасплох, я сегодня сама не своя.

— Ты здорова? — с тревогой в голосе осведомился жених.

— Да, просто ощущаю небольшую усталость.

— Поездка пойдет тебе на пользу, — улыбнулся Эрин, а потом склонился ко мне, а я подалась назад и уперлась в комод спиной. Сильные мужские руки тут же поймали меня в тесный капкан, и твердые губы накрыли мои, подарив нежный, но в этот

раз гораздо более настойчивый поцелуй. Жених отпустил меня лишь спустя несколько минут и, пока я восстанавливала дыхание, вновь ласково коснулся рукой волос и сказал, что будет ждать внизу.

Поездка вышла интересной. Мы очень хорошо провели время вместе, послушали увлекательные рассказы отца Эрина из придворной жизни и отведали прекрасных фруктов из замковой оранжереи. Потом жених повел меня прогуляться и, как он сказал, полюбоваться самым красивым видом на его владения.

Мы вышли на высокую скалу. Перед нами как на ладони лежал чудесный пейзаж: прекрасная долина с серебристой лентой реки, темно-зелеными пятнами лесных островков, красными крышами крошечных сельских домиков, белоснежными облаками, плывущими в вышине, и виднеющийся вдали каменный фамильный замок. Я любовалась всем этим великолепием, а Эрин неслышно подошел сзади, положил руки на талию и прижал спиной к своей груди.

Мы молча стояли, я наслаждалась покоем и красотой, но предательский взгляд то и дело возвращался к старым развалинам на другой высокой скале вдалеке, хорошо заметным даже отсюда. Тревога не покидала мою душу, я никак не могла избавиться от навязчивых мыслей и вновь бросила взгляд на свою ладонь — совершенно обычную, без магических символов.

Что же теперь делать? Мелинда и правда верит в проклятие, не удивлюсь, если под воздействием разыгравшегося воображения она и сны видит о своем эфиальте. Стоит ли уезжать или попробовать поговорить о происшествии с Эрином? Я задавалась этими вопросами, не зная, что предпринять. Решила, что стоит дождаться заключения лекаря, а потом уже строить дальнейшие планы. Хотя уезжать совершенно не хотелось. Я ждала этих каникул, я хотела провести время с женихом, и он даже находит редкие минуты в своем плотно забитом графике, чтобы оставаться со мной наедине и вот так обнимать.

— О чем ты думаешь? — шепнул Эрин на ухо.

— Просто смотрю на те руины. Слышала, там раньше стоял другой замок?

— Да. — В голосе жениха внезапно проскользнули стальные нотки. — Это был замок предыдущих владельцев здешних земель — рода Мирас. Последний отпрыск оказался совершенно никудышным человеком и потерял все по собственной глупости. Как видишь, мы выстроили новый дом, и теперь это фамильная собственность, то, что я передам нашим с тобой детям.

При этих словах руки жениха крепче сжали мою талию, я

ощутила жар его ладоней и горячее дыхание, что коснулось шеи.

— А почему вы не уберете камни?

— Из-за деревенских жителей. Они верят в древнее проклятие, в то, что нельзя тревожить некоего духа, и если начнем все сносить, то это вызовет сильное недовольство. Знаешь, родители даже не пускают своих дочерей близко подходить к этому месту. Но периодически случается, что кто-то из деревенских заболевает, обычно как раз молодые девушки.

— А чем заболевают? — Мой голос заметно дрогнул.

— Я полагаю, что в развалинах, может быть, на камнях или в траве, поселилась какая-то зараза. Возможно, споры неизвестной или неисследованной болезни. Полагаю, это проделки Адриана. Нарочно наложил чары на то место, чтобы никто не отыскал сокровищ его рода. Согласно слухам, именно там они и спрятаны.

— Но почему девушки становятся жертвой чар?

— Ходят туда гадать, вот и цепляют эту заразу. Что возьмешь с глупых необразованных селянок?

— А как болезнь протекает?

— Слабость, галлюцинации, отсутствие аппетита, человек постепенно словно усыхает, теряет силы и может погибнуть. Наш домашний доктор жаловался, что сельский лекарь по этому поводу устроил целый скандал и требовал исследовать причины заболевания. У него в селе погибли четыре девушки за последние несколько лет.

Я вдруг вспомнила удушливый запах неизвестных белых и лиловых цветов, от которого кружилась голова. Что, если это он рождает галлюцинации?

— А вы исследовали?

— Виолетта, к чему тратить время и силы на такие глупости, когда есть более важные дела, чем ползать по развалинам и искать споры странной болезни? Ты, главное, сама к этим камням не приближайся.

Вопрос о том, рассказывать ли жениху о ночном происшествии, отпал сам собой.

По возвращении в замок мы застали там деревенского лекаря, который, однако, совершенно меня не обрадовал. Более всего раздосадовало то, что и он дал совет увезти Мелинду обратно в столицу, поскольку там лучшие врачи, а лично он с этой болезнью совладать не в силах. Решение уехать не вписывалось в мои планы, но навязчивая совесть беспокоила каждую минуту, пока я окончательно не потеряла терпение. Я решила поговорить с Эрином об отъезде, когда меня пригласили в его кабинет.

— Виолетта, дорогая, присядь, пожалуйста.

Жених указал на удобное кресло возле окна, а сам встал рядом. Он облокотился на оконную раму и устремил задумчивый взор в роскошный сад, а я любовалась его красивым мужественным профилем, черными блестящими волосами, широким разворотом плеч и элегантным костюмом, безупречно сидящим на высокой, атлетически сложенной фигуре.

— Очень грустно говорить об этом, но меня вызывают в столицу дела. Я не могу отложить их, к великому сожалению. Родители останутся здесь, и ты можешь еще погостить, ведь тебе понравились здешние места?

Я молча слушала жениха, а с души будто тяжелый камень свалился.

— Мне действительно грустно, что приходится вновь расставаться с тобой и впредь довольствоваться редкими встречами. Уповаю лишь на то, что после свадьбы ты наконец-то будешь жить рядом, и даже если днем я буду занят, ночи мы сможем проводить вместе.

На последних словах Эрин повернулся, протянул руку и помог мне подняться.

— У меня подарок для тебя. — Жених достал из кармана плоскую коробочку алого бархата, раскрыл ее и вынул превосходно выполненную бриллиантовую заколку. У меня вдруг дыхание перехватило, но не оттого, что вещь была по виду чрезвычайно дорогой, а потому что по форме она напомнила тот самый морозный узор, проявившийся на ладони в памятную ночь. Легкие и тонкие золотые нити переплетались с более толстыми спиралями, красивые ажурные завитки были усыпаны бриллиантами, сверкавшими радужными искрами, подобно кристаллам снега. Что это? Откуда?

— Позволь, я застегну ее.

Я повернулась к жениху спиной, а он вытащил шпильки, скреплявшие прическу, и заколол рассыпавшиеся локоны новой заколкой.

— Тебе невероятно идет, — заметил Эрин и поцеловал кончики моих пальцев. — Нравится?

— Очень. Что это за узор?

— Ты имеешь в виду форму заколки?

— Да.

— Не задумывался над этим. Я купил ее у ювелира, он рассказывал, что подобные украшения очень редки, их то ли делают, то ли делали давно в другом королевстве. К нему заколка попала случайно, но я не интересовался как. Мне показалось, что только она достойна украсить твои великолепные волосы, и я сразу ее купил.

— Спасибо, — ответила я, поднимаясь на цыпочки и награждая жениха поцелуем.

Глава 11
ПЕЧАТЬ ДУХА

— Приветствую, студенты. Хорошо провели каникулы? Полагаю, вы невероятно счастливы вернуться к учебе, — ухмыляясь, говорил Амир, оглядывая наши лица, выражавшие все что угодно, но только не счастье.

Все сидели понурые, грустные, учиться никому не хотелось, даже мне стоило большого труда сконцентрировать внимание на словах преподавателя.

— Надо же, — так же насмешливо протянул Амир, — похоже, все сегодня не в духе. А мое занятие последнее, да? Так и быть, отпущу — толку от вас сейчас никакого. Завтра чтобы в себя пришли, проведем небольшую проверку, посмотрим, что у вас в головах еще осталось. Идите.

Шум, раздавшийся вслед за его словами, свидетельствовал о том, что Амир стал любимым преподавателем всего потока, по крайней мере сегодня. Я не спеша поднялась, хотя не терпелось броситься вслед за остальными. Первый день учебы действительно выдался тяжелым.

— Виолетта, останься.

У-у-у, кто бы сомневался!

— Да, куратор Вальенте, чем могу помочь?

— Спланируй тренировки группы и подготовь для меня график. Здесь расписание занятий, нужно заполнить пустые графы.

— Хорошо. Сделаю и завтра вам отдам. — Я протянула руку за листами и задела локтем прислоненную к столу трость. Пришлось наклониться и поднять, но, когда рука сомкнулась вокруг набалдашника, ее обожгло как огнем. Невольно вскрикнула, отдергивая ладонь.

— Что такое? — недовольно спросил Амир. Он поднял свою трость, внимательно осмотрел. — Что там у тебя?

Я отступила, сжимая руку в кулак, а Амир вдруг резко подался вперед, схватил запястье и, подтащив меня к себе, с силой разжал ладонь.

— Что за… — выругался куратор, рассматривая морозный узор, ярко переливавшийся радужными искорками. — Виолетта, какого… — дальше вновь последовал такой изощренный набор ругательств, что я покраснела.

— Что на твоей руке делает печать духа? — наконец задал понятный вопрос преподаватель.

— Печать духа?

— А ты думала что?

— Я не думала…

— И это не удивляет.

— Я не думала потому, что метка исчезла, ее не было.

Амир наконец выпустил руку, сел на стул и внимательно на меня посмотрел.

— И где наша правильная Виолетта получила проклятую метку?

— Почему проклятую? — Мурашки пробежали вдоль позвоночника, а желудок вдруг скрутило.

— Ты, ходячее орудие для уничтожения половины студенческого потока, не в курсе, что за метка на твоей руке?

Я поняла, что мне тоже необходимо сесть, потому как коленки вдруг мелко задрожали.

— Объясните, пожалуйста, куратор Вальенте.

— Сперва расскажешь мне, где, когда и как ты ее получила, и не вздумай лгать!

Очень неуютно было сидеть под взглядом проницательных глаз старого куратора, но беспокойство в душе все нарастало. Я поняла, что Амир не шутит, было в его лице нечто такое, ясно указывающее на серьезность вопроса. И тогда, набрав в грудь побольше воздуха, неторопливо я начала рассказывать, как служанка поведала старую легенду и к чему это привело. Когда я закончила, куратор долгое время молчал. Мне даже глаз поднимать не нужно было, чтобы ощутить его осуждающий взор.

— Не перестаешь меня разочаровывать, Летта. Что сейчас с той девушкой?

— Мелинда поправляется. Кажется, сны ее больше не беспокоят. Доктор сказал, что галлюцинации — всего лишь симптом этой редкой болезни.

— Даже болезнь назвал?

— Он не назвал, потому…

— Потому что это не болезнь, Летта. Знаешь, есть у тебя одна черта — тобой многие восхищаются, но здесь большую роль играют происхождение и статус, чем личные заслуги. Эти девушки делятся с тобой секретами, пытаются подражать твоим манерам, ошибочно полагают, что ты способна общаться с ними на равных, а ведь тебя лучше не подпускать к внушаемым особам и на пушечный выстрел.

— Почему вы так говорите? — Слова куратора разозлили меня невероятно. Отчего он перекладывает чужую вину полностью на мои плечи? В случае с той же Селеной я сыграла лишь косвенную роль.

— Потому что ты не признаешь за людьми права иметь собственное мнение, осуждаешь людские слабости, свято веришь в свою безгрешность и правильность суждений. И, не переживай я за остальных ни в чем не повинных учеников, я бы бросил тебя ходить с этой меткой и дальше.

Никогда еще мне не было так обидно. И понятия не имею, почему мнение нелюбимого преподавателя настолько покоробило меня. Можно бы просто холодно ответить ему в той же манере, а потом потребовать объяснить, что за метка на ладони, но я смертельно оскорбилась. Доводы рассудка были подавлены волной возмущения, зародившейся в самой глубине души. Молча поднявшись на ноги, я направилась к двери. Никому не позволю разговаривать с собой в таком тоне!

— Стоять! — раздалось вослед.

Я даже головы не повернула, лишь схватилась за ручку двери и потянула на себя. Но дверь не отворилась. Произнесенное заклинание также не возымело эффекта.

— Немедленно откройте замок! — потребовала я у куратора.

— Я сказал, сядь на место!

— По какому праву вы мне приказываете?

— По такому, что по твоей вине может пострадать еще большее количество людей, а ты разыгрываешь из себя обиженную невинность! Села на стул и слушай меня!

Вопреки приказу я схватилась за птицу на шее, желая лишь направить заряд в эсканилор и вышибить эту проклятую дверь. Когда птица засветилась, руку обожгло так, словно я сунула ее в огонь. Эта боль прошлась по всему телу каленым железом. Я беззвучно сползла вдоль двери на пол, птица выпала из разжавшейся ладони, а рисунок ослепительно засиял. В следующий миг я почувствовала, как Амир одной рукой обхватил меня за плечи, а другой сжал мои пальцы в кулак.

— Просто успокойся, — тихо заговорил куратор, — успокойся, подумай о чем-то хорошем.

Я пыталась сдержать слезы боли, ничего хорошего на ум не приходило.

— Представь что-то, что тебя радует.

Руку жгло все сильнее, закрыв глаза, с огромным трудом я заставила себя дышать медленно и подумала об Эрине, его поцелуях, объятиях, но жжение не проходило, а мысли сами перескочили на одно старое воспоминание из детства: я лежала в высокой траве в саду, вокруг порхали разноцветные бабочки, в ветвях пели птицы. Я смотрела на яркие трепетные крылышки и представляла, что лечу вместе с ними высоко-высоко в синее небо, а в душе разливалось чистое, ничем не омраченное детское

счастье.

Я услышала, как выдохнул преподаватель, и поняла, что жжение в ладони уменьшается. Открыла глаза, а Амир раскрыл мою ладонь — метка медленно бледнела.

— Вот теперь можно поговорить, только спокойно, — проговорил куратор, поднимая меня за плечи. — Что представляла? Наверное, свои самые прекрасные украшения? — спросил он, усаживая меня на стул.

— Бабочек, — тихо ответила я, закрывая лицо ладонями.

— Бабочек? — хмыкнул Вальенте, и мне показалось, что голос его несколько смягчился. — Итак, Виолетта, теперь по существу. В том месте, куда вы забрели вместе со служанкой, сформирован колдовской круг. Вы преступили черту и попали под воздействие проклятия. Мелинде повезло больше: у нее изнуряющая болезнь и помутнение рассудка, и лучшее лекарство — это уехать подальше от зачарованного места. Тебе же, милая Летта, досталось в самый раз. Печать духа — это особая форма проклятия, при любом магическом воздействии метка активируется. Ты взяла мой эсканилор, и остаточного заряда в нем хватило, чтобы печать проявилась. Когда ты задействовала собственные силы, это вызвало сильнейшее возмущение метки. А теперь представь, что случилось бы с тобой и окружающими, попробуй ты, к примеру, применить к кому-нибудь магический удар.

Кровь отхлынула от лица.

— Взрыв?

— Магический взрыв — от тебя самой и всего живого на расстоянии шагов пятидесяти вокруг ничего бы не осталось. Убийственная метка, что тут скажешь.

Амир замолчал, а я не могла вымолвить ни слова. Лишь спустя несколько минут с трудом произнесла:

— Жители деревни верят, что дух наслал проклятие, но духов ведь не существует?

— Не берусь ничего утверждать (это я про духов), в жизни много есть такого, что не поддается объяснению, а насчет проклятия — его мог наслать какой угодно одаренный и сильный маг. Как я понял, твой жених предпочитает в то место не соваться. Довольно безопасный подход, для него в первую очередь. Что он сказал тебе по поводу метки?

— Я никому не рассказывала.

— Хм, как удобно. Тебя могло разорвать на меленькие кусочки, и никто бы не понял почему. Кажется, я не вовремя вмешался. Надо было позволить тебе вышибить дверь.

— А вас бы не задело? — со злостью спросила я, поднимая

глаза на усмехающегося куратора.

— Я умею ставить превосходные щиты.

— Что же вы вмешались?

— Чисто практический интерес. Твоя метка ведет себя несколько странно. Она так ярко загорается, словно предупреждает. А это само по себе необычно. По идее печать духа — это взрывной механизм замедленного действия. Она исчезает с кожи, а срабатывает в тот миг, когда ты применяешь магию, и тебя уничтожает собственная сила. А вот здесь, — Амир вдруг снова потянул к себе мою ладонь, пристально вглядываясь в поблекший узор, — здесь у нас не просто метка, а целый рисунок. Вероятно, его даже можно как-то истолковать. Внешне — печать духа, но ты пока жива. Если это своеобразное послание, замаскированное под проклятую метку, тогда оно не отразится на твоей магии. Давай-ка проверять, Виолетта.

— Как проверять? — в испуге спросила я.

— Я кину в тебя заклинание, а ты закроешься щитом.

— Согласно вашим словам, меня должно разорвать на месте.

— Щит — это защитная магия, чтобы метка сработала, он должен истончиться, и вот если этого не произойдет, значит, печать ненастоящая. Вставай и выходи в центр.

— А если истончится?

— Постараюсь спасти тебя во второй раз… наверное.

Понимая, что другого варианта не остается, я прошла на середину возвышения, а Амир остался на своем месте. Он протянул вперед эсканилор, с набалдашника сорвался огненный сгусток и понесся в моем направлении. Я выставила впереди дрожащую ладонь с зажатой в нее птицей и… испугалась создать щит, а огненный сгусток в нескольких сантиметрах от моего лица разбился о невидимую преграду.

— Да что такое, Летта! — взорвался Амир. — Ты разучилась ставить защиту?

Я лишь опустила голову, чтобы он не понял, как мне сейчас страшно. Я испугалась, что меня убьет собственная сила. И настолько растерялась в этот миг, что не сообразила даже подивиться поразительной скорости куратора — он успел поставить впереди меня защиту, чтобы оградить от собственной магии.

— Попробуем еще раз, куратор Вальенте, — негромко произнесла я, вновь сжимая птицу в ладони.

В ответ на мои слова с набалдашника трости сорвался зеленый смерч и, бешено вращаясь, полетел ко мне. Сжав обе ладони вместе, я направила энергию в эсканилор и выставила щит, наблюдая широко раскрытыми глазами, как в него врезается

и рассыпается на мелкие осколки зеленый вихрь. Невыносимая боль обожгла руку, заставив крепко стиснуть зубы.

— Он истончился, нет? — спросила я на выдохе.

— Нет, — неожиданно серьезно ответил куратор. — Тебе повезло, Летта. Это не печать духа, это нечто другое.

Я опустила ладони, метка горела холодным белым огнем.

— Что мне делать? — спросила у задумчивого Амира.

— Не совать свой нос куда не следует и… думать о бабочках, — был ответ, а потом куратор просто вышел из аудитории, оставив меня в гордом одиночестве.

С того самого разговора куратор больше ни словом не обмолвился о странной метке, и я поняла — Вальенте убедился, что я не представляю опасности для других, и бросил меня саму разбираться с проблемами, вызванными опрометчивым поступком. Теперь после занятий я не торопилась домой, а проводила вечера в библиотеке, пытаясь отыскать информацию про духов и метки, пролистывала книги по проклятиям одну задругой, но академия не располагала нужными рукописями. Все, что касалось народных суеверий, было напрочь вычеркнуто из списка обязательного к изучению материала.

Один раз меня посетила мысль, что подобные запрещенные вещи наверняка хранятся в виерской академии магии, но попасть туда не представлялось возможным. Оба учебных заведения были надежно защищены от проникновения нежелательных личностей. В нашу академию не мог свободно войти ни один человек, в чьих жилах не течет аристократическая кровь, и что-то подобное, я полагала, было и у виеров.

С момента появления метки все магические практики для меня стали настоящим испытанием. Руку пронзало болью каждый раз, когда я применяла магию, и мне приходилось молча сносить все это и старательно контролировать выражение лица, чтобы никто ни о чем не догадался. Куратор будто бы позабыл о моем личном проклятии и виду не подавал, что догадывается о боли, которую я испытываю, когда он велит сформировать сферу или отразить чужой удар.

Дабы скрыть сияние печати, я заказала для себя черные перчатки без пальцев, а вместо платья разработала для тренировок удобный костюм, чтобы ни у кого не возникло подозрения, почему я вдруг решила тренироваться в перчатках. Подобное новшество было встречено нашими студентками-модницами на ура, и вскоре уже все девушки приходили на тренировку в костюмах, состоящих из свободной белой рубашки, черного обтягивающего жилета и легких просторных брюк, которые больше походили на юбку, но при этом не путались в

ногах и не мешали проводить бой.

Однажды после окончания тренировки я задержалась в пустом зале. Все уже ушли, а мне пришлось сесть на скамью, потому что сегодняшнее занятие оказалось слишком изматывающим. Я сняла перчатку, метка ярко сияла в полутемном зале. Закрыв глаза, вновь попыталась вызвать в памяти счастливый момент, но вздрогнула от звуков чужого голоса.

— Виолетта, ты в порядке? — Это была веселая толстушка Дениза.

Я быстро сжала руку в кулак, стремясь скрыть рисунок, а девушка уже подбегала ко мне от двери, весело щебеча.

— Как ты себя чувствуешь?

— Устала сегодня.

— Ты разве не пойдешь с нами в чайную? Идем, весело проведем время. Заодно отметим наступающий праздник.

— Я присоединюсь к вам немного позже, — кивнула, чтобы заставить Денизу уйти поскорее. Метка жгла невыносимо.

— Тогда увидимся, — улыбнулась девушка и умчалась из зала.

Я вновь закрыла глаза, прислонилась головой к холодной стене и вызвала в памяти зеленый сад, бабочек, но вздрогнула от нового оклика:

— Ты в своем уме, Виолетта?

Передо мной стоял взбешенный Амир, а я даже не слышала, как он вернулся в зал.

— Ты до сих пор не избавилась от метки и молчала? Ты что, терпишь боль каждый раз, когда проходят тренировки?

— Я не нашла в книгах нужной информации.

— Почему ничего не сказала? Или ты слишком гордая, чтобы признаться в своей ошибке и попросить кого-то из знающих людей помочь тебе? Зор Анделино прекрасно разбирается в проклятиях, ты должна пойти к нему и все рассказать.

— Куратор Вальенте, позвольте мне самой решить, как поступить в данном случае. Всего хорошего. — С этими словами я поднялась и покинула резко замолчавшего куратора.

На следующий день Зор Анделино был уже в курсе моей метки, а я досадовала, что так глупо понадеялась, будто Амир никому ничего не расскажет. Я была уверена, что именно он нажаловался на меня ректору. После пристрастного допроса в ректорском кабинете новость о моей ночной вылазке быстро достигла ушей отца и, естественно, жениха.

Я думала, ничто не может разозлить Роланда сильнее, чем продажа подаренной им кареты, но я ошибалась. Он настолько

сильно возмутился моим поступком, что даже отказался разговаривать на эту тему. Эстер его поддержала, но при этом, напротив, не упускала случая напомнить мне, как сильно я подвела доверие жениха, тайком выбравшись из его дома и отправившись в запретное место. Меня обвинили в излишней взбалмошности, непокорности и еще прочих грехах. Сам же Эрин лишь молчаливо и осуждающе покачал головой, будто говоря, что он ведь меня предупреждал. Никому не было дела, что я узнала о существовании проклятия после того, как побывала на озере.

Глава 12
НЕПОСЛУШАНИЕ

«Да как такое возможно?! Мне что, пять лет?!» — вопрошала я у зеркала, расхаживая по собственной комнате. Меня посадили под замок в наказание и не пустили на площадь, чтобы полюбоваться на праздник Единения. Это был особенный день, когда в Амадин съезжались гости из соседних королевств, на площади устраивались пышные гуляния с фейерверком, танцами и угощением. Сама королевская семья посещала в этот день центр города. А я сидела дома потому, что гадкий Амир наябедничал ректору!

Да какое ему дело до моей метки?! Из-за него я сейчас сижу в своей комнате и слышу только звуки отдаленного праздника. Я ведь тоже туда хочу! Хочу посмотреть на новые интересные вещицы, которые продаются в шатрах иностранных гостей, на представление. Я принялась кусать губы с досады, чтобы не расплакаться. И из окна не выберешься — отец внизу поставил охрану, еще и заявил, что они с матерью мне теперь не доверяют.

— Гадкий, мерзкий куратор! — твердила я, сорвав злость на вышитой шелковой подушке и изо всех сил запустив ею в стену.

Была бы еще польза от его вмешательства! А то ректор лишь подтвердил слова Амира, что это не печать духа. А после добавил, что и рисунок он не узнает, слишком уж тот не похож на обычное проклятие. Сказал, это может быть любая метка, вплоть до печати рода Мирас.[3] Но мне какой прок от этого? Может, лично отправиться на поиски сгинувшего Адриана и вытрясти из него всю информацию про болезненную метку?

Мерзкий Амир! Со злости едва не запустила в стену баночкой с кремом, которую дал мне куратор. Велел наносить мазь на ладонь перед тренировками, чтобы блокировать болезненные ощущения. «Нужна больно его помощь теперь!» — возмущалась я, возвращая баночку на место. Мазь и правда работала, вызывая чувство онемения и помогая избавиться от ощущения жжения в руке.

— И Эрин тоже хорош! Мог бы вступиться за меня и отвезти на праздник! — продолжала неистовствовать я вслух, пиная ногой лиловый пуфик. — Там сейчас все студенты гуляют, развлекаются. А мне нужно заучивать дурацкие стихи о манерах настоящей леди!

Негромкий стук вынудил прекратить избиение несчастного предмета мебели и принять подобающую леди позу.

— Войдите.

— Мисс Виолетта, — в дверь вошла Мелинда, — ваш обед.

Девушка поставила поднос на небольшой столик возле окна. Я заметила, что выглядит она сегодня очень нарядно.

— Собираешься на праздник, Мелинда?

— Вы не пустите, мисс Виолетта? — Девушка выпрямилась и нервно огладила юбку. — Там, говорят, фейерверк красивый будет, очень хотела посмотреть.

— Ну почему не пущу, иди. Наверное, свидание у тебя на празднике? Не зря самое красивое платье надела.

— Да какое там свидание, мисс?!

— А почему нет?

Мелинда снова огладила юбку, опустила глаза в пол:

— Не могу я на других мужчин глядеть.

— Не начинай, Мелинда. Разве не помнишь, что врач сказал? Это все тебе привиделось, все было не по-настоящему.

— Так мои-то чувства настоящие были, мисс. Я такого в жизни не испытывала.

— А чего именно? — Слова служанки разожгли любопытство.

— Как об таком говорить, мисс, — щеки девушки окрасились ярким румянцем, — больно стыдно. Я только одно скажу, не зря его духом соблазна кличут.

— А может, не он дух соблазна, а фантазия у тебя очень бурная?

Служанка в ответ лишь гуще покраснела, а в моей голове родилась превосходная идея.

— Принеси-ка платье служанки, Мелинда. Я с тобой на праздник отправлюсь.

— Так нельзя вам, мисс!

— А никто не узнает.

— Да что вы, мисс Виолетта? Ведь строго-настрого хозяева наказали вас из дома не выпускать.

— Я родителям о твоем участии в той истории ни слова не сказала. Сама знаешь, что выгнали бы тебя в тот же день, а ты мне теперь помочь не можешь?

— Да что вы, мисс, все в неприятности меня впутываете? Что я вам дурного сделала?

— Ну раз ты такая трусиха, то и ступай. Аниту позови, а сама на праздник отправляйся. Не о чем нам с тобой разговаривать.

— Что вы обижаетесь, мисс Виолетта? Для вашего же блага стараюсь. А ну господа узнают, что вы приказ нарушили, что тогда будет?

— Ты им не расскажешь, а больше узнать неоткуда. А вернемся мы раньше, чем они.

— А если кто из знакомых увидит? — причитала Мелинда, пробираясь вслед за мной сквозь толпу.

— Кто меня узнает? Думаешь, будут заглядывать в лицо обычной служанке?

Мелинда раздобыла для меня простое зеленое платье, серую косынку, под которой я и спрятала волосы, а также коричневую накидку на плечи.

— Идем вон туда, смотри, какой шатер.

— Мисс Виолетта, да разве есть у простой служанки деньги, чтобы дорогие вещицы покупать? В таких роскошных шатрах все точно дорогое.

— А может, у меня хозяин очень щедрый, откуда им знать?

Я протиснулась к входу в большой и красивый шатер из темно-синей ткани с серебряными узорами. Внутри стояли длинные столы, вокруг которых толпились люди. Пришлось хорошенько поработать локтями, чтобы пробиться к одному из самодельных прилавков. Я старалась держаться подальше от покупателей, внешность которых говорила о занимаемом ими высоком положении, но в платье служанки никто не обращал на меня ни малейшего внимания. Мелинда держалась рядом, слишком сильно опасаясь потеряться в толпе.

На столах стояли красивые статуэтки, изумительные вазы, зеркала, подсвечники, часы. Только у меня дома всего этого хватало, а потому было неинтересно рассматривать, и я направилась дальше.

У одного из столов толпилось особенно много народу, и мне не сразу удалось протиснуться вперед. Там меня ждало настоящее потрясение. Выставленные здесь вещи по виду являлись исключительной красоты драгоценностями, но меня изумило не это — хрупкий, едва заметный морозный узор в виде ажурной изящной веточки с нежными завитками искусно и причудливо вплетался в форму каждого ювелирного чуда. Я непроизвольно сжала ладонь в кулак и отступила, столкнувшись с кем-то за спиной.

— Эй, девчонка, поосторожнее! — окликнул грубый голос.

— Извините, — пробормотала я.

— Нравится? — вдруг обратился ко мне молодой продавец. Парень широко ухмылялся, протягивая на ладони серебряные серьги с бриллиантами. Еще три молоденькие девушки обслуживали других желающих приобрести украшения. Здесь были даже заколки, немного похожие на мою, и шпильки для волос, и обручи, браслеты, кольца, подвески, и все они казались изумительно красивыми, но при этом абсолютно уникальными.

— Красиво, — тихо ответила я, — а из какого это королевства?

— Танкелир.

Мне стало совсем не по себе. Это то самое королевство, где проходил обучение Адриан Мирас, и теперь я имею возможность лицезреть символику его рода повсюду (теперь все сомнения в том, что так выглядит их родовая печать, отпали). Что за дурацкие совпадения? А может, просто кто-то решил посмеяться и ловко меня разыграл? Может, Мелинда надумала отомстить за то, что я потащила ее на развалины? Я перевела взгляд на служанку, но та лишь с восхищением рассматривала сверкающие украшения, переливающиеся искрами бриллиантов, изумрудов, сапфиров.

— Какая красота! — выдохнула девушка.

— Конечно. Такие вещи вы нигде больше не найдете. Только в нашем королевстве производятся. На них большой сирое, наши аристократы в очередь становятся, чтобы заказ сделать. А тебе, златовласка, вот что подошло бы, — подмигнул продавец, показывая мне аметистовую брошь. Она была в форме цветка, но листочки заменяла все та же ажурная веточка из белого сверкающего металла. В сердцевине располагался большой аметист. — Тут вот какая загадка, на свет погляди. — Парень повернул брошь так, чтобы камень поймал солнечный луч, и тогда внутри красновато-фиолетовых граней загорелся до боли знакомый серебристый узор. — У нас каждое украшение с такой печатью, порой и не всегда увидишь, где она. Жаль, златовласка, у тебя денег не хватит купить.

— Не хватит, — кивнула я, и не собираясь покупать украшение, а из последних сил сдерживая желание резко приструнить фамильярного продавца да поскорее уйти.

— Я бы тебе подарил, но хозяин прибьет.

— А где твой хозяин? — У меня вдруг быстрее забилось сердце.

— Вон там, демонстрирует дамам лучшие образцы.

Я взглянула в указанном направлении. В конце шатра стоял высокий грузный мужчина с большой блестящей лысиной. Его громкий голос долетал даже сюда, иногда перекрывая гомон толпы.

— Вот часы… ручная работа… леди, не хотите ли… кто даст больше…

— Это аукцион?

— Я же говорю, у нас товар всегда спросом пользуется. Иногда несколько покупателей на одну и ту же вещь. Вот и продают тому, кто выше цену предложит. Слушай, златовласка, я

вечером свободен, не хочешь на фейерверк вместе поглядеть?

— Нет. Мне уже домой пора. Всего хорошего.

Я отвернулась и принялась пробираться к выходу, а Мелинда ухватилась за рукав моего платья и быстро засеменила следом.

Снаружи удалось наконец перевести дух.

— Вон там королевский шатер, мисс Виолетта. Нам бы от него подальше держаться. Наверняка в нем ваши родители и жених.

— Наверняка, — кивнула я, поворачивая в другом направлении. — Идем, посмотрим на представление. Артисты должны были подготовить удивительные номера.

— Верно, и они всегда придумывают что-то новое.

Мы с Мелиндой отправились к украшенному помосту в центре площади и остановились за спиной высокого человека, который стоял, слегка сгорбившись, и из-за которого мне ничего не было видно. Я уже хотела окликнуть мужчину и попросить посторониться, как вдруг мой взгляд упал на трость, которую незнакомец сжимал в руке. Сдержав удивленный возглас, я ухватила Мелинду за руку и оттащила подальше, спрятавшись за спинами прочих зевак. Притаившись и оставаясь незаметной для Амира, я стала наблюдать за ним.

Несколько подозрительным показалось мне его поведение. Понятно, что ничего удивительного в его присутствии на празднике не было, но вот этот неприметный плащ с капюшоном наталкивал на мысль, что не одна я хочу быть неузнанной.

Пока Мелинда восторженно вздыхала рядом, любуясь представлением, я не отрывала настороженного взгляда от преподавателя. Казалось, что он тоже полностью поглощен происходящим на сцене, но трость его то и дело постукивала по серой брусчатке, выдавая нетерпение.

Наконец мое долгое ожидание было вознаграждено. Рядом с Амиром остановился еще один человек. Он практически незаметно для стороннего наблюдателя, но не для пристально наблюдавшей меня, протянул куратору какую-то записку. Я выпустила руку увлеченной зрелищем Мелинды и подкралась поближе, остановившись рядом с толстяком, которого представление не смогло оторвать от поглощения огромного бутерброда, и прислушалась. Вокруг было слишком шумно, и до меня долетел лишь обрывок фразы: «…на обычном месте…» Потом куратор обернулся, а я спряталась за чужим внушительным животом и исподтишка наблюдала, как Амир устремляется сквозь толпу.

О-о-очень интересно! Наш куратор не так прост, но я всегда это подозревала. Не зря он мне не нравился с самого начала, я

просто интуитивно чувствовала, что ему нельзя доверять. Вот только в чем он замешан, кому помогает? Я попыталась рассмотреть собеседника Амира, но тот уже удалился на приличное расстояние. Темно-зеленый капюшон скрывал лицо, удалось понять лишь, что это точно мужчина.

Я отправилась следом, стремясь догнать незнакомца, но в этот момент меня вдруг ухватили за руку и резко развернули.

— Мелинда! Ты что так пугаешь?

— Да куда вы исчезли-то, мисс Виолетта?! Я сама до смерти перепугалась, когда вас рядом не увидела.

Повернув голову, я попыталась отыскать взглядом фигуру в темно-зеленом плаще, но мужчина уже затерялся в толпе.

— Эх, вот как теперь понять, в чем Амир замешан? У меня ведь такой шанс был!

— О чем вы, мисс?

— Ни о чем. Пойдем к столам с угощением, попробуем что-нибудь вкусное.

Последующие полчаса мы бродили возле накрытых столов и покупали для себя самые аппетитные и красивые сладости. Мелинда просто сияла, уплетая угощение за обе щеки, а я изредка посматривала на королевский шатер. Бросив очередной взгляд в ту сторону, увидела, как полог откинулся, выпуская наружу Эрина. Следом за ним шла невысокая брюнетка.

— Гелла Итэр, она-то что здесь делает?

— Что, мисс?

— Ничего. Пирожное совершенно безвкусное, — ответила я, бросая изумительное бело-розовое суфле на землю и впиваясь взглядом в беседующую парочку. Эрин говорил о чем-то с серьезным выражением лица, а Гелла стояла неприлично близко, краснела и кокетливо стреляла глазками.

Я наблюдала в бессильной злобе, не имея возможности подойти и вмешаться в их разговор. Эта девица давно уже увивалась за Эрином, как, впрочем, и сотня других дам-аристократок. По знатности рода ей со мной было не тягаться, а вот по красоте… нет, ну я-то все равно лучше!

В этот момент из шатра вышли мои родители и тоже обратились к Эрину. Жених кивнул, и я увидела, как он подал слуге знак.

— Мелинда, кажется, они собираются уезжать?

— Как?! Что, не останутся до фейерверка?

— Очевидно, нет. Нам срочно нужно возвращаться!

— Мисс, они уже в карету садятся, мы не успеем.

— Бежим! — Я схватила Мелинду за руку и помчалась в сторону узкого переулка, через который мы выбежали на другую

улицу. Пытаясь отдышаться, махнула рукой стоявшему неподалеку вознице двухместной коляски.

— Чего тебе? — спросил мужик.

— Срочно в район Цветущих орхидей!

— Ага, щас! У меня перерыв!

— Плачу три серебряных!

Возница оглядел нас с сомнением:

— Да откуда у тебя?

Вынув из кармана деньги, показала ухмыляющемуся мужику. Тот смачно сплюнул на землю и кивнул.

— Ну, садитесь!

— Гони! — крикнула я, запрыгивая в коляску. Бледная Мелинда плюхнулась рядом на сиденье.

— Не успеем, мисс! Не успеем!

— Там сейчас затор из карет на той улице, слишком много экипажей. Лишь бы удалось обогнать!

Возница свистнул, хлестнул лошадь, и мы помчались.

Глава 13
ОДНА ОШИБКА ВЛЕЧЕТ ЗА СОБОЙ ДРУГИЕ

Мы забежали с Мелиндой в дом с черного хода в тот момент, когда родители заходили в дверь с парадного. До меня донеслись слова матери:

— Пойду проверю, как там Виолетта.

Стараясь производить как можно меньше шума, мы с трясущейся Мелиндой помчались вверх по узкой лесенке для слуг и забежали в мою комнату, пока Эстер еще только шла наверх.

— Хватай поднос и сделай вид, что пришла еду забрать, — приказала я запыхавшейся девушке.

— Мисс, на вас наряд служанки.

Стук в дверь едва не заставил Мелинду выронить поднос.

Я рванулась в ванную комнату, отчаянно пытаясь придумать, как скрыть от матери визит на праздник. Взгляд упал на круглый мраморный бассейн.

— Где мисс Виолетта?

— В ванной, миссис Эстер.

— Что тут у тебя?

— Мисс Виолетта отказалась обедать, я уношу поднос.

— Виолетта!

Я услышала, как мать взялась за ручку двери, и буквально упала в ванну, сорвала эсканилор и прошептала заклинание, в точности повторив слова магической формулы. В следующий миг небольшой бассейн наполнился мыльной пеной, скрыв меня по самую шею. Судорожно попыталась пригладить волосы, наткнулась ладонью на косынку и сорвала ее с головы, спрятав руки в пузырьках.

— Виолетта, ты почему отказалась от обеда? — спросила мать, входя в комнату. — И почему принимаешь ванну в такое время?

— У меня не было аппетита, Эстер, к тому же ванна помогает расслабиться и успокоиться.

— Это нам с отцом нужно успокаиваться после твоих бесконечных выходок, Виолетта. А если кто-нибудь узнает, что у моей дочери клеймо воровки на ладони? Какой позор! Какой скандал тогда разразится!

— Мама, это может быть что-то иное.

— Я даже слушать не хочу! Если бы не занятия, то сидела бы

ты взаперти еще неделю! После уроков чтобы приходила домой вовремя, никаких магазинов или чайных и тому подобного. Ты поняла?

— Поняла. — Я с трудом реагировала на слова Эстер, потому что ладонь вновь жгло невыносимо и хотелось, чтобы мать поскорее ушла.

— Придется поговорить с вашим куратором, чтобы пристальнее присматривал за тобой.

— Не думаю, что наш куратор будет таким уж хорошим надсмотрщиком.

— Не смей дерзить, Виолетта! Мне докладывали о твоих размолвках с Амиром Вальенте, но должна заметить, что его род один из древнейших в королевстве, а его представители всегда старались поддержать честь и славу своего имени. Тебе следует задуматься об этом, Виолетта, и брать с вашего куратора пример, он очень достойный и опытный маг. Сейчас я уйду, но велю Мелинде принести тебе ужин, и чтобы ты все съела. Не вздумай устраивать эту показную голодовку, иначе на следующей неделе придется отменить поездку на бал Розари, куда тебя пригласил Эльмарин.

— Да, мама, я постараюсь не огорчать вас впредь.

— Очень надеюсь. То же самое ты говорила после случая с каретой.

Эстер развернулась и покинула ванную комнату, а я устало закрыла глаза, пытаясь вызвать в памяти самые радостные воспоминания.

Облачившись в свой черный костюм, я достала баночку с кремом и уже открутила крышечку, когда вспомнила, что накануне чудесная мазь закончилась, а значит, всю тренировку снова придется терпеть боль. В голове даже мысли не возникло о том, чтобы отправиться к куратору и попросить дать мне новую порцию. Амиру я теперь не доверяла совершенно и пристально следила за ним. Как-то раз даже прокралась к нему в кабинет, когда ректор позвал куратора к себе. Сделав вид, что принесла для него список новых эсканилоров, которые академии следовало приобрести взамен сломанных, я немного порылась в его бумагах, но не нашла ничего компрометирующего.

Вместо Вальенте решила обратиться к преподавательнице по магическому анализу — может, ей известна нужная формула? Эрика Хольман относилась ко мне с подчеркнутым радушием. Мне было известно, что в свое время ее дочь претендовала на место старосты, но мое вмешательство в итоге разрушило планы молодой и честолюбивой магини, однако это совершенно не

отразилось на отношении Эрики ко мне. В отличие от того же Амира, который и не скрывал своего презрения, преподавательница Хольман всегда была приветлива, и заподозрить в этой милой даме какие-либо тщательно скрываемые чувства, вроде ненависти, было совершенно невозможно.

Оставшись после уроков, поинтересовалась у Эрики насчет рецепта мази, способной вызывать онемение кожных покровов.

— Виолетта, это очень сложная формула. Любое изменение, любая малейшая ошибка — и эффект может быть совершенно непредсказуемым. Вы уверены, что хотите выучить ее сейчас? Вы еще не овладели всеми основами, подобные формулы разучиваются на третьем году обучения.

— Я уверена.

— Ну что же, тогда запоминайте…

Применять формулу я взялась уже дома. Наказание все еще действовало, а потому выходить никуда мне не разрешалось. Взяв баночку с самым обычным кремом для кожи, я принялась вычерчивать на крышечке знаки, тщательно соблюдая порядок и правильность выведения, в точности как показала мне Эрика.

Когда закончила, формула замерцала голубым светом и знаки испарились. Отвинтив крышку, обнаружила под ней вязкую синюю субстанцию, отдаленно напоминающую тот крем, что давал мне Амир. С сомнением оглядела внушающий опасения результат рук своих. Безусловно, я могла попросить Эрику сотворить для меня мазь, но ведь не бегать к преподавательнице каждый раз, когда крем закончится. И в любом случае с проклятой меткой нужно что-то решать, а помогать в этом деле никто мне не станет.

Отодвинув баночку в сторону, я взялась сочинять письмо для человека, в чьих силах было отыскать бесследно исчезнувшего Адриана Мираса. Ведь не просто так странный морозный узор обнаружился на драгоценностях из далекого Танкелира. А еще нужно подробнее узнать о печати рода.

Когда письмо сгорело в пламени магической свечи, я наконец-то решилась нанести мазь на ладонь, а после сняла с цепочки птицу и попробовала наколдовать простенький мираж в виде серебряного цветка. Когда красивый нежный бутон распустился прямо передо мной на столе, роняя вниз серебряные капли, метка привычно вспыхнула на ладони, но боль была очень и очень слабой, легко переносимой. Я радостно улыбнулась, но улыбка застыла на лице в тот миг, когда ладонь неожиданно посинела.

— Ну что за напасть! Ну где справедливость?! Что я им всем сделала?

Уронив голову на руки, просидела так не меньше получаса, жалея себя и сокрушаясь, что совершенно ни к кому не могу обратиться за помощью. Ни одного человека не было рядом, кто помог бы и не выдал меня родителям. Все приходилось решать самой, все делать тайком, скрывать чувства, мысли, поступки — и так всегда! А иначе снова накажут.

Вволю поругав всех, кто только на ум пришел, и пожалев несчастную себя, велела вызвать портниху. Придется придумывать новую модель платья, потому как уже чувствую, что и эту синеву будет не так легко и быстро свести. По крайней мере, пока не найду нужного ответа в библиотеке академии.

Единственное, чего я опасалась, что мать не разрешит портнихе пройти ко мне, как-никак, а сегодня последний день, когда действует наказание. Но, очевидно, Эстер все-таки сжалилась над своей «взбалмошной» и «абсолютно безответственной» дочерью, потому что спустя пятнадцать минут пожилая женщина со знакомым сундучком в руке и помощницей, нагруженной чемоданом с отрезами ткани, постучали в дверь спальни.

— О, Виолетта, как красиво! Это новая мода? Где сейчас такое носят?

— Это последний писк сезона, говорят, что наследная принцесса наденет подобное платье на следующий бал.

Я уверенно демонстрировала новый наряд собравшимся вокруг девушкам, покружившись немного, чтобы они лучше рассмотрели детали.

Изумительный синий с лиловым отливом тонкий шелк, украшенный вышивкой в виде плетущихся виноградных лоз, райских птиц и чудных серебряных цветов, легко облегал силуэт и словно струился вдоль тела. На талии платье утягивалось с помощью пропущенного изнутри тонкого шелкового шнурка, благодаря чему свободные складки равномерно распределялись по всей ширине юбки, подчеркивая узость талии и соблазнительную полноту бедер.

Рукава были сшиты из ажурного плотного кружева, а вот заканчивались они не на уровне запястья, а облегали внешнюю и тыльную сторону ладони, сужаясь в виде лепестка и скрепляясь на среднем пальце тонким золотым колечком.

Привычный корсет отсутствовал, чтобы удобнее было украсить верхнюю часть лифа более тонкой кружевной вставкой, сквозь которую легко угадывались очертания ложбинки между

грудями. Кружево также украшало низ подола, а ажурный золотой пояс завязывался на талии в большой красивый бант.

Я еще раз сделала оборот вокруг себя, слушая восхищенные вздохи. Уже сейчас можно было с уверенностью утверждать, что принцесса точно появится в чем-то подобном на следующем балу. И не то чтобы ее высочество имела хоть какое-то представление о новой моде, которую она якобы ввела, но только когда ее ушей достигнет, что у нее нет подобного платья, а все только об этом и говорят, то в ту же ночь личные портнихи сошьют ей с дюжину еще более роскошных моделей.

— Всем занять свои места! — прозвучал повелительный голос куратора.

Студенты послушно расселись и приготовились внимать словам преподавателя. Я старательно конспектировала речь Амира, отметив про себя, что куратор сегодня явно не в духе, и это последнее наблюдение не придало мне дополнительного энтузиазма, когда раздалось привычное: «Виолетта, задержись после уроков».

С тоской проводив взглядом упорхнувших за дверь учеников, с сожалением вдруг подумала о своих обязанностях старосты, но, приняв равнодушный вид, прошла к кураторскому столу. Амир сидел на стуле, смотрел куда-то в стену и постукивал тростью по полу.

— Что я могу сделать для вас, куратор Вальенте?

Старик перевел взгляд на меня, посмотрел внимательно, будто только увидел.

— Несколько непривычный вид у тебя, Летта. Это прилично надевать такое на учебу? — Куратор указал тростью на кружевную вставку на груди.

— Безусловно! Я никогда не надела бы ничего неприличного.

— Правда? Почему тогда половина студентов постоянно отвлекаются? Глаза у парней косят не в ту сторону. Скоро заработают себе косоглазие, какие из них маги получатся?

Не удержавшись, негромко фыркнула, но тут же опустила глаза вниз, приняв строгий вид.

— Так, собственно, для чего я тебя позвал. Здесь новое указание от Анделино. Если ты знаешь, то раз в полтора года королевская семья инспектирует лучшие учебные заведения нашего королевства. В этом году начнут с аристократической академии. До визита осталось два месяца, и угадай, кто должен все к этому визиту подготовить?

— Что? Да почему я? Разве нет специальных компаний, которые этим занимаются? У меня и так довольно обязанностей и прочих дел, плюс учеба и дополнительные занятия, и еще мне

нужно время на посещение библиотеки и…

— Так, стоп! Это не мое желание. Ректор распорядился, ясно? Мне сказали довести это до твоего сведения, поскольку ты, цитирую: «Совершенно превосходно организовала тот бал». Я полагаю, ты справишься. Только в этот раз не скидывай никого с балкона, наш король не понимает подобных шуток.

— Я не хочу! Это слишком большая ответственность. Могу дать ректору адрес той самой компании, которая в прошлый раз…

— Ректор не станет обращаться в компанию. Нет соответствующего финансирования, но все должно быть на уровне. Почему, по-твоему, Анделино выбрал тебя старостой? Ты пообещала ему победу на состязаниях академий. Он ждет, что выигрыш принесет дополнительный доход, а пока его нет, приходится выкручиваться.

— Но родители студентов могли бы выделить…

— Летта, — Амир явно не был расположен обсуждать со мной возможность уклониться от ректорского приказа, он даже поднялся со стула и стукнул тростью по полу, — повторяю, это не мое желание. Я должен довести все до твоего сведения и помочь в организации чем смогу. Что за изыскания в библиотеке? Говори темы, я назову тебе соответствующую литературу, это сократит затрачиваемое время.

— Мм…

— Что за тема?

— Формула мази для онемения кожных покровов, антиформула для снятия последствий нежелательных заклинаний.

— Так, по первой теме есть учебник в медицинском разделе «Обращение кремообразных субстанций в анестезирующие препараты», в подразделах найдешь про болевые знаки на коже и определишь нужную формулу. Что касается второго вопроса, нужно знать конкретное заклинание.

— Понятно.

— Что за заклинание?

— Не помню.

— Раз не помнишь, тогда искать нечего. Это все? Теперь у тебя появилось дополнительное время для подготовки приема? Сейчас можешь идти, обращайся, если что, я ведь тебе помогаю с организацией.

Я повернулась к двери, когда в голову вдруг пришла другая идея:

— Куратор Вальенте, в каком разделе можно найти заклинание по изменению цвета кожных покровов?

— Иллюзорная магия, Виолетта.

— Благодарю.

Ну вот, Эрика Хольман, не удалась ваша месть, скоро я верну своей ладони обычный цвет, и о произошедшем никто не узнает.

А все же какой интересный раздел «Иллюзорная магия». Сколько занимательного я в нем нашла, пока искала нужную тему. Здесь было и об изменении черт лица, и цвета волос, и длины ногтей, и даже длины ног и рук. Только все заклинания были временными, минимум действия составлял пять минут, а максимум — двадцать четыре часа. Однако, выучив формулу наизусть, я могла обновлять ее каждый раз и придавать коже обычный цвет. Потом отыщу нужную антиформулу в библиотеке даже без помощи Амира и благополучно верну все на свои места.

С радостной улыбкой переписала нужные формулы в книжечку, добавив несколько особо интересных из иллюзорной магии, и со спокойной совестью отправилась домой. Мне еще следовало очень долго и кропотливо планировать прием королевской семьи в стенах академии. А еще предстояло продумать в деталях одну маленькую, но очень действенную месть.

Глава 14
ТАК РУШАТСЯ НАДЕЖДЫ

— Студенты, завтра у нас тестирование по формулам превращений. Подготовьтесь, пожалуйста, — улыбаясь, говорила Эрика в своей привычной и такой раздражающей манере.

Раньше я искренне верила, что ее радушие настоящее, но теперь все больше убеждалась, что оно абсолютно показное.

— Виолетта, у вас какой-то вопрос? — «Милая» леди смотрела на меня невинными голубыми глазами. Помнится, у незабвенного Демиуса Ритьери тоже были голубые глаза. Терпеть не могу этот цвет (и зеленый тоже)!

— В конце недели в академию прибудет королевская семья. Несколько самых уважаемых преподавателей должны будут сказать приветственную речь. Согласитесь ли вы взять слово и поблагодарить нашего могущественного короля за столь лестный для академии визит?

— О, это такая честь! Но почему так мало времени? Нужно многое подготовить к выступлению!

— К сожалению, мне самой было дано мало времени для подготовки приема. Столько всего пришлось успеть за очень короткий срок, а желающих выступить перед королем было не счесть. Но я настояла предоставить эту честь вам и нашему куратору. Амир Вальенте обязан выступить, поскольку именно он отвечает за учебный процесс, а вы одна из самых любимых и уважаемых преподавательниц всего потока, к тому же вы так помогли мне в прошлый раз.

— Ну что вы, что вы, милая Виолетта! — Эрика бросила быстрый взгляд на мою ладонь и смущенно потупила глазки. — Я рада, что никаких сбоев не произошло и формула сработала.

— Отлично сработала.

— Что же, я подготовлюсь. А репетиция будет?

— Да, конечно. Накануне вечером.

— А позвольте полюбопытствовать, для чего вам нужна была та мазь?

— Вы ведь слышали, что, путешествуя по землям своего жениха, я случайно забрела к развалинам старого замка. К сожалению, место это было зачаровано, и мне не посчастливилось преступить магический круг, в результате чего защитное заклинание сильно обожгло кожу на ладони. А поскольку боль беспокоила меня долгое время, пока мы пытались убрать последствия магического ожога, я искала анестезирующую

формулу.

— Вы очень хорошо придумали, Виолетта. Такое простое решение для сложного вопроса. Магические ожоги очень непредсказуемая вещь! Вы всегда отличались большой сообразительностью, и не только по моему предмету. Недавно слышала, как вас хвалил куратор Вальенте.

— Меня хвалил куратор? — Мне неожиданно стало очень приятно.

— Он крайне лестно отзывался о ваших замечательных организаторских способностях. Недаром ректор именно вам поручил организовать прием самого короля!

Вот оно аристократическое воспитание! Какая тонкая лесть. По всему видать, Эрика и правда поверила, будто я случайно вывела правильную формулу и совершенно не заметила ее низкой попытки напакостить. Вот того же Амира я бы точно не провела, за что и не люблю умного куратора вдвойне.

За всеми волнениями и тревогами, связанными с таким важным для нашего учебного заведения визитом, я совершенно позабыла про давно написанное послание. Вечером, в который уже раз перечерчивая план расстановки встречающих в холле академии, я отвлеклась на негромкое шипение магического пламени. Огонек внезапно посинел и весело заплясал на кончике короткого фитилька. Я провела рукой над свечкой, и в ладонь мне упало свернутое в тонкую трубочку письмо. Нетерпеливо развязав бечевку, развернула свиток и жадно всмотрелась в исписанный мелким почерком лист:

«Я выяснил большую часть интересующих вас вопросов. Что касается оплаты услуг, то, как и оговаривалось ранее, вам остается доплатить вторую половину и доставить нужную сумму в указанное место.

Обратите внимание на бечевку, это магические нитки, скрученные между собой. Вам достаточно применить к ним нужную формулу, чтобы превратить веревку в тонкое полотно. На нем изображена интересующая вас печать.

Украшения, которыми славится Танкелир, изготовлены из металла и драгоценных камней высочайшего качества. Однако дело, нынче столь бурно процветающее, перешло нынешнему владельцу от некоего торговца, о чьем истинном имени остается только догадываться.

Доподлинно известно, что именно первые образцы придали этим изделиям столь большую популярность. Символ, используемый во всех драгоценностях, также был разработан тем самым неизвестным, но, несомненно, талантливым магом. Истинных „снежных драгоценностей“ очень мало, каждую из них отличает присущее только ей редкое магическое свойство. В современных украшениях остались лишь внешняя красота, уникальность исполнения и скрытая печать. Самое существенное отличие в том, что на настоящих изделиях печать проявляется, когда задействованы особенные магические свойства вещи.

Последняя задача, поставленная передо мной, выполнена лишь частично. Интересующий вас А.М. исчез в ночь, когда должен был состояться его арест. С тех пор лишь слухи указывают на то, что человек этот остался жив и якобы вернулся в Танкелир, где его следы теряются уже окончательно.

Искренне ваш Сабуэско».

Отложив послание в сторону, я потянула за концы бечевки, раскручивая в противоположных направлениях и шепча слова простенькой формулы превращения. Тонкое квадратное полотно проскользнуло между пальцами и упало прямо на стол.

Я расправила края и внимательно всмотрелась в изображение, а потом смахнула полотно со стола и запустила пальцы в волосы. Поиски не дали результата. Загадка так и осталась нераскрытой. На тонком куске ткани был изображен ровный круг, в центре которого тонкие гибкие ветки боярышника сплетались в древний символ, представлявший устаревшее написание буквы «М».

Как это волнительно, когда стоишь в центре холла, ожидаешь приезда королевской семьи и при этом должна помнить обо всех деталях, о мелочах, из-за которых что-то может пойти не так. Поскольку это был обычный официальный визит, то, естественно, никаких украшений, фривольных нарядов и прочих праздничных атрибутов не было.

Среди встречающих находились Зор Анделино, Амир Вальенте и еще трое мужчин-преподавателей. Из женщин присутствовали только Эрика и я. И еще десять отобранных лично мной слуг, которые должны были помочь гостям с плащами и мантиями.

Б**о**льшая часть вырученных денег (собранных мной с

родителей студентов) пошла на украшение зала на втором этаже. Там перед королем должны были выступить преподаватели, и для него готовилось магическое представление с нашими лучшими учениками в главной роли. Оно устраивалось с целью продемонстрировать основные принципы обучения в академии и достигнутые за полтора года успехи.

Огромный холл сверкал идеально вымытыми стеклами узких окон, натертыми до блеска черными полами и отполированным деревом потемневших перил широкой лестницы. Бордовые дорожки были тщательно вычищены, тяжелые дверные створки распахнуты настежь, пропуская яркий солнечный свет, а на ступеньках дежурили лакеи из числа слуг моей семьи и семей других обеспеченных учеников.

Как все-таки неудобно быть ограниченной в средствах. Готовясь к приему, я не раз задавалась вопросом, отчего аристократической академии не хватает денег. Ведь каждый год из казны идут отчисления. Куда только они тратятся, хотелось бы знать? Мне было неловко обращаться к родителям студентов, но с задачей следовало справиться в любом случае. Радовало, что удалось обставить все таким образом, будто желающих помочь школе принять королевскую чету хоть отбавляй и большая честь поучаствовать в этом мероприятии досталась лишь избранным семьям.

Снаружи раздался шум подъезжающих экипажей. Лакеи сбежали со ступенек, чтобы отворить дверцы первой кареты и помочь выбраться монаршим особам.

Мы все склонились в низком поклоне, когда король переступил порог. Подняв глаза, я рассматривала сиятельную принцессу и гордую королеву. Я была представлена им, еще когда впервые вышла в свет и танцевала на своем первом балу в королевском дворце. С тех пор королева, кажется, стала выглядеть еще более гордо и неприступно, а принцесса расцвела, превратившись в очаровательную молодую девушку — мою ровесницу. Ее темные локоны были заколоты в высокую прическу, а прелестное темно-синее платье подчеркивало стройный силуэт и поистине королевскую осанку.

Вперед вышел Зор и приветствовал монарха. Король Эрдиус благосклонно похлопал мага по плечу и радушно кивнул головой Амиру. Холл меж тем заполнила многочисленная свита, и все отправились в приемный зал.

В этот раз не было искусственных озер и цветочных орнаментов, лишь строгий классический стиль древнего замка и сооруженный в центре зала высокий постамент для речей и представления.

Амир Вальенте и Эрика Хольман уже заняли свои места неподалеку, а я кивнула головой служанкам, которые должны были разнести гостям напитки, и подала знак моей личной помощнице Мелинде, ей следовало поднести бокалы с особенным напитком Эрике и Амиру. А особенным он был потому, что в каждый бокал я добавила по капельке эликсира, составленного мной собственноручно на основе формулы из учебника по иллюзорной магии.

Я немного изменила временной промежуток воздействия. Поскольку Эрика выступала с речью первой, то изменения с ней должны были начаться раньше, чем с Амиром. Внимательно изучив интересующие меня разделы, я выбрала для «милой» леди обезьяний хвост. Действие заклинания должно продолжаться минут двадцать, не больше, но забавно будет послушать, как Эрика завизжит посреди речи, когда под платьем у нее начнет расти хвост. Для Амира я выбрала более мужественный символ — львиную гриву. Полагаю, ему она весьма пойдет. Вырастет вместо этой жиденькой седой шевелюры. В самый раз под цвет его зеленых глаз.

Студенты в этот момент окружили помост, занимая свои места, кто-то прошел за ширму, готовиться к первому номеру представления, а Мелинда ловко проскользнула сквозь толпу и подошла с подносом к преподавателям.

Я радостно проследила, как оба взяли нужные бокалы. Прекрасно! Эрика тут же отпила из своего, и Амир уже подносил напиток к губам, как вдруг отвлекся, склонился немного вперед, глядя на набалдашник трости, а потом шепнул что-то Эрике и, поднявшись, осторожно протиснулся между студентами и вышел из зала через боковую дверь.

Куда?! А выступление? А напиток?

Я поспешила за куратором, быстро сунув список с номерами и именами выступающих стоявшей рядом Денизе и попросив ее последить за порядком вместо меня.

Когда я выбежала в коридор, Амир уже скрылся из виду. Я проследовала вперед и едва дошла до первого поворота, когда тихие голоса за углом заставили меня резко остановиться.

— Все по плану?

— Да, Амир.

— Идем, здесь тебе нельзя оставаться.

Я отступила, оглядываясь по сторонам, куда бы скрыться, и увидела приотворенную дверь кураторского кабинета. Проскользнув внутрь, едва успела спрятаться в шкаф и неплотно прикрыть за собой створку. Раздался скрип двери и звук шагов, а сквозь маленькую щелку я увидела, как подошел к своему столу

Амир. Он сел в кресло и достал из ящика какую-то бумагу. Лица второго собеседника я так и не увидела, он встал спиной ко мне.

— Открыт один проход, тот, что ты оставил. С других сторон не подступиться. Замок хорошо охраняется.

— Нам и одного хватит. Мы слишком долго к этому готовились. Сейчас я вернусь в зал, отвлеку Зора, а когда придет мой черед выступать, подам знак.

— Опасаюсь, вдруг что-то пойдет не так. Есть что-нибудь выпить? Меня трясет как в лихорадке.

— Вот, держи.

Я увидела, как Амир протянул свой бокал собеседнику, а тот наполовину опустошил его.

— Вкусная штука.

— Теперь возвращайся обратно и жди моего сигнала.

— Амир, трость.

Куратор вновь приблизил к глазам свою трость, а я теперь ясно увидела, как помутнел набалдашник.

— Пора, Эди. — С этими словами Амир взял поставленный на стол бокал, осушил его и поднялся из кресла. Оба мужчины направились к выходу, а я не смела вдохнуть, замерев в своем укрытии и прислушиваясь к скрипу отворяемой двери. Резкий стук захлопнувшейся створки заставил меня вздрогнуть.

— Эди?

— Амир, ты обращаешься!

— Что? В кого?

— В себя?

— Что за!..

Последующий шум и раздавшийся затем поток проклятий заставили меня сжаться в очень маленький комочек и молиться, чтобы никто не додумался вдруг заглянуть в шкаф. Что там произошло? Для гривы слишком рано. В кого он обратился?

— Меня опоили, Эди. И кажется, я знаю, кто это сделал. Вот маленькая дрянь! Одним махом разрушила наш план!

— Я тоже пил. Что это за гадость?

— Подмешала иллюзорный эликсир, я сам не так давно говорил ей про этот раздел. Думаю, у тебя что-то отрастет или перекрасится в иной цвет. Хотела выставить меня на посмешище перед королем и придворными. Зараза!

— Что теперь делать?

— Мне нужно что-то придумать. Пока эта штука действует, я не могу вернуть прежний облик и пройти в зал. Эди, возвращайся обратно, спрячься хорошенько и жди сигнала. Нам придется выжидать.

— Мы не можем, Амир. Время!

— Я знаю! — По голосу стало ясно, что куратор просто взбешен. — Иди!

Собеседник Амира покинул комнату, а у меня, кажется, перестало биться сердце.

— Ну, Летта, змея!

Вытащите меня отсюда! Мамочка! Кажется, я сделала что-то не то. О духи, в кого же он обратился?

Я осторожно посмотрела в щелку и увидела, что Амир вернулся в свое кресло и теперь сидит, закрыв лицо руками. Волосы его потемнели, заметно отросли и стали гораздо гуще. Плечи казались шире, и куратор больше не горбился. Кожа на руках приобрела более смуглый оттенок, исчезли старческие морщины, пигментные пятна. Мужчина вдруг опустил ладони вниз, а я резко выдохнула от ужаса, потому что узнала это лицо. Неужели это он учил нас все время, неужели этот ужасный человек скрывался под личиной уважаемого преподавателя?! Или он убил настоящего Амира и занял его место?

Лже-Амир вдруг бросил пристальный взгляд в сторону шкафа и поднялся на ноги. У меня внутри все похолодело. Тело било крупной дрожью, дыхание прерывалось. Куратор меж тем взял свою трость и нарисовал ею какой-то знак в воздухе, а потом спокойно сказал:

— Сама выйдешь или мне вытащить тебя оттуда?

Ноги идти отказывались, руки дрожали так, что даже не могли ухватить тонкую створку.

— Выходи, Виолетта. Поговорим.

Нужно выбираться. Быстро, пока он не опомнился. Сейчас резко выскочу наружу и успею добежать до выхода. Только действовать надо стремительно! Вскочив на ноги, я выпрыгнула из шкафа и достигла спасительной двери за считаные секунды, но, толкнув створку, вновь перестала дышать — она оказалась заперта.

— Помогите! — Я закричала так громко, как только могла, надеясь, что кто-то, случайно забредший в коридор, услышит меня и поможет. — Помо… — Голос внезапно пропал.

Я развернулась и прилипла к деревянной плоскости, с ужасом глядя на двинувшегося в мою сторону предателя.

— Я помогу тебе, Летта.

Он взмахнул рукой в воздухе, и я смогла просипеть в ответ:

— Если вы меня убьете, вас сразу же выследят.

— Верное замечание. Поэтому убивать я не буду, придется забрать тебя с собой.

— Нет! — Я рванулась в сторону, и в тот же миг чужие руки обхватили меня поперек талии, и весь мир поглотила темнота.

Я открыла глаза и обозрела светлую просторную комнату, напоминавшую чей-то кабинет. Меня уложили на большой серый диван, в высокие чистые стекла ярко светило солнце. Возле стен стояли стеллажи с книгами, у массивного стола расположилось удобное кресло, а в самом кресле не менее удобно расположился мой похититель.

— Доброе утро, Летта. Как спалось?

— Утро? — Я заставила себя сесть на диване, несмотря на ощущение дикой слабости в теле.

— Да. Пришлось погрузить тебя в сон на более долгое время. Мне многое необходимо было успеть.

— Я требую отпустить меня домой. Вас накажут за это похищение. О чем вы думали?

Мужчина откинулся на спинку, насмешливо меня разглядывая.

— А о чем думала ты, затевая эту детскую выходку? Решила выставить меня на посмешище? И даже не одного меня? Ну, допустим, с впечатлительной Эрикой твой трюк бы прошел, но опоить собственного куратора было большой глупостью. Ты ведь понимала, что я догадаюсь, Летта. Значит, предположила, что королю я об этом не расскажу, предпочту поквитаться с тобой попозже, так? А ты бы все время была настороже, пресекая мои попытки к мести? Ты ведь не умнее меня, Летта, а мнишь себя едва ли не центром мироздания. Единственное, что мне понравилось в твоей задумке, — это эффект неожиданности: все отвлечены вниманием к монаршей особе, а вся такая правильная и со всех сторон положительная староста пользуется моментом и подленько мстит.

— Именно мое вмешательство спасло короля от покушения. Я слышала ваш разговор, и я вас узнала, Амиральд Сенсарро. Презренный человек, скандальный аристократ, которого не пустят на порог ни одного приличного дома во всем Амадине, перебежчик, предатель…

— Ну довольно, довольно, Виолетта. Вижу, что ты неплохо изучила историю виерского движения. Только ведь то дела давно минувших дней.

— Вы планировали покушение на короля вчера! Вы приняли облик Амира Вальенте, человека из уважаемой семьи, вы…

— Я не планировал покушение, у меня был более детальный и хорошо продуманный план. Присутствие монарха было лишь прикрытием. На этот план я потратил уйму времени. — Кажется, собеседник вновь начинал злиться, вспоминая вчерашние события. — Ради этого я согласился работать в Академии

аристократии, а ты и твоя дурацкая шутка разрушили все тщательно спланированное мероприятие.

— Мне нет дела до ваших мероприятий. Отпустите немедленно домой, и, может быть, я подумаю о том, чтобы смягчить показания против вас, которые дам префекту.

В ответ раздался такой искренний и громкий смех, что я невольно забеспокоилась.

— Летта, — промолвил Амиральд, отсмеявшись, — ведь по твоей вине моя миссия не закончена. Я никуда не отпущу тебя, а тем более давать показания префекту. Мне невыгодно сейчас раскрывать свою личность.

— Что значит не отпустите? Вы… вы не можете не отпустить. Меня будут искать. Мой жених придет сюда и спасет меня… да уже сегодня лучшие королевские ищейки приступят к поискам, здесь камня на камне не оставят, пока меня не найдут. Ваш дом обратят в руины!

— Это не мой дом. — Мужчина улыбался, глядя с таким выражением, словно перед ним выступала очень забавная дрессированная обезьянка.

— Не ваш? Куда вы меня принесли?

— Добро пожаловать в обитель разврата, дорогая Летта, — в виерскую академию магии. Кажется, именно так ты окрестила это учебное заведение.

— Виерскую академию?! Вы шутите?

— Нет. Чтобы тебе стало более понятно, излагаю свой план. Одна высокомерная гордячка-староста, которая избалована сверх меры и частенько совершает безрассудные поступки, в один прекрасный день решила утереть нос всем тем, кто не считался с ее мнением, заставляя выполнять организационную работу для академии, и в день визита короля покинула знаменитейшее учебное заведение страны и отправилась в виерскую академию магии.

— Что? — Амиральд говорил какие-то странные вещи. Я с трудом улавливала смысл.

— Ведь именно ты жаловалась своим друзьям, что тебя используют как обслугу, сваливают на тебя все организационные вопросы, не считаясь с твоим мнением.

— Но как вы узнали? Я говорила об этом только с…

— Денизой? А она уже давно рассказывает про тебя интересные вещи. Не только мне, но и Зору. Например, про твою красивую метку.

— Разве не вы рассказали ректору?

— Не я.

— Не верю.

— Не важно. Слушай дальше. Останешься в виерской академии, а вот искать тебя никто не будет. Родители получили послание от сбежавшей дочурки, служанка поймана с чемоданом, полным вещей и драгоценностей, Зор в бешенстве, друзья и недруги, кто тайно, а кто явно, радуются твоему сумасбродному поступку. Но для кого-то ты героиня, бросившая вызов общественным устоям.

— Что за бред?

— Не веришь, можешь почитать.

Мой похититель протянул журнал, в котором я признала «Модный вестник». В этом еженедельном издании печатались все самые громкие скандалы в высшем обществе, рассказывалось о последних событиях придворной жизни.

Я принялась листать страницы, пока на одной из них в глаза не бросился большой заголовок: «Визит короля в Академию аристократии».

Первые строчки посвящались непосредственно визиту монарха, также говорилось об организации приема, о представлении, а вот дальше…

> «Староста потока Виолетта Лавальеро, невеста одного из самых завидных женихов нашего королевства, весьма взбалмошная и эксцентричная особа, воспользовалась приездом монарха, чтобы демонстративно и с громким скандалом покинуть аристократическую академию, заявив, что это учебное заведение слишком устарело, что методы преподавания оставляют желать лучшего и что для столь умной особы требуются иные условия обучения.
>
> Мисс Виолетта перевелась в виерскую Академию магии, бросив тем самым вызов истинным аристократам, оскорбив своим поступком друзей и одногруппников и невероятно огорчив своих достойных родителей. Мы приводим ниже несколько высказываний от людей, лично знакомых с Виолеттой.
>
> *Миссис Уинтон — член родительского комитета:*
>
> — Виолетта невероятно дерзкая и плохо воспитанная девушка. Пока она была старостой потока, то постоянно собирала с родителей деньги на организацию всевозможных мероприятий. А это, по моему мнению, очень дурной тон. Ведь всем известно, что академия сама выделяет средства на необходимые мероприятия…»

— Да это все ложь! Никто не выделял мне никаких средств! А

эта миссис Уинтон меня ненавидит, потому что я отказалась брать ее сына в команду!

Поборов желание смять тонкие гладкие страницы, я стала читать дальше:

> *«Эрика Хольман, преподавательница Академии аристократии:*
>
> — Виолетта всегда вела себя довольно вызывающе, стремилась быть на виду. Я полагаю, и этот поступок обусловлен ее всегдашней тягой привлекать к себе внимание.
>
> *Дениза Уинтон, подруга Виолетты Лавальеро:*
>
> — Я всегда считала Виолетту подругой, для меня такой удар, что она решила все бросить, оставить нас и уйти в виерскую академию. Это так подло с ее стороны! Она заявила, что методы обучения здесь устарели, что академия слишком отстала от прогрессивных веяний, она просто разбила наши сердца своим поступком».

Дальше читать просто не было сил. Я сжала ладони на коленях, сдерживая дрожь, подняла глаза на своего бывшего куратора и спросила только одно:

— Почему?

— Ты сама вынудила меня, Летта. Ты вмешалась в серьезные события. Теперь останешься здесь, пока не пройдет достаточно времени.

— Вы не сможете держать меня насильно.

— Выйти из академии не удастся. На ней стоит преотличнейшая защита. Заклинания не позволят покинуть здание.

— По какому праву вы это решаете? Как вообще смогли пронести меня сюда?

— Я решаю по праву ректора этой самой академии.

— Ректора?

У меня перехватило дыхание.

— Вы… вы что же, и правда можете оставить меня здесь?

Мужчина кивнул.

— Да вы хоть понимаете, что наделали? Мои родители, они ведь никогда этого не поймут! А мой жених? Какой удар для Эрина, для его репутации. Что вы натворили?!

— Я прекрасно все понимаю и повторюсь, всего этого не случилось бы, не суй ты повсюду свой нос. Единственный вариант, который могу предложить, — это сотрудничество. Я хочу использовать твой дар, Виолетта.

— Дар?

— Да. У тебя очень полезный дар организатора, а мне нужны помощники. В академии у меня есть превосходный заместитель, старосты также имеются, но состязания уже через полгода, а лично следить за подготовкой времени нет. Если ты возьмешь на себя эту задачу и подготовишь команду, и не просто видимости ради, а хорошо подготовишь, настолько, чтобы у нас были все шансы на победу, тогда после завершения соревнований я лично отправлюсь к твоим родителям и жениху. Расскажу им, как похитил тебя и держал против воли в этой академии.

— Предлагаете победу на играх в обмен на мое возвращение домой?

— Победу гарантировать ты не можешь, а вот правильную организацию тренировок для ее достижения — да.

— Но вы знаете всех участников нашей команды. Вы в курсе всех дел. Вы все это время шпионили в пользу своих виеров. Уж не за тем ли вы притворились куратором, убили уважаемого человека? Это все для выигрыша?

— К твоему сведению, Летта, — мужчина поднялся и вышел из-за стола, — я никого не убивал, это во-первых. Во-вторых, знать все об участниках — абсолютно недостаточно. Победу в состязаниях может принести только хорошая подготовка всех игроков, а также правильный отбор людей с необходимыми способностями. Никто не может знать, какие испытания ждут впереди, и смошенничать в ходе состязаний.

От тебя требуется встать во главе команды, отобрать лучших, определить необходимые задания и следить за их выполнением. С генерацией испытаний будут помогать ответственные за это преподаватели, твоя задача — все контролировать. Участия в состязаниях принимать ты не будешь, но, чтобы организовать тренировки, придется посещать занятия и разобраться в основах обучения в нашей академии. Они несколько отличаются от тех, какие практикуются в твоем прежнем учебном заведении.

— Что? Ходить на занятия? Посещать уроки в вашей кошмарной академии? Учиться среди плебеев? Вы это мне предлагаете? Остаться здесь на целых полгода? Мне! Настоящей, истинной аристократке есть и спать рядом с выходцами из самых низов общества, тренировать их, общаться с ними?! Да по мне лучше жить как последней нищенке в каком-нибудь чулане и питаться остатками со стола, но делать это в доме людей благородного происхождения!

— Вот как?!

— Именно!

Мужчина вдруг двинулся в мою сторону, а я от испуга вжалась в спинку. Амиральд ухватил меня за руку, стащил с

дивана и поволок к двери.

Когда мы оказались снаружи, то я увидела внизу большой светлый холл. Мы стояли на круглой площадке, по обе стороны от которой вниз сбегали две одинаковые мраморные лестницы. Ярусом ниже они встречались с более широкими лестницами, ведущими из холла на верхние этажи. Перила огораживали площадку, образуя небольшой балкон, откуда легко было наблюдать за царившим внизу оживлением. Судя по всему, как раз наступило время перед началом занятий, и ученики спешили в свои аудитории. Людей было так много!

— Студенты, — раздался над головой голос Амиральда. Ректор выставил меня вперед и крепко ухватил за плечи, — разрешите представить вам новую обитательницу виерской Академии магии. Это Виолетта Лавальеро, очень благородная девушка, истинная аристократка, она состоит в родстве с лучшими представителями высшего общества королевства, а ее фамильному древу мог бы позавидовать сам король. Помимо этих достоинств мисс Лавальеро также невероятно предприимчивая и умная особа и привыкла ко всеобщему вниманию. Не дайте же ей почувствовать себя одиноко в стенах нашей славной академии, только в ваших силах помочь ей здесь освоиться.

Что он говорит? Что он делает? Это же виеры, они ненавидят аристократов! Я смотрела на обращенные вверх лица, и мне казалось, что это просто сон, странный, нелогичный и абсолютно кошмарный сон. Они все замерли там внизу, яркая толпа парней и девушек, которые взирали сейчас на меня с любопытством, неприязнью, насмешливо или с откровенным презрением.

Амир вдруг убрал руки, и я пошатнулась. Хотелось спрятаться, убежать обратно в кабинет, перенестись каким-то чудом домой, в свою безопасную уютную комнату, велеть Мелинде принести горячего чая, зарыться в одеяло, укрыться с головой. Я сделала шаг назад, а мужчина поймал меня за запястье и потащил вниз по лестнице туда, где стояли все эти люди.

— Не хочу, отпустите, — еле слышно взмолилась я, едва осознавая, что происходит, а он все шел, шел, пока мы не очутились среди молчаливых студентов, а потом они расступились, давая ректору дорогу. Все вокруг будто подернулось туманом, вязким, липким, в котором вещи теряли четкость и очертания смазывались. Я пришла в себя, когда Амир остановился перед низкой потемневшей дверью под старой деревянной лестницей.

— Согласно твоим пожеланиям, я выбрал единственный чулан, где можно жить. К сожалению, не располагаем большим

выбором чуланов и придется довольствоваться таким. Располагайся, Виолетта.

И он просто повернулся и ушел, оставив меня абсолютно одну во враждебной толпе незнакомцев.

Глава 15
ПО ТУ СТОРОНУ ПРИВЫЧНОЙ ЖИЗНИ

— Эй, ребята, у нас тут аристократка. Мисс, как там сказали, Лавальеро? — Вперед вышел парень и склонился в издевательском поклоне. Он был на полголовы выше меня, с темно-русыми взлохмаченными волосами и насмешливыми карими глазами. — Позволите целовать ручки, а может, ножки?

— Отойди-ка, Гер, дай я тоже почтение засвидетельствую. — Предыдущего оратора оттеснил в сторону внушительный рыжеволосый гигант, раза в два больше меня, и двинулся вперед с явным намерением схватить в свои медвежьи объятия и придушить.

— А ну назад! — крикнула я, срывая птицу с цепочки. — Сделаете еще шаг, и я применю магию!

— Э-э-э, Луз, да к тебе на «вы», — хохотнул тот, кого назвали Гер. — А магию применять нельзя, дамочка, только во время занятий. За это и турнуть могут.

— Меня оставят здесь точно, а вот вам не поздоровится.

— Она серьезно? — спросил тот самый Луз.

— Определенно. — Вперед вышла высокая темноволосая девушка с красивыми тонкими чертами лица, которые кривила сейчас злобная усмешка. — Точно магию применит. Они всегда, как только плебеев видят, так сразу бьют без предупреждения.

— Я предупредила. — Птица больно впилась в ладонь, так крепко я ее сжала. Сделав глубокий вдох, подняла выше голову, распрямила плечи и оглядела всех с холодным презрением.

— Так, что тут происходит? — Сквозь толпу протиснулась низенькая и смешная толстушка. — Вы что время теряете, возитесь с какой-то аристократкой, занятия через минуту! А ну марш в аудитории, а то на ближайшем собрании старост обсудим новые карательные меры для прогульщиков.

— Поразвлекаться не дадут, — пробурчал Гер, — идем, Луз, подождем, пока занятия закончатся.

Студенты поспешили прочь, оставив меня в покое, вот только надолго ли?

— Ну давай, входи, что ли?

— Это вы мне? — Я посмотрела вправо и обнаружила, что смешная рыжая девчонка никуда не ушла. — А вы кто такая?

— Я староста факультета. Всего нас пять человек, но с этим

позже разберешься. Ректор велел разогнать всех оболтусов и помочь тебе с заселением. Еще просил передать, что вечером зайдет, поставит тебе защитные заклинания на дверь, только прежде нужно получить положенные вещи.

— Можете передать ректору, что его помощь не требуется. Он уже все сделал, с меня довольно. А еще я не собираюсь жить в чулане!

— А где ты будешь жить?

— Я здесь не останусь!

С этими словами я направилась прямо к выходу, тем более что деревянные двери были широко распахнуты.

Я приблизилась, сняла с шеи птицу и прошептала нужное заклинание, снимающее невидимые замки. Метка вспыхнула на руке, я поморщилась от боли, но решительно шагнула в двери и… отлетела назад, упав на спину и хорошенько приложившись затылком о деревянный пол. Пока приходила в себя, рядом раздались шаги:

— Ну так что, за вещами пойдем? Если тебе не выделили иной комнаты и ты не идешь в чулан, то спать придется прямо здесь.

— Этого просто быть не может, — с трудом вымолвила я.

— Я не буду весь день с тобой возиться. Если бы не личная просьба ректора, вообще за тебя не взялась.

С трудом поднявшись на ноги и сжав в кулак горящую ладонь, я отправилась за рыжухой к чулану. Когда девчонка распахнула дверь, я не удержалась от громкого: «Ох, это отвратительно!»

Узкая каморка под старой деревянной лестницей представляла собой нечто весьма отдаленно напоминающее комнату, пригодную для жилья. Скошенный потолок, деревянный пол, обшитые светлыми панелями стены, горы всевозможного хлама: от метел до тростей и картин с поврежденными рамами, поломанных магических дощечек и прочего ненужного старья. С той стороны, где потолок был выше, находилось небольшое грязное окошко.

— Ректор сказал, что весь хлам нужно выбросить. Под окно сундук поставим для вещей (шкаф не поместится все равно), вон к той стене, напротив двери, раскладную кровать. Я тебе еще принесу матрас, одеяло и подушку, полотенце и форму. Рядом с окном повесим зеркало, тут где-то было одно, подойдет.

— Я, пожалуй, подожду, пока вы тут уберете, не могу смотреть на подобное убожество.

— Я уберу?

— А кто?

— Ты сама и уберешь. Ведра с тряпками здесь есть, мыло принесу. Пока наводишь порядок, схожу за вещами.

— Как я могу здесь убираться сама?

— Ну, слуг мы в академии не держим, так что как уберешься, так и будешь жить. Чтобы набрать воду, поднимешься по этой лестнице и выйдешь на втором этаже как раз у душевых. Здесь рядом с лестницей в стене за панелью скрыта дверь, это черный ход. Через нее можешь выкинуть вещи прямо на улицу.

— Как я их выкину, если меня не пускает защита?

— А, точно. Интересно, почему не пускает?

Рыжая с любопытством уставилась на меня, раздражая и без того натянутые нервы своим навязчивым вниманием.

— Можете узнать у ректора.

— Не хочешь говорить, не надо. — Девушка отвернулась и отправилась прочь, а мне пришлось вернуться к мерзкому чулану. Да чтобы вытащить все эти вещи, придется потратить несколько часов, еще и в грязи перепачкаюсь с ног до головы.

Я сняла с шеи птицу и попыталась вспомнить простое заклинание перемещения предметов. Нужная формулировка пришла на ум почти сразу. Новая резкая боль в ладони едва не заставила меня позабыть слова, но, стиснув зубы, я сконцентрировалась, вытянула руку с эсканилором вперед и, молча глотая слезы, наблюдала, как медленно вещи вылетают из чулана и падают возле стены.

Минут через десять вся старая рухлядь оказалась снаружи, а я сползла прямо на пол и сжала ладонь, пытаясь сконцентрироваться на чем-то хорошем, но, как назло, в голову приходили лишь мрачные мысли.

Взяв себя в руки, я усилием воли вызвала в уме еще одно яркое воспоминание из детства: мы прогуливались с няней по лесу, как вдруг полил сильный дождь, и за несколько секунд мы обе промокли до нитки. Ливень закончился так же внезапно, как начался, из-за туч выглянуло солнце, осветив лужи на земле и расцветив яркую радугу в небе. Я была очень огорчена, сокрушалась о новом миленьком платье, а няня вдруг весело засмеялась, указывая на свою потяжелевшую от воды юбку, и прыгнула в соседнюю лужу, подняв миллиард солнечных брызг. «Летушка, побежали по лужам! Догоняй!» — крикнула она мне и первая помчалась вперед.

Боль в руке утихла, на глазах высохли слезы. Я поднялась и заглянула в грязный чулан в поисках ведра.

— Ну-у, можно считать, что ты тут убрала. Только пылью пахнет. Ты как убиралась?

— Вылила воду на пол, потом высушила.

— Вылила и высушила? Ты хоть раз уборку делала? Воду зачем разливала?

— Грязь убрать.

— Слушай, Виолетта, если ты сейчас нормально свой чулан не уберешь, то завтра утром проснешься, а у тебя весь нос опух от бесконечных чихов, сопли текут, глаза слезятся и в горле першит. Тебе нужно просто взять тряпку, протереть настенные панели, окно и пол. Я принесла вещи, а позже сюда занесут кровать, сундук и матрас. Столько возни с тобой! Тебе отдельную комнату как аристократке выделили?

— Это не комната, это чулан!

— Ну и что? Мы в своих по четверо живем, постоянно с девчонками собачимся из-за шкафа и личных вещей. Я бы даже на чулан согласилась, так иногда от их болтовни устаю! Хотя вместе, конечно, веселее.

— Как можно делить свою комнату с кем-то?

— О, точно, как? И о чем я только с тобой разговариваю? Ты же э-ли-та.[4] — Рыжая намеренно выделила последнее оскорбление, с любопытством наблюдая за моей реакцией. Я лишь выше подняла голову, совершенно проигнорировав уничижительное прозвище. — Давай, мой тут все ручками, а через час парни остальные вещи принесут. Держи. В этом пакете форменная туника, костюм для тренировок, плащ и полотенце. В этой сумке пара платьев (ректор велел снабдить) и шкатулка — внутри мыло, расческа, швейный комплект, зубной порошок, щетка и ножницы. Кажется, все. Скоро смогу со спокойной совестью отчитаться перед Амиром и избавиться наконец от твоей персоны.

Мне пришлось снова сходить за водой, а потом рыжая староста учила меня, как правильно держать тряпку и протирать ею стены. Она также принесла какой-то порошок в коробочке, сказав, что это чистящее мыло. Этим средством нужно было помыть окно и пол.

— Это ужасно! Оно раздражает кожу. У меня все сыпью покрылось!

— Какая же ты неженка! Ничего не умеешь, еще и ноешь постоянно. Прополощи тряпку в чистой воде и смой порошок, и уборка будет закончена.

— Что мне с руками делать? Мне нужен крем.

— Сейчас отправлюсь в райончик модных магазинов и куплю тебе самый дорогой крем. Какая же ты избалованная! Селена вон намного скромнее.

— Кто?

— Селена. Она тоже перешла к нам из аристократической академии. Но с ней гораздо приятнее общаться, чем с тобой.

— Где она живет?

— Где и все мы, в общежитии. У них комната на трех человек в левом крыле. Это только тебя тут особо выделили. Она, кстати, и входить и выходить может без проблем.

— В общежитие ведь мне не пройти?

— Почему? Здесь все здания соединяются между собой. На втором этаже крытая галерея ведет к библиотеке, а с другой стороны — к общежитию.

Я раздумывала над тем, как бы встретиться с Селеной, когда к чулану подошли двое парней. Один из них держал в руках складную деревянную кровать, второй тащил на спине сундук.

— А матрас где? — поинтересовалась рыжая.

— В сундуке.

— Заносите. Кровать сюда, а сундук вон туда.

— У-уф. — Парни вышли из каморки, отряхнули руки и повернулись в мою сторону.

— А ничего, сладенькая такая, — сказал тот, что был повыше и более широк в плечах. Темно-каштановые волосы спадали на уши и немного топорщились в разные стороны. Цвет глаз я бы определила как светло-карий. — Я Истор. Хочешь, расскажу, что здесь и как устроено, освоиться помогу?

— Не хочу.

— Да я много не попрошу. Просто будь поласковей, конфетка. Я там еду принес, можешь меня поцеловать.

— Ист, тебе что, все равно с кем? Она же элита. — Светловолосый сероглазый напарник толкнул друга плечом и повернулся к старосте: — Элька, пошли, провожу.

— Да, идем, я тут измучилась вконец.

— Стойте! — окликнула я девушку, отодвигаясь подальше от поигрывающего бровями Истора.

— Чего тебе еще?

— Не забудьте передать ректору мой отказ.

— Еще чего! Сама ему скажешь, я нарываться не буду.

— Я не желаю видеть этого мерзкого человека!

— Это она о ректоре? — Парни переглянулись и дружно покрутили у виска пальцами, а Истор еще и присвистнул.

— Амиральд классный, а ты дура! Все, я ушла. — Староста задрала нос повыше и отправилась восвояси в компании плечистых студентов. Издали до меня долетел их издевательский смех.

Я легла на жесткий-прежесткий матрас и поворочалась с боку

на бок. Кровать пришлось самой себе застилать, и сейчас грубая ткань простыни колола нежную кожу. Спать легла прямо в нижнем белье, та ночная рубашка, что прилагалась к платьям, была на ощупь даже хуже, чем простыня. Эту, судя по всему, неоднократно стирали, вот она и стала мягче. Какой ужас! Условия попросту нечеловеческие! Тут даже еда совершенно отвратительная. Мясо слишком прожарено, на мой вкус, а овощи переварены! Я перевернулась на другой бок, громко выругавшись при этом:

— Мерзавец! Предатель! Низкий, подлый человек!

Ректор все-таки приходил, чтобы поставить защиту. И я заявила ему прямо в лицо, что никакой помощи от него не приму. Амир даже глазом не моргнул, просто молча развернулся и ушел.

Я сама запечатала дверь и окно всеми известными мне заклинаниями. Теперь же пыталась уснуть, но тщетно. У меня болели спина, руки и голова, кожа чесалась нещадно, плечи и шея ныли. Я продолжала на чем свет ругать ужасного Амиральда. Ведь не зря выбрал имя, созвучное своему настоящему, когда надумал пробраться в Академию аристократии. Явно затем, чтобы случайно не выдать себя. Какой же все-таки мерзавец! Как это унизительно, быть похищенной столь отвратительным человеком!

Я не так давно изучала современный раздел в истории виерского движения и была очень удивлена, что оно существует до сих пор. Этот Амиральд Сенсарро был представителем не слишком знатного и богатого рода, но, когда он внезапно открыто присоединился к виерам, еще и принял участие в демонстрационных выступлениях, его тотчас же изгнали из нашего круга.

Я очень хорошо запомнила это имя и лицо с портрета в учебнике, меня до глубины души поразило, что аристократ мог примкнуть к виерам. А теперь он еще и ректор их академии! Мне было известно, что главой виерского учебного заведения становились сильные маги из числа плебеев по результатам очень строгого отбора. Король не имел права назначать своего ставленника, как, впрочем, и вмешиваться в здешние внутренние дела. Это было одно из условий перемирия (как и создание отдельного учебного заведения для виеров), заключенного много лет назад после окончания войн с плебеями. Но чтобы они выбрали главой аристократа по происхождению! Это просто невообразимо.

Гнусный предатель! Пойти против своих, присоединиться к этим представителям низов общества, еще и обучать их магии… как же он мерзок! Хотелось бы знать, чему такому важному я помешала в день визита короля. Что они там затевали?

Повернувшись на другой бок, я попыталась устроиться поудобнее, но безуспешно. Пришлось встать и достать из сундука плащ, чтобы подложить под слишком низкую подушку. Уснуть смогла лишь под утро, но лучше бы я не засыпала совсем.

С трудом разлепив тяжелые веки и потянувшись, застонала от боли, пронзившей все тело. Этот невероятно жесткий матрас и жуткая деревянная кровать были самыми неудобными из постелей, на каких когда-либо мне приходилось спать. Я посмотрела в окно, за которым только забрезжил рассвет, и попыталась понять, что же меня разбудило.

Руки сами потянулись к голове, она невероятно чесалась. Запустив пальцы в кудрявые пряди, я громко завизжала, мигом соскочила с кровати и затрясла головой, пытаясь скинуть на пол мелких букашек, которые копошились в волосах. Бросившись к сундуку, распахнула его, чтобы достать платье и быстро бежать к душевым, — сундук оказался совершенно пуст.

Я беспомощно заозиралась по сторонам, но вещи как сквозь землю провалились, дверь была заперта, все осталось на своих местах, но платья исчезли. Схватив подушку, отбросила ее в сторону и увидела, что плащ на месте. У меня совершенно не было времени выяснять, куда подевалась одежда, ухватив мыло и полотенце, побежала по скрипучей деревянной лестнице наверх.

Мне пришлось мыться в кошмарной виерской душевой, мылиться ужасным мылом с жутким запахом, а еще самой стирать нижнее белье, которое почему-то все пошло пятнами ржавчины. Вот только это были мелочи по сравнению с тем, что мои волосы на ощупь казались значительно короче. Пытаясь сдержать крик ужаса, я выбежала намыленная из кабинки, чтобы увидеть в зеркале, как по голове ползают мелкие красные жучки, грызут мои волосы и оставляют позади себя ржавый порошок.

— А-а-а! — Я хватала противных букашек прямо пальцами, которые тотчас же окрашивались в оранжевый цвет, и бросала в раковину. Когда ни одного насекомого не осталось, я вернулась в душевую и еще старательней намылила голову, пытаясь смыть весь порошок. Руки дрожали, я пыталась не впасть в отчаяние оттого, что мои потрясающие роскошные кудри были съедены отвратительными жучками.

Уже в чулане, куда я вернулась, закутавшись в единственный оставшийся предмет одежды, я просушила прическу выученным наизусть заклинанием, посмотрела в зеркало и в ужасе прижала руки ко рту. Волосы все так же вились локонами, но только на уровне лопаток, лишь отдельные пряди остались длинными и по-прежнему касались талии. Изумительный и такой благородный золотистый оттенок совершенно исчез, скрывшись под вульгарно-

рыжим.

В большом холле академии еще царила тишина, хотя за окном уже разгоралось яркое утро. Я тихо ступала по мраморным ступенькам, ведущим в ректорский кабинет. Ему положено быть на месте раньше всех, если он считает себя ответственным руководителем. Уверенности в собственных действиях здорово добавляло охватившее душу бешенство. Стукнув пару раз, я отворила дверь и вошла в пустую комнату. Разочарованно оглядевшись по сторонам, хотела повернуть обратно, когда до слуха донеслись чьи-то негромкие голоса.

Внимательно присмотревшись к стене с правой стороны, заметила, что среди деревянных панелей видна небольшая щель — вход в соседнюю комнату. Я тихо приблизилась и прислушалась, пытаясь разобрать слова.

— Зачем тебе понадобилось притаскивать сюда эту девку? Она может навредить нам.

— Даже если она начнет болтать здесь, в стенах академии, ей никто не поверит.

— Я не понимаю, как ты вообще в состоянии выносить ее присутствие? Она сломала все наши планы! Сколько времени было потрачено, сколько людей приложили усилия, а эта… (далее следовал отборный поток ругательств) все разрушила дурацким розыгрышем! Если бы не она, мы бы уже сейчас вернули себе…

— Эди, время вспять не повернешь. Какой теперь смысл кричать?

— Но ты потратил на это больше года, Амир! Из-за этой Лавальеро усилия пошли прахом, а ты поселил ее в академии, чтобы она тут жила на всем готовом!

— Ты прав. Пойдем убьем ее, только медленно, чтобы она помучилась.

— Амир, я серьезно.

— Себя послушай. Предлагаешь запрятать девчонку куда? В подвал? Пусть там полгодика посидит? Если ты соберешься разделаться с ней, это также приведет к ненужному вниманию, к детальному расследованию. Лучший вариант — оставить ее здесь.

— От нее никакого толка, один вред.

— Я сам это буду решать.

— Ну, как знаешь!

Собеседник пнул что-то в комнате, а потом послышался шум шагов, и я бросилась к окну, быстро спрятавшись за занавеской. Раздался скрип сдвигаемой панели, а затем Эди покинул кабинет, громко хлопнув дверью. Я осталась в своем укрытии, опасаясь, что Амир тоже сейчас вернется в комнату, но ректор не выходил.

Когда прошло достаточно времени, чтобы меня не заподозрили в подслушивании, я вышла из-за шторы и направилась к полусдвинутой панели, которую никто не потрудился закрыть. Постучав для вида, вошла внутрь и оглядела небольшое, но светлое пространство. Судя по всему, ректор использовал эту комнату для отдыха или завтракал здесь, поскольку возле камина стояли два больших кресла, а между ними круглый столик с красивой чашей, наполненной фруктами. Амир поднял голову, увидел меня и очень медленно окинул взглядом с ног до головы.

— Доброе утро, — произнесла холодным тоном, а ректор лишь кивнул и отвернулся к окну. Я готова была поклясться, что он с трудом сдерживает смех. Вот ведь мерзавец! Смеет смеяться надо мной! Этот факт настолько разозлил, что я тотчас же позабыла о подслушанном разговоре и о том, что Амир отговорил Эди меня убивать.

— У меня сегодня ночью украли все вещи! Единственное, что не унесли, это плащ, потому что он был под подушкой. В вашей академии учатся воры! Они подсыпали мне каких-то жуков в кровать, которые сожрали мои волосы. А еще эти жуки выделяют омерзительный порошок, из-за чего я теперь стала рыжей, будто продажная уличная девка! Вы поселили меня в нечеловеческих условиях! Здесь все отвратительно, даже еда! Не знаю, что вы задумали, но как только я отсюда выберусь, то заставлю вас пожалеть о том, что вообще появились на свет!

Амир медленно повернулся в мою сторону, и на сей раз улыбки на его лице не было. Очень спокойно, я бы даже сказала, подчеркнуто сдержанно он проговорил:

— Я предлагал поставить защиту, Летта, ты отказалась.

— Я сама сформировала заклинания и написала повсюду защитные формулы!

— Да что ты? А они обошли? И как это они умудрились?

— Ваши издевки неуместны!

— Ты отказалась от помощи, теперь сама расхлебывай. Сломать твою защиту для учеников старших курсов не проблема, я предупреждал, что методы обучения здесь отличаются от привычных тебе.

— Ваши ученики оставили меня без одежды, как вы это объясните?

— А я должен тебе что-то объяснять?

— Вы похитили меня, притащили сюда, заставляете жить в чулане. Ваша академия — самое отвратительное место на свете, а вы самый мерзкий человек! Немедленно предоставьте мне необходимые вещи или…

— Или что? Ты, Виолетта Лавальеро, находишься в кабинете ректора виерской академии, куда тебя не вызывали. Из-за нелепой гордыни ты лишилась собственных вещей. Оскорбляешь окружающих, но по-прежнему считаешь, что сама идеальна во всем. Ступай-ка вон отсюда, пока я не выкинул тебя за дверь.

— Сперва верните мои вещи, или я и шага не сделаю.

— Тебе выделили все необходимое вчера, а теперь хоть голой ходи, мне плевать. Еще раз заявишься сюда и начнешь говорить в подобном тоне, отправишься гулять по академии совсем без одежды. Последний раз повторяю — вон отсюда!

Уйти хотелось очень, но я не желала отступать перед этим мерзавцем, пусть не думает, что может запугивать меня и указывать, что делать. Подняв выше голову, я повторила: «Не уйду, пока не вернете мои вещи!»

Амир вскочил из кресла так быстро, что я опомниться не успела, вытянул руку ладонью вперед, и меня словно что-то толкнуло в грудную клетку, отбрасывая к двери. Я пошатнулась, зацепилась ногой за порог, взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие и роняя плащ, но упала на толстый ковер, устилавший пол кабинета, а дверь в комнату резко захлопнулась, и раздался громкий щелчок повернувшегося замка.

Это был один из самых ужасных моментов в моей жизни! С подобной грубостью я еще не сталкивалась, а если вспомнить, что у него на глазах я уронила плащ и предстала перед презренным негодяем совершенно обнаженной, то становилось до невозможного противно и очень-очень стыдно.

Я вскочила на ноги и замолотила кулаками в закрытую дверь:

— Откройте немедленно!

Ответа не последовало.

— Я требую, чтобы вы вернули мне плащ, мерзавец!

— Не раньше, чем научишься себя вести и извинишься.

— Перед вами извиняться? Да я лучше жабу поцелую!

За дверью снова воцарилась тишина. Я огляделась в кабинете, отыскивая шкаф с вещами. Он же держит где-то свои накидки, плащи. Шкаф обнаружился в углу. Подбежав к нему, распахнула створки и заглянула внутрь. К большому разочарованию, ректор держал здесь не вещи. На полках лежали всевозможные папки, и лишь на самой нижней из них я увидела небрежно сложенную белую рубашку. Быстро схватив ее, натянула на себя. Тонкая ткань укрыла тело до самых бедер.

Выпрямившись, я собиралась посмотреть что-нибудь в соседних шкафах, когда взгляд упал на тоненькую папочку. Меня привлекла надпись — на обложке твердым почерком было выведено: *«В. Лавальеро».*

Вытащив папку и прижав ее к груди, я еще раз огляделась по сторонам и обратила внимание на легкие светло-желтые шторы. Подняв свой эсканилор, негромко прошептала заклинание, и полотнища медленно отцепились от круглых колец и плавно скользнули на пол. Замотавшись в неплотную ткань, словно в кокон, я быстро помчалась к выходу из ректорского кабинета.

Глава 16
ВСЕ НЕ ТО, ЧЕМ КАЖЕТСЯ

Запершись в чулане, я разложила шторы на полу и посмотрела, смогу ли скроить из них приличное платье. Ткани было вполне достаточно, а шила я довольно хорошо, поскольку часто принимала участие во всевозможных благотворительных мероприятиях, проводимых кружками благородных леди, где мы шили одежду для бедняков. «Благотворительность — это благое дело», — часто говаривала Эстер.

Решив отложить шитье на потом, сперва взялась за документы, которые выкрала из ректорского кабинета. Думать, как Амир отреагирует на пропажу папки, совершенно не хотелось. Еще никогда не встречала настолько неуравновешенного мужчину! Воспитанный человек обязан потакать дамским капризам и терпеть женские слабости, потворствовать даме в ее прихотях. Он также не вправе повышать голос, а тем более выставлять женщину из комнаты настолько грубым методом. Женщины слабее мужчин, и даже когда мы ведем себя слишком эмоционально, настоящий мужчина обязан это терпеть, иначе он вовсе не благородный человек.

Впрочем, ожидать чего-то иного от ректора виерской академии не приходится. Просто грубый неотесанный мужлан, вот он кто! Ну ничего, я обязательно придумаю, как расплатиться с ним за свой позор, за то, что он со мной сотворил. Даже у Амира есть слабости, и я выясню какие, а потом ударю побольнее, точно так же, как он ударил меня.

Поджав ноги и расправив поверх рубашку, я открыла папку и достала несколько скрепленных между собой листов. На первой странице шла краткая информация обо мне: имя, дата рождения, семья, жених, значилось место обучения — Академия аристократии, а также краткое описание того, что я являюсь старостой потока и тренирую команду для участия в состязаниях. Отложив лист в сторону, перешла к следующему. Здесь информации было намного больше, и написана она была иным почерком, я присмотрелась повнимательнее и, по мере того как читала, все сильнее сжимала лист в руках:

«Согласно вашему запросу относительно Виолетты Давальеро.

Девушка перевелась в виерскую академию магии, о

чем свидетельствует официальное письмо на имя ректора, а также другое письмо, полученное родителями девушки. Доподлинно известно, что перед уходом мисс Лавальеро попросила служанку доставить ей позже вещи, деньги и драгоценности. Данные письма были составлены нами по вашему запросу, как и организованный по вашей просьбе подкуп служанки, ко всему остальному мы не имеем ни малейшего отношения. Публикация в журнале „Модный вестник“ информации о переводе В. Лавальеро в другую академию (вследствие чего в свете разразился громкий скандал) была инициативой друзей Виолетты, которые лично связались с главой журнала, организовали интервью, а также рассказали о своих отношениях с девушкой.

Инициаторами выступили Дениза Уинтон и Жизель Анкен, их поддержало большинство учеников академии. Стоит отметить, что никто не высказался в пользу или защиту девушки. Что касается жениха В. Лавальеро, то он категорически отказался обсуждать неожиданный перевод своей невесты, точно так же, как и родители Виолетты.

Согласно запросу о действиях главы академии Зора Анделино, доподлинно известно, что его личный помощник пытался организовать подкуп членов учебного совета, в чьи обязанности входит следить за состязаниями и выносить окончательное решение (в случае надобности можем предъявить вам доказательства). Он нашел подходящего человека, который должен был устроить состязания в пользу аристократической академии, помимо этого планировалось разузнать перечень испытаний заранее, что категорически противоречит правилам игр. В случае если бы о нарушении стало известно, подозрения в первую очередь пали бы на старосту потока и организатора университетских тренировок В. Лавальеро.

Вы также просили более подробную информацию по Эльмарину Остеусу, что оказалось невероятно сложным, поскольку этот молодой маг очень тщательно оберегает свою частную жизнь, и подобраться к нему поближе не представляется возможным. Смею заверить, в будущем мы исправим сие упущение и предоставим вам более полный отчет.

Семья мисс Виолетты представляет собой образец идеального аристократического альянса. Родители

девушки родовиты и числятся среди приближенных королевской семьи. Они были помолвлены еще с юношества, а после поженились. Не выявлено ни единого нарушения принятых в обществе норм. Единственная трагедия, случившаяся в этой идеальной со всех точек зрения семье, произошла восемнадцать лет назад, когда погибла младшая сестра Эстер Лавальеро, Мария Фабиус. Насколько удалось выяснить, причиной гибели послужило крушение магического транспорта, на котором Мария отправилась в небольшое путешествие в соседнее королевство.

Пусть внешне все выглядит идеально, но вынужден заметить, что поведение Роланда Лавальеро отличается некоей странностью. Раз в неделю сей аристократ отлучается в охотничий домик, который находится в лесных угодьях, принадлежащих семье Лавальеро. Нам удалось узнать, что „пойманную“ на охоте добычу егерь ловит заранее.

Мы можем дополнительно проследить за Р. Лавальеро, если вас интересуют подробности его времяпрепровождения. К госпоже Эстер нет никаких нареканий, она добропорядочная женщина, которая посвящает все свободное время благотворительности и образованию юных аристократок, принимает участие во многих кружках дам высшего общества и добросовестно выполняет роль хозяйки дома.

По моим личным выводам, мисс Виолетта Лавальеро воспитывалась в довольно жестких условиях строжайшего подчинения всем аристократическим правилам с наказанием даже за малейшие проступки. Планы на жизнь девушки были построены едва ли не с самого ее рождения. Семья Виолетты также заранее заключила брачный контракт с родом Остеус, по которому значительная сумма должна быть передана жениху в день свадьбы вне зависимости от того, пройдет ли бракосочетание. После свадьбы Эльмарин также получит очень приличное приданое, которое Лавальеро дают за своей дочерью. При отборе кандидаток в жены оба фактора сыграли немаловажную роль в пользу Виолетты.

Если вам нужны будут дополнительные подробности, пожалуйста, дайте нам знать.

С уважением, М.М. Юрг».

Я дочитала последнюю строчку и бессильно уронила документы на колени. Провела ладонью по лицу, которое оказалось совершенно мокрым. Глупости, это все глупости. Эрин меня любит, я точно знаю, а Зор… Зор не мог так поступить, не мог меня подставить подобным образом. Ведь подкуп на играх вызвал бы невероятный, ужасный скандал, такой, в результате которого меня могли даже заключить под стражу. А друзья попросту были слишком шокированы моим уходом, и во всем виноват исключительно Амир, разрушивший мою жизнь.

Спустившись с кровати, присела рядом с расстеленными на полу шторами, попыталась прикинуть, откуда начать кроить материал, подняла тонкую ткань, рассматривая на свет, прижала к лицу и зарыдала так, как никогда в жизни.

Когда слезы иссякли, я наконец поднялась на ноги. Наверное, стоило пойти в душевые, умыть заплаканное лицо, но у меня не было ни сил, ни желания. За дверью слышался гомон голосов, иногда кто-то пробегал вверх по скрипучей лестнице, хотя, как я поняла, этим ходом пользовались не часто. Мне пришлось заняться шитьем, поскольку голод давал о себе знать, есть хотелось настолько сильно, что желудок сжимался, а отправиться наружу в ректорской рубашке на голое тело я не могла. Метка на руке ныла после заклинания в кабинете, хотя мне показалось, слабее, чем раньше.

Я достала шкатулку со швейными принадлежностями, которую передала рыжая староста, чье имя я так и не удосужилась спросить. Раскроив материал и наметив будущий фасон, я вдела нитку в иголку и, помогая себе заклинанием скорого шитья, стала соединять отдельные кусочки материи. К сожалению, сотворить достойный наряд с корсетом не было возможности, сшить что-то похожее на то платье с кружевами, изобретенное мной после окрашивания ладони в синий цвет, я не могла из-за отсутствия кружев, оставался лишь вариант простого домашнего платья на завязках, который требовал намного меньше времени и усилий.

Пока шила, гнала от себя воспоминания о прочитанном, раздумывая лишь над тем, почему Амир не воспользовался добытой информацией, чтобы заставить меня встать на его сторону и готовить виерскую команду к состязаниям. А потом поняла, что попросту не поверила бы ни единому его слову.

Когда наряд был готов, я надела на себя просохшее нижнее белье и готовое платье. Потянув за шнуровку, с легкостью затянула неплотный лиф и завязала аккуратный бант на уровне

груди. Платье получилось довольно милым с легкой широкой юбкой. В таком вполне можно было выйти наружу. Вряд ли хоть кто-то здесь различал модели платьев, которые аристократкам положено носить за пределами комнаты. Это намного лучше, чем плащ или рубашка.

Рубашку, кстати, ужасно хотелось выкинуть в мусор, но я решила перекроить ее в подходящую ночную сорочку, поскольку ткань была тонкой и приятной на ощупь, намного лучше грубого материала выданной ранее ночнушки. Может, это вообще самая лучшая рубашка Амира, тогда будет еще приятнее разрезать ее на кусочки.

Я подошла к зеркалу и внимательно посмотрела на волосы, раздумывая, как лучше их уложить. С болью в сердце стала остригать слишком длинные пряди, чтобы сравнять длину и подрезать неровно объеденные края. Пряди спереди состригла до самого плеча, поскольку их концы волосоеды объели сильнее всего.

В итоге мелкие кудряшки и более короткие рыжие локоны обрамляли лицо, а дальше падали волнами, спускаясь до лопаток. Подумав, я вырезала из бывших штор ленту и завязала длинные пряди в хвост, соорудив бант, похожий на тот, что был на платье. Как ни удивительно, но ужасный рыжий цвет подчеркивал мой необычный цвет глаз, белую нежную кожу и делал лицо более ярким и выразительным. Оставшись в целом довольной результатом, я собрала рассыпанные по полу бумаги обратно в папку и заметила последний лист, оставшийся непрочитанным. Усевшись на сундук возле окна, прочитала строки, выведенные, судя по всему, рукой ректора:

> «Виолетта Лавальеро — соотношение знаний к уровню магической силы 3:2, уровень — выше среднего, особый дар — организаторские способности, умение точно и до мелочей организовать процесс, особенно требующий творческого подхода, а также учесть все необходимые детали для получения идеального результата. Логические, математические способности на среднем уровне, что достигнуто во многом благодаря тренировкам».

Стук в дверь оторвал меня от чтения.

— Эй, Лавальеро, тебя к ректору! — раздался голос той самой рыжеволосой старосты.

Я с трудом удержала лист в дрогнувших руках. Похоже, Амир

обнаружил пропажу. Аккуратно положив документ обратно в папку, поднялась с сундука и открыла дверь. Девушка шагнула вперед и протянула какой-то пакет.

— Иди скорее, он уже… о-о-о, откуда у тебя это платье?

— Из личных запасов.

— Ну надо же. Значит, это тебе не нужно. — Она опустила руку с пакетом. — Даже прическу сменила? Ты чего это?

— Стараюсь соответствовать местным порядкам.

— Каким местным порядкам?

— Выглядеть как можно вульгарнее.

Староста закатила глаза к потолку, а потом отвернулась и бросила через плечо:

— Иди, тебя ждут.

— Не пойду.

Девушка даже остановилась.

— Слушай, ненормальная, давай ты будешь порядкам во всем соответствовать? У нас не принято игнорировать приказы ректора.

— Боитесь наказания?

— При чем тут наказание? Амира здесь все уважают, он знаешь сколько для академии сделал? Побаиваемся тоже, не без этого. Он с упрямцами и нарушителями быстро разбирается, с тобой тоже не будет церемониться, уж поверь.

— Уже убедилась лично.

— Тогда иди, иначе он решит, что я тебе не передала, еще и мне влетит.

Девушка вновь отвернулась и поспешила прочь, а я с горьким вздохом взяла папку в руки и медленно пошла в сторону мраморной лесенки.

На балкончике я задержалась, оттягивая неизбежный момент страшной расплаты. Вот что он сейчас со мной сделает? Что такого ужасного можно еще придумать? Впрочем, не время трусить, иначе он обрадуется, что сломал меня, заставил подчиниться, а я ему такого удовольствия не доставлю. Подняв руку, громко постучала.

— Входи.

В этот раз дверь в соседнюю комнату оказалась закрыта. Амир сидел в кресле у окна и держал в руках лист бумаги, на меня он не смотрел.

— Садись.

Я молча прошла к дивану и с достоинством опустилась на него.

— Летта, — начал ректор, в этот раз в голосе его отсутствовали раздраженные нотки, и казалось, он прикладывает

большие усилия, чтобы контролировать себя, — ты обвинила студентов моей академии в воровстве, а немного погодя унесла из кабинета документы. Объясни-ка, что ты понимаешь под понятием «воровство»?

— В этой папке исключительно информация обо мне и моей семье, полагаю, у меня было право взглянуть.

— Не было. Все, что находится в этом кабинете, не является твоей собственностью, какую бы информацию ни содержало.

— Тогда надо лучше охранять свой кабинет. Иначе кто угодно может вынести отсюда, что захочет.

— Ошибаешься. — Ректор сцепил пальцы рук, сделал глубокий вдох, а после продолжил: — В этот кабинет можно войти лишь с моего разрешения. Моя ошибка, что я принес тебя именно сюда, а потому ты получила возможность свободного входа. Отныне, как и для всех остальных, для тебя будет действовать правило личного приглашения. Предупреждаю заранее, поскольку, если ты попробуешь проникнуть сюда иным способом, защитные заклинания сработают, и это может очень сильно тебе навредить. А теперь верни папку.

Я встала, гордо расправила плечи и неспешно приблизилась к столу, чтобы положить на него документы.

— Теперь о том, что… — Амир наконец-то поднял глаза и резко замолчал, переведя взгляд с моего лица на платье. Я смотрела прямо, не отводя взгляда, а Амир внезапно усмехнулся и опустил голову. Я вновь начала злиться, заметив, что плечи его подрагивают от едва сдерживаемого смеха.

— Над чем вы смеетесь?

Амир не ответил.

— Это все из-за вас! Мне пришлось самой шить себе платье. Что вам кажется забавным на этот раз?

— Виолетта, ты что-то еще забрала из кабинета? — наконец произнес мужчина. — Признайся сразу.

— Я взяла вашу рубашку.

— Какую?

— Лежала в шкафу.

— И что сделала с рубашкой?

— Раскроила на ночную сорочку, — соврала я, не желая отдавать трофей обратно. Хоть маленькая, но месть.

В ответ раздался еще один вздох.

— Может, вы теперь и это платье заберете? Я ведь сшила его из украденных штор. Полагаю, вам будет приятнее, если я начну разгуливать по академии голой.

— Летта, — ректор махнул рукой, прерывая поток гневных речей, — должен перед тобой извиниться за ту вспышку гнева. К

большому сожалению, на тот момент я был слишком раздражен разговором с одним человеком и всеми предшествующими ему событиями. Я также полагал, ты окажешься достаточно разумной, чтобы попросить прощения и начать говорить в нормальном тоне, ты же решила вопрос иначе. Просто теперь запомни одно: в мои планы не входит потакать твоим капризам и сносить откровенное хамство. Пока находишься здесь, следуй нашим правилам, и самой же будет проще.

— И как долго я буду здесь? Почему вообще должна чему-то следовать?

— Останешься в академии, и точка. Этот вопрос уже решен. Как именно будешь здесь жить, зависит только от тебя. Для твоей собственной безопасности лучше все же поставить защиту на дверь, готов предложить это снова, поскольку утреннее происшествие не у одной тебя оставило неприятный осадок.

— Да что вы? Я думала, вы всех женщин вышвыриваете из кабинета, оставляя у себя их одежду. — Не желала я прощать ему свой позор и не знаю, куда бы завел этот новый спор, только стук в дверь нас прервал.

— Входите, — произнес Амир.

Дверь отворилась, и зашли двое студентов. Я их сразу узнала, это были те самые парни, которые грозились поквитаться с аристократкой. Как их там звали? Кажется, тот рыжеволосый Луз, а этот Гер.

Оба студента постарались без лишнего шума просочиться в кабинет, втягивая голову в плечи, словно хотели стать как можно незаметнее, но это у них получалось весьма плохо.

— Садитесь, — кивнул головой Амир.

Парни устроились на диване, заняв его весь своими внушительными фигурами.

— Рассказывайте, — поступил новый приказ от ректора.

— Ректор Сенсарро, это не мы.

— Мы ничего об этом не знаем.

— О чем об этом?

— О том, что она вам рассказала. Это не мы.

— Не вы?

— Нет.

— Значит, вы к ней в комнату не входили, так?

— Так.

— И жуков в волосы не насыпали, так?

— Так.

— А одежду вы спрятали, так?

— Так. Проклятье! — Оба выругались настолько синхронно, словно загодя репетировали свою речь.

— А теперь совместное наказание, студенты. Вы двое и мисс Виолетта отрабатываете повинность в студенческой столовой. Все ясно?

— Ясно. — Парни опустили головы.

— Мне ничего не ясно! — возмутилась я.

— Ступайте, — кивнул студентам Амир, и тех словно ветром сдуло.

— Наказание за мелкое хулиганство у нас карается отработками.

— Мелкое? Они украли всю мою одежду!

— А ты украла из кабинета ректора ценные бумаги, шторы и личную вещь.

— Вы сами в этом виноваты.

— Не стоит пререкаться, Виолетта. Вечером будешь работать вместе с ними, а Элинна проследит.

— Кто?

— Староста курса.

— Та рыжеволосая, которую вы постоянно ко мне посылаете?

— У нее есть имя.

— Я не собираюсь подчиняться вашим указаниям. Если мне придется здесь остаться, то делать я буду лишь то, что сама посчитаю нужным.

— Ну хорошо.

— Хорошо?

— Да. Делай, что посчитаешь нужным. Ты уже решила сама шить себе одежду, теперь, пожалуй, начнешь готовить.

— Почему я должна готовить?

— А почему академия должна содержать тебя?

— Потому что вы меня сюда привезли.

— Я привез тебя, поскольку ты задумала отомстить и едва не раскрыла мой истинный облик в присутствии короля. Если бы в тот момент я не отлучился из зала, все присутствующие увидели бы мое лицо. Помимо этого ты скрылась в кабинете, подслушала разговор, узнала меня и собиралась всем рассказать. Исходя из вышеперечисленного, ты не оставила мне выбора, и твое похищение было последним, чего я действительно желал.

Теперь ты числишься в виерской академии магии, об этом знают все и во многом благодаря твоим «друзьям». Я собирался обставить дело несколько иначе. Был уверен, что после исчезновения дочери и получения от нее письма о переводе в Академию виеров родители, чтобы сохранить этот поступок в тайне, договорятся с Зором и придумают какую-нибудь поездку или путешествие. Спустя полгода я бы вернул тебя к прежней жизни.

— И как же друзья узнали? Разве не вы лично им рассказали?

— Нет, Летта. После того как перенес тебя сюда, я возвратился в академию, вернул себе прежний облик и произнес подготовленную речь, а также успокоил несчастную Эрику, у которой неожиданно отрос хвост во время выступления. Как твоя подруга выяснила подробности, я не в курсе. Скорее всего, узнала у Зора. Она ведь ходила у него в соглядатаях. Возможно, он не догадывался, что она всем раструбит о твоем переводе.

— Вы предложили мне действовать против своих же, быть с вами заодно и предать друзей и знакомых!

— Предать? Предать можно лишь того, кто искренне верен тебе. К тому времени я был уже в курсе мер, предпринятых твоими «друзьями». А с подлецами я предпочитаю действовать их же методами.

— Но как вы могли подумать, что я соглашусь облегчить свою жизнь таким вот образом?

— Скажи мне, кто твой друг, Виолетта… Та же Дениза или Жизель с легкостью согласились бы на мое предложение.

— Я не отношусь к подобным людям.

— Я не настаивал. Не хочешь помогать, не нужно, не желаешь учиться, сиди весь день в своем чулане, делай что пожелаешь, но соблюдай правила. Тогда проведешь эти полгода в тишине и покое, а потом я верну тебя родителям.

— В тишине и покое? В вашей академии? А когда вернете меня родителям, вы расскажете им, что сделали?

— Зависит от многих факторов.

— Но вы обещали рассказать.

— В случае сделки, Виолетта. Если бы я дал тебе слово в обмен на помощь, я бы рассказал. А так буду исходить из интересов других людей и той ситуации, что сложится на момент твоего ухода.

— Вы разрушили мою жизнь, вы обязаны все восстановить!

— Обязан? А что именно нужно восстанавливать? Может, заколдовать твоего жениха, чтобы проникся к тебе искренними чувствами? Внушить родителям, что с собственной дочерью нужно обращаться с любовью и заботой? Попросить твоих друзей оставаться верными и в горе и в радости? Те, кто любит, Летта, не оставят даже в самый тяжелый период жизни.

— Эрин меня любит!

— Не вижу смысла спорить с тобой. Можешь идти, все что нужно, я уже сказал. Здесь план академии, с остальными вопросами к старосте. Свободна.

Я отвернулась и, с трудом сдерживаясь, чтобы не ускорить шаг, вышла за дверь.

Переведя дух, я раскрыла план академии и попыталась разобраться, где находится столовая. Все здания соединялись между собой крытыми галереями и переходами и представляли единый комплекс, а потому мне действительно можно было не выходить на улицу, чтобы попасть в нужное место.

О виерской академии я знала очень мало, а теперь с удивлением заметила, какое это красивое и светлое здание. Я была поражена тем, что все внутри было выдержано в едином изящном стиле: в отделке стен и полов господствовали светлые оттенки, окна были широкими, а чистые стекла пропускали много солнечного света. Даже потолки были расписаны удивительными яркими и красочными картинами, изображавшими сцены из мифологии и истории.

В главном же холле рисунок на потолке представлял собой огромную карту со всеми обозначенными на ней королевствами и странами. Это здание не давило на вас своей величественностью, подобно Академии аристократии, а, напротив, позволяло ощутить себя легко и свободно. Хотя для меня лично это была клетка, большая, просторная, но клетка.

Я могла бы гордо вернуться сейчас в чулан и совсем не выходить никуда, а также не являться на отработку, вот только не привыкший голодать желудок требовал раздобыть ему хоть какой-то еды. Ну ничего, в этот раз последнее слово останется за Амиром, у меня еще будет возможность взять реванш.

Глава 17
ПЛЕБЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ

Я полагала, что столовая в виерской академии будет представлять собой большой обеденный зал с тяжелыми дубовыми столами, потемневшими от времени скамьями без спинок и массивной стойкой раздачи. Когда же вошла внутрь, то сперва замерла у двери, потому что просторный, наполненный светом зал не имел ничего общего с плодом моего воображения.

Стойка представляла собой полукруглую широкую столешницу, она приводилась в движение специальным рычагом, спрятанным в стене со стороны окошка раздачи. Самым красивым в оформлении стойки был небольшой перламутровый фонтан, который переливался разными оттенками, словно белая жемчужина, а тонкие струйки падали в отдельные углубления и разбивались в них крупными искрящимися в лучах солнца каплями.

Столы повторяли форму стойки, стояли чуть наискосок напротив друг друга на некотором расстоянии, чтобы большой группе студентов легко было проходить между ними. В результате в зале оставалось много свободного пространства.

Больше всего удивило, что выкрашенное светлой краской дерево имело необычный резной орнамент, придававший некий праздничный флер всему интерьеру. Резные ширмы огораживали столы круглой формы, установленные вдоль стен, а на стульях с высокой спинкой повторялся тот же узор.

Удивительно, как красиво плебеи оформили свою академию. Мне уже не терпелось осмотреть их библиотеку. Если уж здесь столовая напоминает зал для банкетов высшей аристократии, то что говорить о месте, где хранятся всевозможные книги, включая и очень редкие экземпляры.

Я прошла внутрь, оглядываясь по сторонам, но не заметила ни одного человека. Белый гладкий экран, напоминавший непрозрачное стекло и выполнявший, кажется, роль огромного меню, был абсолютно пуст. Когда же здесь появляются картинки блюд? Или еда только в строго определенное время?

Я направилась к окошку слева от стойки и громко постучала в закрытую дверцу. Прождав несколько минут, наконец услышала шум с той стороны, а потом дверца отворилась, и на меня взглянули большие карие глаза молоденькой девушки. Ее темные волосы закрывала белая косынка.

— Тебе чего?

— Я пришла пообедать.

— Пообедать? Обед уже прошел. Ты опоздала.

— Я попросту не успела, была очень занята.

— А ты что, новенькая? Не в курсе порядков?

— Каких порядков?

— Если опаздываешь, то нужно подойти к экрану и приложить руку. Раз ты здесь учишься, то твое имя есть в списках. У нас всегда остаются порции для не успевших явиться ко времени студентов.

Мне захотелось громко и очень некрасиво выругаться. Я ведь здесь не учусь.

— Подойди к экрану, приложи ладонь, и твоя порция выйдет на ленту раздачи.

— А откуда они у вас выходят? Блюда несвежие?

— С чего это несвежие? Мы готовим перед каждым приемом пищи, а блюда опоздавших, а таких обычно немного, помещаются в специальные холодильные отсеки. Иди, прикладывай ладонь.

Со вздохом я повиновалась, надеясь, что по какой-то случайности мое имя есть в списках учащихся. Ведь меня должны здесь кормить? Когда я приложила ладонь, то по гладкой поверхности экрана будто пошла рябь, а затем высветилось несколько имен. Я пробежала их глазами, но своего не нашла.

— Здесь нет моего имени.

— Как нет? Ты когда приехала?

— Вчера.

— Вчера? Так уже должно было появиться. Постой! Ты та аристократка, про которую вся академия жужжит?

— Да.

Поведение девушки внезапно из дружелюбного превратилось в подчеркнуто-холодное.

— Нас предупредили, что нужно оставлять одну дополнительную порцию. Получи.

Собеседница скрылась из виду, а через окошко на стойку передо мной выехало блюдо с тушеными овощами и какой-то неизвестной мне кашей. На подносе рядом лежала вилка, два куска свежевыпеченного хлеба и стоял стакан с розоватым питьем. Подняв все это ароматно пахнущее богатство, я уселась за ближайший стол и принялась неспешно есть маленькими кусочками, старательно удерживая вилку пальцами, которые уже немного подрагивали от голода.

Не будь я такой изголодавшейся, обязательно бы придралась к вкусу блюда, качеству продуктов, степени прожарки хлеба, но в этот момент еда казалась мне самой замечательной на свете! Я даже на одну маленькую толику стала лучше думать об Амире,

который все же занес меня в этот их список, пусть и не в качестве ученицы.

— Эй, аристократка! — Я подняла голову и увидела, что девушка вышла в зал через неприметную дверь в стене. — У тебя сегодня, оказывается, отработка. Если ты не в курсе, то вечером явишься сюда в шесть часов.

Я неспешно прожевала еще кусочек, сделала маленький глоток из стакана, а после ответила:

— У меня есть имя, но ты можешь обращаться ко мне мисс Лавальеро.

— А я к элитам не обращаюсь.

— Что так?

— Происхождением не вышла, — с издевкой ответила девушка.

— Манерами, замечу, тоже.

— Сейчас покажу тебе плохие манеры! — Девушка бросилась к столу, явно собираясь схватить стакан с напитком, но я успела первой. Подняв стакан повыше, пригрозила:

— Вылью на твой передник!

Темноволосая кухарка резко остановилась, перевела взгляд на свой белоснежный передник, потом взглянула со злостью на меня, отвернулась и ушла обратно за дверь.

Я быстро покончила с едой, поскольку не перед кем было демонстрировать хорошие манеры, и поскорее вернулась в чулан. До вечерней отработки оставалось достаточно времени, чтобы сшить себе новую ночную сорочку, чем я, собственно, и занялась, безжалостно откромсав рукава у рубашки и решив пустить их на носовые платки.

Спустя пару часов я с гордостью взирала на новый предмет моего теперь крайне скудного гардероба. Пускай ночная рубашка получилась неприлично короткой, зато в ней было куда комфортнее спать. Подумав немного, решила пропустить под грудью тесемочку, чтобы присобрать ткань. Пусть щеголять в сем вызывающем наряде было не перед кем, но моя неистребимая тяга к красоте проявила себя даже в этой ситуации.

— Эй, аристократочка, а мы за тобой.

За дверью стояли давешние любители воровать чужие наряды. За их спинами маячила рыжеволосая Элинна.

— Нам велели вернуть твою одежду, так что держи! — Темноволосый Гер протянул грязный комок, в котором я признала свои свернутые как попало платья, включая и то чудесное нежно-голубое, бывшее на мне в день похищения.

— Это вам ректор велел вернуть?

Рыжеволосый Луз кивнул и торжествующе осклабился.

— Вы ее закапывали?

Парни пожали плечами, сделав вид, что совершенно не догадываются о происхождении земляных пятен на одежде.

— Я не возьму ее, пока вы не выстираете.

— Что? — Пораженный возглас вновь прозвучал синхронно.

— Что слышали. Я не стану брать обратно грязную одежду. Вы воровали чистую, вот и возвращайте чистую.

— Слушай, элита, лучше не нарывайся.

— А то что?

— Мы скажем ректору, что все тебе отдали.

— А я скажу, что не отдали.

— Так она видела, что отдали. — Луз указал пальцем на пораженно замершую Элинну. — Слышь, Элька, подтвердишь Сенсарро, что мы ей все вернули, поняла?

Элинна подняла повыше голову, пожала плечами, как недавно парни, и ответила:

— А я почем знаю, что вы ей вернули? Я в этом грязном комке вообще одежду не признаю.

— Да вы что, бабы, сговорились, что ли? Как мы женское тряпье стирать-то будем? Нас же все засмеют.

— Тогда ступайте и жалуйтесь на нее Амиру, — невозмутимо ответила Элька.

— Вот гадина! — пробурчал под нос Луз, и не знаю даже, кому именно он это адресовал, но подозреваю, что все-таки мне. Потом Гер бросил комок под стену чулана, заявив: — После заберем.

Я крайне смутно представляла себе, что означает отработка в столовой, а когда узнала, что должна буду чистить и мыть овощи, то едва не устроила очередной скандал. Все-таки виерская академия влияет на меня слишком плохо, умение держать чувства под жестким контролем — черта, присущая истинным аристократам, а я в последнее время то и дело срываюсь.

— И как это делать? — спросила я у темноволосой кухарки, которая весело болтала о чем-то с Элинной.

— Как хочешь, так и чисти, — огрызнулась девушка.

Я взяла большой продолговатый овощ, бросила взгляд на насупленных парней, которые довольно ловко орудовали ножами, и попробовала счистить тонкую шкурку на себя, как это делали они. Нож глубоко врезался в мякоть, я вытащила его обратно и предприняла новую попытку. Второй раз повезло еще меньше, нож скользнул по гладкой поверхности и полоснул меня по ладони.

— Ай. — Я выронила овощ, зажимая порез пальцами.

— Элька, она себе так всю руку откромсает.

— Да, полная неумеха, что тут скажешь! Даже полы никогда не мыла.

— Пусть столы протрет.

— Пусть. Амир не говорил, что именно она должна делать.

— Эй, мисс Лавальеро, иди мой столы.

— С ума сошли, их там слишком много!

— Да ты протри поверхность, и все. Вон там таз, воду набери и тряпку возьми.

— Ваш мыльный порошок я брать не буду.

— Чего это? — возмутилась кухарка.

— А у нее от него сыпь на коже. Говорю же, неженка.

— Пасту возьми вон ту, зеленую. В воде разведешь и протрешь столы. В то ведро чистой воды набери, смоешь пасту.

— У меня кровь идет.

— Ты про эту царапинку? Лист порезника приложи, и сразу корочкой затянется. Там в коробке на столе возьми. У нас его много, частенько пользуемся.

Решив, что чем дольше буду пререкаться, тем больше времени проведу в этой неприятной компании, я сделала, как сказала девушка, и отправилась в зал протирать столы. По дороге случайно плеснула часть воды из таза на платье, а когда попробовала просушить, то немного пережгла материю и обзавелась более темным по оттенку пятном посередине юбки. Просто издевательство какое-то! Полы сушить у меня получалось неплохо, а вот с тем, что требовало более тонкого подхода, постоянно возникали проблемы. Все же бытовые заклинания — это не мое. Только и научилась, что с волосами управляться.

Растворив пасту в воде, полюбовалась на изумрудный оттенок и принялась протирать столы. Вода, к счастью, не щипала руки, но если продолжу в том же духе, то вскоре кожа совсем загрубеет. Необходимо добыть крем во что бы то ни стало.

Я переходила от одного стола к другому, протирала их, а после смывала зелень чистой водой и не переставала на чем свет ругать Амира. Пока закончила с большей частью работы, совершенно взмокла. К тому времени парни, фыркая и отряхиваясь, ввалились в зал, а за ними следом вышли староста и кухарка.

— Эй, элита, получше три, — гоготнул Гер.

— Слушай, Гер, а ей идет зеленый цвет, — заржал Луз, указывая на мои руки, все в зеленой пасте. Он подошел поближе и уселся прямо на стол, который я недавно протерла.

— А ну слез оттуда! — приказала я.

— Еще чего! Мне удобно отсюда за тобой наблюдать.

— Последний раз предупреждаю, слезай.

Парень захохотал в голос, а я недолго думая окатила его зеленой водой из таза.

— Ах, тварь! — заорал Луз и кинулся ко мне, но поскользнулся в луже и грохнулся на пол, приложившись плечом о ножку стола. — Гер, хватай гадину, — простонал пострадавший своему напарнику.

Темноволосый громила тотчас же бросился ко мне, а я помчалась к ближайшей двери на кухню. Парень забежал следом, и, пытаясь спастись от неминуемого наказания, я стала кидать в него всем, что подворачивалось под руку.

Секунду спустя в дверь вломились кухарка со старостой и что-то закричали. Геру, вновь рванувшемуся ко мне, угодило картошиной в правый глаз, и, пока он ошеломленно моргал, я воспользовалась этой заминкой и промчалась мимо девушек к выходу, а оказавшись в зале, рванула к двери столовой, уворачиваясь от пришедшего в себя Луза.

До спасения оставалось совсем немного, и я уже готова была схватиться за ручку, когда дверь отворилась, а я со всей силы врезалась в вошедшего человека, сбив его с ног, и секунду спустя обнаружила себя в коридоре лежащей сверху на Амиральде Сенсарро. Не знаю, кто в этот момент был поражен более всего: я, угодившая из огня да в полымя, ректор, чей потемневший взгляд не сулил ничего хорошего, или мои четверо преследователей, молча замершие у распахнутой двери.

И вот в этот момент у меня окончательно сдали нервы. Я громко и безудержно захохотала так, что слезы выступили на глазах, и уронила голову на грудь ректора. Амир точно не разделял моего веселья, поскольку резко сел, вынудив меня ухватиться за его плечи, чтобы не свалиться на твердый пол. По счастью, сей маневр помог мне быстро вернуться к действительности и перестать смеяться.

Мужчина ухватил меня руками за талию и поставил на ноги, после чего поднялся сам. Я сделала вид, что старательно отряхиваю юбку, так как поднять голову не хватало смелости. Амир очень грозно возвышался рядом, и у меня даже холодок пробежал вдоль позвоночника, когда я услышала столь хорошо знакомый сдержанный тон:

— Ты меня звала, Элинна?

— Ректор Сенсарро, простите, что оторвала от дел, — с трудом произнесла староста, — но я не знаю, как с ними справиться.

— Они такой погром на кухне учинили, — возмущенно добавила кухарка. — Кидались овощами, а у нас все продукты

учтены, как теперь ужин для студентов готовить?

— Кто кидался?

— Она! — Как они умеют говорить все одновременно, какое единодушие!

— Летта, за мной!

— Я кидалась овощами, потому что он хотел меня поймать! — произнесла я, махнув ладонью в сторону злющего Гера.

— Она Луза водой окатила, и он из-за нее о стол ударился, чуть руку себе не сломал. А меня едва без глаза не оставила.

— Почему окатила?

— Он на стол сел, который она только что протерла, — произнесла Элька, чем вызвала в моей душе некое подобие благодарности.

— Студенты, столы помыть, порядок на кухне навести, все успеть до ужина, дежурить в столовой будете еще неделю. Летта, за мной.

Я нехотя поплелась за ректором, с тоской подумав о том, что лучше бы он мне велел наводить порядок на кухне.

В столь хорошо знакомом уже кабинете я привычно устроилась на диване, разглядывая позеленевшую кожу рук и пятно на юбке. Амир сидел и молчал, испытывая мое терпение, пока я наконец не выдержала:

— Ну, наказывайте уже, чего мы ждем?

— Придумываю, как с тобой поступить.

— А у вас много видов наказаний?

— Наказания у нас зависят от степени провинности.

— Ну, тогда убивайте. Вы же слышали, как я едва не отправила на тот свет двух здоровых парней. Дальше будет только хуже.

— Летта, я уже довольно давно тебя знаю, но постоянно поражаюсь твоим поступкам. Разве нельзя спокойно выполнить работу, никому не навредив при этом?

— Полагаю, не вы один поражаетесь. Вот родители с женихом до сих пор в глубоком шоке от моей последней проделки.

— Ты не ответила на вопрос.

— А вы мои вопросы постоянно игнорируете! Знаете что? Если вы полагаете, что я буду спокойно сносить оскорбительное отношение, то ошибаетесь.

— Ты собираешься воевать со всей академией?

— А как иначе? Вы сами представили меня им как аристократку.

— Думаешь, они столь глупы, что не догадались бы, кто ты

есть? И это после громкого скандала по поводу твоего перевода, а также появления в стенах академии в тот же день новой ученицы?

— Селену вы наверняка представили им иным способом.

— Знаешь о Селене? — Мне показалось, что Амир был раздосадован этим фактом, но наверняка утверждать было сложно. — Не вздумай вновь причинить ей боль, Виолетта.

— Забыла у вас спросить, как мне следует себя вести.

Амир шагнул к дивану, а я непроизвольно откинулась на спинку, стремясь оказаться подальше. Нет, я его не боюсь совершенно. Разве что опасаюсь самую малость.

— Подобное неразумное поведение в первую очередь вредит тебе самой, — слишком спокойно ответствовал ректор. — Полагаю, что в данный момент парни строят планы, как лучше тебя убить, а после незаметно спрятать тело.

— А тело можно вынести из академии? — Меня вдруг посетила шальная мысль о том, как лучше инициировать собственную смерть.

— Если твое, то без моего разрешения нельзя, — обрубил все надежды Амир. — Итак, Виолетта, я определил наказание для парней. Что касается тебя, то будешь проходить отработку в моем кабинете и у меня на глазах. Здесь есть масса справок на имя ректора, которые уже устарели и подлежат уничтожению. Разберешь соответствующие бумаги, найдешь справки и выбросишь. Понятно?

— Куда уж яснее.

— Скоро время ужина, а потому на сегодня ты свободна, работой займешься завтра с утра. Теперь идем, будем ставить защиту на твою дверь.

Вот против последнего предложения я в этот раз совершенно не возражала.

Глава 18
ОТРАБОТКА И ПРОЧИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

В кабинет ректора я пришла к девяти часам. Завтрак для студентов подавался в восемь утра, а я дождалась, пока все ушли. Отодвинув от себя сдобную булочку, выбрала овсяную кашу. Раз уж мне приходится питаться вместе со всеми в этой ужасной столовой, то, по крайней мере, буду выбирать самую полезную еду. Старательно прожевав кашу, внутренне поморщилась от нелюбимого с детства вкуса и поскорее запила ее молоком, а после поспешила на отработку.

Естественно, Амир уже восседал в своем кресле, а для меня возле дивана поставили маленький чайный столик, заваленный кипой бумаг.

— Доброе утро, — поздоровалась, заранее решив для себя, что буду вежливой, как и положено истинной леди. А когда он сорвется и нагрубит, я лишь окачу его холодным презрением, сохраняя при этом хорошие манеры, и тогда уж смогу смотреть на него свысока, как на человека, недостойного общаться с истинной аристократкой.

— Доброе утро, Виолетта. Среди этих бумаг в основном документы о всевозможных закупках для академии. Датированные прошлыми годами можешь выбросить, оставь только те, что совершались за последние три месяца. Помимо этого там есть справки на мое имя от студентов по поводу отгулов, отъездов, переездов и прочего, избавляйся и от них тоже.

— А разве вы не должны хранить финансовую отчетность для учебного совета, который курирует виерскую академию?

— Все статьи расходов заносятся в реестр по месяцам, к ним прилагаются копии соответствующих документов за определенный отчетный период, хранить всю эту кипу бумаг вечно не имеет смысла.

Я лишь кивнула и приступила к разбору документации. Амир тоже изучал какие-то бумаги, что-то подписывал, что-то откладывал в сторону, что-то попросту выкидывал. Я просматривала один лист за другим, а сама в это время раздумывала, какие же слабые места есть у того, кто когда-то был куратором, а на деле оказался ректором ужасной виерской академии и по совместительству моим похитителем. Как бы перехитрить его и дать знать родным, что произошло на самом

деле? Как, в конце концов, поквитаться за все, что мне довелось испытать по его милости? Крепко задумавшись, я очнулась, лишь когда услышала голос Амира:

— Сложный документ попался, Летта? Ты смотришь на него уже минут десять.

Взглянув на зажатую в пальцах справку, я выбросила ее в мусорное ведро и потянулась за новой.

Амир тоже опустил голову, а я воспользовалась моментом, чтобы пристальнее рассмотреть его. Сколько ему, интересно, лет? Участие в демонстрациях на стороне плебеев он принял лет восемнадцать назад, когда неприязнь к виерам была намного сильнее, чем сейчас, и тогда происходили последние вооруженные выступления, в результате которых плебеи выторговали для себя дополнительные льготы. После этого они затихли и вели себя мирно, не считая обычных демонстраций и отдельных стычек между низшим сословием и аристократами.

О жизни Амиральда Сенсарро до того, как он сделался подлым предателем для людей своего круга, я не знала ничего. Может, он и не аристократ вовсе? Амир в этот момент запустил пальцы в волосы, а я обратила внимание, что они у него длинные и изящные, а еще черты лица тонкие и строгие.

Нет, он не плебей по рождению, это точно. И нос идеально прямой, и губы резко очерчены, лоб высокий, а линия бровей достаточно тонкая, и глаза довольно большие. Телосложение пусть и было крепким, но движения отличались изяществом. А еще осанка, посадка головы и манера держать себя также выдавали человека благородного происхождения. Нас таким вещам учат едва ли не с пеленок. И человек родовитый может нарядиться хоть последним нищим, а все равно не станет походить на бездомного плебея.

В этот момент я вспомнила, что Амиральд без труда прикинулся Амиром Вальенте и проник в защищенную аристократическую академию. Ведь вход туда разрешен только людям, в чьих жилах течет кровь родовитых предков, ни один плебей не переступит порога этого лучшего в королевстве учебного заведения. Да, если судить только по виду, то легко впасть в заблуждение, будто перед вами человек благородный.

— Виолетта, ты меня достаточно изучила? Может, все же начнешь работать? Что тебя так заинтересовало в моей внешности? — Амир поднял голову и взглянул мне прямо в глаза. Почувствовав смущение, я, однако, не показала виду, а столь же прямо ответила:

— Пытаюсь понять, как при такой с виду благородной наружности вы совершенно не напоминаете аристократа своим

поведением. Сказываются годы общения с плебеями?

— Годы общения с аристократами сказались на моем характере намного сильнее. — Амир скрестил пальцы, положил на них подбородок и неожиданно улыбнулся идеально вежливой улыбкой. — Чем еще могу услужить милой леди? Рассказать о своей жизни, развлечь остроумными шутками, а может, попросту дать задание полегче, чем разбор документов? Так должен поступить истинно воспитанный человек — облегчить даме ее тяжелую участь? Оставь, Виолетта, ступай отдохни, я разберу эти бумаги за тебя.

— Как истинно благородный человек, вы обязаны отпустить меня домой.

— Не поверишь, но я отпустил бы с превеликим удовольствием.

— А если дам слово, что сохраню ваш секрет в тайне?

— И я должен поверить такой мелкой пакостнице, как ты? Нет, Виолетта, я достаточно навидался твоих проделок.

— Не верите моему слову? — Меня вновь начал разбирать гнев.

— Я не верю в то, что ты сможешь удержаться от очередной попытки отомстить. И давай закончим на этом наш занимательный разговор. У меня попросту нет времени на пустые пререкания. Продолжай свою работу или ступай из кабинета.

Вспомнив об обещании вести себя подобно истинной леди, я сдержала готовые сорваться с языка язвительные слова и вытащила из кипы бумаг еще один листок.

Так мы и промолчали до самого обеда, пока куратор не отодвинул в сторону документы и не поднялся из кресла.

— На сегодня все, Летта. Мне пора.

— Отправляетесь в Академию аристократии, куратор Вальенте?

— Сожалею, что вынужден лишить себя счастья подольше оставаться в твоей чудесной компании, но работа есть работа.

— Прежде чем вы пойдете и дальше обманывать и мошенничать, верните мой плащ.

— Плащ?

— Тот, что вы забрали у меня.

— Я отдал его Элинне, велел передать шалопаям, чтобы возвратили тебе вместе с остальной одеждой. Они ведь все вернули?

— Они вернули, но я не взяла.

— Почему?

— Вся одежда грязная. Я велела им сперва ее постирать.

— Ты что? — Амир откинул голову назад и громко захохотал.

— Они крали чистую одежду, а сами закопали ее в землю и все испачкали! Во всем вы виноваты! Что за порядки в этой академии? Мне не могут выделить даже самых необходимых вещей!

— Тебе все выделили. — Амир наконец отсмеялся и теперь скрестил руки на груди и с улыбкой меня разглядывал. Кажется, я кого-то здесь здорово забавляю.

— Что значит все? Два кошмарных безвкусных платья, ужасный плащ, ночную рубашку, в которой спать невозможно, так как она тело колет. Может, у плебеек кожа достаточно грубая, чтобы спать в подобных лохмотьях, но я к такому не привыкла! У меня даже крема нет! А вы постоянно заставляете меня работать, мыть полы, протирать эти ваши столы в столовой! Да знаете что?

— Что?

— Вы обязаны снабдить меня всем необходимым! Я составлю вам список того, что вы должны для меня купить.

— Я весь внимание, Виолетта.

— И оставьте ваш сардонический тон! Вы меня похитили, и я осталась совершенно без средств.

— Смею заметить, в этой академии ты не одна такая. Прикажешь мне содержать и всех остальных студентов?

— Я — не все остальные студенты!

— Конечно. Они ведь не являются в кабинет ректора и не требуют купить им то, что они укажут в своем списке.

— А откуда мне самой взять деньги?

— Студенты, которые учатся хорошо, могут подать заявление на стипендию. А такие, как ты, обычно работают. Полагаю, в академии найдется много работы, за выполнение которой я готов назначить тебе ежемесячные выплаты.

— Я не буду работать!

— А я не собираюсь тебя содержать. Можешь носить то, что тебе предоставила академия, и не возмущаться.

— Я не могу это носить, оно грязное!

— А постирать никак?

— Почему я должна стирать, если я не пачкала?

— Ладно, Летта. Давай заключим пари, если ты заставишь этих оболтусов выстирать твои вещи, тогда я куплю тебе, что скажешь, но в разумных пределах. Если нет — назначу тебе работу. Договорились?

Я задумалась, пытаясь отыскать подвох в его словах, а потом кивнула, решив, что обязательно что-нибудь придумаю и выиграю пари.

Поднявшись в душевые, когда уже стемнело и все студенты

ушли в общежитие, я прошла к кабинке и с тяжким вздохом сняла платье. Какая насыщенная жизнь у меня началась после «перевода» в эту злосчастную академию.

Столько событий за какие-то три дня! Складывается ощущение, будто я здесь уже целую вечность. Ах, а я так ждала хоть какой-то весточки от Эрина или родителей. Что же, им совсем не важно, почему я вдруг решила перейти в виерскую академию? Считают меня настолько сумасбродной? А может, попросту пытаются хоть как-то сгладить разразившийся скандал и пока не нашли времени приехать и повидать меня? Пусть неизвестный Юрг и написал ректору, будто Эрин заключил помолвку ради денег, но я ведь знаю, что это не так. А родители? Пускай порой они излишне строги, но ведь только оттого, что пытаются воспитать меня достойной продолжательницей гордого рода Лавальеро.

Я снова вздохнула, стаскивая тонкое белье и снимая с волос ленту. С досадой рассмотрела свое ажурное бюстье, белоснежные кружева на котором несколько поистрепались. Я не привыкла носить одно и то же изо дня в день, а здесь самой нужно все стирать и сушить. Как ужасно, что платье приходится надевать прямо поверх нижнего белья, это ведь так неприлично не носить под ним сорочку и чулки. Я хожу теперь, как какая-то деревенщина.

Расправив юбку, придирчиво рассмотрела вышивку, закрывшую темное пятно, на выполнение которой потратила всю вторую половину дня. Само платье тоже не мешало бы постирать, но вряд ли до утра просохнет. Да и как его стирать? Если с бельем я еще кое-как справлялась, то на платье уйдет вся ночь.

Кожа на руках уже шелушилась от кошмарного мыла, а волосы стали гораздо жестче без моего любимого бальзама. Осторожно сняв кальконэ,[5] расправила тонкий шелк, с досадой заметив сбоку маленькую дырочку. О духи! Мне просто необходимо выиграть это пари, иначе скоро начну расхаживать совсем без белья.

Задернув шторку, открыла воду и с отвращением вновь намылилась противным мылом. Как же заставить этих громил выстирать мою одежду? С помощью магии? Это вряд ли, они ведь обошли мою защиту. Силой тоже не получится, оба раза в два выше меня. Может, придумать, чем их шантажировать? Но чем? Я уже рассказала ректору, что одежду они вернули, а до ее состояния ему и дела нет. Ну что же придумать?

Выйдя из кабинки, вытерлась полотенцем, не переставая размышлять, как же припереть двух мерзких студентов к стенке. Мысли настолько увлекли, что я даже не поморщилась, когда

чистила зубы над треснувшей пожелтевшей раковиной.

Эти душевые и правда были совсем старыми. Как я поняла, вся красота в виерской академии была наведена именно нынешним ректором, который провел ремонт первого этажа главного здания, общежития, столовой и библиотеки. В огромном комплексе еще сохранились старые постройки, но уверена, что Амир и до них доберется.

Эти душевые, кажется, тоже скоро переоборудуют. Они остались еще с того времени, когда на втором этаже жили преподаватели. Теперь комнаты стояли закрытыми, а душевые пока можно было использовать, например, чтобы набрать воды или умыться. Хотя кроме меня сюда редко кто наведывался. В общежитии душ имелся в каждой комнате. Вот ведь роскошь! На что плебеям такие шикарные условия? Они и в тазу помоются без проблем.

Совершив все гигиенические процедуры, надела бывшую ректорскую рубашку, затянула под грудью тесемку и накинула сверху полотенце. Даже думать не хотелось, насколько развратно сейчас выгляжу. А уж узнай Эстер, что я брожу по зданию академии в одной короткой тонкой рубашке с полотенцем на плечах, упала бы в обморок. Благо меня никто не увидит, об этом даже беспокоиться не стоит. Из болтовни девчонок я узнала, что на второй этаж после ремонта заселят студентов, которым не хватило места в общежитии и приходится снимать квартиры в городе, но только через пару месяцев, может, к этому времени найдется способ вырваться отсюда.

Без приключений добравшись до чулана, я устроилась под одеялом и закрыла глаза. Несмотря на дикую усталость, сон бежал от меня. Мысли не давали расслабиться. Я проворочалась с боку на бок полночи, и это притом, что почти приноровилась засыпать на жестком матрасе.

Уснуть удалось лишь ближе к рассвету, а снились мне какие-то незнакомые люди, ожесточенно о чем-то споривших. Рано утром, разбуженная шумом снаружи, я проснулась с совершенно новой идеей о том, как именно обхитрить наглых студентов. С улыбкой потянувшись в кровати, тихо прошептала:

— Ну, держись, Амир, скоро получишь на руки такой список, что у тебя рот откроется от изумления.

Первым делом я направилась на поиски Элинны. Девушка должна была вскоре идти на завтрак, а значит, можно будет подкараулить ее в общежитии.

Изучив карту, я пошла по крытой галерее в сторону здания, где проживали местные студенты. Галерея оказалась очень

красивой, с деревянными столбами, поддерживающими прозрачную крышу и украшенными чудесной яркой росписью. Чистые стекла широких ромбовидных окон позволяли увидеть встающее над горизонтом солнце. Я даже остановилась на мгновение, залюбовавшись нежным золотисто-розовым восходом.

Только сейчас обратила внимание, что академия возвышается на холме, а внизу раскинулся прекрасный зеленый парк. Вся картина рождала потрясающее ощущение, будто вы находитесь в неведомом зачарованном уголке. И хотя за деревьями начинались широкие улицы, уводящие к городским воротам, отсюда вы их не видели.

Напомнив самой себе, что нужно торопиться, с трудом оторвала взгляд от красивого зрелища и поспешила к мраморным ступеням. Они вели из галереи прямо в широкий холл общежития с выложенным мозаикой полом и большим фонтаном посередине, изображавшим прекрасный распустившийся бутон диковинного цветка. Тонкие струи, окрашенные в золотистый и серебристый цвета, разбивались о дно чаши с мелодичным звоном, в котором слышалась тихая мелодия. Большие окна с витражными стеклами преломляли солнечный свет и раскрашивали гладкие бежевые стены в разнообразные цветные узоры, повторявшие изображения на стеклах. Необычайно красиво и слишком аристократично для подобного места.

Я прошла в пустой еще холл и заметила на противоположной стене большой белый экран, подобный тому, что висел на стене столовой. Подойдя поближе, приложила к нему ладонь и прочла высветившуюся надпись: «Список имен проживающих студентов и номера комнат доступны лишь учащимся академии». Досадно! Ладно, просто подожду Элинну здесь.

Я встала за колонной недалеко от окна и незаметно наблюдала, как постепенно большой холл наполняется гомонящими студентами. Радостные, сонные, раздраженные, улыбающиеся, смеющиеся — они спускались по ступенькам красивой и широкой лестницы с янтарными перилами. Девушки выходили со стороны левого крыла, а парни со стороны правого. Вдруг в толпе незнакомцев мелькнуло нежное лицо с тонкими благородными чертами. Девушка легко сбегала по ступенькам, улыбаясь кому-то в этой толпе, и приветственно махала узкой ладонью.

— Селена, — выдохнула я и уже хотела выбежать навстречу бывшей подруге, как вдруг вспомнила, где именно нахожусь, и, сразу представив реакцию студентов, вновь отступила за колонну. Проводив взглядом умчавшуюся в галерею тонкую фигурку, решила, что обязательно поговорю с ней, когда представится

более подходящий случай. Наверное, ей здесь хорошо. По крайней мере, от той затравленной девушки, которую я встретила в коридоре аристократической академии в последний раз, не осталось и следа.

Прислонившись к прохладной колонне, продолжала наблюдать, как постепенно убывает поток голодных студентов. Как я и предполагала, Элинна появилась почти последней, и удивляться было нечему, сама знаю, как загружены всевозможными делами старосты. Не опасаясь больше быть зажатой со всех сторон враждебной толпой безжалостных виеров, я вышла из-за колонны и окликнула рыжеволосую девушку:

— Староста!

— Что? — Элинна оглянулась, увидела меня и скривилась: — Это ты? Зачем пришла?

— К тебе.

— Слушай, принцесса, я опаздываю на завтрак. Потом поговорим. — И она решительно направилась к галерее.

— Не стоит откладывать на потом важные дела.

— У меня с тобой нет общих важных дел.

— А как насчет того, чтобы утереть нос двум недотепам, возомнившим, что они самые непревзойденные маги на всем курсе?

— О ком это ты? — Элинна наконец-то остановилась и заинтересованно поглядела на меня. В этот момент по ступенькам в холл сбежало еще несколько девушек, и староста решительно поманила меня за собой в небольшой коридор. Подведя к окну и осмотревшись по сторонам, Элинна негромко произнесла: — Так о ком ты?

— Я говорила про тех двух парней, что вечно тебе досаждают. Совершают разные пакости, а тебе приходится расхлебывать.

— С чего ты так решила?

— Я тоже была старостой у себя в академии, за шалости других студентов в первую очередь выговор выносят именно нам.

— Может, я их и не люблю, но с чего ты решила, будто я стану помогать элите?

— Потому что будет очень интересно. Мы вместе заставим их выстирать мою грязную одежду.

— Да ну! Как ты их заставишь? Ректор Сенсарро не пойдет наказывать студентов только оттого, что они сами между собой разобраться не могут. Для этого у нас старосты и существуют. Он же вмешивается только в серьезных случаях или когда я лично его позову.

— А как ты его зовешь? — Мне вдруг стало безумно любопытно.

— Используя это кольцо. — Элинна показала мне маленькое колечко из зеленого прозрачного камня на среднем пальце правой руки.

— Так он маг-менталист?! — Я была поражена до глубины души. — Он слышит те мысли, что ты ему посылаешь с помощью этой вещи?

— Ну да, а что тут такого?

— Это же очень редкий дар!

— Абы кого не поставят во главе лучшей академии в королевстве.

Я едва не принялась спорить по поводу титула лучшей академии, но сама себя одернула и решила все-таки перейти к делу. Мне нужна была ее помощь, а потому не время для глупых склок.

— Если ты подговоришь своего друга, того, с которым вы… кхм, хорошо общаетесь и который помогал для меня кровать принести…

— Постой-постой, с чего ты решила, будто мы хорошо общаемся?

— А кто бы еще помог тебе принести вещи для ненавистной аристократки?

Элинна отвернулась, но я успела заметить, как зарделись ее щеки. Слегка улыбнувшись, продолжила излагать свой план.

Глава 19
ПЛАН

— Эй, Летта. — Староста настойчиво стучала в дверь чулана.

— Заходи, — разрешила я, и девушка быстро проскользнула внутрь. Удобно устроившись на сундуке возле окна, Элинна окинула взглядом убогое жилище.

— Даже уютно стало, — заметила она.

— Смеешься надо мной?

— Нет. Самая обычная комната, только маленькая и без душевой. Зато только твоя.

Я скептически посмотрела на рыжую девчонку, рассматривавшую небольшую стопку носовых платков на подоконнике.

— Ты хорошо шьешь. Я думала, что аристократки ничего не умеют.

— Любая хорошо воспитанная девушка умеет шить, вышивать, музицировать, декламировать стихи, танцевать и многое другое. Этому мы учимся с самого детства.

— Да уж понятно, что стирать одежду, готовить и мыть полы вас не учат. О, миленькая сорочка. — Элинна указала на вывешенную сбоку от окна постиранную сорочку. — Где ты только ткань берешь?

— Ректор поделился.

— Слушай, — девушка присмотрелась к ткани, — а как ты стираешь? Тут, кажется, мыло присохло.

— Намыливаю, погружаю в воду и болтаю там хорошенько.

— Ха-ха!

— Что?

— Ткань тереть надо! Как иначе ты грязь отстираешь?

— А я откуда знаю как?

— Да-а, кажется, и правда лучше будет, если твои вещи Гер и Луз постирают. У них чище выйдет.

— Они согласились?

— Еще бы! Там такой спектакль разыгрался. Дин за завтраком им говорит: «Слышал, вы все к элите цепляетесь», — а те ему: «А почему бы не развлечься? А то ходит тут, нос задирает, будто она лучше нас, ну мы и показали ей, кто на самом деле лучший». А Дин отвечает: «А что, если она вас тоже в чем-нибудь обставит?» Те давай смеяться, типа, не смеши нас, эти элиты ничего делать не умеют. Дин тогда: «А давайте на спор, если она вас обставит, вы любое ее желание выполните, а если проиграет,

тогда пусть она ваше исполняет».

— Какое их желание?

— А что он должен был предложить? Не ему же их желание исполнять.

— А дальше что?

— Ну а дальше они решили, что после ужина сюда придут и предложат тебе спор, а предмет спора ты сама выберешь.

— Очень уж они в себе уверены.

— Ну, как маги они достаточно сильные, потому и уверены. А самим выбирать — засмеют, скажут еще, будто они девчонки испугались, даже состязание полегче придумали.

— А те студенты, что держат лошадей в конюшне, согласятся одолжить их для скачек?

— Да уж полагаю. От хорошего зрелища здесь не отказываются. Это аристократы на все «фи» говорят, а мы церемонии разводить и притворяться не любим.

— Не притворяться, а контролировать свои эмоции и вести себя согласно этикету.

Элинна в ответ лишь махнула рукой и сказала:

— Вечером увидимся. Если дело выгорит, тогда я ключи от манежа раздобуду.

Вечером, как и было обещано, Луз с Гером заявились под дверь моего чулана, а с ними еще толпа человек пятьдесят.

— Эй, рыжая, выходи! — загоготал Луз.

«От рыжего слышу», — хотелось огрызнуться мне, но я сдержалась, с достоинством вышла за дверь, встала напротив своих недругов и гордо выпрямила плечи.

— Эй, элита, а у нас к тебе предложение, — начал Гер. — Давай спорить на желание. Ты тут мнишь себя лучше всех, а мы беремся доказать, что ты ничего делать не умеешь. Если мы в споре победим, тогда ты наше желание исполнишь.

— Какое желание?

— Будешь нам с Лузом завтра за обедом прислуживать.

— А если я выиграю?

— Ну, это вряд ли. Но если победишь, мы тогда твое желание исполним. Чего загадаешь?

— Выстираете всю ту одежду, что сами испачкали.

— Лады! — Гер ухватил меня ручищей за ладонь и крикнул напарнику: — Луз, разбей.

Его широкоплечий друг разнял наши ладони и хлопнул меня по плечу:

— Все, элита, озвучивай.

— Хорошо, — ответила я, потирая занывшее плечо. —

Выбираю конные состязания. Сможете верхом на лошади обогнать меня — вы победили, я обгоню — значит, я выиграла. Идет?

Парни растерянно переглянулись. О простом соревновании без магии они точно не думали. Я старательно сдерживала улыбку. Катаюсь верхом я с детства, а вот насчет этой парочки сильно сомневаюсь. Разве только на тягловой кобылке в город сено на продажу возили.

— Давай ты, Гер. Ты у нас на лошадках ездить умеешь, — проговорил наконец Луз.

— Хорошо, — кивнул головой темноволосый гигант.

До манежа мы добрались едва ли не бегом — парни впереди, я позади них, а следом вся толпа студентов, которым не терпелось посмотреть, как элиту в очередной раз макнут носом в грязь. Хотя, зная характер вредной парочки, я полагала, что половина зрителей вовсе не прочь лицезреть падение Гера с лошади.

Зрители разместились на трибуне, а нам с Гером владельцы подвели своих лошадей. Признаться, я была удивлена не только существованием манежа в академии, но и тем, что состоятельные виеры оставляли в местной конюшне своих коней, предпочитая добираться из города верхом. Я осмотрела жеребца и осталась довольна. Это, конечно, не чистокровное животное вроде тех, что принадлежат моему отцу, но для скачки вполне сгодится.

— Ты с ним поаккуратнее, элита, — велел мне черноволосый парень, подведший скакуна. — Если Шолко пострадает, я тебе лично за него голову оторву.

Я лишь смерила юношу высокомерным взглядом и холодно спросила:

— А дамского седла у вас нет?

— На что мне дамское седло? — искренне удивился парень и передал мне поводья. Жеребец фыркнул, но артачиться не стал, а послушно последовал за мной к краю песчаного круга, на котором была прочерчена полоса старта. Ну что же, придется скакать в мужском. Боком сесть не получится, иначе вылечу при галопе личиком прямо в песок. Такие седла не имеют второй луки, значит, и опереться не на что.

— Итак, проходите три круга, — подошла к нам Элинна. — Кто придет в конце первым, тот и победил.

Мы кивнули. Я изящно взлетела в седло, расправила юбку, прижав ее ногами, чтобы не задралась при скачке, и наблюдала с высоты, как Гер карабкается на своего коня.

— Эй, плебей, может, сразу признаешь поражение, чтобы не позориться лишний раз?

— Еще чего! — Громила сплюнул на землю и выпрямился,

крепко ухватив поводья руками. — Не зарывайся, элита!

Мне было несколько непривычно сидеть в мужском седле, да еще и без амазонки. В который уже раз подумала, что дома меня попросту бы высекли за подобное нарушение приличий. Чтобы аристократка восседала в простом домашнем платье на лошади, широко разведя ноги в стороны и подражая мужской посадке?! Какой ужас! В кого я здесь превращаюсь? Я нарушаю этикет по всем пунктам, а никому и дела нет, никто меня не осуждает, не прижимает шокированно руки ко рту, не падает в обморок от моей наглости, а только и ждет для себя интересного зрелища.

Элинна привлекла наше внимание, подняв вверх руку с белым платком, позаимствованным у меня же. Я приготовилась, привычно развернула плечи, уперлась ступнями в стремена, перенося вес тела на них, и отвела голень слегка назад.

Едва белый платок опустился вниз, я подтолкнула коня шенкелем, переводя на быструю рысь, а затем пуская его в галоп. Бедра и таз слово проглаживали неудобное седло, скользя взад-вперед в такт движениям скакуна. Я отклонялась назад на последнем такте галопа, а потом снова подавалась вперед, чутко реагируя на импульс, идущий от животного. Поясница расслабилась, смягчая для меня резкие толчки, правой ногой я слегка подталкивала коня на поворотах, не давая ему остановиться, руки крепко держали поводья, не позволяя скакуну опустить голову. И, послушный моей воле, он летел вперед, словно на крыльях, а я парила на его спине, и даже дыхание попадало в ритм этих быстрых движений.

Какое это непередаваемое удовольствие — слиться в одно целое со своей лошадью, скакать верхом, отринув в сторону все тревоги, наслаждаться ощущением быстрой скачки, чувствовать, как развеваются за плечами волосы, освобожденные от сорвавшейся с них ленты.

Я едва не позабыла про соревнования, но увидела мелькнувший сбоку круп коня Гера и еще прибавила ходу. Я прошла уже два круга, и впереди оставался только один, а соперник уже настигал меня, он оказался очень неплохим наездником, но… не лучше меня. С безмерным ликованием в душе я пересекла финишную черту, обойдя Гера на полкорпуса, и резко натянула поводья, ставя скакуна на дыбы и красуясь перед зрителями.

Мать бы сделала выговор за такое позерство, но я сейчас была безумно счастлива и не помнила о привычных запретах. Победила! Утерла им всем нос и доказала, что я лучше! Кто-то даже зааплодировал с трибун. Зрителям понравилось мое представление. Болельщики вредной парочки заулюлюкали,

пытаясь подбодрить проигравших. А мне было все равно. Я наслаждалась победой и предвкушала впереди еще одну, не менее сладкую.

В этот вечер легла спать намного позже обычного. Все еще находясь в радостном возбуждении от своего выигрыша, я принялась составлять список. В первую очередь записала в него крем, мыло и бальзам для волос, затем добавила расческу, платки, заколки, в подробностях расписала, какие мне требуются платья (не менее десяти штук), плащ, амазонка и чулочки. Не забыла перечислить туфельки к каждому наряду, домашние туфли и сапоги для верховой езды.

Покончив с этой частью списка, я с предвкушающей улыбкой перешла к тем пунктам, покупка которых должна была повергнуть Амиральда в состояние, близкое к отчаянию. Очень детально я стала описывать все предметы женского нижнего белья. В подробностях расписала, какие ночные рубашки, какой длины и из какого материала мне нужно купить. Далее следовало описание корсетов, кружевных бандо и бюстье, а уже ниже — перечисление всевозможных кальконэ от очень коротеньких до более скромных, длиной до середины бедра. Я также не забыла указать точное их количество.

Закончив список, перечитала его с чувством глубокого удовлетворения. Право же, будь это другой человек, не Амир, я бы сгорела со стыда. Писать о подобных вещах мужчине совершенно непозволительно, я бы даже Эрину не решилась показать ничего подобного. Однако в случае с Амиральдом природная стыдливость, старательно взращиваемая моей матушкой, проиграла в споре с оскорбленной гордостью. Отсутствие необходимых вещей в моем гардеробе — это полностью его вина. А их покупка, которая ему недешево обойдется, пусть будет приятной компенсацией за мое унижение.

Я даже руки потерла от удовольствия, просто представив себе, как он отправится покупать все это. Какое лицо будет у посетительниц дорогого женского магазина, когда мужчина подойдет к прилавку и начнет зачитывать список потерявшей дар речи продавщице. А потом она станет расспрашивать о таких подробностях, как фасон, отделка, ткань и прочее, и точно знаю, что тут невозмутимый Амир не выдержит. Как «приятно» ему будет ощутить себя полным профаном во всем, что касается женских штучек, да он и двух слов связать не сможет. Какой удар по мужскому самолюбию и гордости! Ведь для мужчины нонсенс покупать подобные вещички для девушки. Да ради всего этого я готова отринуть в сторону собственную стыдливость.

Моя фантазия разыгралась настолько, что даже нарисовала чудесный момент, как пожилая леди прогоняет Амира из магазина, злобно помахивая кружевным зонтиком. А как было бы здорово, явись он туда в то время, когда с благородной полуодетой дамы будут снимать мерки. Вот бы увидеть его лицо в этот момент! Он ведь не поймет, что означает выложенная на прилавок зеленая карточка, пройдет через соседнюю дверь в мастерскую, а там… и вот уже дама, ее служанки и сама продавщица гонят его из магазина метлами (или что под руку попадется) и громко зовут на помощь.

С такими радужными мыслями я сладко заснула, чтобы утром проснуться в самом замечательном настроении, которое стало еще лучше, когда за дверью чулана обнаружились развешенные вдоль стены постиранные и уже просохшие вещи. С подозрением к ним присмотревшись, я убедилась, что парни честно выполнили условия пари. Все было хорошо выстирано, и никакого подвоха в этот раз не обнаружилось. Молодцы, умеют достойно проигрывать. Как это чудесно! Наконец-то могу снять надоевшее желтое платье, которое окончательно потеряло милый вид после вчерашней скачки.

С удовольствием переодевшись в красивый голубой наряд из моих прежних вещей, я отправилась на завтрак.

На отработку спешила в самом радужном расположении духа и в кабинет вошла с сияющей улыбкой на устах. А когда Амир поднял голову, одарила этой улыбкой его.

— Доброе утро, Виолетта. Хорошо спалось? Вижу, что сегодня ты впервые не хмуришься.

— Мне не из-за чего хмуриться, ректор Сенсарро, ведь вчера я выиграла наше с вами пари и получила все вещи назад совершенно чистыми.

— Полагаю, парни полночи стирали, чтобы никто не застал их за этим занятием.

— Для меня это не важно. Главнее другое, как вы собираетесь выполнять условия нашей с вами сделки?

Амиральд откинулся на спинку кресла и невозмутимо ответил:

— Как и обещал. Ты подготовила список?

— Да. — Я вручила ректору лист бумаги и с удовольствием наблюдала, как постепенно меняется выражение его лица в процессе чтения.

Мужчина упер кулак в подбородок, и брови его поднимались все выше и выше, пока он наконец не положил лист на стол и вновь взглянул на меня.

— Вы чего-то не поняли из всего перечисленного? — вежливо

спросила я, едва сдерживая издевательскую усмешку.

— Летта, дорогая, но ведь я говорил «в разумных пределах». Тебе просто жизненно необходимо приобрести десять платьев из… — Амир снова взял лист и зачитал вслух: — «Парчи, шелка, атласа, тонкого льна, с золотым шитьем, серебряными лентами, декольтированные и с высоким воротом, отделанным астийскими кружевами, с длинными рукавами, с короткими рукавами…» Кажется, это не попадает под понятие разумного. А здесь ниже: «Туфли соответствующего цвета под каждое платье».

— Все очень просто. Пусть вы и привезли меня сюда, но я не обязана одеваться, как последняя оборванка. Дома платьев у меня было раз в пять больше.

— Зачем тебе шикарные наряды в стенах этой академии? Позлить студенток?

— Повторюсь, ректор Сенсарро, я не желаю выглядеть оборванкой. И даже если кому-то не понравится, одеваться буду так, как привыкла.

— Значит, ты настаиваешь?

— Именно. И надеюсь, что вы в точности исполните свое обещание и купите именно то, что я попросила, а не отправите в магазины одного из студентов, чтобы мне принесли нечто совершенно противоположное моему заказу.

В ответ Амир вновь склонил голову и запустил пальцы в волосы.

— Бюстье из кружев особенного карандольского плетения… что это вообще такое?

— Предмет дамского нижнего белья.

— Нижнего белья?

— А по-вашему, оно мне не полагается?

— Я об этом не задумывался, Летта.

— Именно по этой причине я и написала все так подробно. Надеюсь, вы ничего не перепутаете.

— А столь юной особе, воспитанной в лучших аристократических традициях, совсем не стыдно составлять и показывать подобный список мужчине?

— Я воспринимаю вас в несколько ином качестве, уважаемый ректор Сенсарро.

— В качестве служанки, которую отправляешь за покупками?

Я пожала плечами.

— Ну ладно, Летта, раз твоя скромность не страдает при общении со мной, иди сюда.

— Куда?

— Сюда, ко мне поближе. Чтобы не ошибиться и купить именно то, что тебе нужно, я обязан сделать замеры.

— Какие замеры?

— Нужно определиться с величиной твоей груди, талии и бедер. Иначе как я куплю вещи нужного размера?

Я даже растерялась от его слов. Амир же с усмешкой наблюдал, как краска медленно заливает мое лицо.

— А… — Я не нашлась, что ответить.

— Стой так, я сам. — С этими словами Сенсарро поднялся из кресла и решительно двинулся в мою сторону.

— Подождите! Вы как собрались замерять?

— Руками, — серьезно ответил ректор, а зеленые глаза так и искрились от сдерживаемого веселья.

— Не надо руками! — Резко отступив назад, я уперлась спиной в шкаф. Выставив вперед ладони в попытке остановить неумолимо приближающегося мужчину, громко заговорила: — Стойте, стойте! У вас не получится так замерить. Это очень неудачный способ. Лучше попросите Элинну.

— Попросить Элинну о чем? — Амир остановился в шаге от меня.

— Попросите ее купить, она девушка, разбирается в этом намного лучше, она сможет выбрать нужный размер.

— Полагаешь? — Амир принял на себя задумчивый вид.

— Я уверена.

— Ну, если ты настаиваешь… ведь сама говорила, что я должен выполнить свое обещание и купить все лично.

— Нет, я настаиваю, пусть Элинна купит.

— Тогда тебе самой придется ее попросить. Я ведь не держу девушку у себя на посылках.

— Прошу, отдайте мой список.

Амир все еще делал вид, что сомневается. И, словно досадуя, отошел обратно к столу и взял с него список.

— Что же, Летта, бери, передашь ей, и пусть поднимется сюда за деньгами.

— Да, хорошо. — Я выхватила листок и попятилась к двери, прекрасно понимая, что меня снова очень ловко обвели вокруг пальца, но все же не рискуя поворачиваться к непредсказуемому Амиру спиной.

— Да возвращайся поскорее, здесь еще много неразобранных бумаг.

Когда я захлопнула за собой дверь и перевела дух, из кабинета раздался веселый смех ректора. У-у-у, мерзавец! Наглый беспринципный мерзавец!

— Элинна! — крикнула я, заметив пробегавшую под балконом пухленькую рыжую девчонку.

Староста задрала вверх голову и махнула рукой:

— Некогда, у меня занятия!

— Тебя ректор зовет.

— Да?

Спустя всего лишь минуту Элька уже стояла передо мной на балконе.

— Случилось чего?

— Ничего не случилось.

— А что у тебя лицо так горит?

— Спор один вышел. Тебе Амир сейчас денег даст. Нужно некоторые вещи купить.

— Какие вещи, кому купить?

— Мне.

— Чего-то я не поняла.

— Ну… долгий разговор. Просто пойди, возьми у него деньги и выходи сюда, я все объясню.

Мне кажется, староста готова была отказаться, но любопытство пересилило, и она постучала в дверь кабинета. Я все так же ждала на балконе, когда девушка вышла наружу, сжимая в руке холстяной мешочек.

— Я теперь совсем ничего не понимаю. Он сказал, купить все в точности по твоему списку. Какому такому списку? Почему я должна что-то покупать?

— Вниз пойдем, в мою комнату, расскажу.

Нетерпение Элинны просто зашкалило, когда мы наконец добрались до чулана и устроились на кровати.

— Так чего там?

— Спор с Гером и Лузом я затеяла лишь затем, чтобы выиграть пари, заключенное с ректором.

— Да?

— Да. Мы поспорили, что, если я заставлю мальчишек выстирать мою одежду, он оплатит все те вещи, что я укажу в своем списке.

— А что за список?

— Вот.

Элька взяла листок, начала читать, и брови ее точно так же полезли на лоб, как у ректора.

— То есть ты выиграла спор и теперь хочешь, чтобы он вот это все тебе купил? А я при чем?

— Я попросила его отправить тебя за нижним бельем потому… потому что я выйти никуда не могу, а сам ректор вряд ли купит нужные вещи.

— Ну уж нет, дудки! Я что, подрядилась выполнять роль твоей служанки? Почему это мне нужно идти за покупками?

— Мне больше некого просить, — ответила я и отвернулась к стене.

Элинна замолчала, а потом вздохнула негромко:

— Ну ладно, мне в общем-то несложно, тем более такое удовольствие было наблюдать, как Гер с Лузом одежду твою стирали.

— А ты видела?

— Так почти все видели. Мы специально в постирочную шар зеркальный запустили, через него и наблюдали. Вот умора была! А как они тебя там ругали на все лады. Теперь мальчишки им недели две проходу не дадут, стирку эту припоминать будут.

— Спасибо за помощь, — поблагодарила я.

— Ой, элита, ты мне спасибо сказала? Даже неожиданно как-то. Слушай, а ты вообще уверена, что тебе все это нужно? Я понимаю, когда другой платит, почему бы не понаглеть, но это ведь ректор, да и наряды эти…

— Меньше не покупай. А то он решит, что я все это нарочно написала, а как до дела дошло, так сразу отступилась.

— А ты нарочно?

— Да.

— Позлить хотела?

— Унизить.

— Ректора унизить? Чем?

— Хотела, чтобы он сам пошел покупать. А он… ну, в общем, теперь лучше ты иди.

— Слушай, Летта, ты зря так. Не лезь на рожон, не пререкайся с Амиром, он правда хороший, он тебе мог бы помочь здесь освоиться, он…

— Да я не хочу здесь осваиваться и быть здесь не хочу! Он меня силой привез, даже мнения не спросил! Он самый худший из мужчин, кого я когда-либо встречала! И поквитаться с ним не могу за все, что он сотворил!

— Амир тебя сюда силой привез? Ерунда!

— Ерунда? Ну конечно, он ведь святой, ничего плохого сделать не может.

— Нет, не так. Если он делает что-то с виду плохое, то у этого всегда есть важная причина. И даже если он перевел тебя в нашу академию без твоего согласия, значит, тому было веское основание или Амир преследует важную цель.

— Да он мерзавец, вот и все!

— Ну, хватит! Нечего оскорблять ректора. Ты даже не понимаешь, какой он. И не вздумай при других его ругать, тут половина академии у него в поклонницах ходит. Все волосы тебе повыдергают. Здесь не аристократки учатся, которые только за

спиной пакостить привыкли.

— Что за глупость? Как его можно любить?

— А так… недосягаемый он, не такой, как остальные, вот они, глупые, и тянутся, мечтают. И про то, что одежду тебе покупает, никому ни слова, иначе совсем обозлятся, решат, что ты его любовница.

— Я?!

— Ты. В обморок только не упади. Ведь со стороны именно так и выглядит: привез тебя сюда, за пределы академии не выпускает, наверное, чтобы от него не сбежала, наряды богатые оплачивает, значит, любви твоей добиться пытается. Поселил опять же отдельно ото всех…

— В чулане!

— А может, это только для видимости. Так что, элита, для твоего же блага про Амира лишний раз не упоминай. А платья я бы поскромнее купила, иначе девчонок зависть возьмет.

— Не буду брать скромнее!

— Ну и упрямая же ты. Еще намаешься со своим дурным характером. Учти только, у нас здесь такие, как ты, либо быстро ломаются, либо быстро понимают, что к чему, и ведут себя гораздо сдержаннее.

Я вновь отвернулась от Элинны, а она молча поднялась, взяла мой список, деньги и ушла.

А позже вечером посыльные из магазинов принесли к моему чулану уйму коробок с вещами. Элинна специально открыла черный ход, чтобы никто из студентов не увидел длинной процессии.

Я ожидала, что рыжая девчонка придет одна, но она явилась вместе с Амиром.

— Вот, — указала Элька пальцем на груду у стены. — Задание выполнила. Как она это в чулан затащит, не представляю.

Честно говоря, я тоже не представляла, а где это все разместить — и подавно.

— Виолетта, — обратился ко мне ректор, когда я, пыхтя, пыталась протащить коробку с платьем в узкую дверь, — теперь ты всем довольна?

— Еще не знаю, — ответила, бросив первую коробку на кровать и выйдя за второй. Эта оказалась еще шире и никак не желала втягиваться внутрь. — Я пока не видела, что она там накупила.

— Да уж все точно по списку, не сомневайся, — возмущенно ответила староста, а потом вдруг подскочила ко мне и со словами: «Давай я тебе помогу», — со всей силы толкнула в

спину.

— Ай! — Я влетела в чулан, приземлилась прямо на кровать, изрядно примяв тонкий картон и то, что он скрывал, а сверху меня пристукнуло коробкой.

— Ну, Виолетта, можно ли считать условия спора выполненными? — долетел снаружи голос Амира.

В ответ я скинула с себя коробку, и с нее свалилась крышка, а всевозможных расцветок кружевные кальконэ живописно рассыпались по полу. Ректор с крайне задумчивым видом обозревал сие богатство, пока я спешно забрасывала нескромные штанишки в сундук.

— Элинна, а это точно кружева особенного карандольского плетения? Надеюсь, ты не перепутала?

— Да как можно? Оно это, то самое плетение.

— Превосходно. Значит, все по списку, Летта, или проверим остальные коробки?

— Можно считать, что вы выполнили пари, ректор Сенсарро, премного вам благодарна, — ответила я, выходя за дверь и громко захлопнув ее за собой.

— Тогда, девушки, разрешите откланяться. — Удостоив нас изящным поклоном, Амир направился к двери черного хода и вышел на улицу.

— А он не здесь живет?

— На территории. У ректора свой дом, он же глава академии. Ну все, я тоже пойду. Устала с твоими покупками. Все деньги, что Амир мне выделил, потратила, так что можешь порадоваться.

Элинна последовала за ректором на улицу, а до меня донесся щелчок замка.

Беспомощно оглянувшись на картонную груду у стены, решила вытащить все наряды и затянуть в чулан без коробок.

Глава 20
СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Я полночи промучилась с вещами, пытаясь разместить их в чулане. Нижнее белье было достаточно тонким, а потому удалось запихнуть его в сундук. У меня даже щеки зарделись, когда в руки попались полупрозрачные кальконэ, полностью сплетенные из кружев. Подобные откровенные вещи я никогда не носила, а записала в список только затем, чтобы смутить ректора, хорошо хоть додумалась внести туда и обычные льняные. А сорочки-то какие! О духи! С фантазией у меня всегда был порядок, и теперь я стала обладательницей ночных рубашек, которые носили, пожалуй, только соблазнительницы. В такой даже в постель стыдно ложиться.

Платья были пошиты из более плотной материи, а ленты, кружева и золотое шитье не позволяли свернуть их компактно и уместить в тот же сундук. Пришлось утрамбовывать их под кровать. Я сплющила длинную картонную коробку, постелила на пол, старательно расправила материал, чтобы не помялся, и сложила наряды один на другой. Все платья под кровать не уместились, пришлось развешивать остальные вдоль стен, благо гвоздей здесь хватало, и даже таких длинных, на которые удалось повесить пару платьев вместе.

Когда развешивала рядом одежду, выданную академией, появилась великолепная возможность сравнить ее с новой, купленной в дорогом магазине. И тогда я хорошо поняла, что означали слова Эльки и ректора о том, что роскошные наряды придутся здесь не к месту. Но ведь не буду я в самом деле облачаться в скромные платья из грубой материи в угоду каким-то девицам низкого происхождения, да еще и Амир снова станет смеяться. Решит, что я сдалась и буду вести себя примерно, и мое похищение ему просто так с рук сойдет.

Плащи отправились на гвоздик, а амазонку я аккуратно сложила поверх сундука, рядом уместила сапоги. Новые туфельки выстроились в ряд на подоконнике. Некоторые остались в коробках, другие выставила поверх, закрыв обувью всю нижнюю часть окна. Задернув занавески, обозрела свое еще более уменьшившееся в размерах жилище и устало опустилась на кровать. Кто бы мог подумать, что я когда-нибудь окажусь в подобных условиях.

На следующий день я облачилась в один из самых скромных

из купленных нарядов, не забыв надеть под платье бюстье, сорочку и корсет, а также тонкие шелковые чулочки. Теперь я, по крайней мере, ощущала себя полностью одетой. В этот раз я решила отправиться после завтрака в библиотеку. Давно уже испытывала огромное желание посмотреть на коллекцию книг и учебных пособий. Вдруг здесь окажутся запрещенные экземпляры с информацией о духах и метках.

Время я выбрала такое, когда все студенты находились на занятиях. До библиотеки добираться было не близко, но зато появилась возможность полюбоваться тем крылом здания, в котором я еще не была. Крытая галерея напоминала ту, что вела в общежитие, только вид открывался на другую сторону сада. Здесь был уже не густой лес, а зеленые холмы с очаровательными, усыпанными цветами лужайками, на которых росли плодовые деревья, а между ними вилась искусственная река, поблескивавшая золотистой гладью в лучах яркого солнца. Красивые изогнутые мостики соединяли зеленые берега.

Мне невероятно сильно захотелось прогуляться снаружи, вот только возможности не было. Судя по карте, в академии имелся также крытый павильон с разбитым в нем садом с какими-то редчайшими деревьями, цветами и растениями, и я решила, что отныне свои прогулки придется проводить там. Как же обидно! Хорошо хоть оставался манеж, где можно было скакать рано утром, пока все спят. Не запретит же мне ректор упражняться в верховой езде, а ключи можно попросить у Элинны. Мне казалось, что староста мне симпатизирует, хотя она и пыталась это скрыть.

Когда я спускалась по ступенькам из галереи в широкий холл со множеством дверей, одна из них отворилась, пропуская девушку. Юная особа повернулась и направилась в небольшой коридор, уводящий прочь.

— Селена! — крикнула я, надеясь, что девушка услышит. Она, однако, никак не отреагировала, но мне показалось, что Селена прибавила шаг. — Постой! — Я побежала следом, устремляясь в коридор.

Тонкая фигурка мелькнула впереди, скрываясь за поворотом. Я побежала еще быстрее и буквально сбила с ног какую-то темноволосую виерку, которая как раз вышла мне навстречу в компании своих подружек.

— Что ты носишься как… ба-а-а, да это же наша аристократка! Гляди, как вырядилась, никак на бал собралась?

— В библиотеку.

— Девчонки, поглядите, как дамы из высшего общества в библиотеки ходят, ну прямо как на свиданку. И камушки на цветочках такие симпатичные. Не поделишься? А то нам наряды

нечем украсить, ходим в библиотеку в обычных платьях, библиотекаря своим видом оскорбляем.

Девчонка протянула руку с намерением сорвать один из цветов с блестящим фиолетовым камнем, украшающих корсаж платья. Я резко отступила к окну и оказалась в окружении. Виерки подступали со всех сторон. Сорвав с шеи птицу, сжала ее в ладони, предостерегающе подняв руку.

— Снова магией грозишь? Смотри, поосторожнее. Применишь — и простыми отработками в ректорском кабинете не отделаешься.

Я присмотрелась к симпатичной девчонке и припомнила, что встретила ее в самый первый день, она тогда стояла рядом с Лузом и Гером.

— Точно-точно, — поддакнула русоволосая подружка. — А пускай пользуется, девчонки. Ей же хуже будет. Ату ее!

Я вжалась в подоконник, ощущая, как загорелась и налилась болью метка на ладони, а в следующий миг в мерзкий хохот обступивших меня виерок ворвался нежный мелодичный голосок:

— Оставьте ее!

— Селена, — темноволосая красотка обернулась и уперла руки в бока, — что ты вмешиваешься?

— А что вы ее травите? Четверо на одну разве честно?

— Пусть ведет себя скромнее, а то разрядилась тут в пух и прах.

— Как она привыкла, так и наряжается.

— А вы, аристократки, всегда друг дружку защищаете?

— Точно так же, как и вы.

— Селена, не нарывайся, поняла? Не посмотрим на то, что ты любимица ректора, проучим с ней заодно.

— Давайте. — Селена опустила руки и стояла, гордо выпрямившись, у стены коридора.

— Линда, — русоволосая девчонка потянула не на шутку разошедшуюся брюнетку за рукав, — влетит ведь от Амира, не кипятись, Селена нам ничего плохого не сделала.

— Да она эту защищает.

— Пойдем лучше, сейчас не время, не успеем конспекты забрать для следующего занятия.

Брюнетка упрямо мотнула головой, но тут русоволосую поддержали остальные подружки, и злая Линда вынуждена была уступить. Подруги потянули ее дальше по коридору, а она все оборачивалась и метала в нашу сторону разъяренные взгляды, пока не скрылась за поворотом.

— Здравствуй, Селена, — повернулась я к защитнице.

— Здравствуй, Виолетта. — Девушка облокотилась о стену,

глядя мимо меня в окно.

— Не стоило вступаться, я бы разобралась с ними.

— Я не вступалась за тебя, я выступила против них. Не люблю, когда человека травят, словно собаки на охоте. Сама знаю, каково это. А насчет магии они верно сказали. Ректор Сенсарро запретил ею пользоваться, потому что был случай серьезного увечья одного из студентов.

— За это могут прогнать из университета? Мне это не грозит.

— Для тебя было бы иное наказание. — Селена замолчала.

— Ты знала, что я в академии?

— Прочитала в журнале о твоем переводе. Не понимаю только, зачем ты все бросила?

— Амир привез меня сюда без моего согласия.

Вот теперь Селена посмотрела на меня, и на лице ее отразилось неподдельное удивление.

— Зачем?

— Я узнала, кто он такой.

— Ты собиралась выдать его?

— Конечно. Он ведь лгун и мошенник.

— Значит, он все правильно сделал.

— Что? Правильно, что привез меня сюда против воли, подстроил все так, будто я сама перевелась?

— Ты слишком принципиальная, Виолетта, он это знает не хуже меня. Ты бы не пошла на сделку, а сделала то, что считаешь правильным. У него не было иного выхода.

— Когда ты узнала, кто он такой?

— В тот вечер, когда решила расстаться с жизнью. Я раздобыла веревку, пошла в башню, там еще такие стропила высокие… непросто было сделать петлю…

— Зачем, Селена?

— Моя жизнь была разрушена! Я стала изгоем для всех, эти девушки проходили мимо так, словно я грязь под их ногами, родители написали, что не желают знать дочь, опозорившую их имя, у моей сестры расстроилась помолвка из-за того, что я оказалась такой… легкомысленной. Демиус оставил меня, он уехал и не прислал ни одного письма, не сказал ни единого слова на прощанье.

Я никому не была нужна, все отвернулись от меня, я не видела иного выхода. Когда накинула веревку на шею и собиралась спрыгнуть со стула, в башню ворвался Амир. Он поймал меня и перерезал веревку. А я кричала, вырывалась, требовала, чтобы он дал умереть спокойно. Он прижал к себе, успокаивал, шептал, что никакие трудности не стоят загубленной жизни, что жизнь многогранна, а за плохими событиями всегда

следуют хорошие. Я плакала, что ничего в моей жизни хорошего не будет. Тогда он снял личину, показал свой истинный облик, рассказал, кто он такой, и предложил учиться в его академии, обещал, что здесь меня никто не обидит. Он сдержал свое слово.

Селена вновь замолчала, а я не могла и слова сказать. Горло внезапно сдавило, и сердце колотилось очень быстро. Странная непривычная боль разлилась в районе груди. Чувство, похожее на раскаяние, затопило сердце.

— Я и подумать не могла, что ты решишься на такое, Селена.

— Конечно, Виолетта. Ты судишь других по себе и никогда бы не сунула голову в петлю, стояла бы, как сейчас, одна против всех, еще бы бросила им в лицо, как они не правы. Я восхищалась тобой с самой первой встречи, и не я одна, только девчонки слишком завидовали высокому положению, тому, как считаются с твоим мнением остальные, их возмущало, что ты все воспринимаешь как должное, а я восхищалась искренне, хотела стать похожей… Теперь пытаешься бороться с Амиром в отместку за то, что он привез тебя сюда, не так ли? Он ведь не оставил тебе выбора, как ты не оставила выбора мне.

Селена отвернулась, поднесла ладонь к лицу, смахивая с ресниц слезы, и пошла прочь. Я замерла на мгновение, а потом бросилась следом и догнала ее.

— Постой. Прости меня. Я… Мне казалось, это неправильно. Я чувствовала, будто ты предала меня, предала нас всех, презрев общественные устои. Так нельзя было поступать, женщина не может идти на поводу у своей страсти, чистота — это величайшая ценность, то, что девушка обязана хранить для человека, который станет ее мужем. Для меня столь шокирующим было увидеть тебя с Ритьери, Ритьери, который не пропускал ни одной юбки в университете…

— Что тебе известно о страсти и любви, Виолетта?

— Я люблю Эрина.

— Любишь? Почему же ты до сих пор не разрушила эту академию до основания, пытаясь вырваться на свободу, пытаясь убежать к нему, к тому, кого любишь? Любовь не дает нам выбора, она заставляет терять рассудок, заставляет забыть о запретах. Одержимость тем, кто украл наше сердце, не дает спокойно спать ночами, и все грезы только о нем… В одном ты оказалась права, я была одержима страстью, я поверила тому, кому не стоило верить, я полагала, что полюбила, но то была лишь иллюзия. Теперь у меня есть возможность начать все сначала, и я приложу к этому все силы. Закончу академию, найду хорошую работу, устрою свою судьбу… а ты можешь и дальше воевать с Амиром, ты в любом случае проиграешь.

Селена отвернулась и ушла, а я не стала ее задерживать. Время нашей дружбы прошло. Селене многое довелось пережить, а виновницей ее бед была я. Зато теперь история повторилась, и я оказалась на ее месте.

— Летта, Летта, ты там жива еще?

Староста колотила в дверь уже минут пять, а мне не хотелось отвечать. До библиотеки я так и не дошла, вернулась в чулан, легла на кровать и пролежала так немало времени, пока не услышала стук. Открывать не желала, ждала лишь, что старосте надоест стучать и она уйдет.

— Летта, да открой ты наконец, к тебе пришли.

Последние слова сняли апатию, словно по волшебству.

— Кто пришел? — спросила я, распахивая дверь.

— Иди за мной.

Староста провела меня в небольшую приемную, где обычно принимали посетителей. Я в величайшем волнении зашла в комнату и не поверила своим глазам:

— Мелинда!

— Мисс Виолетта! — подскочила девушка. Она была одета в дорожное платье с накидкой на плечах, капюшон прикрывал волосы, а в руках служанка держала саквояж.

— Общайтесь, — разрешила Элинна и ушла.

— Что ты здесь делаешь, Мелинда?

— Я ушла из дома ваших родителей, мисс.

— Тебя выгнали?

— Я сама уволилась.

— Что произошло?

— Вы когда ушли, мисс Виолетта, а родители поймали Ани с вашими вещами и драгоценностями… что же вы ее попросили-то, мисс Виолетта? Она так глупо попалась. Я бы вам все принесла…

— Позже об этом, Мелинда. Рассказывай дальше.

— В общем, они были в ярости, оба. Даже говорить о вас не желали.

— Не желали? Но почему, почему они не захотели повидаться со мной?

— Ваша мать, мисс, сказала, что зря она столько лет пыталась воспитать вас достойной леди, а отец заявил, что она вас избаловала, все вам дозволяла. Поссорились они.

— А Эрин? Может, Эрин их образумил?

— Мистер Эрин даже не появлялся у нас после вашего перевода.

— Не появлялся?

— Да. Он прислал какое-то письмо вашему отцу, но что в

нем, я не знаю.

Черная тоска охватила сердце, апатия накатила вновь. Я устало опустилась на стул и тихо спросила:

— Так зачем ты ушла?

— На днях Зор Анделино явился, мисс. Ох и разозлил он меня! Я как раз чай подавала, когда услышала, как он про вас говорит. Сейчас даже повторять не хочется. Потом потребовал провести в вашу комнату, заявил, что заберет бумаги, касающиеся подготовки участников состязаний. Миссис Эстер велела мне отпереть дверь. Он там все вверх дном перевернул, записи ваши, планы, чертежи — все забрал. У меня сердце кровью обливалось смотреть, как ректор ваши труды себе присваивает. Он еще и остальные бумаги просматривал, мисс… вот я и не выдержала, крикнула, чтобы руки убрал, что не его это собственность.

— Мелинда! — ахнула я.

— Не совладала с собой. Ну а матушка ваша сказала, что накажет меня за подобное поведение. Вот тогда я расчет и потребовала. Вещи свои забрала и ушла. Мерзкий он тип, этот Анделино. Правильно вы сделали, что покинули это осиное гнездо, вы много лучше их всех. Я вот теперь сюда пришла, подумала, может, раз вы перевелись, то и у меня шанс есть. Я ведь страсть как хотела в этой академии учиться, только куда мне? Даже как подступиться не знала, а теперь вот вы здесь, ну я и пришла.

Девушка смутилась и замолчала. Ее слова все в душе перевернули. Значит, родители верят какому-то Анделино, а выяснить, что произошло, у собственной дочери даже не попытались. Просто поверили всем гадостям, разрешили ему рыться в моих вещах!

— Подожди меня здесь, Мелинда, я скоро вернусь.

Я вышла за дверь и направилась к ректору. Войдя в кабинет, застала Амира возле шкафа с кураторской тростью в руках. Он как раз надевал плащ.

— Виолетта, я спешу.

— Я не задержу вас надолго. Я пришла сказать, что согласна.

— С чем согласна? — Амир удивленно взглянул на меня.

— Я буду учиться и буду готовить вашу команду. Только вы должны принять в академию мою служанку Мелинду.

— Ту девушку, которая заболела, когда ты сводила ее на развалины?

— Да. Она уволилась из-за меня, пришла сюда, думала, я помогу ей устроиться в академию.

— Я не беру никого в академию просто так, Летта. Если она пройдет вступительные экзамены, тогда поступит на обучение.

Таковы мои условия. Если ты согласна, тогда я попрошу заведующего учебным процессом провести испытания для Мелинды. Мы учтем факт отсутствия у нее предварительной подготовки.

— Хорошо, — кивнула я, — пусть будет так.

Когда я входила в кабинет заведующего учебным процессом, то даже предположить не могла, кем он окажется. Эди! Точно Эди. Я поняла это сразу, едва переступила порог и светло-карие глаза окатили меня волной такого гнева, что впору было прятаться или хватать в руку что-нибудь поострее.

— Ректор приказал определить тебя на второй курс обучения, — сквозь зубы процедил Эди.

Я кивнула. Говорить не хотелось совершенно, казалось, что если открою рот, то не миновать крупного скандала. Кажется, Эди с трудом сдерживался, видя меня в столь близкой досягаемости от своих сжавшихся в кулаки рук. Чем же я заслужила подобную ненависть?

Я украдкой присмотрелась к мужчине, который принялся заполнять бумаги. Руки его столь очевидно подрагивали, что ему приходилось очень крепко сжимать пишущую палочку. Может, дело не только во мне? Ведь если рассуждать логически, Эди проник в мою бывшую академию вместе с Амиром, значит, в нем тоже есть аристократическая кровь. А поскольку его неприязнь к аристократам слишком сильна, остается предположить, что он незаконнорожденный ребенок.

В манерах мужчины не было и намека на аристократическое воспитание. Внешность казалась вполне заурядной. Он был довольно симпатичным с точки зрения непритязательного наблюдателя и казался моложе Амира: волосы светлые, концы слегка завиваются, твердая линия подбородка, высокий лоб. Если судить о характере по внешности, он не слабак и не глупец, только бы ненавидел меня поменьше, иначе слишком неприятно находиться в его присутствии. С Амиром и то проще. Впрочем, ректор намного лучше контролирует свои эмоции.

— Основных направлений пять: логика, творчество, техника, спорт, интуиция, — подробно тебе расскажет староста твоего курса Элинна. Бери эти бумаги и ступай. Завтра начнешь посещать уроки. Второй девушке я проведу испытания после обеда.

Эди не глядя протянул бумаги, которые я с трудом забрала, вытянув тонкие листы из сжавшихся пальцев мужчины.

За дверью я вздохнула с облегчением и поспешила на поиски рыжей старосты.

Глава 21
УЧЕБА УЧЕБЕ РОЗНЬ

— Мелинда, ну как?

Я в волнении ходила возле кабинета Эди, пытаясь хоть что-нибудь услышать из-за двери. Когда же Мелинда наконец вышла наружу, вся бледная и взволнованная, мне показалось, что разревусь прямо на месте.

— Не принял, да? Это из-за меня, точно из-за меня.

— Да что вы, что вы, мисс. Принял он. Переволновалась я, в конце даже едва в обморок не упала, так он меня поддержал, водички дал выпить. Такой приятный мужчина, мисс.

— Эди приятный?

— Преподаватель Эдвар Хингис. Он, мисс, испытания мне проводил на, как он сказал, «выявление магических способностей», попросил показать все заклинания, которыми я хорошо владею. А у меня, сами знаете, бытовые славно выходят. Он меня даже похвалил, мол, уровень хороший, есть с чем работать. Потом несколько задач дал решить, но там сложновато пришлось, мисс, я ничего не поняла. Он тогда поменял значки, вместо непонятных каких-то написал внизу обычные знаки, которыми мы при подсчетах пользуемся, вроде тех, что я пишу, когда за покупками отправляюсь. Он когда значки изменил, сразу понятно стало, и я живо все подсчитала. Потом преподаватель Хингис объяснил, что предыдущие непонятные закорючки — вроде как магические символы, а принципы расчетов в формулах мало чем отличаются. Обещал, когда выучу магические знаки, смогу формулы составлять. Даже сообразительной меня назвал. Очень приятный человек.

— Да, Мелинда, здесь кругом одни приятные люди.

— Мне нравится тут, мисс Виолетта. Спасибо, что попросили за меня.

— Я очень рада, что тебя приняли.

— На первый курс определили, направление «Логика». Старосту зовут, кажется, Гидион. Нужно его отыскать, он с остальными вопросами поможет.

— Эй, привет всем! — Я обернулась на голос Элинны. — А я тут спешу, думала, помощь во время испытаний потребуется. Ну что, Мелинда, справилась?

— Ага. Приняли меня.

— Класс! Мне ректор велел вам передать, что можно будет взять комнату на втором этаже главного здания, когда ремонт

окончат. Сможем въехать туда втроем. Мне велел за вами двумя приглядывать.

— Элинна, передай ректору, что раз меня заселили в чулан, то там я и останусь, а его подачек мне не нужно.

Девушка в ответ громко фыркнула:

— Ну и дурында ты, Летка!

— Что вы, мисс Виолетта, с нами жить не желаете? Я понимаю, что вам-то с простыми комнату делить не след, но мы постараемся не мешать, куда уж деваться, коли тут такие порядки.

— Да что ты уговариваешь? Пусть себе живет в чулане! Я вот с удовольствием перееду, а третью соседку нам найдут. И кстати, если бы я с ней жила, то на цыпочках бы точно не ходила. Понятно, принцесска? Идите теперь за мной, будем учебники получать и инвентарь. Заодно тебя, Мелинда, с вашим старостой познакомлю. Только он у нас ловелас, имей в виду.

Теперь я официально числилась студенткой виерской академии. Утро нового дня началось с проблемы выбора одежды. Я долго не могла решить, что же надеть на занятия — наряды были один другого богаче. В конце концов, остановила свой выбор на бледно-розовом шелковом платье с ярко-красной вышивкой по подолу. Надела подходящее бандо, сверху тонкую полупрозрачную сорочку и удобный корсет со шнуровкой спереди. Легкий материал превосходно облегал фигуру, и простой, но элегантный фасон мне определенно шел.

Волосы забрала кверху и заколола новой заколкой в виде нежно-розового бутона. Подобрав подходящие туфельки, уже собралась выйти за дверь, как вспомнила о тунике. Все ученики виерской академии надевали такие поверх своих нарядов. В отличие от длинных и тяжелых мантий аристократов, туники были легкими, без рукавов и шились из белой газовой материи для девушек и более плотной льняной материи для парней. Символика академии, горный белый цветок, была вышита на правой стороне серебряными нитями. Эти туники определенно подходили к простым платьям местных учениц и рубашкам юношей, а вот в моем случае скрывали основную красоту — отделанный маленькими розовыми бутонами корсет.

Я задумчиво посмотрела на тонкую ткань, но решила все же уступить местным порядкам и натянула тунику через голову, перехватила тонким шелковым пояском в талии и открыла дверь чулана. В тот момент, когда я выходила наружу, послышался хлопок, и на голову мне пролилась темная липкая жижа.

Я вскрикнула, резко отступая назад, но это не спасло ни

меня, ни чудесный наряд. Пришлось спешно хватать первое попавшееся платье, мыло и бежать в душевые. Когда я наконец отмылась от въедливой темной субстанции, завернулась в широкое махровое полотенце и подошла к зеркалу, то вновь вскрикнула от испуга — после липкой вязкой жижи кожа приобрела серый оттенок.

— Ах! — Я прикусила губу, чтобы не расплакаться. Сама виновата, рано расслабилась. Нельзя терять бдительность в стане врагов, и теперь мне это наглядно продемонстрировали. У меня сейчас занятия, но куда я могу пойти в подобном виде и как вернуть коже обычный цвет?

В чулане, пока я сушила волосы и размышляла, как же поступить дальше, в голову пришла мысль натереть лицо и руки лимонным соком. Разведенный в воде, он быстро отбелит кожу, особенно если применить подходящую магическую формулу ускорения. Лимон можно раздобыть в столовой. Только как добраться туда, как вообще выйти из чулана в подобном виде? Как же обидно, что под рукой нет записей из раздела «Иллюзорная магия». Наизусть я помнила только формулу по изменению цвета ладони, но она слишком простая и действенна лишь для небольших участков кожи, а сейчас у меня все лицо, и руки, и даже шея серые, а волосы окрасились неравномерно, какими-то пятнами. От формулы никакого толка, результат и пяти минут не продержится.

Пока я перебирала всевозможные варианты и пыталась найти выход из положения, в дверь постучали.

— Кто там?

— Виолетта! Открой немедленно! Ты с ума сошла не являться на занятия? — послышался из-за двери голос старосты.

Я открыла замок, и староста рыжим яростным вихрем ворвалась в чулан.

— Это ты так шутишь? Сказала Амиру, что будешь учиться, а сама демонстративно не явилась на его урок?

— А он ведет уроки?

— Я вчера дала тебе расписание, там внизу перечень имен преподавателей, что ты разыгрываешь полное непонимание?

— Я не смотрела перечень, просто пробежала глазами названия предметов, чтобы сравнить с теми, которые изучала в своей академии.

— Это теперь тоже твоя академия, а ты наглым образом бросаешь вызов ее ректору.

— Когда я утром вышла из комнаты, меня окатило какой-то гадостью из магической ловушки, закрепленной прямо над дверью. Ты разве не видишь? Присмотрись повнимательней, у

меня кожа так и осталась серого цвета!

— К окну подойди. О, и правда. Знаешь, я бы это серым цветом не назвала, скорее землистый оттенок, будто ты не здорова.

— Как теперь идти на занятия? Платье тоже испорчено безвозвратно, туника не подлежит восстановлению. И лимон негде достать!

— Лимон?

— Отбелить кожу.

— Ну, положим, лимон я достану и принесу, но только позже. Надень другое платье, у тебя их много. Тунику выдам новую, в среду обещают завоз. А сейчас собирайся срочно. Ты просто представить не можешь, как все это выглядит со стороны. Я лично называла твое имя среди отсутствующих, а таких на занятиях Амира попросту не бывает, кроме тебя, естественно.

— Но я в этом не виновата!

— Ты прогуляла в любом случае. Торопись сейчас, нужно успеть на второй урок.

— Я не пойду в таком виде!

— Виолетта, все не так страшно. Ты слишком печешься о своей внешности. Относись к этому проще. Вечером все вернем, как было.

— Сказала, не пойду.

— Ну как знаешь, я тебя предупредила. Второе занятие очень противная преподша ведет, и для нее твоя ситуация не станет оправданием. Отправит в наказание на отработку.

— Пускай.

— Ну и сиди! А еще лимон сама себе доставай!

Элинна вышла за дверь, громко хлопнув ею напоследок.

Так в самый первый день вместо посещения занятий я получила отработки у всех преподавателей, кроме Амира, который отчего-то решил пощадить меня в этот раз.

Вечером в чулан заглянула уставшая, но счастливая Мелинда.

— Мисс Виолетта, вы что тут такая грустная сидите? Как первый день занятий прошел?

— Никак, Мелинда. Мне сегодня не повезло посетить занятия. Видишь, что с кожей стало?

— Мисс Виолетта, что же вы? Так и просидели в комнате весь день? Ведь в этой академии не аристократия обучается, так что ничего страшного не случилось бы.

— Я выходила на кухню, пока все были на уроках. Мне нужен сок лимона, а кухарка отказалась его дать.

— Не переживайте, я сейчас за ним сбегаю. Я ведь попросилась на кухню работать, буду по вечерам кухаркам

помогать, какой-никакой, а заработок. Девушки там хорошие работают, я все для вас достану. Сделаю вам маски и бальзамы, какие дома готовила. Я еще хотела спросить, мисс Виолетта, а вы теперь такой цвет волос оставите?

— Нет, Мелинда. Мне этот цвет совершенно не нравится, но я не знаю, как вернуть прежний.

— А этот откуда?

— Это все противные волосоеды, они погрызли волосы, а их ужасный ржавый порошок, оказывается, при мытье проникает до самых корней. Оттого окрас такой равномерный и несмываемый.

— О, ну я знаю подходящую маску. Только она медленно действует, но постепенно рыжина уйдет. Хотите, сделаю?

Я кивнула.

— Не грустите, мисс, я сейчас на кухню побегу, все вам принесу, и ужин заодно.

Случай с утренним душем подействовал весьма отрезвляюще. На следующий день, прежде чем выйти из чулана, я проверила наличие магических ловушек. К счастью, рядом с дверью ничего не оказалось. Когда я вышла в большой холл, просматривая расписание и определяясь с номером аудитории, он оказался уже заполнен толпой студентов. Влившись в нестройные ряды учеников, я последовала за небольшой группой по коридору.

Полагаю, вместо изучения расписания следовало более пристально смотреть по сторонам. Я едва не упала, ощутив толчок в бок, и отлетела к стене коридора, стукнулась локтем о какой-то выступающий узор и услышала знакомый щелчок. Внезапный порыв ветра взметнул широкую юбку и взлохматил волосы. Я придержала пальцами ткань, а когда поднесла руки к волосам, обнаружила, что они встали дыбом. Причем, как я ни пыталась пригладить растрепавшиеся пряди, ничего не получалось. Они были жесткими, словно проволока, и продолжали упрямо торчать в разные стороны. Вокруг раздался смех, а потом знакомый голос произнес:

— Это теперь последний писк моды? Так нынче все аристократки ходят? — Я взглянула на довольную Линду, стоявшую в компании своих покатывающихся со смеха подружек.

Внезапно под сводами академии заиграла красивая музыка, и девчонки быстро сорвались с места, бросившись к дверям аудиторий. Коридор опустел в считаные секунды. Я расстроенно привалилась к стене, решая, идти ли обратно в чулан и получить новые отработки или же отправиться на урок прямо в таком виде. Решительно смахнув со щеки скатившуюся слезинку, пошла дальше по коридору и постучала в дверь нужной аудитории.

Осторожно повернув ручку, я зашла в большую светлую комнату. Первое, что бросилось в глаза, — небольшие отдельные столы здесь были соединены длинными скамьями так, что студенты сидели рядом друг с другом. Каждый новый ряд стоял на более высоком ярусе. До самых дальних рядов нужно было подниматься по ступенькам. В центре располагалось преподавательское возвышение. Когда я вошла, в аудитории воцарилась тишина, а после грянул дружный хохот. Я сцепила ладони, подняла голову повыше и повернулась к преподавателю.

Амир молча без улыбки смотрел на меня, а потом вскинул руку, прерывая обидный смех.

— Тишина! Еще один звук — и назначу коллективную отработку.

Все резко замолчали.

— Прошу прощения за опоздание, ректор Сенсарро. Можно мне занять свое место? — спросила я, и, к счастью, голос не подвел.

— Прошу, Виолетта, — махнул рукой Амир, указывая на передние ряды.

Я заметила на первой скамье Элинну. Девушка тоже не выглядела радостной, зато парни рядом с ней вовсю зубоскалили. Это были те самые мальчишки, что приносили для меня сундук и кровать. Я помнила, что сероглазый парень по левую руку от Элинны являлся поклонником девушки, а тот, что по правую, который в прошлый раз назвал меня конфеткой, был, очевидно, его другом. Я молча приблизилась к молодому человеку, остановилась рядом и тоном, не допускающим возражений, произнесла:

— Уступите мне место!

Улыбка на лице парня сменилась растерянностью, он неловко подскочил на ноги, потом, очевидно, опомнился, огляделся вокруг, взглянул в сторону Амира, молча схватил свои книжки и вышел из-за стола.

Я неторопливо села на стул, расправила юбку и положила перед собой учебники, палочку и записную книжку. Сзади раздалось шуршание: молодой человек кого-то подвинул на скамье, размещаясь за моей спиной.

— Будешь должна, конфетка, — долетел до меня его тихий голос.

— А теперь, когда все наконец устроились, приступим к занятию. Виолетта, задержись после урока, — произнес Амир.

— Ну, ты даешь, — шепнула мне Элинна, когда ректор отвернулся к большому настенному экрану, — я еще ни разу не слышала, чтобы девчонки так с Истором разговаривали.

Я лишь пожала плечами и приготовилась записывать.

Когда урок закончился и студенты дружно устремились к двери, я прошла к ректорскому возвышению. Просто до боли знакомая ситуация, сейчас снова скажет какую-нибудь гадость.

— Виолетта, — начал Амир, когда последний студент вышел и прикрыл за собой дверь, — сегодня вечером после занятий буду ждать тебя в аудитории для магических практик, начнем восполнять пробелы в твоих знаниях.

— Какие пробелы? Я так полагаю, раз вы определили меня на второй курс, то мой уровень знаний соответствует уровню остальных студентов.

— Требуемые базовые навыки и знания у тебя есть, но одно существенное отличие не позволяет быстро реагировать на, скажем, магические ловушки и вовремя их обезопасить.

— Что за отличие?

— Поговорим после урока. Подойдешь к девяти часам.

— Я в это время ужинаю.

— Ужин для студентов в восемь.

— Полагаете, буду ходить со всеми в столовую? И не подумаю.

— Другого времени у меня нет. Ты свободна.

Я приблизилась к двери, замешкалась на минуту, потом повернулась к ректору и нехотя произнесла:

— Я подойду в аудиторию к девяти.

Во время перерыва между занятиями я наконец-то узнала, что означают пять направлений, на которые распределяли всех студентов.

— Наше направление называется «Творчество», — говорила Элинна, — это когда у человека больше способностей направлять свою магию именно в творческое русло. Сюда относится, например, дар декоратора, которому намного легче придумать красивое оформление для зала, чем, допустим, точно рассчитать магическую формулу по созданию различных эффектов типа летающих украшений. Вот у Мелинды — «Логика», там меньше творческих заданий и соответственно больше логических. «Спорт» — это для тех, кто лучше остальных владеет своим телом и способен направлять энергию именно на физическое развитие. К примеру, наша академия славится своими фехтовальщиками, мы не раз занимали приз на межкоролевских соревнованиях.

— У вас есть фехтовальщики?

— Да. А ты думала, только аристократы шпагу в руках держать умеют?

— Именно.

— Ну ты и сноб, Летка.

— А «Техника» — это что?

— Сюда относят магов с особым даром создавать новые предметы или разбираться в различных технических устройствах, чинить их. Самый простой пример — это ваши эсканилоры.

— А почему наши эсканилоры? У вас они тоже есть.

— Ну-у, об этом потом. Последнее направление — «Интуиция», эти маги совершенно особенные, у них очень развито внутреннее чутье, кто-то даже умеет предугадывать возможные события. Вариаций подобного дара очень много, даже ректора можно отнести к интуитам с его менталистскими способностями.

— В целом понятно. А старост получается тоже пять?

— Да. Мы курируем все пять курсов по своим направлениям.

— Пять курсов?

— Ну да, обучение идет пять лет.

— Почему так долго? У нас только три.

— Последние два года мы определяемся с будущей профессией и проходим соответствующую подготовку.

— Так странно.

— Ничего странного. Просто у аристократов жизнь другая, многим из вас работать не нужно, ну а большинство устраиваются при дворе, к чему вам специальная подготовка? У нас и набор студентов ежегодный, а не раз в три года. И стипендию лучшим ученикам выдают, а для некоторых студентов предусмотрено бесплатное обучение. А главное отличие — из виерской академии выгоняют, если не справляешься с учебой, или прогуливаешь занятия, или нарушаешь правила. С новым ректором все стало строго. Он навел такой порядок, что благодаря ему виеры смогли победить на прошлых межакадемических состязаниях. А до этого дисциплины никакой не было, все буквально разваливалось, на месте сада — пустырь и свалка мусора, а аристократическая академия действительно считалась лучшей в королевстве.

— Сейчас опять начнешь ректора восхвалять?

— Не начну, я в общих чертах тебе все рассказала, а дальше сама узнаешь. Просто немного лучше поймешь, почему виеры к Амиру так относятся. А теперь нам пора на второй урок.

Предметов в виерской академии было намного больше, чем в аристократической, здесь также отсутствовали уроки музыки и танцев, но существовали кружки для желающих. Этикет, как ни странно, изучался. Отдельно шли факультативные занятия вроде фехтования и верховой езды. Ректор вел, естественно, боевую магию, а вторым преподавателем был Эди, но он занимался уже со старшими курсами, овладевшими необходимыми навыками.

Вторым уроком шла магическая дисциплина у вредной преподши Эни Зельер, на занятии которой мы изучали принципы управления магическими потоками. Что и говорить, программа в виерской академии была более подробной и современной, и многим вещам уделялось больше внимания, здесь давали не просто базовые знания, а разъясняли все до мелочей.

Третье занятие посвящалось магическому анализу, но даже на этом уроке преподавателю удалось меня поразить. Он не только рассказывал студентам о различных формулах, которые следовало выучить, но и показывал способы, как вывести нужную вариацию определенной формулы для конкретного действия.

Однако больше всего мне понравился четвертый урок — «Эликсиры». Одно только название заставило меня поспешить в нужную аудиторию и с нетерпением ожидать начала занятия. Мы и правда составляли эликсиры, а когда я полистала учебник, нашла в нем и формулы из иллюзорной магии. Потрясающе!

Ну и наконец, последний, пятый урок оказался не чем иным, как историей, на которой помимо истории королевства много внимания уделялось становлению и развитию виерского движения.

После занятий наступало время, посвященное кружкам и факультативам. Некоторые из них студенты организовали сами, вроде очень популярной среди виеров игры в магические шары. Я, естественно, не пошла смотреть, хотя было невероятно любопытно. Вместо этого отнесла в чулан все новые учебники, полистала записи, сделанные во время занятий, а также обнаружила здесь поднос с едой, оставленный заботливой Мелиндой. Обед-то я прогуляла, опасаясь отправляться в столовую вместе с остальными студентами. На подносе также лежала записка, в которой девушка обещала принести мне в чулан еще и ужин.

Мелинда пришла за полчаса до оговоренной встречи с ректором и, пока я ужинала, с восторгом рассказывала о своих впечатлениях от учебы. Для нее все здесь было в новинку, все казалось невероятно интересным. Она даже вызвалась проводить меня до нужной аудитории, прежде чем бежать на работу на кухню.

— Удачи, мисс Виолетта, — попрощалась она у двери.

— Спасибо, Мелинда.

Служанка радостно упорхнула, а я с тяжелым сердцем постучала в дверь. Когда никто не пригласил войти, я осторожно заглянула внутрь и даже выдохнула от радости: «Не пришел. Замечательно!»

— Не хочешь ли войти полностью? Не слишком удобно стоять

в зале лишь наполовину, не находишь?

Я оглянулась на неслышно подошедшего со спины Амира. Он указал рукой на дверь, и я грустно вошла в просторный и абсолютно пустой зал.

— Так, Виолетта, — начал ректор, скидывая плащ и закатывая рукава белой рубашки, — ты знаешь о своем главном недостатке — медленной реакции. Я пытался исправить это еще в Академии аристократии, но ты слишком мало тренировалась. Сейчас будем обучать тебя в принудительном порядке. Полагаю, новый принцип поможет сделать это гораздо быстрее.

— Какой новый принцип?

— Будем работать без эсканилора.

— Что? Как это?

— Научу. Волосы забери наверх, повяжи их там чем-нибудь. Так… еще эти твои оборки, бантики — это все мешает.

— Вы ведь не предупредили, что нужно переодеться.

— В следующий раз надевай костюм для тренировок. А теперь об основном принципе, которому мы обучаем студентов с самого первого курса — для направления магического потока тебе совершенно не нужен эсканилор.

— Невозможно! Эсканилорами пользуются с таких времен, когда вы еще на свет не появились…

— Летта, милая, будешь со мной спорить или начнешь слушать? Времени у меня не так много.

Я замолчала, но по-прежнему считала, что ректор говорит полную ерунду.

— Эсканилор — это устаревшая методика, которая отнимает драгоценное время. Я давно обнаружил, что энергию можно направлять без использования магической вещи, и ввел данный способ в своей академии. Пока он себя оправдывает.

— У студентов тоже есть эсканилоры, я видела. Единственное — они не слишком большие, трости здесь почти никто не носит.

— Видимость, Летта, это все видимость. Они умеют пользоваться и тем и другим, но часто делают вид, что используют эсканилоры. Главный секрет никому не хочется раскрывать, а новый принцип и есть главный секрет нашей академии.

— А зачем вы меня этому учите? Я ведь всем потом расскажу.

— Рассказывай. Аристократы не примут новшество, разве только единицы. Как же можно наплевать на многовековые традиции и тому подобное? Впрочем, мы ведем слишком много лишних разговоров. Овладеть новой техникой тебе просто необходимо, сможем увеличить скорость реакции, к тому же приступишь наконец к тренировкам. У нас с тобой будет

примерно десять занятий. Полагаю, этого достаточно. А теперь начнем. Направляй энергию в правую руку и пробуй сформировать небольшой боевой заряд вроде синего шара.

Я послушно выполнила все, что сказал Амир, но вместо шара над рукой возникла лишь голубоватая дымка.

— Не выходит. Заряд рассеивается.

— Все получится, просто тренируйся. Понимаешь, как много времени уходит у тебя на то, чтобы снять эсканилор, направить в него заряд и прочее, да за это время сработают целых три магические ловушки.

Вот ведь… ректор! Знает, чем меня пронять. Я вновь сосредоточилась и принялась концентрировать заряд, чтобы создать молнию.

— Виолетта! Что ты делаешь? — спросил Амир, когда полупрозрачная спираль рассеялась над рукой серебристым сиянием.

— У меня не получается. Я хотела сделать молнию.

— Летта, ты уже умеешь, просто отойди от привычных рамок и быстро поймешь, что к чему.

— Магия доходит до пальцев и рассеивается, заряд намного слабее, чем когда концентрируешь его в эсканилоре.

— Так. — Амир подошел ко мне и развернул за плечи, ставя прямо перед собой. — Теперь медленно направляй энергию в правую руку, не торопись.

Я попробовала сделать, как он сказал.

— Глаза закрой. — Закрыла глаза и ощутила, как Амир положил мою руку на свою ладонь и слегка надавил большим пальцем прямо в центр. — Сюда веди.

Я очень старалась, но энергия упорно бежала к кончикам пальцев.

— Не могу, — выдохнула, окончательно расстроившись.

— Еще раз, Летта, сначала.

Глубоко вздохнула, закрыла глаза, ощутила течение энергии по венам, направила ее в правую руку, попыталась сконцентрировать в центре ладони, но тонкие энергетические ручейки вновь устремились к пальцам. В этот момент Амир положил вторую руку поверх моей и слегка надавил подушечками пальцев на кончики моих, проводя сверху вниз, к центру ладони, словно заставляя непослушные ручейки собраться в нужном месте. Я почувствовала, как что-то стало получаться, но отвлекало некое непривычное ощущение. Я раскрыла глаза, отнимая у Амира руку.

— Вы меня отвлекаете.

— Отвлекаю?

— Кожу покалывает там, где вы прикасаетесь.

— Хм, — кашлянул Сенсарро, но отпустил и отошел на пару шагов. — Тогда давай сама, сначала.

Я попыталась, я честно старалась сама повторить это ощущение вновь и вновь, а на пятой попытке попросту схватила с шеи эсканилор и сжала в руке. Энергия потекла через пальцы в птицу, метка заболела, а в следующий миг молния сорвалась с края магической вещицы.

— Браво, Виолетта, я всегда знал, что с эсканилором у тебя все превосходно выходит.

— У меня метка болит, а когда я не пользовалась эсканилором, не болела.

— Ты ведь не смогла создать достаточно мощный заряд, равный по силе тому, что аккумулировала сейчас в эсканилоре. Но здесь вопрос в другом — если ты можешь направить энергию в птицу, то почему не сосредоточишь ее в своей ладони? Давай так, положим птицу на руку, но не сжимай ее пальцами, попробуй передать заряд иначе.

— Через ладонь?

— Да.

Я с сомнением глянула на Амира, но решила последовать его совету и уже прикрыла глаза, когда дверь вдруг резко распахнулась.

— Эди? — удивленно произнес ректор.

— Послушай, Амир, я был не прав, я не должен был отказывать в такой резкой форме. Извини. Я обещал всегда помогать тебе, а из-за этой дев… девушки совершенно позабыл о своих обещаниях, просто как вспомню, что лишние полгода не смогу…

— Эди!

— Прости. Я дал волю своим эмоциям, но больше этого не повторится. Я сам буду тренировать ее и обещаю, что не причиню ей вреда, что бы там ни говорил тебе до этого. Даю слово.

Амир кивнул, а я лишь удивленно переводила взгляд с одного на другого.

— Я правильно поняла, вы собрались меня тренировать? — спросила у стоящего с опущенной головой преподавателя. Эди кивнул, но даже не взглянул на меня. — Почему?

— У Амира слишком много дел, а он тратит на тебя драгоценное время, тогда как я могу его подменить.

Превосходно! Мало того что у меня не получается их дурацкий принцип, так теперь еще вместо ректора в учителя достанется этот тип! Что уж себя обманывать, Эди меня пугал всегда, а Амир — лишь когда злился, если выбирать из них двоих,

я бы выбрала ректора. С ним я дольше знакома, и на моей памяти он по-настоящему вышел из себя лишь один раз в кабинете, а вот Эди… Эди казался совершенно неконтролируемым. Но меня, как обычно, никто и не подумал спрашивать.

— Я не буду с ним заниматься, — заявила Амиру и уже тише добавила: — Он хочет меня убить.

Эди резко вскинул голову при этих словах и посмотрел на меня в упор, вызывая желание куда-нибудь спрятаться.

— Что за глупости, Летта, с чего ты решила?

— У него на лице написано.

— Эди, быстренько напиши на лице что-нибудь другое, иначе юная леди не соглашается с тобой тренироваться.

— Без проблем, что писать? — Впервые увидела, как Эди улыбнулся и сразу стал выглядеть менее свирепым.

— Ну, видишь, Летта, — ласково, будто с малым ребенком, заговорил Амир, — Эди хороший, он тебя не обидит. А мне и правда пора.

Ректор подхватил свой плащ и направился к двери, а мне вот совершенно не хотелось оставаться с Эди один на один.

— Я этого не желаю, но вы ведь опять скажете, что это не обсуждается, не так ли? — с вызовом в голосе спросила я.

— Почему, — вздохнул Амир, останавливаясь, — обсуждается. Если ты не сможешь расслабиться, то и все тренировки впустую. Эди, кто из студентов у нас лучший по боевой магии?

— Истор Лерин.

— Мм, — неопределенно хмыкнул Сенсарро, — ну в принципе… если преподаватели тебя не устраивают, Летта, бери в учителя студента. Идет?

— Да. — Уж лучше это будет Истор.

— Эди, заверши с ней первое занятие, а дальше пусть тренируется с Истором, но под твоим контролем.

— Идет.

— Всего хорошего. — И ректор вышел за дверь, оставив нас вдвоем в пустом зале.

Надо отдать Эди должное, он очень старался держать себя в руках, хотя разговаривал только короткими отрывистыми фразами. Однако это вполне устраивало, пока он не бросался меня душить. Мы пытались делать так, как предложил ректор, но только к концу занятия что-то стало получаться: теперь энергия не бежала к пальцам, но собрать достаточный заряд в ладони пока не получалось.

— Завтра в это же время, я договорюсь с Истором, — произнес преподаватель, утирая пот со лба (вот кому пришлось

тяжелее всего).

— Да, — вздохнула я, а потом все же не удержалась от вопроса: — К чему столько возиться со мной?

— Поможешь нам с тренировками.

— Откуда у вас уверенность, что я справлюсь?

— Амир сказал, если ты дала слово, то выполнишь задание в совершенстве.

Дни в академии внезапно потекли в ускоренном темпе. Теперь, когда я ходила на занятия, выполняла домашние задания, а также тренировалась, осваивая новый принцип, все время оказалось занято. Я по-прежнему держалась в стороне от других студентов, очень настороженно перемещалась по коридорам академии, всегда оглядываясь вокруг в поисках ловушек, и практически повсюду таскала за собой Элинну (я бы предпочла Мелинду, но учились мы, к сожалению, на разных курсах).

— Нянька я тебе, что ли? — ворчала девушка, но далеко от меня не отходила.

— Подожди, как только я овладею этой вашей методикой, сама смогу за себя постоять, и тогда Линде не поздоровится.

— Даже не сомневаюсь.

Занятия с Истором проходили каждый день в одно и то же время, Эди приходил в начале урока, смотрел, что уже удалось выучить, давал советы, делал небольшие замечания и уходил, оставляя нас вдвоем.

Настойчивость Истора невероятно раздражала. Я знала, как дать от ворот поворот назойливому поклоннику, но парень попался до невозможного упрямый. Он постоянно норовил приобнять меня под предлогом того, что желает обучить новому приему, или спешил убрать волосы от лица, «ненароком» касаясь щеки, а на самом первом уроке полез с поцелуями, приговаривая, что за мной должок. Благо в этот раз мы стояли не на балконе, и парень отделался лишь пощечиной, вразумившей его на довольно непродолжительное время.

Помимо этих индивидуальных тренировок он постоянно дышал мне в затылок на занятиях, сверлил взглядом и посылал соблазнительные улыбки, стоило лишь посмотреть в его сторону. Одного было не отнять — он действительно хорошо владел приемами боевой магии и еще помнил начало собственного процесса обучения, а потому давал очень разумные и точные советы с точки зрения неопытного новичка.

Стоит сказать спасибо и ректору за его рекомендацию пользоваться вначале эсканилором, чтобы взять энергию под контроль, а также Эди, сделавшему мне несколько весьма

полезных замечаний. Благодаря общим усилиям к концу десятого занятия я могла с гордостью утверждать, что превосходно овладела сложным лично для меня принципом.

— Молодец, конфетка, — улыбался Истор, наблюдая, как я закручиваю над ладонью золотистую спираль. Теперь перед каждой тренировкой я вновь наносила на руку крем, созданный по старой формуле и снимающий болевые ощущения. — А сейчас возьми эсканилор и сделай вид, что используешь его, вот так. Покажи, как умеешь быстро отразить мой удар. Ну, сладкая, ты просто на высоте!

— Прекратите называть меня сладкой и конфеткой!

— Малышка, я ведь просил на «ты». — Парень вновь сделал попытку меня обнять и получил по носу синей искрой.

— Ай! — Горе-ухажер потер кончик носа и довольно улыбнулся. — Ты так реагируешь на мои прикосновения… ты ко мне неравнодушна.

— Полагаю, теперь мы наконец-то станем реже видеться.

— А я думаю, даже чаще. Ты же будешь следить за тренировками нашей команды.

— О, вы тоже в команде? — Ну конечно, он ведь один из лучших.

— Только не вздумай исключить меня, малышка. Ведь в итоге тебе выбирать, кто из всей команды войдет в состав последней группы.

— Именно. Поэтому держите себя в руках, хотя, смею заверить, личные предпочтения не влияют на мою объективность.

— Сладкая, не складывай так губки, мне слишком сложно удержаться от поцелуя.

Ох, так и хотелось топнуть ногой или стукнуть назойливого Истора чем потяжелее, однако это лишь раззадорило бы его, потому приходилось сдерживаться, и только эта холодность позволяла держать парня на приличном расстоянии.

— Ничего, конфетка, — ухмылялся Истор, глядя, как я прицепляю эсканилор обратно на цепочку, — я тебя все равно добьюсь.

Глава 22
РОЗЫГРЫШ

— Когда тренировки начнешь?

— Скорее продолжу. Команда уже тренируется, моя задача выбрать из них лучших. — Мы шли с Элинной по пустому коридору академии, девушка провожала меня до чулана после занятий. — Кто из старост будет с ректором на поле испытаний?

— Я. Тебя тоже возьмут, думаю.

— Не хочу. Там будут все: родители, Эрин, мои бывшие одногруппники и Зор тоже.

— Ну, тут ты сама решай, Амир силой тянуть не будет.

— Тренировки начну через неделю, на этой еще работаю с реакцией, Амир велел. Пока просматриваю разные записи, изучаю список участников и те задания, которые они уже прошли. Так странно, знаешь, мне все кажется, что я в академии уже долгое время, а прошло только около трех недель.

— Привыкаешь. Уже и поклонника себе завела.

— Не говори про Истора, мне плохо от одного упоминания его имени.

— А девчонки тебе завидуют. Он еще ни за одной так не бегал.

— Дай догадаюсь, звезда академии?

— Месте на седьмом, первое у ректора, а Эди на втором, там дальше еще старшекурсники.

— Что за дурной вкус у местных девиц?

— Истор правда один из лучших на своем курсе, еще и привлекательный, и сильный.

— Он виер, и этим все сказано, пусть даже не мечтает.

Я услышала возмущенное фырканье, но ответить Элинна не успела, так как в тишине безлюдного коридора очень отчетливо прозвучал знакомый хлопок, и под ногами внезапно раскрылась зияющая черным провалом ловушка. Я успела лишь вскрикнуть, когда мы обе вдруг зависли над дырой.

— Мне будет легче, если ты поможешь, — просипела Элинна, вытянувшая вниз обе руки, окруженные радужным сиянием. Я прошептала формулу невидимой поверхности, и мы осторожно опустились на тонкую, словно стеклянную, грань, а после быстро отступили на настоящую плиту.

— Уф! — Элинна прислонилась к стене. — Нелегко держать двоих. А Линда все не успокоится, ну и зацепила же ты ее. Тебе и правда нужно хорошенько поработать над реакцией.

— Уже работаю.

— Может, Истора попросить тебе помочь?

— Прекрати!

— Он, кстати, собрался пригласить тебя на праздник.

— О каком празднике речь?

— Праздник основания виерской академии в конце следующей недели.

— А у вас как праздники проводятся?

— Очень красиво и очень весело.

— А кто занимается подготовкой?

— Специальная комиссия, ректор на это средства выделяет.

— Я бы не отказалась взглянуть.

— Вот и соглашайся, пойдешь с Истором, тогда можешь не бояться, что кто-нибудь обидит.

— Нет, сама справлюсь, не собираюсь и близко подпускать к себе этого плебея.

Праздник есть праздник, что у аристократов, что у виеров. В этом обе академии не слишком отличались. Повсюду царило необычайное оживление, суета. Девушки обсуждали наряды, парни обдумывали, кого пригласят в пару, преподаватели тщетно призывали разошедшихся студентов к порядку. Само празднество было запланировано на вечер субботы.

Я, поддавшись общему настроению, тоже ждала чего-то интересного, хотя и не планировала танцевать или составлять кому-нибудь пару. Истор явился к моей комнате после последнего урока в пятницу и предложил пойти с ним в своей обычной раздражающей манере:

— Конфетка, — склонился он ко мне, опираясь локтем на стену каморки, — желаешь стать самой счастливой девушкой на курсе? Я готов сопровождать тебя на праздник.

— Не желаю, — ответила я, отодвигаясь подальше.

— Сладкая, я уже пятерых девиц отшил, только чтобы с тобой пойти.

— Можешь пойти хоть со всеми пятью, мне все равно.

— Отказываешь, значит?

— Угадал.

— Ладно, малышка, ухожу без реверансов. Когда осознаешь, от чего отказалась, можешь передать через Эльку, я приму тебя обратно.

— Просто камень с души упал, — хмыкнула я, не в силах сохранять строгое лицо, глядя, как комично он пытается изобразить страдание.

— Я ухожу, сладкая. Но тебе достаточно просто позвать.

Я отвернулась и вошла обратно в чулан, где на кровати сидели Элинна с Мелиндой и весело улыбались.

— Что вы так смотрите?

— Из вас милая пара получилась бы, — заявила Элинна.

— Вы уже к нему не так строги, мисс Виолетта, даже на «ты» зовете, — добавила Мелинда.

— Слушай, Мэл, почему ты к ней «мисс Виолетта» обращаешься? А ты, Летка, почему позволяешь? Она больше не твоя служанка, но обхаживает тебя, словно госпожу, а ты и бровью не ведешь.

— Оставь, Элинна. Это просто привычка. Я не отношусь к Мелинде как к служанке.

— Тогда прекращайте это ваше «мисс» и «вы», меня уже тошнит от этих аристократических штучек. И давай поскорее сюда платья, мы что, зря пришли?

— Смотрите, они все здесь. Под кроватью еще четыре наряда.

— А ты уже определилась, какое наденешь?

— Да, вон то, на сундуке.

— Мисс Виол…

— Мелинда!

— Виолетта, а вы… ты же не сможешь больше надеть наряд, ежели мы его одолжим, раньше ведь никогда чужих платьев не брала, да и дома больше двух раз один наряд не надевала.

— Здесь не дома, Мелинда. Теперь не получается быть столь разборчивой.

— Огромное спасибо, мис… Виолетта, что нам платья на вечер даешь, где нам еще такую красоту взять?

— Можете вдвоем сходить и поблагодарить Амира. Эль, он там тоже будет?

— Полагаю, что да. Может, не весь вечер, но вначале точно, а что?

— Помню, как Зор не любил подобные мероприятия.

— Да нашла с кем сравнить! Лучше скажи, какое из платьев мне больше пойдет? Надо такое, которое по фигуре затянуть не сложно, а вечером я его сама немного ушью по подолу. Не переживай, потом верну, как было.

— Я не переживаю. Могу совсем подарить.

— Не надо, обойдусь.

— Ох! Какая же красота, мис… Виолетта, ты только погляди!

— Неплохо, но я видела празднества и роскошнее.

— А какие все красивые! — продолжала восторгаться Мелинда.

— Мы красивее всех! — уверенно заявила Элинна, поправляя

изящно уложенные вокруг головы локоны.

Мелинда сделала нам потрясающие прически, платья были подобраны невероятно удачно, а неброский макияж был моей превосходной идеей. Среди принарядившихся виерок попадались и такие, кто явно переборщил с косметикой. Платья, бесспорно, тоже выделялись своим изяществом и красотой.

Я надела голубой наряд, весь расшитый сверкающими топазами, мерцающими в пышных складках юбки и искрящимися на низком вырезе корсажа. Мелинда была в чудесном жемчужно-сером платье из струящейся материи с отделанным кружевом лифом, а Элинна принарядилась в роскошное зеленое бархатное платье, которое чудесно шло к ее рыжим волосам и, что самое главное, прекрасно подгонялось по фигуре за счет шнуровки на спине. Это позволило значительно устройнить пышные формы девушки и подчеркнуть ее высокую грудь. Я полагала, что некий сероглазый поклонник старосты будет сегодня в полнейшем восторге.

Зал, бесспорно, был хорош. Организаторы постарались на славу, придумали в качестве декораций снежное плато, а с потолка словно лился солнечный свет, в лучах которого все вокруг искрилось. Магический снег хрустел под ногами, но совершенно не холодил кожу и не прилипал к туфелькам.

Посреди огромного плато распустился прекрасный снежный цветок — символ виерской академии, самое стойкое растение на свете, способное цвести даже среди холодных снегов. На тонких и нежных белоснежных лепестках сверкали капли росы, это организаторы провели незаметные глазу трубочки из наполненной золотистой жидкостью чаши. Стоило подставить бокал к краю лепестка, как капли начинали стекать в него, наполняя хрустальный сосуд приятным по вкусу сладковато-хмельным напитком.

— Это алкоголь, Элинна? Все ведь напьются.

— Глупости, Летта. Это обычный виерский сидр, от него не опьянеешь, алкоголя там немного, чисто символически, для веселья.

— Я и смотрю, многие уже веселятся вовсю.

Вокруг то и дело раздавался веселый смех, и даже на меня виеры сегодня не обращали внимания, увлеченные игрой в снежки или созданием магических ледяных скульптур, чаще всего карикатур друг на друга. Ну просто дети малые! Аристократы бы так себя не вели. Кто-то из девушек схватился за руки и закружил хоровод вокруг огромного цветка, а в углу зала юноши, подхватив партнерш под локоток, катались на искусственном льду.

— А танцы где будут? — спросила я старосту.

— Вон там.

— Где? Там же обрыв!

— Видимость. Кажется, будто плато обрывается и ты паришь в воздухе прямо над пропастью. Там все и будут танцевать.

— Это невероятно! — восклицала восхищенная Мелинда, а я лишь скептически качала головой.

Пока обходили зал, я заметила на месте для преподавателей Эди. Мелинда тут же убежала здороваться. Насколько я поняла, она питала к «доброму» заместителю ректора очень нежные чувства, вызванные тем, что он взял ее в академию. Главное, чтобы не стала одной из его поклонниц. Пока Мелинда о чем-то беседовала с Эди, у меня увели и вторую сопровождающую. Рядом с нами остановился сероглазый поклонник, и Элинна просто расцвела.

— Дин, привет.

— О, Элька, сногсшибательно выглядишь!

Потрясающе! Что у них за манера ухаживать за девушкой? Разве нельзя просто сказать: «Ты обворожительна»?

— Хочешь немного покататься на льду, а потом и танцы начнутся.

— Я не против.

И довольная Элинна упорхнула, даже не заверив меня, что отлучается ненадолго. Кажется, и Мелинда возвращаться не собиралась. Я посмотрела в сторону Эди, однако преподаватель уже куда-то удалился. Мелинда обнаружилась неподалеку, но в компании привлекательного парня, который показывал ей, как ловко он создает ледяные скульптуры. Похоже, в данный момент он лепил именно ее лицо, отчего девушка выглядела и довольной, и смущенной одновременно.

Едва отведя взгляд от Мелинды, я заметила недалеко от них другую пару. Истор, нарядившийся в синий костюм и причесавший по случаю праздника свои вечно торчащие в стороны волосы, что-то весело рассказывал высокой стройной брюнетке, а потом поднял голову, заметил мой взгляд и, нагло улыбнувшись, махнул рукой. Девица тоже взглянула в моем направлении, и лицо ее перекосило от злости. Линда! Собственные эмоции я скрыла куда удачнее мстительной особы. Нашел с кем на бал отправиться! Специально ее выбрал, чтобы меня позлить? Просчитался! Мне нет никакого дела до того, с кем он будет сегодня танцевать.

Я демонстративно отвернулась и прошла к снежному цветку, чтобы попробовать виерского напитка. По вкусу он напоминал сладковатое вино, был довольно приятным и пился легко. Судя по количеству желающих отведать «блестящей росы», веселье вскоре

пойдет полным ходом.

Оказалось, что перед началом танцев организаторы запланировали небольшое представление. Магия иллюзий использовалась здесь очень масштабно. Я увидела, как среди молодых людей и девушек в современной одежде внезапно возникли полупрозрачные фигуры в старинных костюмах, а посреди залы вырос зеленый холм. Вот уже призрачные люди взбираются на него, а студенты невольно отступают с их пути. Идущий впереди мужчина склоняется к земле и закапывает небольшой росток. Из него начинает разрастаться дерево, а фигуры постепенно исчезают, все вокруг закрывают густые заросли, и среди них возникает здание: складываясь из больших тяжелых камней, ввысь возносятся стены, обозначаются пролеты окон, формируются ступеньки лестниц. На глазах восторженных зрителей строится виерская академия такой, какой она была в начале своего основания. На крыльце этого здания появляется полупрозрачная фигура того самого мужчины, что сажал первое дерево, и зал дружно аплодирует.

В этот момент облик древнего здания вновь начинает меняться, появляются новые пристройки, а на главном крыльце возникает фигура невысокого полноватого мужчины. Затем его сменяет сгорбленный седовласый старик, следом еще персонаж, и еще… Каждому их этих людей студенты хлопали — кому громче, кому тише. Я поняла, что организаторы представляют нашему вниманию руководителей виерской академии.

Судя по смене костюмов на ректорах, время шло стремительно, годы сменяли друг друга, само здание выглядело все более древним, камни темнели, плющ обвивал стены, академия стала казаться серой и унылой, осыпалась штукатурка, отваливались кусочки камня, тускнел мрамор крыльца. А потом вдруг в единый миг все преобразилось: я увидела, как отдельные пристройки объединились друг с другом крытыми галереями, как новые красивые здания слились в единый ансамбль, как изменился вид строений, отделка стен, окон и даже крыши. Пейзаж вокруг тоже преобразился, а на крыльце академии появилась фигура высокого человека, которого я знала лично.

Зал просто взорвался от грома аплодисментов и восторженных криков. Видение же стало блекнуть и наконец развеялось совсем. Я оглянулась на преподавательское место, чтобы увидеть, какое впечатление на Амира произвело подобное представление, однако ректора по-прежнему не было.

Едва видение исчезло, заиграла веселая музыка. Парни ухватили партнерш за талию и потащили весело сопротивляющихся девушек к краю обрыва. Виерки смеялись и

покрепче прижимались к юношам, изображая сильный испуг. Я отступила к стене, наблюдая за новым забавным представлением. Танцы меня поразили. Они смутно напоминали аристократические, но были более быстрые, более веселые и… откровенные, потому что прижимать к себе партнершу подобным образом считалось крайне неприличным.

На глаза снова попался Истор, обнимающий в танце Линду, и настроение окончательно испортилось. В этот миг ко мне с бокалом на ледяном подносе подошла девушка из обслуги — одна из нескольких разносчиц, ловко лавирующих между теми, кто не принимал участия в танцах. Они подходили и к преподавательскому месту, оказывается, даже учителям сегодня позволялось выпить. Я взяла хрустальный сосуд и осушила до дна.

Вдоволь насмотревшись на веселящихся виеров, я бросила бокал в стоящую неподалеку ледяную вазу и направилась к выходу из залы. Выйдя в пустой коридор, освещенный лишь светом небольших магических светильников, закрепленных на стенах, пошла в сторону чулана. На душе было невероятно грустно и одиноко.

Я поднялась в галерею, в окна светила полная луна, освещавшая стены бледными лучами, игравшими бликами на темных зеркалах. Впереди мелькнула чья-то фигура, но я не замедлила шага, стремясь поскорее оказаться в чулане, поэтому быстро нагнала неспешно шагающего впереди человека. Внезапно сердце стукнуло о ребра и забилось в ускоренном темпе.

— Эрин, — недоверчиво прошептала я, — Эрин.

Высокий черноволосый мужчина так же шел вперед, не оборачиваясь, а я подхватила широкие юбки и кинулась следом. Сердце билось все быстрее. Я наконец настигла жениха и крепко ухватила за рукав черной рубашки, разворачивая лицом к себе. Не давая ему опомниться, прижалась к широкой груди изо всех сил, обхватила руками так крепко, что никакая сила не могла оторвать меня от него сейчас.

От избытка эмоций слова застряли в горле. Он обнял меня в ответ, прижал еще теснее, и я ощутила стук его сердца, оно билось столь же лихорадочно, как и мое. Он тосковал по мне, я знала, я чувствовала! Что может нагляднее свидетельствовать о его чувствах, как не этот безумный поступок — пробраться в виерскую академию во время праздника, чтобы увидеться со мной. Он любит, любит по-настоящему!

Я запрокинула голову, поднимая на жениха счастливые глаза, а он склонился и поцеловал. Ах, как он меня поцеловал! Еще ни разу прикосновение его губ не вызывало во мне подобных

эмоций, еще ни разу не раскрывался он в своем поцелуе так, как делал это сейчас. Никогда за все время нашей длительной помолвки Эрин не целовал меня так безудержно, яростно, страстно, так невероятно и так по-настоящему, заставляя и меня позабыть о сдержанности! Его ладони все крепче сжимали мою талию, поцелуи становились настойчивей и требовательней, а я слабела в его объятиях.

Кажется, пол подо мной исчез, и я сорвалась в ту самую бездну прямо с края снежного плато, и лишь обхватившие меня сильные руки не давали лишиться сознания от ощущения головокружительного падения. Безудержное пламя вспыхнуло в сердце, разлилось по телу, взметнулось ослепительными искрами к лицу, прильнуло жаром к покрасневшим губам… Наверное, я бы сгорела в этом огне, если бы Эрин внезапно не прервал поцелуй, однако продолжая прижимать мое трепещущее тело к своей груди. Я ощутила такую слабость, что не могла пошевелиться.

— Эрин, — наконец прошептала я, — ты пришел, пришел за мной.

Вся во власти бушующих эмоций, я не сразу ощутила, как он напрягся, и даже растерялась от полнейшего непонимания, когда он вдруг резко отстранил от себя, взяв за плечи. Мужчина склонился ниже, рассматривая мое лицо, и вдруг провел по нему ладонью, а после резко отступил. Я покачнулась, с трудом удержавшись на ногах. Он же, ни слова не говоря, развернулся и быстрым шагом устремился в обратном направлении.

— Эрин! — позвала я, но он даже не обернулся. Я с трудом сделала шаг, ноги дрожали, еще один, а потом ухватилась рукой за стену, нащупав ладонью холодную поверхность зеркала. Повернув голову, я вскрикнула от неожиданности: в зеркале отражалась не я. Не веря своим глазам, вгляделась в освещенную луной фигуру, всмотрелась в привлекательные черты миниатюрной брюнетки в голубом платье.

— Что это? Что со мной? — В испуге коснулась пальцами лица, ощупывая чужой нос, гладкие щеки, нежные пухлые губки и чужие прямые волосы цвета воронова крыла. Я прижала обе ладони к зеркалу, глядя на странное отражение ошеломленной женщины; смотрела, смотрела на него, пока черты вдруг не стали меняться. Прямо на моих глазах волосы светлели, в них проглядывала рыжина, очертания фигуры становились другими, ко мне возвращался мой облик, и спустя мгновение в зеркале появилось привычное отражение.

— Что происходит? — спросила я у него, но отражение промолчало в ответ. Отстранившись от зеркала, беспомощно огляделась по сторонам, а потом на нетвердых ногах пошла

обратно к чулану.

Полагаю, я не смогла бы уснуть всю ночь, тщетно пытаясь раскрыть странную загадку и задаваясь вопросом, почему жених так стремительно убежал от меня, если бы в дверь каморки не постучали.

— Мелинда, — удивилась я, увидев за дверью бывшую служанку, — ты ушла с праздника? Проходи.

— Ушла, Виолетта, — ответила расстроенная девушка и, зайдя внутрь, села на кровать. — Закончился праздник. А мы ведь так весело танцевали, меня наш староста пригласил, когда вдруг все это началось.

— Что началось?

— Все вокруг стали меняться. Танцоры вдруг резко остановились, никто понять не мог, что происходит. Потом в залу ректор ворвался, ох и зол он был, мисс Виолетта!

— Ректор? А он… он разве не был в зале до этого?

— Он там был с начала праздника, только стоял в стороне, недалеко от входа, я заметила-то его, лишь когда преподаватель Эдвар указал.

— А он… во что он был одет?

— Во что? Да, кажется, рубашка черная, брюки вроде тоже черные.

— Да? — Мне вдруг стало очень не по себе.

— Он ворвался в залу и как рявкнет: «Кто подмешал иллюзорный эликсир в чашу?»

— Мы стоим, смотрим, я ничего понять не могу, а все вокруг перешептываться начали. Тут и выяснилось, Виолетта, что Гер с Лузом что-то такое в общий напиток подмешали, который мы все пробовали. Мне потом староста объяснил, что это особый эликсир, который меняет облик человека рядом с вами на тот, который вы больше всего хотите увидеть. Подшутить они вздумали! Посмотреть, кто кому по-настоящему нравится. Если бы не ректор, все бы вокруг перессорились, потому что у многих пар один или оба партнера облик свой поменяли. Это все ненадолго, правда, но только не до веселья многим стало.

— А что с теми двумя дураками? — спросила я, наконец полностью осознав, что вовсе не жениха встретила в галерее.

— Наказал их ректор Сенсарро, отстранил от участия в играх. Для них это ведь самое ужасное наказание. Потом все потихоньку из залы ушли. Такой чудесный праздник закончился.

— Мелинда, помоги мне выяснить, есть ли у Амира невеста?

— Невеста? Да у кого я выясню-то?

— Ну, любите же вы сплетничать на кухне во время работы.

— Да бывает, девушки болтают о разном, но вроде о

невесте… хотя говорили, что он ждет кого-то сегодня на праздник. Вот, наверное, поэтому от двери и не отходил. Видать, не дождался все-таки.

— Ты расспроси обо всем подробнее.

— Да спрошу, а зачем это?

— Просто интересно.

— Да неужто ректор понравился?

— Не говори глупости, Мелинда. Но ведь не может он быть совершенно один?

— Ну, такой мужчина не может.

— Поэтому мне интересно, вот и все.

Девушка кивнула, а я улыбнулась ей в ответ. Кажется, я наконец-то нашла слабое место нашего неуязвимого Амира.

Глава 23
ТАЙНАЯ СТРАСТЬ РЕКТОРА

На следующий день в воскресенье многие студенты отправились в город. Я собиралась идти в библиотеку, но не могла заставить себя выбраться из кровати.

Вчера, когда Мелинда ушла, я полночи проревела в подушку от чувства глубокого разочарования. Я ведь и правда поверила, что Эрин пришел за мной, что он заберет меня домой, где я вернусь к прежней такой спокойной и знакомой жизни, а это оказался Амир, снова Амир разрушил мои надежды. А когда понял, что это я, отшатнулся, как от заразной, и не объяснил ничего. Да как он вообще посмел быть в той галерее, почему именно он принял облик моего жениха? Да поцелуй меня любой из плебеев, мне не было бы и вполовину так гадко на душе, как сейчас. Я закрыла голову подушкой, пытаясь избавиться от навязчивых мыслей. Как же я его ненавижу!

— Виолетта, ты в порядке? — донесся из-за двери приглушенный голос Мелинды. Я откинула подушку и выбралась из кровати.

— Мелинда, — раскрыла я дверь, — доброе утро.

— Полдень уже. Я переживать начала, не заболела ли ты, часом? Утром приходила, ты дверь не открыла. И сейчас стучала, а ты не отзывалась.

— Я в порядке. Это что? Обед?

— Да. Я сегодня дежурю на кухне, а девушки в город уехали.

Я устроилась на сундуке с подносом в руках, взяла вилку и поковыряла тушеные овощи, подцепила зубцами картошину, отправила в рот и даже пожевала, хотя аппетита не чувствовала совершенно.

— Я с девушками разговаривала, как ты и просила, узнала у них про ректора нашего.

— Ну и что? — Я отставила поднос, приготовившись слушать со всем вниманием.

— Не знают они про девушку ничего. За все время, что в академии работают, ни о каких его любовных похождениях не слышали. Говорят, больно разборчив наш ректор в связях-то.

— Что, совсем-совсем никого?

— Сказали только, что в последний раз, когда комиссия приезжала в академию, была среди них одна дама, и вот будто бы к ней ректор особое внимание проявлял.

— Что за дама? Как ее звали?

— Элизабет Марни.

— Марни? Та самая? Известная виерка, открывшая магический принцип Марни по перемещению предметов в пространстве и приданию им необходимого ускорения? Мы изучали это правило еще в аристократической академии, оно часто применяется при создании магических формул для работы с материальными объектами.

— Что вы такое сейчас сказали, мис…

— Просто Виолетта.

— Забываюсь я, особенно когда ты так разговариваешь.

— Ты скоро тоже начнешь это изучать, не переживай. Элизабет Марни. Я никогда ее не видела, но считала, что она уже в годах, такая седая дряхлая старуха. А разве она не замужем? Кажется, фамилия Марни — это по мужу.

— Так рассталась-то она с мужем давно. Они, мисс, оба преподавателями работали, и он там с какой-то студенткой спутался, а она их застукала прямо в аудитории.

— О! — Вот так поворот. — Где бы ее портрет найти? Может, в книгах есть? Я отправляюсь в библиотеку, Мелинда.

— Хорошо, мне на кухню пора, дежурю до самого вечера.

— Я к тебе еще загляну.

Библиотека поражала своими огромными размерами. Как я и предполагала, отделка была выше всяких похвал. Такая красота царила в этом книжном царстве, что просто дух захватывало.

Круглое помещение с высоким купольным потолком и десятью окнами по периметру купола. Сам потолок украшала потрясающая фреска в виде огромной книги, чьи листы были исписаны мелким шрифтом. Создавалось ощущение, что стоит протянуть руку, и сможете перелистнуть страницу. Каково же было мое изумление, когда, вытянув руку вверх, я увидела, как книга приблизилась, слетев с потолка, и я действительно смогла ее полистать. Слова были написаны непонятными символами, но, попытавшись прочитать их, я поняла смысл изречений, оказавшихся известными цитатами.

С улыбкой отпустив магический фолиант, оглядела деревянные лакированные столы, установленные по кругу, начиная от центра зала, и удобные кресла возле них. Стены радовали глаз уникальной позолоченной лепниной и затейливыми украшениями. Все книги были аккуратно поставлены на белоснежные деревянные стеллажи. В библиотеке оказалось три яруса, а соединяли их тоже выкрашенные в белый цвет винтовые лесенки с позолоченными перилами. Свет лился с потолка и отражался от удивительной красоты плиточного пола

из полупрозрачного мрамора.

На стене справа от входа висел знакомый белый экран. Библиотекаря внутри не оказалось (очевидно, сегодня выходной и у работников академии), но экран сработал, когда я приложила ладонь, а надпись гласила: «Виолетта Лавальеро, студентка второго курса, направление „Творчество“. Выберите интересующие вас темы». Далее следовал список тем, из которых я выбрала «народные верования» и «известные ученые-виеры». На экране тут же выскочили номера стеллажей и отразилась схема их расположения.

Я быстро отыскала интересующие меня книги, найдя среди них такие, в оглавлении которых содержалась информация о метках и духах, а также об ученых-виерах, являвшихся моими современниками. Заняв удобное кресло, приготовилась читать.

В первую очередь пролистала книги про виеров и в двух из них нашла заметки про Элизабет Марни. К моему огромному сожалению, фотографии не было, описывалось только ее открытие, его суть, сфера применения и краткая биография самой Элизабет. Она, оказывается, была вовсе не старой, а для мага и вовсе слишком юной. Родилась примерно лет тридцать назад, а свой принцип открыла, когда сама обучалась в академии. Всегда отличалась успехами в учебе, а позднее и в преподавательской деятельности. Ни про детей, ни про мужа ничего не было написано. М-да, немного, совсем немного. Может, со вторым поиском повезет больше.

В толстенной книге о народных верованиях целая глава была посвящена духу соблазна — эфиальту. В этом разделе картинок хватало, причем на рисунках, представляющих духа сладострастия, он изображался в виде красивого мужчины, держащего на вытянутых руках обнаженное женское тело. На других картинках были более откровенные сцены, вызвавшие румянец на щеках, но давшие ясно понять, почему его называли духом соблазна.

Я перешла к описанию и чем дальше читала, тем больше понимала, что не зря увезла Мелинду из замка. Если верить легендам, эфиальт не был добрым духом. Для существования ему необходима была энергия, та самая, которую он черпал из человеческих эмоций. Он обычно являлся женщинам во сне в виде красивого юноши и соблазнял жертву.

Итогом соблазнения для женщины являлись яркие эротические картинки, что она видела во сне, соединяясь в любовном порыве с ласковым и нежным искусителем. Она испытывала потрясающие по своей силе эмоции, непередаваемый восторг и истинное наслаждение. Эти эмоции и являлись той

самой энергией, которую забирал себе эфиальт. А поскольку они были неразрывно связаны с жизненной энергией жертвы, то и жизнь медленно покидала тело ничего не подозревающей девушки. Именно по этой причине те, кто попадал под власть эфиальта, становились для него живым источником новых сил, необходимых для его существования. Как правило, эфиальт не отпускал жертву до тех пор, пока не высасывал все до последней капли.

Он мог являться во сне не раз и не два, но итог был всегда один. Противиться его чарам для женщины не было ни малейшей возможности, так же, как и найти в себе силы прогнать злого духа. Жертвы с радостной покорностью привечали своего палача.

Единственное исключение составляли так называемые избранницы — особенные девушки со светлой, сильной и невероятно чистой энергией, которая для эфиальта была сродни деликатесу. Она наполняла его такой силой, что даже небольшое количество способствовало насыщению. Избранниц эфиальт не убивал, скорее наоборот, он дарил им свою защиту.

Другое дело — сама избранница. Она настолько попадала под власть своего соблазнителя, что не могла существовать вдали от него, ее тянуло к духу с необоримой силой, и пусть физически она была здорова, но без видимой причины начинала чахнуть и таять на глазах.

Далее в книге говорилось о возможности избранницы зачать от духа. Якобы его настолько питала ее энергия, что эфиальт мог принять облик настоящего мужчины не просто во сне, но и наяву, а следовательно, девушке не представляло труда от него забеременеть. Следствием подобной связи являлось появление на свет ребенка мужского пола.

Такие дети не были по сути людьми, но казались ими. Весьма одаренные магически, они, однако, не могли нормально существовать среди себе подобных, ибо темная сущность отца проявлялась в них слишком сильно. Как людям им не нужно было питаться чужой энергией, но необоримая тяга к пополнению собственных сил за счет невинных жертв заставляла точно так же являться во сне к юным девушкам и губить их. Если подобных детей духа выявляли среди обыкновенных людей в младенчестве, пока они не вошли в силу, то их всегда убивали. На этом месте я отвела глаза от всяких жутких картинок, изображающих методы казни, и с огромным трудом заставила себя просмотреть текст дальше.

Из последних глав я узнала, что если среди потомков эфиальта находились такие маги, которые обладали достаточной внутренней силой, чтобы обуздать духовное наследие отца, то

они обычно становились отшельниками, не жили среди людей, ибо всегда существовало искушение восполнить собственные силы за счет чужой энергии.

Далее добавлялось, что, как дух сладострастия, эфиальт был крайне неустойчив к всевозможным методам соблазнения. Танцы считались самым верным способом завлечь духа, завоевать его благосклонность, чтобы в обмен на единственную ночь любви узнать о своем будущем. В таком случае дух мог больше не являться к юной танцовщице, отблагодарив ее подобным образом за прекрасное исполнение. На этом рассказ заканчивался, а дальше уже начиналась новая глава о боге силы Паурсе.

Я вновь вернулась к оглавлению и нашла подраздел «Магические метки». Здесь описывалась печать духа так, как о ней рассказывал Амир. Она действительно являлась также печатью смерти и губила человека, стоило ему применить магию. Всплеск силы вызывал такой эффект, как магический взрыв.

Прочитав эти пояснения, я совсем было огорчилась, решив, что ничего не найду про свою метку, как заметила внизу страницы пояснение мелким шрифтом: «Печать духа появляется на теле человека при нарушении магического круга, очерченного вокруг определенной территории (не путать с особенной меткой духа, которая появляется на теле отмеченных духом людей)». Вот и все! И больше ни единого слова! Из этого можно было понять лишь то, что эфиальт даровал мне некую метку, но непонятно почему и непонятно для чего.

Я поднялась из кресла, собрала книги и вернула их обратно на стеллажи. Пожалуй, если верить народным преданиям, единственный человек, кто мог бы хоть что-то рассказать, был Адриан Мирас. Ведь именно его имя люди в бывших владениях этого рода связывали с эфиальтом.

Однако полностью доверять информации из книги было бы попросту глупо. Насколько все эти верования подтверждались фактами? Любое явление в нашем мире можно было объяснить магическим воздействием, опирающимся на определенные законы и связанным с энергетическими потоками, а различные истории и небылицы люди всегда любили придумывать. Может быть и так, что данная конкретная легенда о роде Мирас была сочинена специально, чтобы скрыть нечто ценное под развалинами замка и защитить это что-то от разбойников и воров. На этом пока и остановлюсь, возможно, со временем узнаю больше.

Понедельник начался не слишком радостно, а именно с того, что за дверью мне приготовили новую ловушку, очень

примитивную, но довольно действенную. Дверь в чулан попросту заблокировали с внешней стороны, чтобы не дать мне выйти из комнаты. Ну, Линда, зараза, я с тобой еще поквитаюсь!

Я села на кровать, пытаясь придумать, как снять блокировку. Судя по всему, дверь подперли чем-то тяжелым, а поскольку это что-то никак не реагировало на мои магические воздействия, скорее всего попросту подвесили какую-нибудь балку с той стороны, и похоже, с тем расчетом, что, если я найду способ ее сбить, она все равно упадет вниз и подопрет дверь еще надежнее.

Я взглянула на круглые старые часы на подоконнике: вот проклятье, опять опаздываю на занятия, и опять к Амиру! По привычке схватилась за эсканилор, а потом отпустила птицу и присела на корточки, чтобы начертить на двери совершенно новую формулу. Я совсем недавно узнала о ней, когда просматривала виды испытаний для подготовки команды. Мне она так понравилась, что я выучила ее наизусть. Теперь это должно было здорово мне пригодиться.

Дочертив последний знак, я на всякий случай отошла подальше, а символы вдруг ярко замерцали. Круг разгорался все сильнее, а потом дерево исчезло, образовав большую круглую дыру, в которую я тут же протиснулась, постаравшись сделать это как можно быстрее. Едва оказавшись с той стороны, я поспешно поджала колени, откатываясь подальше от отверстия.

Символы вновь вспыхнули, а дыра исчезла. Поднявшись на ноги, отряхнула платье и поглядела на перевязанное веревкой деревянное бревно, висевшее поперек двери на двух больших крюках. Линда придумала закрепить крюки с помощью магии, иной бы звук меня разбудил. Ладно, разберусь с этим после занятий, а пока нужно спешить. Я бегом кинулась к аудитории, но все же опоздала, все уже сидели на своих местах.

— Это теперь такое правило, опаздывать к первому уроку? — спросил Амир, буквально пригвоздив меня взглядом к двери.

— Прошу прощения, обстоятельства сложились неудачно. Я очень стремилась не опоздать.

— Еще подобное повторится, назначу отработку.

Я лишь кивнула, чтобы не заскрипеть зубами в ответ.

Окончания уроков в этот день я ждала с неким душевным трепетом. На вечер была назначена первая тренировка группы, на которой я буду присутствовать. Одного я не ожидала, что Амир лично явится к чулану, чтобы меня на эту тренировку сопроводить.

— Виолетта, ты готова? — вопросил ректор, громко постучав в дверь. Я в этот момент как раз собирала листы с записями и все

их рассыпала по полу.

— Готова! — громко крикнула и, быстро схватив несколько листков со схемами, выскочила наружу.

— Тебе не нужен костюм для тренировок, ты не будешь принимать участия.

— Полагаю, что в нем мне будет удобнее.

— Как знаешь, не хотел лишать тебя удовольствия нарядиться в твои любимые рюшечки с бантиками.

Надо же, Амир язвит! Что, не одну меня проняло в галерее? Так-то вот! Лучше нужно следить за своими студентами, чтобы потом не целоваться неизвестно с кем!

Ничего подобного я вслух, конечно, не сказала, но, наверное, Амир обо всем догадался по выражению моего лица, поскольку всегда превосходно разбирался в моих эмоциях. Он внезапно замолчал и ни слова не произнес за всю дорогу до тренировочного зала.

Я знала, что легко не будет, но не думала, что быть ответственной за тренировку виерской команды станет для меня сродни наказанию. Чуть позже стало понятно, почему Амир лично привел меня на первое занятие и даже стоял рядом, пока мы с виерами знакомились друг с другом.

Их было десять человек. Пятеро выйдут в итоге на игры, а остальные смогут составить возможную замену, каждый по своему направлению, тому единственному, в котором дар проявляется лучше всего. Из всех студентов лично я знала двоих: Истора и конечно же Линду (девушка стояла рядом с Истором и метала в мою сторону такие взгляды, что могла бы сжечь дотла), остальных потенциальных участников я встречала на занятиях. В этот раз именно Линда набралась смелости, чтобы задать ректору интересующий всех вопрос:

— Нас будет тренировать аристократка?

— Линда, ты что-то имеешь против? — уточнил Амир.

— Ну, она же не виерка, не друг нам, разве можно доверять ей тренировку команды? Мы хотим победить, а не проиграть на предстоящих состязаниях.

— Если сомневаешься в моем решении, то всегда можешь предложить собственный вариант. Кого, по-твоему, лучше назначить?

— Ну, вы всегда сами следили за тренировками…

— У меня дела, потому я нашел себе помощницу. Виолетта весьма ответственно подходит к своим обязанностям. Если вы все не согласны с моим решением, тогда выскажите это сейчас, либо я буду считать кандидатуру Виолетты утвержденной.

Будь я на месте виеров, сказала бы Амиру, чем я недовольна, а они промолчали. Вот все как один ни единого слова не сказали против!

— Прекрасно. Значит, мы определились, а раз так, пора приступать. Начинай, Виолетта.

Первая тренировка прошла вполне удачно. Я разбила всех на группы по два человека, согласно их способностям, и предполагала подбирать задания индивидуально для каждой группы. Например, испытания на знание логических формул проводились для тех двоих, кто лучше всего владел именно этими навыками. Пять групп — пять видов заданий (создание защиты, физическая выносливость, сила и скорость реакции, знание формул, контроль над эмоциями, ну и плюс к тому для всех — сообразительность и умение решать логические задачи). Амир оставался до окончания тренировки, помогал с генерацией различных испытаний и наблюдал за моими действиями, а в конце подошел и спросил:

— Справишься, Летта? Не слишком трудная задача для тебя?

— Не слишком, — ответила я, хотя и ощущала себя абсолютно без сил и, откровенно говоря, не знала, что буду делать, когда останусь с виерами один на один.

— Превосходно, — улыбнулся ректор и махнул всем рукой, — на сегодня тренировка закончена.

Раньше я полагала, что моя жизнь была разрушена, когда я попала в Академию виеров. Однако теперь думаю, что меня сюда перенесли специально, дабы подвергнуть нечеловеческим испытаниям, после которых я по собственной инициативе покину этот свет и не буду больше чинить препятствий на пути заговорщиков.

Тренировки превратились для меня в настоящее наказание. Стоило Амиру не явиться на второе занятие, как поведение моих «подопечных» совершенно изменилось. Если на первом занятии они слушали и исполняли то, что я говорила, то теперь постоянно дерзили, огрызались на каждое слово, всячески подначивали и норовили вывести из себя. Больше всех старалась, естественно, Линда.

Единственным, кто всячески выказывал мне расположение, оставался Истор. Его не заботило даже мнение собственных друзей, за что виер постоянно терпел насмешки в свой адрес, но сносил их точно так же, как прежние мои отказы — с ухмылкой и ответными шутками. Честно говоря, я не знала, что такого придумать, чтобы заставить студентов меня беспрекословно слушаться и добиться максимально эффективного выполнения

заданий. Если побегу жаловаться ректору (чего они, собственно, и ждут), то это лишь подстегнет их неприязнь, а других способов я пока придумать не могла.

Пожалуй, люди слишком часто делают ошибки именно под влиянием эмоций. Что касается меня, то из-за сложившейся ситуации я день ото дня становилась все более раздражительной, а неприязнь к Амиру выросла до невероятных размеров. Пожалуй, не находись я в таком состоянии, сто раз бы подумала, прежде чем совершить один из самых постыдных поступков в моей жизни.

В тот день я задержалась после первого занятия, чтобы представить Амиру отчет о результатах тренировок, а потом вышла в коридор, заполненный отдыхающими студентами. Я собралась уже идти в другую аудиторию, когда внезапно среди толпы учеников в глаза бросилось лицо черноволосой женщины. Поначалу я даже решила, что зрение подводит — это было то самое лицо, что я видела в зеркале в вечер празднования основания виерской академии. Та самая женщина — возлюбленная Амира.

Я даже дыхание затаила на мгновение, а потом заметила рядом с ней Эди. Он указал рукой как раз в сторону аудитории, и брюнетка, кивнув головой и улыбнувшись, направилась вперед. «Вот он, мой шанс», — именно такая мысль мелькнула в мозгу, а потом в голове стремительно возник план последующих действий.

Глядя, как быстро посетительница приближается к аудитории, где сейчас находился Амир, я больше не колебалась. Распахнула дверь и забежала внутрь. Ректор стоял у стола и держал в руках листы с заданиями. Он поднял голову и, кажется, собирался спросить у меня, что происходит, но я не дала ему этого шанса.

Подбежав к Амиру вплотную, ухватила его за плечи, потянула на себя, крепко обвила руками за шею и поцеловала. Ректор почти сразу прервал поцелуй, резко отстранившись, и посмотрел на меня в полнейшем недоумении, а потом поднял голову… Вот тогда у меня попросту перехватило дыхание — боль, настоящая боль и отчаяние исказили черты его лица настолько, что я даже позабыла, что следовало сделать дальше, а потом до слуха долетел громкий стук захлопнувшейся двери.

Я не вспомнила, что собиралась применить к Амиру заклинание неподвижности и убежать. Отчего-то та боль, что отражалась сейчас на его лице, вызвала ответное мучительное чувство в моем сердце. А потом он перевел взгляд на меня, и

кровь застыла в жилах. Я дернулась, а ректор ухватил меня за плечо и резко надавил другой рукой на грудь, опрокидывая на преподавательский стол.

В этот момент он ничем не напоминал того Амира, которого я знала. Мне стало так страшно, что все тело онемело. Я редко испытывала подобный ужас и в такие мгновения попросту теряла возможность двигаться, не имея сил сопротивляться или пытаться сбежать от опасности. Надо мной нависал страшный незнакомец, зеленые глаза светились такой необузданной злобой, что я не решилась бы даже молить его о прощении — это было бесполезно, бесполезно говорить хоть что-то человеку, одержимому столь безумной яростью.

— Молодец, — тихо произнес Амир, — ты отомстила. Довольна? Можешь гордиться собой.

Он вытянул руку к двери, и я услышала щелчок закрывшегося замка. Кровь отхлынула от лица, я хотела спросить, что он сделает со мной, как ответит на эту гнусную выходку, но не могла и слова произнести побелевшими губами. Амир склонился еще ниже и тоном, от которого мороз прошел по коже, прошептал:

— Как точно ты ударила в цель, Виолетта. И это страшно, страшно для меня, потому что Элизабет не вернется, она уже пережила боль от одного предательства и не позволит мне ничего объяснить. Скажи теперь, чего боишься ты? Чем дорожишь больше всего на свете? Уж не своей ли драгоценной репутацией, незапятнанной девичьей честью, которую женщина обязана хранить для своего будущего мужа?

Я даже головой не смогла покачать, чтобы попытаться остановить его. Хотела взмолиться, хотела просить не делать этого, умолить отпустить меня, взывать к его благородству, всем тем добрым чувствам, что заставляли его заботиться о других, но слова сейчас были бесполезны. Он бы не услышал меня, не понял того, о чем говорю. Он был одержим, одержим своими внутренними демонами — яростью, болью, отчаянием и ненавистью ко мне.

Я даже не вскрикнула, когда ректор ухватил подол юбки и одним резким движением разорвал тонкую ткань до пояса. Лишь откинулась назад на столе, вытянула руки вдоль тела, отвернула голову в сторону и, с трудом совладав с дрожащим голосом, негромко сказала ему:

— Прошу вас сделать все побыстрее, у меня еще занятия, не хочу опоздать.

Я закрыла глаза и не шевелилась, ждала, когда же боль охватит все тело, разрывая сердце пополам, ломая тот внутренний стержень, что еще помогал держаться, а мужчина

вдруг замер, громко и тяжело дыша. Открыв глаза, увидела его побелевшие пальцы, вцепившиеся в края столешницы, сжавшие ее до противного хруста. А потом он схватился руками за волосы, отшатнулся назад и закричал:

— Убирайся отсюда!

Крик полоснул по натянутым до предела нервам, подстегнул меня скатиться со стола, вскочить на ноги и броситься к спасительной двери. Дрожащими пальцами я начертила знаки формулы, чтобы отворить замок, с ужасом ожидая, что сейчас Амир настигнет меня и потащит обратно. Но замок щелкнул в мертвой тишине, и я вырвалась в пустой уже коридор.

Промчавшись в этом пугающем безмолвии до самого чулана, я с треском захлопнула дверь, прошептала все заклинания защиты, которые знала, придвинула к двери сундук, а потом упала на кровать и задрожала от нахлынувших горьких эмоций, от сознания страшной ошибки, от боли, разрывающей сердце. А после слезы потоком полились из глаз, и я никак не могла их остановить.

Я думала, отомщу — и станет легче. Ведь именно Амир — истинный виновник моих бед. Я гнала мысли о том, что, прими я сама внезапное решение перевестись в виерскую академию, близкие точно так же отвернулись бы от меня. Я никогда и не пыталась делать собственный выбор, всегда слишком боялась лишиться их одобрения, поддержки, жила так, как должна была жить. А теперь мне было плохо, очень плохо и очень горько. Как низко и подло я поступила! Он такого никогда не простит. И сейчас мне в разы тяжелее, чем было тогда, когда я прочитала то злосчастное письмо из его кабинета.

Пролежав в чулане до вечера, я никому не позволила войти внутрь. Мелинда и Элинна стучали в дверь, староста спрашивала, почему я прогуляла уроки и что-то еще, а служанка просила впустить их убедиться, что я здорова. Устав от их настойчивости, накричала, что нездорова, и велела оставить меня в покое.

Не знаю, сколько еще они простояли по ту сторону, пока наконец не ушли, а я пролежала до утра, словно в бреду. Наверное, я и впрямь заболела, потому что помню, как на следующее утро проснулась вся в поту, ночью у меня поднялся жар, но на следующий день температура спала. Я чувствовала слабость и полный упадок сил. А утром дверь в чулан попросту вынесли. Мелинда и Элинна ворвались внутрь, перескочив через сундук, а Истор остался снаружи.

— Виолетта, разреши мне войти, защита не пускает.

Я лишь покачала головой, а девушки уже суетились рядом.

— Вот дурная! Заболела, а нас не впускает.

— Виолетта, ты как? Жар есть?

Я вновь покачала головой, а Мелинда побежала к двери.

— Я на кухню, принесу ей бульон.

— Беги, я здесь останусь, теперь ни за что не прогонит. Ист, ну что ты мнешься?

— Говорю же, защита не пускает. Эту ректор ставил, мне не обойти.

— Летка, впусти его. Если б не он, мы бы вообще к тебе не вошли.

— Нет. Пусть уходит, и ты тоже, никого не хочу видеть.

Истор оперся ладонями о притолоку, глядя на меня через дверной проем:

— Если это все из-за команды, то я с ними поговорю, велю им больше не цепляться к тебе. Если хочешь, могу каждого вызвать на магический поединок.

— Даже Линду? — прошептала я, глядя на его непривычно серьезное лицо.

— Да.

— Линду можно, а остальные… пусть делают, что хотят. Теперь иди и раздобудь мне новую дверь.

— Хорошо, конфетка. Ты… поправляйся, в общем. Я скоро вернусь.

— Ты что, прямо в платье спать легла? Видать, совсем разболелась. Что это у тебя юбка порвана?

— Зацепилась за крюк и порвала.

— Неловкая какая, где крюк найти умудрилась? Хорошо, что шить умеешь, а то бы выбросить пришлось, а вещь красивая.

— Да, — устало ответила я, — хорошо, что умею.

Глава 24
ПРОСТОЕ РЕШЕНИЕ

На следующий день я со страхом шла на первое занятие, но, войдя в аудиторию, увидела на преподавательском месте Эди. Потом Элинна рассказала, что ректор срочно уехал по делам и оставил Эдвара вместо себя.

Эта новость внесла еще больший разлад в душу. Мне казалось, Амир уехал из-за меня, потому что не желал видеть или боялся вновь сорваться. Я до сих пор помнила это выражение неверия и даже шока на его лице, когда он отпрянул от меня, прокричав, чтобы убиралась из комнаты, как он вцепился пальцами в волосы, пытаясь обуздать свою ярость. Вспоминать было слишком тяжело, а еще тяжелее сознавать собственную вину.

Когда меня неожиданно вызвали в кабинет ректора, я предположила, что Эди, пользуясь отсутствием Амира, найдет теперь способ поквитаться за все, что я сделала его другу. Каково же было мое удивление, когда поняла, что Эдвар даже не в курсе происшедшего и позвал лишь затем, чтобы сказать о неэффективности тренировок. Стоило ли сообщать мне о том, что я и так знала. Кажется, он ждал оправданий, объяснений, жалоб, но я лишь пожала плечами и заверила, что делаю все возможное. Мое равнодушие разозлило его еще больше, потому как он попросил незамедлительно покинуть кабинет. Определенно отношения с начальством в новой академии у меня не ладились.

Истор, как и обещал, поговорил со своими друзьями из команды, однако большинство из них его слова не убедили. Они были настроены против меня и не желали подчиняться указам аристократки. Несколько дней подряд я придумывала речь, которая помогла бы убедить их в моей непредвзятости, настроить на совместные занятия, ведь я дала слово Амиру и должна его сдержать.

Чтобы в очередной раз оценить сложившуюся ситуацию со всех сторон, я забрела в крытый павильон, в котором был разбит сад — мое любимое и единственно доступное место для прогулок. Сегодня стеклянный купол павильона был открыт, поскольку стояла очень теплая и солнечная погода.

Я забралась в излюбленный укромный уголок — нишу в стене, укрытую кустами и деревьями. В зеленой траве росли редкие цветы, а среди них поблескивала серебристая лента искусственного ручья. Поджав ноги, я оперлась о стену, глядя на

весело журчащую воду, когда услышала стук входной двери. Сад был большой, но моя ниша располагалась недалеко от входа, и сейчас до меня долетел отчетливый шорох шагов по садовой тропинке. Спустя мгновение знакомый голос, при звуках которого я вздрогнула, а сердце забилось в разы быстрее, произнес:

— Я привез, что ты просила, Селена. Полагаю, можем посадить это растение возле искусственного водопада, оно оплетет камни, а воды там достаточно.

— Благодарю вас, ректор Сенсарро, что, несмотря на свою занятость, не забыли о моей просьбе.

— Не стоит благодарности, Селена. Это тебе спасибо, что заботишься о саде, даже находишь новые редкие растения для него.

Девушка помолчала какое-то время, а потом несмело спросила:

— Скажите, Амиральд, вы здоровы?

— Вполне. Несколько устал за последние дни, только и всего.

— Простите за вопрос, мне показалось, что у вас несколько изможденный вид. И еще… Извините, если вмешиваюсь не в свое дело, но я видела несколько дней назад Элизабет в коридоре. Она прошла мимо столь стремительно, что я даже не успела поздороваться, и мне показалось, она чем-то сильно расстроена. Элизабет в порядке? Может, что-то случилось в семье?

— Селена, у нас с Элизабет вышло недопонимание. Полагаю, именно этим было вызвано ее расстройство.

Амир тяжело вздохнул. Вот сейчас расскажет о моем поступке. Какой позор!

— Но… вы говорили с ней? Думаю, любой вопрос можно решить, объяснившись друг с другом.

— Я за этим и уезжал. Но проблема в том, что она отказалась встречаться со мной.

— Но как же так? Неужели не захотела даже поговорить? Вы зря съездили? Не смогли повидаться с ней?

— Скажем так, я предпринял некоторые шаги, чтобы иметь возможность объясниться с ней с глазу на глаз.

— И как?

— Бесполезно. — В голосе Амира послышалась тоска. Собеседники уже удалились на некоторое расстояние от моего укрытия, и я испугалась, что сейчас они уйдут в другой конец сада и я их больше не услышу, но пара, кажется, предпочла устроиться на скамье возле дорожки.

— Я слышала, что вы назначили Виолетту руководителем тренировок. — Селена попыталась сменить тему, но, на мой взгляд, крайне неудачно. Ожидала, что сейчас Амир в резкой

форме запретит ей вообще упоминать мое имя, однако ректор ответил довольно сдержанно:

— Назначил.

— И как?

— Не справляется.

— Это и правда не просто, учитывая, что она аристократка.

— Не в этом дело, Селена. Мы ведь с тобой тоже относимся к аристократии. Виолетта просто выполняет данное обещание, но сама не желает достичь результата, оттого пасует перед трудностями, плывет по течению. Ей удобнее считать, что все вокруг настроены против нее, поэтому она и не справляется. А могла бы добиться большего, если б захотела.

— У Виолетты непростой характер…

— Я решил отпустить ее.

— Что?

— Она очень стремилась уйти из академии, а потому я снял защиту, она теперь может выйти в любой момент, когда захочет.

— Но как так? Вы не можете! Если она вас раскроет, сколько вреда это принесет! Или… Или вы решили взять с нее клятву жизни?

— Брать клятву жизни с Виолетты? Проще ее сразу убить. Ты не хуже меня знаешь, чем опасна эта клятва. Стоит Виолетте хотя бы намекнуть кому-нибудь про нашу тайну, и чары сработают мгновенно. Мне достаточно будет ее обещания.

— Нельзя верить ее обещаниям! Виолетта держит слово, но она придумает способ его обойти. Вы ведь понимаете, что она не успокоится, пока не отомстит. Хотя бы заставьте ее поклясться.

— Обычную магическую клятву можно точно так же нарушить, было бы желание. Я также полагаю, что теперь Виолетта не будет стремиться к мести.

— Вы не можете знать наверняка! Ведь она считает, что вы разрушили ее жизнь, выкрали из любимой академии, и весь этот скандал… она попытается разрушить и вашу жизнь тоже.

— Знаешь, как печально порой, что обстоятельства вмешиваются в наши планы? Когда я понял, что у меня нет выбора, кроме как спрятать Виолетту здесь, я пошел против собственных принципов.

— Я знаю, Амир, но вас вынудили обстоятельства. Вы действовали не ради себя, а ради других людей. Впрочем, как и всегда.

— Я не желал разрушать ее жизнь. Я подготовил два письма: для родителей и для Зора. Я знал, что ее семья не допустит скандала, что они договорятся с ректором и придумают правдоподобное объяснение для общественности. Хотел

предложить Виолетте свой собственный иллюзорный эликсир и изменить ее внешность, чтобы она находилась здесь неузнанной. Спустя полгода, а может, и раньше, если б все удалось, она вернулась бы домой. Родители не могли не принять ее назад, иначе как объяснить остальным исчезновение дочери?

— Вы так рассуждаете… они ведь все-таки семья, они должны любить ее. Они приняли бы в любом случае.

— Ты не хуже меня знаешь, что для некоторых аристократов их честь и репутация намного дороже любви. А в случае с семьей Виолетты… я даже не берусь объяснить, что это за люди. И из дочери вырастили достойную преемницу.

— Но даже моя семья постепенно склоняется к тому, чтобы простить меня. Они ответили на последнее письмо.

— Я очень рад, Селена. Я в это верил. А в случае с Виолеттой… Думаю, здесь больше не о чем рассуждать. Если она захочет уйти, то может это сделать сразу после того, как Эди ей расскажет обо всем и потребует взамен обещание.

— Будет сложно убедить остальных, особенно Эдвара, даже я не до конца согласна с вами в этом вопросе, хотя, безусловно, доверяю вашему мнению. К тому же после этих слов о ее семье… Они попросту могут не принять Виолетту обратно.

— О нет, примут. Полагаешь, ее родители пожелают увидеть новые заголовки в журнале, что-нибудь вроде: «Лавальеро прогнали собственную дочь за то, что она выбрала другую академию»?

— А как быть с учебой?

— Здесь она не желала учиться с самого начала. Есть еще частная Дворцовая академия. Полагаю, куратор Вальенте, этот всеми уважаемый маг, мог бы замолвить за нее словечко, недаром ведь он работал в академии наставником, прежде чем поменял место работы.

— Я поражаюсь вам, ректор Сенсарро. Вы готовы помочь ей, несмотря на весь риск.

— Тут нечему поражаться, Селена. Я уверен, Виолетта не будет мстить, а значит, можно ее отпустить. А теперь довольно о ней, идем к водопаду, выберем лучшее место. У меня сегодня еще много дел.

— Да, конечно, я как раз видела там подходящий участок земли.

Они ушли, а я тихо сидела в своей нише, заново осмысливая услышанное. Самой главной из всех мыслей было осознание, что я теперь свободна и могу уйти, когда пожелаю. Осторожно выбравшись на дорожку, добежала до двери, а потом дошла и до главного холла. Когда я приблизилась к массивным деревянным

створкам, сердце сильно забилось в груди от волнения. Я протянула руку, повернула медное кольцо, отворила дверь и беспрепятственно вышла на крыльцо.

Вдохнула полной грудью и засмеялась от радости. Свободна! Он правда отпустил. А я боялась, что это всего лишь красивые слова для Селены. Теперь можно пойти и объясниться с родителями, можно встретиться с Эрином. Раз я не дала слова молчать, то смогу все им объяснить. Какое простое решение! Верну себе былое положение, богатство, фальшивые комплименты и улыбки окружающих, оставлю здесь Элинну и Мелинду, навсегда утвердив их во мнении, что аристократам нельзя доверять, распрощаюсь с Селеной и конечно же подведу Амира и всех тех, кому он там помогает. Помню, Эди говорил о чем-то, что они собирались вернуть, но я помешала. Кажется, это очень важная вещь, раз из-за нее ректор пошел на подобные меры. Значит, если все расскажу, навсегда лишу их этой возможности.

Я устало присела на крыльцо. Могу уйти, правда, могу, но… не стану. Останусь здесь, выполню свое обещание, заставлю этих виеров уважать себя. А потом, когда мы выиграем проклятые состязания, вернусь домой вместе с Амиром, и пусть он лично расскажет близким, что выкрал меня из академии. Сложив на коленях руки, посмотрела на окрашенное закатом небо за зелеными кронами деревьев.

— Эрин, — прошептала я вслух, — ты так и не пришел за мной. Даже Амир кинулся следом за своей невестой, которая настолько сомневалась в нем, что не позволила ничего объяснить, а ты не пришел. Неужели цена скандала оказалась слишком высока для тебя? — Положив голову на колени, крепко-крепко прижала ладони к глазам. Пришла пора идти дальше самой, искать свой путь, без чужих правил, нотаций и подсказок. А для начала придется объясниться с Амиром.

— Ну что тебе?

— Мне нужно поговорить с ректором. — Я стояла на балкончике, а Эди загораживал дверь.

— Через меня передай. Он просил, чтобы ты его не беспокоила.

— Хорошо. Хотела сказать, что вон там, в холле, студенты сломали колонну.

— Что? Где? — Эди кинулся к перилам, а я резко распахнула дверь, заскочила внутрь и защелкнула замок. Развернувшись, прислонилась к сотрясающейся от ударов створке и мужественно встретила взгляд Амира.

— Виолетта, — устало промолвил ректор, — ты… — а потом

замолчал и немного погодя со вздохом спросил: — Что тебе нужно на этот раз?

— Я слышала ваш разговор с Селеной в саду и знаю, что теперь могу покинуть академию.

— Почему же ты до сих пор здесь?

— У нас с вами договоренность, ректор Сенсарро. Я помогаю вам, а вы рассказываете все моей семье.

Амир поднялся, отвернулся к окну, сложил на груди руки и, четко проговаривая слова, произнес:

— Я не хочу видеть тебя в академии.

— Настолько, что нарушите данное слово?

В комнате воцарилась гнетущая тишина.

— Почти, — после паузы ответил ректор и вновь замолчал, а я стояла и ждала его решения.

— Когда кажется, что больше удивить уже нечем, ты поражаешь в очередной раз. Ты сама хотела уйти, а когда я отпустил, решила остаться. Не понимаю, Виолетта, что тебе нужно?

— Мне нужно, чтобы вы выполнили обещание.

— А ты хоть понимаешь, как сложно мне контролировать себя в твоем присутствии? Никто еще не заставлял меня настолько терять самообладание. Я едва не совершил один из самых ужасных поступков в своей жизни. Не боишься, Виолетта?

— Боюсь, — негромко ответила я, опуская голову, — а еще очень сожалею. Прошу простить меня, если это возможно.

Амир ничего не ответил и вновь устремил взгляд в окно.

— Оставайся, — вымолвил он через некоторое время.

Глава 25
КАК ПРИРУЧИТЬ ВИЕРА

Устроившись на сундуке возле окна, я аккуратно спарывала с голубого платья сверкающие топазы и бросала камни в бумажный кулек. Если уж браться за дело перевоспитания виеров всерьез, то придется кое-кого подкупить. Впрочем, Элинна поможет. Ей тоже до смерти любопытно посмотреть, что я придумаю.

Когда в дверь чулана негромко постучали, я как раз управилась с последним камешком, сжала наполненный кулек в руке и выглянула наружу. Элинна стояла в компании двух рослых студентов.

— Это Тин и Рик, — показала она на старшекурсников.

— Виолетта, — представилась я.

— В курсе, — коротко бросил Тин. — Элька говорит, тебе позарез хорошие иллюзионисты нужны.

— Нужны.

Я вышла к парням и огляделась вокруг, убеждаясь в отсутствии любителей подслушать чужой разговор.

— Мне нужно организовать целое представление во время сегодняшней тренировки. Вы ведь выпускаетесь в этом году, опыт позволяет создавать сложные трюки?

— Позволяет, — ответил Рик, — только мы бесплатно не работаем.

Я высыпала из кулька на ладонь горсть камней.

— Этого хватит?

— Камни?

— Монет нет.

— Ну, — парень взял один из камешков, поглядел на свет, покатал его в пальцах, — сойдет, у меня ювелир знакомый имеется, обменяет на монеты. А сдачу тебе вернем, нам лишнего не надо.

Я кивнула в ответ.

— Ну, давай, выкладывай свой план.

— Добрый вечер.

Я встала перед десятью студентами, привычно распрямила плечи, подняла выше голову и продолжила:

— Не так давно я слышала из уст ректора и преподавателя Хингиса, что не справляюсь с возложенными на меня обязанностями тренера вашей команды. Я знаю, что вы не желаете тренироваться под моим началом, и полагаю, вы не

оставляете мне иного выбора, кроме как уйти.

Большинство студентов заухмылялись, остальные молчаливо ждали продолжения, возмутился только Истор:

— Я не понял, конфетка, а если я не хочу другого тренера?

— Бери ее в личные тренеры, Ист, — толкнул его в бок веснушчатый напарник по имени Анжин.

— Дурак! — возмутилась стоявшая рядом Линда, бросая на Анжина взбешенный взгляд.

— Уйти я готова, но дала слово ректору Сенсарро, что сделаю все возможное, дабы выполнить поручение. Потому на этом занятии я приготовила для вас особенные задания, из тех, что применялись на реальных состязаниях. Никто из преподавателей не будет генерировать сегодня иллюзорное подобие реальных препятствий, работать станем по-настоящему. Если вы справитесь с испытаниями, то эта тренировка окажется последней, если нет, я останусь, но впредь вы будете слушать меня как вашего тренера.

— Что ты задумала? — прищурив глаза, спросила Линда.

— Я хочу показать вам ваш уровень и продемонстрировать, что вы упускаете, так настойчиво отказываясь следовать моим указаниям.

— Давай задания, мы справимся! — выкрикнул самый высокий и самоуверенный из участников Арктур.

— Хорошо. Здесь на полу очерчены границы куба, каждому из вас придется встать внутрь. Все эти контуры были заранее созданы по моей просьбе и уже содержат в себе определенный магический заряд. Грани сомкнутся вокруг, едва вы получите задание. Выйдете наружу, когда справитесь или когда проиграете.

Студенты, заинтригованные моим предложением, в этот раз воздержались от споров и заняли свои места согласно цвету очерченных зон, разделяющих задания по видам. Едва они переступили границы секторов, я начертила в воздухе особенный знак, и перед участниками возникла проекция их заданий. В тот же миг каждый из испытуемых оказался за прозрачными гранями, а я наблюдала за их действиями. Незаметно достала из кармана семь невидимых глазу иллюзорных шариков, созданных для меня старшекурсниками, бросила их на пол, точно зная, что сейчас они покатятся к нужным секторам.

Молча продолжая наблюдать, заметила, как Давид (эксперт по магическим формулам), быстро выводит завершающие знаки, которые должны были сгенерировать в его безвоздушном пространстве кислород. Незаметный щелчок пальцами, и парень машет руками, а я выпускаю его из куба. Давид падает на пол, пытаясь отдышаться после созданного им в кубе углекислого газа. В этот миг вижу, как силач Арктур, сообразив, какой заряд

энергии потребуется ему для поднятия огромного камня, перекрывшего вход в пещеру, начинает отрывать его от земли. Еще один щелчок пальцами, и парень падает вниз под тяжестью каменного валуна, а секунду спустя кряхтит за пределами куба.

Один за другим они пытались выполнить задание, но только троим из десяти я позволила сделать это. Последней, кого я проучила, оказалась Линда. Она невозмутимо доставала из пылающего огня свернутый трубочкой пергамент, когда среди пляшущих языков пламени ей вдруг померещились прильнувшие друг к другу парень и девушка. Линда моргнула, а потом громко вскрикнула, выдергивая из огня обожженную руку. Магическое пламя сурово отомстило девушке за ту долю секунды, на которую она отвлеклась, потеряв самоконтроль. Едва куб растаял, прошли и ожоги на ее коже, а не справившиеся с заданиями студенты потрясенно стояли и виновато поглядывали друг на друга.

— Поздравляю тех, кто выполнил задачу. К сожалению, ни одна из команд не может похвастать двумя победителями. Я полагала, что вы достаточно хорошо подготовлены, раз отказываетесь от моего руководства. Взять хотя бы тебя, Давид, ты лучший по магическим формулам и не смог создать кислород.

— Это непростая формула, и мне показалось, там ошибка, я вроде исправил, но… — замялся юноша и смущенно опустил голову.

— А ты, Арктур, не смог применить достаточный заряд энергии, чтобы убрать от входа этот валун? Ты ведь самый сильный на курсе.

— Я стал поднимать, а потом камень вдруг легче показался, я попытался изменить энергетический заряд, ну и… упал, в общем.

— А все дело в том, уважаемые претенденты в команду виерской академии, что вам недостает практики. Вы все полагаете, будто достигли определенного уровня, но стоило мне немного усложнить задания, подобрав именно те, что в свое время были представлены на состязаниях академий, как вы с треском их провалили. Сегодня виерская академия проиграла на самых значимых соревнованиях в королевстве. А ваш личный проигрыш обусловлен не тем, что тренером у вас была аристократка, а тем, что отказались заниматься с ней. Теперь, если все еще желаете, чтобы я ушла, скажите мне об этом.

Виеры молчали. Даже Линда в этот раз и рта не раскрыла, а просто безмолвно разглядывала свою руку.

— Увидимся завтра на тренировках, — громко произнесла я, а потом развернулась и покинула зал.

Элинна ждала меня за дверью.

— Летта, сработало?

— Да. Они поверили, что делают ошибки, иллюзия была полной, твои старшекурсники — профессионалы.

— А если они тебя раскусят, поймут, что ты все подстроила и обманула их?

— Даже если они о чем-то догадаются, сомнения в душе уже поселились. Теперь они не настолько уверены в своих силах, а значит, будут стараться.

— Слушай, а Истор тоже не справился? — с любопытством поинтересовалась Элинна.

— Нет, у него все превосходно получилось.

— А Линде ты что придумала?

— Показала ей маленький мираж.

— Какой?

— Как Истор меня целует.

— Ну, Летка, ты и зараза! — восхищенно выдохнула староста.

Когда решение принято и цель определена, жить становится намного проще. Дни проходили за днями, я постепенно входила в ритм жизни академии, студенты не то чтобы приняли меня, но и прежние издевки прекратили.

Еще один важный шаг для меня — это решение есть вместе со всеми в столовой. Я очень удивилась, поняв во время первого завтрака, что дальние столики у стены, разделенные перегородками, — это преподавательские места, а Амир и Эди питаются в столовой вместе со всеми. Просто невероятно! Я даже представить себе не могла, чтобы, например, Зор Анделино обедал в шумной компании гомонящих студентов. Ректор же виерской академии, кажется, не видел в этом ничего зазорного, а отсутствовал периодически только по причине занятости.

Еще одним удивительным открытием явился для меня настенный экран — блюда из большого меню, которое отражалось на нем, можно было выбирать, нажимая пальцами на то, что понравилось больше всех. Это уже тем, кто не явился вовремя, подавались остатки, поэтому студенты всегда старались прийти в столовую ровно к началу раздачи.

Во время первого завтрака я выбрала для себя овсяную кашу и молоко, а потом устроилась за свободным столиком. Ко мне тут же подсели только что прибежавшие из общежития Элинна и Мелинда, изменив привычному обществу своих одногруппников.

— Что это за гадость? Не могла ничего другого выбрать? Смотри, сколько всего вкусного. — Элинна указала на свою тарелку с двумя пончиками, булочкой, жареной ветчиной и воздушным омлетом, куском мясного пирога и салатом из фруктов. Рядом с этим богатством стоял большой стакан с

ягодным сиропом.

— Слишком много мучного вредно, к тому же сказывается на цвете и состоянии кожи.

— Ну ты зануда! — Элинна отложила на салфетку булочку, один пончик, посмотрела с сомнением на второй, но решила его оставить. — Нет, если я так буду есть, то скоро стану на людей кидаться.

— Твоей фигуре это пошло бы на пользу.

— А некоторым нравится, — улыбнувшись засмущавшейся Элинне, добавила Мелинда.

— О, конфетка, ты решила составить мне компанию? — Возле столика остановился довольный Истор, а потом, не спросив ни у кого разрешения, попросту уселся на свободный стул. — Малышка, тебе нужно лучше питаться, мне нравятся девочки с формами.

— Я не привыкла обсуждать свою или чужую внешность, поэтому воздержись от подобных высказываний.

— Да ладно, конфетка, я слышал, как ты Эльке нотации о вреде мучного читала. Держи булочку.

— Истор, прекрати, убери это от меня. Я полагаю, что, раз мы тебя не приглашали, тебе лучше вернуться за свой столик.

— Не, мне тут больше нравится. Поближе к тебе, сладкая. — Парень подмигнул и накинулся на еду так, словно неделю до этого голодал.

— А ты ректору сообщала о своих успехах на тренировках? — спросила Элинна.

— Нет еще. Потом составлю отчет. Ты не отнесешь?

— Почему я? Вдруг у него вопросы возникнут. Ты у нас тренер, сама и относи.

Я промолчала, зачерпнула еще одну ложку противной овсяной каши, невольно кинув взгляд в сторону преподавательских столиков. Как бы сделать так, чтобы поменьше встречаться с Амиром? Может, Мелинду попросить относить отчеты вместо меня? Пока думала, мои соседки по столу быстро покончили со своим завтраком и собрали тарелки.

— Пора, Виолетта, это тебе не аристократический прием, времени рассиживаться нет, надо на пары спешить. Посуду с собой захвати, нужно ее вон на тот лоток составить.

Я молча кивнула, поднесла к губам стакан с молоком, и в эту минуту к столику подошел Эди.

— Доброе утро, — поздоровался он со всеми. Истор радостно промычал что-то с набитым ртом, Элинна поздоровалась в ответ, а Мелинда смущенно улыбнулась. — Виолетта, ректор поручил мне курировать все вопросы с тренировками, так что

отчитываться будешь передо мной, жду тебя в своем кабинете после уроков, хочу узнать, как прошли последние занятия с группой.

— Хорошо, подойду. — Я кивнула, подняла поднос и направилась к лотку для грязной посуды, испытывая смешанное чувство облегчения и неловкости.

— Странно, — тут же раздался позади голос старосты, — раньше Амир сам курировал все, связанное с тренировками. Наверное, вконец погряз в делах, раз поручил это Эди. А может, тебе доверяет, что очень хорошо. Перестанете наконец ссориться, и ты не будешь больше называть его мерзавцем.

— Для тебя это имеет такое большое значение?

— Неприятно просто. Я Амира уважаю. Ну и все тут, ты уже в курсе.

— А у него есть любимые студенты?

— Ну, в принципе… Больше всего он конечно же со старостами общается, ну и еще с Селеной. Но у нее особенное положение, она одного с ним круга, к тому же верная, как собачонка. За Амира любому горло перегрызет. Тут даже случай такой был, у нас одна девчонка в Амира втрескалась по уши, и представляешь, что удумала?

— Что?

— Пробраться к нему ночью в ректорский дом и совратить.

Я едва не сбила с ног проходящего мимо старшекурсника.

— Совратить?

— Ага.

— Как такое возможно? Это недопустимо — чтобы девушка сама, сама… У меня даже язык не поворачивается такое сказать.

— Да девчонки разные бывают. Кто себя уважает, к мужику в постель до свадьбы не прыгнет, ну а если такая вот, как Астинка, то может. Есть и те, кто таким образом замуж выскакивает. Но это редко, какой нормальный мужчина на такой жениться захочет?

У меня даже слов не хватало, чтобы достойно отреагировать на подобную реплику.

— В общем, эта Астина проболталась о плане своим соседкам по комнате, а одна из них по секрету рассказала соседке Селены, ну а та (тоже по секрету) с девчонками этой новостью поделилась. В общем, ночью Астина пошла к ректору, стала через окно библиотеки в дом забираться. Слугу чем-то подкупила, чтобы окно открытым оставил.

— Подожди, тайком?

— Ну да. Хотела незаметно в спальню прошмыгнуть, раздеться и в постель к ректору лечь. Да что говорить, девчонка красивая была, а мозгов в голове совсем мало. Повезло ей, что

план в исполнение не привела. Она-то думала, Амир как увидит ее без одежды, прямо голову потеряет, с желанием совладать не сможет, набросится на нее.

Элинна даже прервалась в этом месте и громко рассмеялась. Отсмеявшись, глубоко вдохнула и продолжила:

— В общем, залезла она в окно, ноги с подоконника спустила и прямо в ловушку запрыгнула.

— Какую ловушку?

— Веревка там зачарованная на полу лежала, Астина внимания не обратила. Как только эта горе-совратительница ногу поставила, ее веревка и оплела, спеленала по рукам и ногам. Астина отбиваться пыталась, шум такой подняла, пока с веревкой боролась, целый погром в библиотеке учинила. В общем, когда ректор в библиотеку прибежал, ей уже не до совращения было. Потом Амиру созналась во всем, ну и собрала вещички, домой уехала. Такая история.

— А ты откуда знаешь подробности?

— Мне Селена сама рассказала. Испугалась, что девчонка Амира скомпрометирует, у вас же, аристократов, строго, если с кем застукали, жениться обязан.

— Ну, у Амира такая репутация среди аристократов, что скомпрометировать его сложно.

— Да кто знает, что бы она там наплела потом родителям? Он ведь ректор как-никак, а тут студентка в постели. То, что он бы ее выгнал, это яснее ясного, но она же могла всем наболтать с три короба, ославить его на весь свет. А тут сама попалась, себя только и опозорила.

— А почему Селена не пошла сразу к Амиру, не рассказала?

— В том-то и суть была, чтобы Астина сама попалась, а Амир был бы ни при чем.

— Никогда в нашей академии ничего подобного не происходило. Представить только, чтобы кто-то из студенток повел себя так по отношению к Зору…

— Да ладно. А симпатичных преподавателей разве не было? Что, совсем-совсем ни на кого у вас девчонки не вешались?

В этот миг я как раз вспомнила про Ритьери и прикусила язык. Вешались, и не только, но говорить об этом не хотелось.

Первое занятие, как всегда, вел ректор, но после тех роковых мгновений в аудитории наши отношения с ним заметно изменились. Я выполняла все наши договоренности, он тоже, но при этом виделись мы только во время уроков.

Теперь Амир больше не просил меня отчитываться перед ним, предпочитая решать все вопросы через Эди, не называл тем обидным прозвищем, которое сам же придумал и которым нынче

звали меня друзья, не делал так раздражавших меня раньше замечаний, не давал хлестких, но точных советов и не подшучивал надо мной. В ответ на подобную холодную вежливость я вела себя сдержанно и слегка отстраненно, все еще стыдясь в душе гадкого поступка, и тайком радовалась, что о нем никто не узнал.

Глава 26
ГЛУБИННЫЕ СТРАХИ

Тренировки шли своим ходом, занятия тоже. Я часто теперь пропадала в библиотеке в поисках учебников по новым для меня предметам или дополнительной информации. Разнообразие изданий невероятно радовало. Здесь можно было найти очень много полезного и даже запрещенного (вроде книг по народным верованиям), но при этом опасная закрытая информация не была доступна ученикам, а оставалась под присмотром библиотекаря в книгохранилище.

Дни шли, пролетали недели. В главном здании закончили ремонт второго этажа, и теперь лестница частенько скрипела над головой под ногами крадущихся студентов, которые возвращались в свои комнаты тайком от старосты после отбоя.

Я смирилась с новой жизнью, стала вести себя намного свободнее, чем когда-либо прежде. Упрямо оставалась жить в чулане, несмотря на уговоры Мелинды и Элинны, к которым пока не подселили третью соседку, с прежним упорством отбивалась от ухаживаний Истора и игнорировала неприязнь Линды. Что касается последней, то после испытаний, проваленных ею во время тренировки, девушка, казалось, успокоилась и перестала устраивать для меня мелкие пакости. Гер и Луз после бала и сурового наказания ректора вели себя тише воды ниже травы. Мне можно было вздохнуть свободно, что я и сделала, но, как оказалось, зря.

Говорят, у каждого человека существуют свои страхи, такие глубинные, подсознательные, с которыми невозможно бороться. Я редко теряла присутствие духа, почти всегда, даже в самых сложных ситуациях сохраняла выдержку, но и у меня была одна слабость — я до ужаса боялась змей. Об этой слабости мало кто знал, в основном родители и мои близкие друзья.

Когда-то давно в детстве, играя в саду и бегая за мячиком по траве, я наступила на змею. Никто не знал, откуда она взялась, как вообще незаметно оказалась там, где садовники ежедневно прочищали каждый миллиметр земли. Мерзкая черная гадина укусила меня, но, к счастью, яд оказался не смертелен, и болела я недолго. Отец после того случая выгнал всех садовников и их помощников и нанял новых. Больше змей в нашем саду не было никогда, но ужас, который я испытала тогда, остался со мной на всю жизнь.

Той ночью я легла спать позже обычного, потому что

расчерчивала новую схему для тренировок. Спала беспокойно, снились какие-то тревожные события, в ушах раздавался шум, похожий на тихий шелест. Он странно действовал на мое сознание, вызывая необъяснимую тревогу и не позволяя погрузиться в глубокий сон.

Наконец я открыла глаза, вынырнув из тяжкой полудремы. В незашторенное окно светила луна. Я обвела взглядом стены, а потом взглянула на пол, и дикий крик замер в моей груди, так и не раздавшись в ночной тишине. На полу извивались змеи. Их было так много, что весь пол, казалось, находился в непрестанном движении. Они шипели, переползали друг через друга, лунные лучи блестели на гладкой чешуе извивающихся тел. Я замерла, не в силах шелохнуться, не в силах позвать на помощь, кожа похолодела, а дыхание вырывалось из груди короткими хрипами. Я видела, как они подползали и к кровати тоже, как некоторые обвивались вокруг ножек, но ни одна из них не заползла наверх.

Не знаю, сколько я пролежала неподвижно, не отводя глаз от клубка шипящих тварей на полу. Розовые лучи рассвета заглянули в окно, расцветили стены. Солнце медленно вставало над горизонтом. Позже над головой раздался скрип ступенек, за пределами чулана послышался шум. Утро было в самом разгаре. Если бы я сумела перевести взгляд на часы, то наверняка бы увидела, как стрелки показывают восемь утра, но я не могла даже пошевелиться. Я неподвижно лежала, не чувствуя собственного тела, в ушах раздавалось страшное шипение, а потом резкий стук нарушил этот мерный шум, растревожив змей.

— Виолетта? Ты не пришла на завтрак. Что там с тобой?

Это была Элинна. Она продолжала стучать, но я не могла ей ответить.

За дверью завязался разговор, суть которого я не улавливала, хотя слова слышались отчетливо.

— Ты же знаешь, какая она обязательная, наверняка что-то случилось. Опять поди заболела и лежит там, никого впускать не хочет.

— Ты в сторону отойди. В этот раз ломать не буду. Тогда хозяйственник такой нагоняй устроил, сказал, что я дурак, раз не додумался магией дверь с петель снять.

— Ну и верно сказал. Давай я сейчас замок отопру, а ты действуй.

За дверью послышалась какая-то возня, потом щелкнул замок, вновь раздался шум, а после дверь убрали в сторону, и в комнату заглянули Элинна с Истором.

Я услышала крик старосты, а Ист быстро отскочил назад.

— Барьер, барьер ставь!

Вход в чулан тут же перегородила поставленная боком дверь. Змеи зашипели еще громче.

— Проклятье!

— Ист, убей их, убей! Они сейчас Летту покусают!

— Да не ори ты! Не могу я. Это энадатры.

— Кто?

— Ядовитые гадины, устойчивые к магическому воздействию. Если Летка сейчас хотя бы шевельнется или мы в них заряд пустим, они на нее сразу накинутся. Их всех разом убивать надо. И сил нужно немерено! Говорю же, что к магии они устойчивы, а их там ползает штук пятьдесят, не меньше.

— Делать-то что?

— Ректора вызывай.

Я слышала, как всхлипывает Элинна, как ругается под нос Истор, а спустя минуты, растянувшиеся для меня на часы, раздался еще один голос:

— Элинна, занятие началось.

— Ректор Сенсарро, — староста с трудом выговаривала слова из-за сдерживаемых рыданий, — они убьют ее. Убьют.

— Что?

— Энадатры, — громко пояснил Истор.

— Быстро в сторону отошли.

— Не надо, не подходите так близко.

— На расстоянии со всеми разом не справиться.

— Они вас покусают.

— Элинна, тихо! Оба замолчите.

Я не разобрала слов заклинания, но разом воцарившаяся в чулане тишина резанула слух. Змеи замерли в один миг, скользкие тела больше не извивались на полу.

— С ума сойти! — долетел до меня голос Истора.

— Дверь убирайте, сперва вытащу ее оттуда.

— Прямо по змеям пойдете? Давайте я.

— Стой! Возможно, не все сдохли.

Спустя секунду Амир вошел в чулан и, ступая прямо по неподвижным энадатрам, приблизился к кровати.

— Виолетта, ты цела?

Я не могла ничего ответить, даже посмотреть на него не могла, глаза были прикованы к полу.

Амир склонился и осторожно взял меня на руки прямо в одеяле, а потом вынес из чулана.

— Она жива? Жива? — спрашивала Элинна.

— Да. У нее шок. Истор, возьми ее и отнеси в лазарет.

Кажется, Истор протянул ко мне руки, но я вцепилась в шею

Амира такой мертвой хваткой, что оторвать не представлялось возможным.

— Она вас не отпускает.

— Хорошо, сам отнесу. Истор, вытащи змей на задний двор и сожги. Элинна наведи тут порядок, вещи ее собери. С этого дня она будет жить в комнате с тобой и Мелиндой.

— Поняла.

Кивнув моим взволнованным друзьям, Амир развернулся к лестнице и понес меня наверх.

Не помню путь до лазарета, я не видела ничего вокруг, перед глазами все мерещились извивающиеся змеиные тела. Дышать было трудно, а пальцы так вцепились в ректорские плечи и шею, что, наверное, оставили на них следы.

— Диана, — позвал кого-то Амир, а потом я ощутила, как он пытается поставить меня на пол, и, едва не завизжав от ужаса, еще крепче сжала пальцы. — Диана! — громче позвал мужчина, прекратив попытки опустить меня вниз. В ответ раздался стук ударившейся о стену двери.

— Ректор Сенсарро! — послышался женский голос. — Что случилось-то? Что с девочкой?

— Успокоительное есть? Вколите ей побыстрее.

— Сильный шок? Положите сюда, на кушетку. Магией тоже можно, но если слишком испугалась, тогда лучше лекарство. Есть у нас одно хорошее. Что там приключилось?

— Змеи.

— Батюшки! Не укусили?

— Если б энадатры ее укусили, она бы так крепко не держалась. — Ректор вновь попытался куда-то меня опустить, но добился только нового приступа паники и наконец сам сел на кушетку, разместив меня на коленях.

— Несите уже, Диана, иначе только с руками оторвем.

— Так испуг-то какой, даже представить страшно! Кто до такого кошмара додумался?

— Буду выяснять.

— Плечо ей откройте. Вот так. Все, хорошая, потерпи.

Я ощутила, как тонкая игла проколола кожу, и почувствовала в месте укола жар, который быстро разлился по всему телу, а потом далекий голос Дианы едва слышно произнес:

— Пусть теперь поспит.

Непослушные пальцы легко разжались под напором чьих-то рук, накатила необоримая слабость, тело обмякло, голова соскользнула с широкого плеча и упала на мягкую подушку, мир вокруг подернулся дымкой, и меня утянуло в темный омут сна.

Очнувшись в незнакомой светлой комнате с нежно-голубыми стенами и фресками в виде облаков и солнца на потолке, я сперва не поняла, где нахожусь. Постепенно воспоминания о событиях вернулись, и сердце вновь сжалось в груди.

Привстав на локтях, оглядела палату: я была здесь одна, у стены напротив стояли еще две пустые застеленные койки. Я была укрыта своим одеялом и спала в той ночной рубашке, в которой ложилась в кровать накануне.

Откинув одеяло в сторону, я спустила ноги на мозаичный пол, рисунок которого изображал зеленую лужайку с мелкими, выглядывающими из травы цветочками, и еще раз осмотрелась. В комнате было две двери. Заглянув за одну из них, увидела ванную, и тогда постучала во вторую, а не получив ответа, открыла ее и вошла в просторное помещение со столом и стеклянными шкафами с лекарствами.

— Есть здесь кто-нибудь? — позвала я.

В ответ раздался какой-то шум и звон, а потом отворилась неприметная дверь с левой стороны, и вошла женщина. Впрочем, сказать «вошла» будет слишком грубо по отношению к этой хрупкой, словно неземной особе. Она не шла, а будто плыла над полом. Черты ее лица, фигура, волосы, движения — все было исполнено неизъяснимой прелести. Я всегда раньше считала себя эталоном грации и изящества, а сейчас осознала, что по сравнению с этой незнакомкой выгляжу, как необученная манерам плебейка.

— Проснулась, моя хорошая? — произнесла она приятным мелодичным голосом. — Что же стоишь неодетая? Замерзнешь ведь.

— А кто вы? — Вопрос прозвучал совершенно по-детски, но я настолько не ожидала увидеть в лазарете это прекрасное создание, что не смогла вымолвить ничего иного.

— Меня зовут Диана. Я лекарь академии. Сегодня отпустила помощницу пораньше, а сама тебя выхаживала. Ты иди, на кроватку присядь, сейчас проверим твое самочувствие.

Я послушно вернулась обратно и села на кровать, не отрывая от Дианы глаз, а женщина склонилась надо мной, взяла запястье и прикрыла глаза, что-то тихо считая. Я молча сидела, рассматривая удивительно густые и блестящие каштановые волосы, заплетенные в простую косу, белую фарфоровую кожу, длинные черные ресницы, бросавшие тень на щеки. В голове никак не укладывалось, что такая красавица работает в лазарете лекарем.

— Ну, хорошая моя, лекарство тебе помогло. Сейчас намного

лучше себя чувствуешь. Можно выписывать. Но как к друзьям вернешься, передай, чтобы не волновали тебя понапрасну.

— Они приходили ко мне?

— Набежали дружной толпой, насилу вытолкала. Я тебе вот эти таблетки дам, сегодня на ночь одну и потом еще дней семь. Ректора попрошу дать тебе освобождение от занятий.

— Что вы, не стоит! Я не хочу пропускать.

— Правда? Ну молодец. Обычно студенты наоборот все делают, чтобы освобождение получить, едва не умирают тут на кушетках. — Диана улыбнулась невероятной улыбкой и, подойдя к небольшому шкафу в углу, достала оттуда пузырек с розовыми таблетками.

— Возьми, будешь принимать, как я сказала. Вот здесь твоя одежда, переодевайся и можешь идти.

Я вышла в пустой коридор и осторожно прикрыла за собой дверь лазарета. Сейчас действительно чувствовала себя намного лучше, то есть достаточно хорошо, чтобы начать рассуждать о появлении энадатр в моей комнате. Как могли они вползти туда, где сам ректор ставил защиту? Если только не он лично снял ее в ту ночь. Кому кроме него очень нужно избавиться от меня? Кому я порушила все планы, а потом еще поссорила с любимой женщиной? Я помнила, что Амир принес меня в лазарет, но, с другой стороны, он спас меня в присутствии друзей, а если бы мы оказались одни, как бы он тогда поступил? Вдруг бы позволил одной из змей меня укусить?

Я подошла к окну, выглянула наружу, на улице уже смеркалось. Что теперь делать? В чулан не вернусь ни за что на свете, да и оставаться в академии теперь очень страшно. Задумчиво поглядывая на зажигающиеся в небе звезды, приняла решение не гадать больше ни о чем, а отправиться к ректору. Хочу посмотреть ему в глаза и понять, права ли я в своих догадках, ибо до конца поверить в подобную низость с его стороны было очень сложно.

Мне пришлось долго стучать в дверь кабинета, которую так никто и не открыл. Только сейчас вспомнила, что уже вечер и ректор, скорее всего, вернулся домой. За это время я достаточно хорошо изучила карту, и, хотя во время прогулок по территории виерской академии ни разу не забредала к ректорскому дому, его месторасположение знала хорошо.

Я вышла на улицу и зябко поежилась. Вечер выдался прохладным, а плащ остался в чулане. Неспешно шагая по тропинкам, освещенным установленными в траве фонариками, вдыхала запах душистых трав. Вокруг стрекотали сверчки, над

головой проносились какие-то птицы. Я посмотрела наверх и увидела мелькнувшие в воздухе серпообразные крылья — значит, не птицы вовсе, а летучие мыши, вылетевшие на вечернюю охоту. Чем ближе я подходила к ректорскому дому, тем медленнее становились шаги.

Оказавшись у освещенного крыльца, я вновь заколебалась, не решаясь взяться за дверной молоток. В конце концов, нашла в себе силы совладать со страхом и громко постучала три раза. Дверь мне отворил опрятно одетый невысокий старичок.

— Что вам, барышня?

Он произносил слова с необычным выговором, да и вопрос показался странным. Я никогда раньше не слышала обращения «барышня».

— Мне нужен ректор Сенсарро.

— Отдыхает уже ректор. Завтра к нему приходите, в рабочее время в кабинет. А домой нечего хаживать. А то бродят барышни вечерами, никак человека в покое не оставят.

— Мой вопрос слишком важен, чтобы ждать до утра. — Я невольно перешла на тот самый тон, которым привыкла отдавать приказы слугам. — Немедленно доложите о моем приходе и проведите меня в гостиную.

— Так вы из благородных, барышня? Я прощения прошу. Подумал, студентка вы здешняя, пришли хозяину досаждать глупостями всякими. Вы проходите, в холле обождите, я доложу. Как назвать-то?

— Виолетта Лавальеро.

— Сию минуту. Заходите.

Я вошла в просторный холл и присела в кресло у стены, пока слуга медленно пошаркал докладывать о моем приходе. В любое другое время я бы с удовольствием рассмотрела интерьер, но сейчас было не до того. В волнении я сжимала и разжимала пальцы, расправляла несуществующие складки на платье, снова и снова прокручивая в мыслях те доводы, что подтверждали участие Амира в покушении.

— Виолетта! — Знакомый голос вывел меня из тревожных раздумий.

Подняв голову, увидела Амира прямо перед собой. Он действительно выглядел довольно уставшим, да и одежда отличалась от той, какую он обычно носил в академии. Сейчас на нем была легкая темно-серая рубашка и такого же цвета просторные штаны. Судя по всему, хотя окна в холле были открыты, ректор не чувствовал того вечернего холода, что ощущала я.

— Что случилось?

Я поднялась из кресла, не решаясь вот так сразу заговорить о деле.

— Пройдем в гостиную. — Амир указал рукой на одну из дверей.

В гостиной в небольших лампах горели магические шары, придавая комнате приятный полумрак. Еще здесь был старинный камин, к которому я и направилась, отходя подальше от раскрытых окон.

— Ты замерзла? — спросил хозяин дома и, получив утвердительный кивок в ответ, приблизился к камину и присел на корточки, чтобы подбросить в него поленьев и поджечь их. Когда теплые огненные язычки с тихим треском заплясали на сухом дереве, ректор выпрямился и указал мне на кресло, а сам облокотился о каминную полку, переводя взгляд на огонь. — Как себя чувствуешь?

— Намного лучше, спасибо. Лекарство оказалось очень действенным.

— Диана превосходный врач.

— Да. Она была очень добра и внимательна. Кажется, кроме меня там не было других пациентов.

— В академии не так много происшествий, причиняющих вред здоровью студентов. Так о чем ты хотела поговорить? Я полагаю, Элинна уже рассказала обо всем, что я просил передать. Ты с чем-то не согласна? Может, возникли вопросы?

— Я еще не виделась с Элинной, а вопрос только один: зачем вы решили избавиться от меня подобным способом?

— Я — что? — Амир перевел на меня потрясенный взгляд, и удивление его казалось искренним.

— Я поразмыслила над тем, что произошло ночью, и пришла к выводу, что, кроме вас, никто не имел доступа к чулану. Именно вы поставили защиту, а причин избавиться от меня у вас предостаточно.

Амир ничего не ответил, просто снова отвернулся к огню, запустил одну руку в волосы, а другой сжал каминную полку.

— Может, проще было устранить тебя, не привлекая подобного внимания? Змеи в чулане — это не самый простой вариант.

— А какой простой?

— Устроить все так, словно ты сама свела счеты с жизнью.

От его слов мне стало не по себе.

— Скажи, почему ты пришла сюда, почему не поговорила сначала с друзьями? Полагаю, в твоем эмоциональном состоянии лучше было бы все трезво взвесить, в конце концов, подождать до утра, а не кидаться в логово предполагаемого убийцы.

— Я не могу вновь вернуться в чулан.

— Тебе никто не предлагает. Я дал указание Элинне перенести твои вещи в ее с Мелиндой комнату. Ты этого не помнишь?

Я покачала головой. Воспоминания обо всем, что произошло утром после той страшной ночи, подернулись туманом. Я помнила лишь свой дикий ужас, панику и то, что в лазарет меня принес именно Амир.

— Теперь будешь жить с ними. Поскольку ты не встретилась с Элинной, я сам расскажу обо всем, но сперва разберемся, что же ты решила для себя относительно ночного происшествия?

— Я решила, что вы собрались избавиться от меня самым кошмарным из способов. Выяснили, что я до ужаса боюсь змей, и подбросили их ко мне в большом количестве, чтобы уж наверняка не выпустить из чулана живой.

— Да какое, к духам, не выпустить живой?!

Амир так рявкнул, что я вздрогнула. Ректор же совсем от меня отвернулся, побарабанил пальцами по каминной полке, очевидно, пытаясь успокоиться. Лишь спустя несколько минут он смог продолжить более сдержанным тоном.

— Тот, кто подкинул змей в чулан, знал о твоем страхе и хотел именно напугать. Достаточно было понимать, что от шока ты не сможешь даже пошевелиться. Ведь энадатры нападают только при магической атаке либо при активных движениях жертвы. В противном случае змей было бы намного меньше. В общем, хватило бы и одной, но сброшенной точно на тебя.

— А как быть с защитой? Ее сняли? Напугать могли и вы, чтобы выгнать из академии, тогда в случае победы виерской команды на состязаниях вам бы не пришлось сознаваться во всем моим родителям.

— Защита, которую я ставил, на месте. Она стандартная. Призвана защищать от нежелательных посетителей и возможных шутников. Представляет собой магическую сеть. После осмотра чулана выяснилось, что дыра проделана в стене как раз напротив пустой сеточной ячейки, она совсем маленькая, но достаточная по ширине, чтобы в нее проползла змея вроде энадатры. Что касается того, кто мог сотворить подобное, то либо у него был доступ в твой чулан, где он легко мог вычислить распределение защиты по периметру комнаты, либо это невероятно талантливый маг, способный провести настолько сложные расчеты, чтобы с внешней стороны определить расположение защитной сетки.

— Чем вы докажете, что это были не вы?

— Виолетта, тебе дали успокоительное в лазарете?

Я утвердительно кивнула.

— Превосходно. Прими его прямо сейчас, пожалуйста, а я объясню еще раз: расчет состоял в том, чтобы тебя напугать, а я о твоей боязни змей знать не мог. Уясни это себе наконец.

— Кто еще это мог быть?

— Тебе лучше знать о своих недругах. Работа была проделана очень чисто, дыру просверлили без использования магии обычным сверлильным станком, но, как я полагаю, применяли при этом антишумовой полог. Кто бы это ни был, он превосходно замел следы.

С одной стороны, ректор не сказал ничего утешительного, но на сердце внезапно стало легче, все-таки хорошо, что это не он, и хорошо, что пытались только напугать. Еще бы понять зачем?

Я вновь вопросительно посмотрела на Амира, который сосредоточенно разглядывал горящее полено и, судя по лицу, проводил в уме какие-то подсчеты.

— С этого дня, — заговорил он наконец, — тебе не следует ходить куда-либо одной. Кто бы ни был твой недруг, действует он своеобразно. Сейчас провожу тебя до главного здания, а в дальнейшем, до тех пор, пока мы не поймаем этого изобретателя, пусть рядом всегда кто-нибудь находится. И попроси Элинну в свободное время позаниматься с тобой, у нее превосходная реакция, она сможет подтянуть тебя в этом вопросе. Что касается твоего страха перед змеями, Виолетта, нужно срочно избавляться от этой слабости, пока ею не воспользовались повторно.

— Как мне это сделать?

— Я могу наглядно продемонстрировать.

Я с сомнением посмотрела на невозмутимого Амира. Мне очень не хотелось новых волнений сегодня. Я бы с удовольствием сбежала сейчас в комнату к подругам. И спать одна я больше не желала.

— Подойди, Виолетта, я покажу, как следует бороться со своими страхами.

С опаской поднялась и приблизилась к Амиральду, который протянул ко мне руку ладонью вверх. Я перевела на нее взгляд и невольно отшатнулась. На ладони ректора извивалась крошечная энадатра.

— Начинать следует с небольших иллюзий, чтобы постепенно ты научилась ассоциировать змей с чем-то ненастоящим, не способным причинить тебе реальный вред. Сперва наблюдай со стороны, потом попробуй создать змею сама.

Я невольно поморщилась и передернула плечами. Я не могла представить, чтобы на моей руке или иной части тела извивалась подобная дрянь, пусть и ненастоящая.

— Иллюзии могут воплощать воображаемый объект так

подробно, что ты сможешь ощутить чешую на теле змеи или почувствовать прикосновения ее языка.

Я слушала Амира, не отрывая взгляда от крошечной извивающейся энадатры на его ладони, и меня пробирал озноб, от которого не спасал даже жар камина. Внезапно змея исчезла, а Амир обхватил меня за плечи и легонько встряхнул, заставляя поднять на него глаза.

— Виолетта, это нужно не мне, а тебе в первую очередь. Что бы ты ни думала, я не привык давать обещания, а после нарушать свое слово. Если бы я собирался отомстить, то сделал бы это еще в аудитории. Можно понять, почему ты подумала обо мне как о вероятном убийце. Тот поступок нельзя ничем оправдать, и я никогда раньше не использовал свою силу по отношению к женщине. В твоем случае… — Амир вдруг замолчал, отпустил меня и глубоко вздохнул. — В твоем случае для нас лучшим вариантом будет держаться на расстоянии друг от друга. Прошу прощения за то, что сделал, но я, несмотря на жесткий самоконтроль, с трудом могу совладать с собственными отрицательными эмоциями по отношению к тебе. Тренируйся, занимайся с командой, учись, я не буду мешать, а тем более пытаться навредить тебе. Но не стоит являться ко мне, бросать в лицо нелепые обвинения или подстраивать ловушки, в следующий раз я могу окончательно потерять самообладание и причинить тебе вред. Поверь, что для меня это стало бы самым ужасным поступком. Не играй в детские игры со мной, очень прошу, ты уже не ребенок.

Ректор замолчал, а я даже дышала с трудом, столько эмоций вдруг вызвали его слова.

— Теперь идем, — отворачиваясь от камина, сказал Амир, — пора проводить тебя в новую комнату.

Когда Амир довел меня до лестницы, ведущей на второй этаж главного здания, и развернулся, чтобы уйти, я остановила его:

— Ректор Сенсарро.

— Что, Виолетта?

Мужчина не смотрел на меня, продолжая стоять вполоборота и изучая играющие на мраморном полу просторного холла лунные блики.

— Благодарю за помощь, за то, что вынесли меня оттуда. Я не хотела обидеть вас подозрениями, но не могла и дальше мучиться в неизвестности. Вы ректор этой академии, если бы я продолжала думать, будто это вы подкинули змей в чулан, и не убедилась бы в обратном, то попросту не могла бы даже из комнаты выйти. Боялась бы каждого шороха, пугалась каждого вздоха, понимаете?

— Зачем мне что-то объяснять сейчас? Ты ведь всегда была выше этого, предпочитая умалчивать о мотивах своих поступков.

Я и сама не вполне понимала зачем. Раньше считала, что объяснять что-то кому-то ниже моего достоинства, а сейчас показалось важным ему ответить.

— Вы помогли мне, несмотря на наши разногласия.

— Я принимаю твою благодарность, но лучше будет, если ты постараешься дать окружающим шанс общаться с тобой, как с обычной здравомыслящей девушкой. А пока не забудь о моих словах, тренируйся и борись со своим страхом. Доброй ночи.

— Ректор Сенсарро.

— Да?

Амир вновь остановился, но поза его выражала нетерпение и желание поскорее покинуть холл.

— Подскажите номер моей новой комнаты.

Эту просьбу я озвучила очень тихо и не была уверена, что он услышит, а когда подняла голову, столкнулась с его внимательным взглядом.

— За все это время ты ни разу у них не была?

— Нет, — покачала я головой, — они сами приходили в чулан.

— Виолетта, того, что случилось, не должно было произойти, но, может, хотя бы теперь ты научишься ценить настоящее дружеское участие. Если бы не беспокойство Элинны, не знаю, сколько еще времени ты пробыла бы в чулане одна. Думаю, именно ей и Истору нужно в первую очередь принести благодарность. Номер твоей комнаты двести семь. Всего хорошего.

Больше он ничего не сказал, а развернулся и вышел, закрыв за собой тяжелые деревянные створки, а я со вздохом стала подниматься на второй этаж, с которого в пустой холл долетал нестройный гул студенческих голосов.

Глава 27
БРАЧНОЕ ВИНО

Утром я проснулась от непривычного шума: вокруг раздавалась чья-то возня, вздохи и зевки. Нехотя раскрыв глаза, я наконец поняла, что спала в новой комнате, а рядом шумят Элинна с Мелиндой.

Я не спешила вставать с кровати, наблюдая за прыгающими по стенам солнечными зайчиками и колышущимися на ветру зелеными листочками растущих за окном деревьев. Вчера, когда я постучала в дверь, а девушки открыли ее так быстро, словно все это время ждали за ней моего возвращения, у меня даже сил не было осмотреться вокруг. Под нежное воркование Мелинды и более настойчивые уговоры Элинны я медленно направилась в ванную, приняла душ, а после выпила таблетку успокоительного, легла спать и проспала до самого утра без сновидений.

— Летка, хватит валяться. На завтрак опоздаешь, — попыталась растормошить меня староста.

Я только вздохнула:

— Не пойду на завтрак.

— Ну хватит уже. Тебя ведь не покусали, так что нечего больную разыгрывать. Или у вас, аристократов, принято неделю после потрясения из кровати не вылезать?

— Элинна, как тебе не стыдно? Виолетта так напугалась, а ты смеешься.

— Да кто смеется-то? Но надо и в себя приходить. Или ты освобождение от занятий взяла?

— Нет, я не брала. Я сейчас размышляю о заклинании, которым мог воспользоваться тот человек, чтобы заставить змей послушно проползти в одну дыру.

— Скорее всего, он их зачаровал, а потом использовал стандартное заклинание перемещения предметов. А когда все змеи были уже в чулане, то чары спали, вот они и очнулись.

Я невольно передернула плечами и вспомнила о совете ректора бороться со своим страхом. Пожалуй, это можно отложить до завтра, сегодня просто не хочу тренироваться. Отдохну хотя бы еще один день. Снова вздохнув, я откинула одеяло в сторону и спустила ноги на холодный пол, приметив, что в центре комнаты лежит круглый толстый ковер.

— У студентов в комнатах даже ковры есть? — спросила Элинну, обводя взглядом большую светлую спальню с тремя кроватями, двумя большими шкафами и тремя раскладными

письменными столами.

— Это мой личный ковер. Родители купили. Не люблю, когда пол голый, неуютно как-то. Занавески-то здесь выдают, а ковры нет.

— Условия тут замечательные! — поделилась своим мнением Мелинда. — Надо же, в каждой комнате ванная есть. Будто не академия, а столичная гостиница.

— Было бы чем восхищаться, Мелинда, — поумерила я восторг девушки, — в хороших гостиницах каждый живет в отдельной комнате.

— А в ванной комнате вода и горячая, и холодная есть, а такое даже не во всех гостиницах.

— Да уж, и правда удивительно! — Я фыркнула и, подхватив висящее на спинке кровати полотенце, отправилась умываться. — Кстати, Элинна, а что с теми душевыми на этаже?

— А их скоро переоборудуют под кухню. Когда дополнительный флигель в общежитии достроят, то эти комнаты отдадут не студентам, а различным приезжающим или проверяющим, которые в академии останавливаются. Ну и кухня будет отдельная здесь, и обеденный зал, не в столовой же со студентами питаться.

— Значит, снова переезжать скоро?

— Да нет, думаю, еще месяца четыре здесь поживем.

Я кивнула, перекинула полотенце через плечо и отправилась принимать холодный душ. Думаю, поблагодарить их с Истором можно попозже, и не обычным «спасибо», а приглашением, например, в кафе в городе. Деньги от продажи камней у меня еще остались.

Пока мы втроем шли на занятие, я озвучила эту мысль вслух.

— Так мы в любом случае в воскресенье все в город пойдем, — ответила Элинна.

— Почему?

— А ты не знаешь? — Мелинда удивленно на меня посмотрела. — Через два месяца состязания академий, а перед ними всегда показательные выступления студентов проводятся на главной площади.

— Я позабыла об этом. Так теперь номера надо готовить для выступающих с нашей стороны?

— Никаких номеров, это не те выступления, — ответила Элинна, — и еще этим старосты занимаются, а не тренеры. Там ничего сложного. В основном всякие соревнования проводятся. Все студенты приходят в форме своей академии, а потом желающие поучаствовать тянут жребий, ну и выступают в

различных конкурсах. Канат, например, перетягивают. Встают с двух сторон и, не касаясь руками, пытаются с помощью заклинаний на свою сторону перетянуть. Все зависит от того, насколько слаженно участники умеют объединять потоки энергии.

— Интересно. Давно я не была в городе, не откажусь сходить.

— Я не знаю, что ты вообще тут сиднем сидела. Мы еще в прошлое воскресенье тебя в кафе звали.

— Не хотелось идти. Не желала никого из знакомых встретить.

— Всю жизнь прятаться не будешь.

В этот момент в коридоре заиграла мелодия, и мы с Элинной поспешили к дверям аудитории.

До воскресенья оставалось несколько дней, но до того должно было произойти еще одно событие, о котором не хотелось никому рассказывать. В пятницу мне исполнялось девятнадцать лет. Еще дома я мечтала, какой праздник устроят по этому поводу родители. Каждый год они заказывали что-то новое, необычное. Как правило, всем занимался специально нанятый человек, именно он планировал само торжество, придумывал развлечения для гостей и даже рассылал всем приглашения.

И каждый год я ждала этого дня, как чего-то особенного. А сейчас ждать было нечего, хотя я подозревала, что Мелинда помнит о дне рождения, но надеяться на грандиозный сюрприз от бывшей служанки было попросту глупо. Я даже рассчитывала, что, отвлекшись на заботы своей новой студенческой жизни, Мелинда начисто позабудет про такое незначительное и совершенно неважное, как я теперь считала, событие.

Я бы и вовсе предпочла выкинуть его из головы, отмахнувшись от нежелательных мыслей, если бы не ноющая заноза в сердце. Эрин ведь тоже должен был присутствовать на празднике и поздравить меня. Именно визита жениха я ждала каждый раз с наибольшим волнением. Он преподносил мне богатые подарки, но не это было главным. В этот день все его внимание целиком принадлежало мне одной. Он не торопился, как обычно, куда-то по делам. Он не разрывался между необходимостью уделять внимание невесте и посторонним людям, требовавшим его советов или пытающимся вовлечь его в разговор, как бывало на всевозможных официальных приемах. Он оставался только со мной, обнимал, говорил ласковые слова и целовал украдкой.

Когда пятница наступила, я даже не заикнулась никому о том, что этот день для меня чем-то отличается от остальных. Я

посетила все уроки на пару с Элинной, сходила на завтрак и обед вместе с друзьями, разговаривала самым обычным тоном и даже улыбалась шуткам Истора, а вечером еще до ужина пошла со старостой на персональную тренировку по отработке реакции.

Ист тоже посещал наши занятия. Он создавал ловушки, а Элинна учила меня быстро раскрывать их и обезвреживать. Что касается тренинга по борьбе со своим страхом, то я пыталась однажды создать змею, но ничего не получилось, поскольку я не овладела пока магией иллюзий в достаточной степени. Правильнее было бы обратиться к Элинне, найти себе учителя среди студентов, но я боялась. Даже когда я создала нечто полупрозрачное, отдаленно напоминающее змею, меня прошиб холодный пот.

Прекрасно понимая, что тренироваться придется, оттягивала этот момент, уговаривая себя, что начну уже с новой недели после воскресного похода в город. Наверное, пойди я к Амиру и попроси его помочь, он бы не отказал, но я помнила о предупреждении держаться от него подальше, да и самой было крайне неловко обращаться к ректору.

Вечером, уже после того, как мы с Элинной, уставшие и мокрые от упражнений, вернулись к себе, нас встретила улыбающаяся Мелинда. Войдя в дверь, я застыла на пороге, глядя на выдвинутый в центр комнаты один из столов, накрытый белой скатертью и уставленный всевозможными угощениями. А ровно в центре стоял белый кремовый торт.

— С днем рождения, — радостно пропела девушка, хватая меня за руку и подводя к столу. — У меня денег на подарок мало совсем, а дарить безделицу сущую никуда не годится, вот и решила, что ужин в комнате накрою. А торт сама испекла, пока девушки отдыхать уходили, и тайком сюда пронесла, а то бы и кусочка не оставили. Вот отпросилась с кухни на вечер, чтобы с вами посидеть.

— Спасибо, — растроганно ответила я, оглядывая мисочки с салатом, вареным картофелем, запеченной рыбой и жареным мясом. Конечно, выставленное угощение не шло ни в какое сравнение с тем, что подавали к столу на праздник в нашем доме, и раньше я бы назвала это не иначе как объедками, но сейчас, глядя на светящееся радостью лицо бывшей служанки, я с благодарностью обняла ее и еще раз сказала «спасибо».

— А у меня тоже подарок есть! — воскликнула Элинна и метнулась рыжим вихрем к собственной кровати, вытаскивая из-под подушки маленькую плоскую коробочку со стеклянным глазком посередине.

— Что это? — удивленно спросила я, поворачивая

непонятную вещь в ладонях.

— Проектор.

— Что?

— Ну, магический проектор. Задаешь нужные параметры, и он проецирует тебе, что хочешь. Можно и без магии иллюзий обойтись, она все же сложная вещь. Здесь в книжке стандартный набор формул и различных изображений есть. Там и животные разные, и даже пресмыкающиеся.

— Ох, — вздохнула я не оттого, что огорчилась такому нужному подарку, а потому как поняла, что тренироваться придется. — Спасибо, Элинна, как ты узнала?

— К ректору ходила сегодня, там на твое имя посылка пришла, так я ее забрала, а ректор мне напомнил о твоих тренировках. Ты мне почему раньше не сказала, что он велел тебе со своим страхом бороться? Что-то непохоже на тебя. Хватит уже впадать в уныние. Теперь вот не отвертишься, будешь каждый день тренироваться.

— Тебе, наверное, подобная вещь самой нужна?

— Я его для тебя купила, к тому же не такой он и дорогой, так что бери и не пытайся отвертеться.

— Спасибо, Элинна. А что там за посылка на мое имя?

— Не волнуйся, ее Амир лично проверил, в ней нет ничего, что несло бы угрозу твоему здоровью. Вот, держи. — Староста прошла к шкафу и достала объемный шуршащий пакет.

Я непослушными пальцами развязала веревочку, убрала бумагу и достала две темно-синие бутылки вина с красивой старинной этикеткой.

— Это что такое? — Элинна удивленно поглядела на бутылки с плещущейся внутри жидкостью, в которой сверкали серебристые искры.

— Выпало что-то. — Мелинда склонилась и подняла с пола записку, протянув ее мне.

Впрочем, мне даже читать не нужно было. Я узнала эти бутылки — то самое вино, что я лично отбирала для нашей с Эрином первой брачной ночи. Особенное, нежное, колдовское, его мы должны были отведать при свечах в нашей общей спальне перед тем, как свершилось бы волшебство единения и я по всем законам стала бы Эльмарину женой. Рука дрогнула, я с трудом сдержала рвущийся наружу всхлип и затуманившимися от слез глазами прочитала написанную красивым почерком строчку:

«Я был счастлив считать себя вашим женихом, Виолетта, как жаль, что это счастье было столь

недолгим.

Эльмарин Остеус».

— Он всегда умел делать подарки со смыслом, — сипло прошептала я, испытывая сильное желание запустить бутылкой в стену. — Бессердечный мерзавец!

— Летка, ну ты чего, стой, стой! — Элинна отобрала бутылки и быстро поставила их на стол. — Да ну его! Сволочь ведь последняя. Даже не пришел ни разу в академию. И ты из-за него переживать будешь?! Сейчас разопьем эти бутылочки за ужином, и думать забудешь про этого чиво.[6]

Я ожесточенно потерла глаза, усилием воли отгоняя прочь воспоминания о женихе, и решительно села за накрытый стол.

— Чем вино открывать будем? — вопросила староста, устраиваясь рядом.

— Здесь магическая крышка, я сама рисовала печать. Достаточно вот так пальцем прикоснуться, и бутылка откроется.

В подтверждение своих слов я коснулась крышки, и пробка тут же медленно заворочалась, а потом с тихим хлопком вылетела из бутылки и упала на пол.

Девушки радостно приступили к еде, налегая на угощение, я же ела меньше, зато впервые в жизни много пила. Кажется, я одна осушила большую часть бутылки, а когда она закончилась, открыла вторую.

— Вот здорово, — болтала Элинна, — и вино вкусное, и ужин, а впереди еще тортик, ты такая молодец, Мэл.

— Да что там, мне для Виолетты не жалко! Она же, пока я у них работала, лучше всех ко мне относилась. Ты даже не представляешь, какие они там чопорные, эти аристократы. Спесивые и жутко вредные! — Мелинда говорила слегка заплетающимся языком, хотя пила меньше всех, и у меня мелькнула мысль, что с вином я не прогадала, выбрала действительно качественное из старых запасов. Так захмелеть с небольшой дозы можно только от настоящего выдержанного напитка.

— Да, — поддержала я бывшую служанку, ощутив, что и мой язык слушается с трудом, — правда чопорные. С ними, ик, жить невозможно! Туда не ходи, то не делай и всегда веди себя прилично. — Я рассмеялась, черпанула ложкой крем на торте и запустила в Элинну.

— Ах, ты так! — Староста подскочила и, схватив гроздь виноградин с блюда, раздавила в руке и кинула в меня, попав истекавшими соком ягодами прямо на платье.

— О-о-о! — Я продолжила бой, выстрелив в противную старосту ярко-желтым соком нараньи.[7]

Мелинда вступила в бой, кинув вареной картофелиной в волосы старосты. Я бросилась к кровати и, схватив подушку, подбежала к увлеченным возней подругам, со всей силы запустив в них этим объемным снарядом. Девушки упали на пол, но, быстро вскочив на ноги, принялись гоняться за мной по комнате, а потом похватали собственные подушки, и тут уже начался настоящий бой.

Кто побеждал в этом царстве летающего по комнате пуха, мне было сложно сказать. Я махала подушкой во все стороны, не совсем различая, по кому именно попадаю. Когда мы наконец выдохлись, то попросту легли на пол и продолжали весело смеяться. Шнуровка платья врезалась мне в ребра на вдохе, и я недолго думая схватила со стола нож, разрезала завязки и, стянув платье, бросила его под стол. Девчонки тут же последовали моему примеру, и уже спустя минут пять мы принялись дружно прыгать по комнате в одних сорочках, изображая какие-то дикие пляски.

Буйствовали мы таким образом до полуночи, периодически урывая со стола кусочек торта или делая еще глоточек чудесного вина. Подруги свалились раньше меня. Они попросту попадали на кровати и громко засопели.

Мне спать не хотелось совсем, наоборот, тянуло на подвиги. Кажется, зря я пила то магическое вино, которое сама и выбрала. Ведь оно было рассчитано именно на мою первую брачную ночь, а следовательно, новоиспеченные муж с женой не должны были спать до утра. Вино придавало им бодрости и сил, способствовало усилению взаимного влечения. В этом и состоял тот самый магический заряд, что вкладывал в серебристые искры зачарованного питья опытный винодел.

Посмотрев на стол, с грустью заметила, что и вторая бутылка опустела. В окно светила полная луна, заманчиво разбрасывая бледные блики по подоконнику. Осторожно подкравшись к двери, я выглянула в пустой коридор, а потом погасила в комнате магические светильники и крадучись пошла в сторону старой винтовой лестницы. Опасаться, что меня сейчас поймает староста, не стоило. С глупым смешком я полезла по лестнице, добралась до самого верха и уперлась руками с крышку люка. Надавив ладонями посильнее, откинула ее и вылезла на крышу академии.

Глава 28
МАГИЯ ЖЕЛАНИЙ

Когда я осмотрелась вокруг, то даже дух захватило. Серебряный свет луны разливался в чернильно-синем небе среди ярких звезд и нежно ласкал полупрозрачными, словно тончайшее кружево, лучами темные кроны деревьев, плясал крохотными бликами на поверхности широкого ручья, блестел на гладких перилах изогнутых мостиков.

Я вновь подняла голову вверх и посмотрела на круглого ночного духа. Говорят, луна покровительствует тем влюбленным, которые по воле судьбы не могут быть вместе. Он укрывает их в тени от тех, кто стремится навсегда разлучить, оплетает серебристыми нитями сердца, соединяя навек.

Сейчас мне казалось, что этот неземной лик смотрит на меня ласково и даже улыбается. Он раскачивался в темных небесах, уговаривая и меня пуститься в пляс. Тело пронизывали искры желания, мне до невозможности хотелось чего-то неведомого, нега разливалась внутри, проникала в каждую клеточку. Я раскинула руки и закружилась. Теплый ветерок касался обнаженной кожи, ласкал, призывая скинуть с себя все оковы, избавиться от тех пут, что всегда держали меня, не давая раскрыться, узнать, какой я могу быть настоящей.

Я скинула сорочку, распустила тесемки на нижнем белье, откинула его прочь и вновь закружилась в звуках только мне слышимой хрустальной музыки, подставляя тело нежным лучам.

Мне казалось, я вечность танцевала на залитой лунным светом крыше среди тихой уснувшей природы, овеваемая ласковыми касаниями теплого ветра. Когда я ощутила усталость, луна уже прошла часть своего пути по небосклону и теперь светила мне с другой стороны.

Остановившись, я последний раз окинула взглядом волшебный вид вокруг, а потом нетвердой поступью направилась к открытому люку. Спустив ногу в проем, ступила на узкую ступеньку. Холод камня обжигал разгоряченное тело, а стены покачивались из стороны в сторону. Держась за них обеими руками, я спускалась вниз, пока не вышла на втором этаже. Коридор был пуст, и я спокойно дошла до самой комнаты.

Внутри по-прежнему царил учиненный нами беспорядок, подруги громко сопели на кроватях, одурманенные винными парами, луна заглядывала в окно, все так же приветливо мне улыбаясь. Бледные лучи скользили по комнате, забирались на

мою постель.

Я подошла, откинула покрывало, легла на живот, все еще чувствуя жар во всем теле, закрыла глаза и прислушалась к своим ощущениям. Мне казалось, что серебристые лучи гладят кожу, овевая приятной прохладой. Я только вздохнула от удовольствия, чувствуя нежные прикосновения, которые становились все настойчивей. Голова кружилась, мысли водили хоровод, путались, а вокруг возникали неясные видения.

Я подняла голову с подушки, всмотрелась в призрачный свет и различила, как из тонких нитей сплетается чей-то силуэт. Одно мгновение, равное вдоху, и я вижу на кровати мужчину. Он сидит рядом абсолютно обнаженный и нежно гладит мою спину, выводит на ней рисунки ласковыми касаниями пальцев.

Кажется, это совершенно неприличное видение, потому что мужчина склоняется вниз и касается кожи губами. В полумраке сложно разглядеть его лицо, но я упорно вглядываюсь в незнакомые черты. В голове мелькает мысль, что не стоило пить столько брачного вина. Протягиваю руку, чтобы коснуться незнакомца, но она проходит сквозь его тело, зато его прикосновения я по-прежнему ощущаю невероятно отчетливо.

В ответ мужчина осторожно переворачивает меня на спину и склоняется к шее, чтобы покрыть поцелуями тонкую кожу, коснуться голубой пульсирующей жилки. Я сознаю, что это все сон, но нужно проснуться, слишком непристойно видеть подобное молодой незамужней девушке, а незнакомец явно не собирается останавливаться на поцелуях. Щеки начинают пылать, когда его губы спускаются к груди.

Я пытаюсь вырваться из оков сна и не могу, меня утягивает назад с еще большей силой, подобно тому, как тянут в глубину зыбучие пески, неумолимо, беспощадно. Пытаюсь самой себе не позволить раствориться в чувственном удовольствии, которое испытывает мое тело, понимая, как это неприлично. «Тише», — шепчут его губы, проводя сверху вниз по бархатистой коже груди. Его шепота не слышно, но голос звучит в моей голове, соблазняющий дурманящий голос, который заставляет все мысли о приличиях улетучиться и раствориться в неизвестности.

Я наконец покоряюсь, позволяя желанию одержать верх, выгибаюсь навстречу, и первый вздох слетает с дрожащих искусанных до боли губ в последней и тщетной попытке привести себя в чувство. Кожа теперь горит под его ладонями, а губы накрывает сладкий тягучий поцелуй, который готов испить меня до дна, подчинить и пленить мою душу.

Желание навсегда остаться в его объятиях оплетает разум тонкой сетью — не хочу просыпаться и приходить в себя, хочу

задержаться в этих грезах и чувствовать смелые ласки, нежные касания, будоражащие кровь поцелуи. Я раскрываюсь навстречу, подаюсь вперед, пытаюсь обнять его за плечи, но руки вновь хватают лишь воздух.

Он начинает медленно двигаться, а я уже не сдерживаю громкие стоны, извиваюсь от удовольствия на прохладных простынях, вижу, как блестят на его груди капельки пота, борюсь с невероятным желанием сцеловать их губами, каким-то краем сознания понимая, что он не настоящий, что подобное наслаждение невозможно испытать в объятиях реального мужчины. Ведь принадлежать мужчине — это терпеливо и покорно отдавать ему свое тело, пока он не насытится. А сейчас все совершенно иначе.

Мысли мешаются в голове: непонимание того, почему нет боли, а только чистое блаженство, незнание того, кто этот незнакомец и почему я вижу его во сне, ощущение, что вино сыграло мерзкую шутку, вылившись воплощением запрещенных желаний в самом откровенном из когда-либо виденных снов. Все это теряется на грани сознания, когда я вздрагиваю и сгораю в ярком пламени нестерпимого восторга.

Выгибаюсь вновь, с жадностью втягивая прохладный воздух, раскрываю глаза, чтобы опять поймать его полный страсти взгляд, и вижу лишь пустоту вокруг. Все та же полутемная освещенная лунными лучами комната, спящие на других кроватях соседки, которых не разбудили даже мои стоны, если я и правда стонала наяву. Тело все еще вздрагивает от сладких спазмов, нет желания шевелиться, и так хочется продлить это запретное невообразимое удовольствие, что я переворачиваюсь на живот, закрываю глаза, мечтая о повторении чудесного сна.

Попытавшись открыть глаза, я невольно поморщилась. Голова раскалывалась, свет слепил даже сквозь закрытые веки.

— О-о-о, как мне плохо! — раздался стон Мелинды.

— Не стони, Мэ-э-эл, мне еще хуже, — послышался хриплый голос Элинны.

Ох, поспорила бы сейчас, кому из нас хуже. Я себя чувствовала едва живой. Тело было словно ватное.

В открытое окно ворвался теплый ветерок, отчего по обнаженной коже побежали мурашки. Я нащупала рукой сбоку покрывало и кое-как натянула сверху. Мысли путались, я никак не могла очнуться и начать ясно соображать. Какие-то обрывки из странного сна крутились в голове.

— Ле-э-этка, почему нам плохо?

— Мм, — промычала я, пытаясь произнести хоть одно

нормальное слово, но горло хрипело так сильно, словно я всю ночь пела песни.

— Ты купила к свадьбе некачественное вино, — продолжала наседать Элинна.

— Н-н-нет, — кое-как выдавила я из себя, — утром нужно… вторую бутылку…

— Мэ-э-эл, доползи до стола, неси вторую бутылку.

— О-о-ох, я сейчас. Там обе на полу, обе пустые.

Тут я вспомнила, что сама допила вторую бутылку, когда подруги уже уснули, а вслед за этим яркой вспышкой в мозг ворвались и другие воспоминания. Жаркая волна поднялась в груди, дыхание участилось, а ладони резко вспотели. Я скользнула пальцами по обнаженной коже и покраснела, будто отрез антийского шелка.[8] Я и правда ходила на крышу, да еще и оставила там белье и сорочку.

О духи! А сон? Чего только стоит этот сон? Я же отдалась незнакомому мужчине! Я невольно застонала, натягивая покрывало на голову. И это девушка, воспитанная в лучших аристократических традициях! Куда вчера исчезла моя скромность и сдержанность? Я ведь всегда искренне считала, что подобные низменные порывы следует пресекать на корню, никогда и слышать не желала о таких глупостях, как страсть, влечение и прочее. Ведь человек в состоянии совладать со своими слабостями, если он силен духом, а теперь получается, что сама не справилась. Разве может послужить оправданием, что это всего лишь сон? Ведь я хотела его повторения и после того, как проснулась.

— Нельзя столько пить, — пробормотала Элинна, и я была с ней полностью согласна. — Теперь только в лазарет идти за лекарством против похмелья.

Я хотела ответить, что до лазарета мы не дойдем, но смогла лишь облизнуть пересохшие губы, которые, казалось, чуточку припухли, словно их всю ночь и правда терзали поцелуями.

Стук в дверь вызвал болезненную вибрацию внутри черепа. Захотелось схватиться за голову руками.

— Кого там принесло? Девчонки, кто дверь открыть может? Мэ-эл, ты меньше всех пила, откро-о-ой.

— Ой! — С громким возгласом Мелинда скатилась на пол, а потом, привстав на корточки, ухватилась за спинку кровати и с трудом поднялась на ноги. Доковыляв до двери, девушка приотворила ее и заговорила с кем-то в коридоре: — Что ты в такую рань пришел? Сегодня выходной.

— Десять часов уже. Я за девчонками, мы о тренировке договаривались.

— Мэл, это Истор? Отправь в лазарет за лекарством.

— Ист, принеси что-нибудь от похмелья. Мы вчера день рождения Летты праздновали, теперь совсем плохо.

— Что? День рождения? А меня не позвали?!

— Это был праздник только для девушек, тебе бы не понравилось.

— Сперва пригласить нужно было, а я бы сам решил, нравится мне или нет. Летта как?

— Ей тоже лекарство не повредит, — проговорила Мелинда, практически повиснув на двери.

— Неумехи! Как правильно пить, и то не знаете. Ладно, вернусь скоро. Принесу из собственных запасов. В лазарет ходить не советую, скажет еще Диана о вашей попойке ректору, и точно не поздоровится. Он такие вещи не любит.

Истор ушел, а мы пролежали в кроватях до самого его возвращения. Вернувшись, парень передал Мелинде через дверь три таблетки и велел растворить в воде, сказав, что подождет за дверью, пока мы придем в себя.

Когда подруга подала нам стаканы с розоватой жидкостью, я с огромным трудом заставила себя сесть в постели и дрожащими руками поднесла лекарство к губам. Тело ломило после вчерашних танцев на крыше, в горле пересохло после самого первого в моей жизни злоупотребления алкоголем. Осушив стакан полностью, я вновь легла, ощущая, как постепенно проходит головная боль и отпускают спазмы, скрутившие желудок. Спустя несколько минут я вновь почувствовала себя живой. По-прежнему в теле ощущалась только слабость, что и неудивительно после такой ночи. Теперь оставалось принять холодный душ и позавтракать, после этого силы должны были восстановиться.

Когда мы наконец впустили Истора в комнату, он даже присвистнул от изумления.

— Вы тут погром учинили? Ну вы даете.

— Эх, как неохота на тренировку, — взгрустнула Элинна, отправляя в рот кусок омлета.

— Тебе-то что? Там в основном Виолетта скачет.

— А я ей помогаю. Кстати, за завтрак спасибо.

— Не за что. На тренировку пока можно не спешить, мы слишком задержались. Сейчас у меня занятие с ректором.

— С Амиром? — полюбопытствовала Элинна.

— Да. Всю неделю за ним ходил, просил фехтованием со мной позаниматься. Кому как не аристократу знать все приемы. Мне ведь в состязаниях участвовать, вдруг что-то подобное

попадется, а я не могу опозорить академию. Так что сегодня у нас поединок на рапирах.

— Ты очень неплохо фехтуешь, — заметила староста.

— Хотелось бы лучше. Амир обещал провести несколько уроков, хотя у него со временем туго.

— То есть сперва ты на тренировку, а потом мы?

— Ну да.

— Многовато для выходного дня.

— Это только на пользу. Кстати, не хотите сходить посмотреть? Что думаешь, малышка? — Истор поглядел на меня с искушающей улыбкой.

— Почему бы нет? Фехтование — это достойное занятие. Я не прочь взглянуть, что за приемы у ректора.

— Идет. Только наденьте сразу тренировочные костюмы, чтобы потом не переодеваться.

Когда мы спустились в тренировочный зал, то я даже растерялась. Кажется, здесь собрались все те студенты, кто не уехал в город. Девушек было подозрительно много, обычно в выходной день их не затянуть сюда.

Когда мы с Элинной заняли места в первом ряду, которые придержал для нас Истор, а противники вышли в центр зала и скинули рубашки, я по слаженному вздоху догадалась наконец, почему зрителей собралось так много и почему Истор хотел, чтобы я пришла. Если парни рассчитывали на интересное зрелище, то девушки явно пришли не техникой любоваться. Хотя если взглянуть с этой точки зрения, то любоваться было чем. Я склонилась чуть ближе к Элинне и спросила:

— А почему они без экипировки?

— Это тренировочное занятие, ректор сам ставит защиту, чтобы уколы рапиры не причинили серьезного вреда, но любые царапины на коже будут заметны. Так нагляднее всего продемонстрировать слабые места противника.

Я кивнула, а сама подумала, что лучше бы была экипировка. Когда бой начался, я только уверилась в этой мысли. Смотреть, как играют мускулы под кожей и блестят от пота обнаженные торсы, мне было тяжело. Клинки скрещивались, раздавался звон оружия, а я следила не за выполняемыми приемами, а исключительно за дерущимися мужчинами.

Ясное дело, что я была в этом не одинока, но меня пугало незнакомое чувство удовольствия от разворачивающегося перед глазами зрелища. Раньше я бы следила за техникой, а сейчас рассматривала мужские тела с такой жадностью, будто от этого зависели мои личные успехи в учебе. Только чему можно

научиться, изучая со всем вниманием, у кого ярче выражен пресс, шире плечи, мускулистей спина. Духи, что со мной происходит?

Я попыталась взять себя в руки и следить только за мелькающими в воздухе рапирами, но совершенно случайно скользнула взором по обнаженным вспотевшим плечам, невольно облизнула пересохшие губы и поймала взгляд Истора. В тот же миг раздался короткий вскрик, и парень прижал ладонь к пораженному предплечью. Ректор обернулся, посмотрел на зрителей, задержался взглядом на моем покрасневшем лице, но вновь вернулся к противнику, не сказав ни слова.

— Концентрация, Истор, — коротко бросил он, принимая стойку.

— Извините. — Истор взял рапиру поудобнее, и бой возобновился.

Я продолжала внимательно наблюдать за ходом поединка, тщетно призывая к порядку разошедшееся воображение. Несмотря на все усилия, взгляд то и дело соскальзывал с рапир на мощную грудь в капельках пота. В один из таких моментов я так ясно вспомнила ночной сон и страстного незнакомца, что засосало под ложечкой, а тело охватила приятная истома. Я невольно представила, как прижимаюсь к той рельефной груди губами.

— Ой!

— Истор!

Следующий комментарий ректора вырвал меня из приятных мечтаний и резко вернул на землю.

— Виолетта, будь добра, выйди, пожалуйста, из зала.

— Что? Почему?

— Фехтовальщик отвлекается.

В этот миг я поняла, что пока мечтала, не отрывала взгляда от Истора, а ректор тоже видел выражение моего лица. Мне стало стыдно и захотелось сквозь землю провалиться. Однако покорно соглашаться на то, что меня выставят из зала на глазах у всех, я не собиралась. Тут больше половины девушек думают явно не о поединке, давайте всех выгонять, чтобы справедливо было.

— Разве моя вина, ректор Сенсарро, что ваш противник не может сосредоточиться и не отвлекаться от поединка? — ответила я. — Разве проблемы с концентрацией будут учитываться во время состязаний? И можете поверить, я знаю, о чем говорю. На месте Истора я бы не отвлекалась.

— А ты и фехтовать умеешь? — вступил в спор Истор, которого, кажется, задело мое пренебрежительное высказывание.

— Умею, — гордо вскинула я голову и добавила: — И полагаю, не хуже мужчины-аристократа.

— Продемонстрируешь? — Ректор взмахнул рапирой, приглашая меня в центр зала.

Я закусила губу, осознав наконец, что гордость опять меня подвела. К чему, спрашивается, было ударять по мужскому самолюбию? Но ведь не отступать же теперь. Тем более я и правда рапирой владею превосходно, не зря отец меня хвалил.

Решительно поднявшись со скамьи, я прошла на место Истора и взяла протянутый улыбающимся парнем клинок. Кажется, кто-то с удовольствием ждет, что сейчас упрямую зазнайку хорошенько проучат. Зря надеется. Я салютовала зрителям и по команде «ан гард!»[9] приняла боевую стойку. Годы тренировок не проходят бесследно, и сейчас, несмотря на месяцы, что я не держала оружия в руках, ноги привычно согнулись в коленях, вооруженную руку я выдвинула вперед, а вторую согнула в локте и отвела назад, одновременно поднимая вверх. Убедившись, что мы готовы, Истор крикнул: «Алле!»[10] — и я перешла в наступление.

Нападающему в поединке всегда сложнее, ведь он раскрывает противнику свои планы и вынужден прилагать усилия, чтобы обмануть и не дать сопернику воспользоваться своими просчетами. Я намеренно атаковала Амира, чтобы никто из них не решил, будто я пытаюсь воспользоваться тем единственным преимуществом, которое любой воспитанный человек должен предоставить сражающейся с ним девушке.

Амир, впрочем, только отступал, обороняясь, и пока не делал попыток перейти к контратаку. А вот жалеть меня не стоит, я не врала насчет своих умений. Наверное, у меня даже глаза заблестели от злости, потому что по губам ректора скользнула едва заметная улыбка, и я наконец дождалась ответного выпада. Амир бросил руку вперед, целясь в плечо, но я среагировала мгновенно, быстро отразив удар.

Сейчас наш бой больше походил на диалог партнеров, чем в самом начале. Амир наконец-то признал во мне достойного противника, что очень льстило самолюбию. В следующий миг, когда он перешел в атаку, я «выстрелила» рукой и слегка задела его плечо. Теперь, во время поединка, я была предельно сконцентрирована, и мужские плечи больше не отвлекали и не вызывали ненужных ассоциаций. Короткий кивок головой удачливой сопернице, и ректор, указав кончиком шпаги на левое подреберье, совершает выпад. Я отражаю удар, поскольку внимательно слежу за его действиями и не отвожу взгляда от груди, откуда начинаются все движения тела.

Звон клинков как музыка, тело, еще недавно жаловавшееся на усталость, теперь вернуло прежнюю гибкость. Бой с достойным

противником доставляет мне истинное удовольствие. Амир ведет поединок умело: то спокойно и хладнокровно встречает мои удары, то переходит в ожесточенную атаку. Он тонко чувствует мои эмоции, и когда злюсь я, демонстрирует лишь холодный расчет, а стоит мне успокоиться, как его темперамент тут же проявляет себя. Весьма эффективно противопоставлять свое поведение поведению противника, но и я не вчера взяла рапиру в руки.

В следующий миг я выполнила тот самый обманный финт,[11] которому научил отец, и, когда ректор сделал движение к защите, мгновенно переместила клинок в другую точку, оцарапав мужчине грудь. Он ответил слишком быстро, и я отступила, едва уклонившись от укола. Однако это не помешало мне издевательски улыбнуться, провести показательный батман[12] и негромко спросить: «Не хватает концентрации на хорошую защиту?»

Улыбка все еще держалась на губах, когда с легким звоном моя рапира упала на пол, а кончик оружия противника легко коснулся моего горла.

— Альт![13] — негромко произнес Амир и опустил клинок.

С досады захотелось топнуть ногой, но я сдержалась и протянула ректору руку для традиционного рукопожатия. Мужчина легко обхватил кончики моих пальцев и коснулся губами натруженных гардой[14] костяшек. Сегодня я билась без перчаток, и нежную кожу немного саднило. Жест был галантен, но я не оценила. Сейчас больше всего хотелось стукнуть этой самой гардой по склоненной голове. Я злилась, а его галантность еще больше раздражала. Ведь если судить по последнему приему, его мастерство выше моего, он мог бы в самом начале выбить оружие и не возиться столь долгое время. А теперь у меня есть все основания полагать, что он поддавался намеренно, а это неприятней всего.

— Как вы это сделали? — спросила я, едва он выпрямился.

— Секретный фамильный прием, — ответствовал ректор и негромко добавил: — Концентрация означает также умение контролировать свои эмоции до конца поединка, несмотря на превосходство в бою.

Я промолчала, добавить к его словам было нечего. Мне ведь только что наглядно продемонстрировали, что задаваться не стоит.

Обернувшись к Истору, ректор произнес:

— Теперь у тебя новый учитель, если сможешь уговорить мисс Лавальеро заниматься с тобой. Обрати внимание на ее технику: владение защитными действиями, разнообразие

атакующих приемов, быстроту и точный выбор места укола, внезапный переход от одних действий к другим. Особенно я бы отметил используемые Виолеттой атаки в нижние секторы, уколы в бок, которые порой эффективнее атак в верхнюю часть тела. Возьми на вооружение круговую защиту и блестяще продемонстрированную защиту с уклонением. На этом сегодняшняя тренировка окончена. Всем хороших выходных.

Ректор подхватил рубашку и вышел из зала. Я проводила его взглядом, чувствуя, как зарделись от похвалы щеки. Как же все-таки приятно, что в тебе признали сильного противника, достойного учить других, пусть и высказали все в форме обучающей лекции.

— Летка-а-а, — подскочила ко мне Элинна, — ты так потрясно фехтуешь!

— Моя малышка лучшая во всем, — прозвучал над головой голос Истора, в тот же момент нагло обнявшего меня за плечи.

День выдался насыщенным. Я даже не добралась до библиотеки, хотя собиралась подготовить список незнакомых понятий по истории виерского движения. Решив, что сделаю это в воскресенье вечером или в понедельник после занятий, я со спокойной совестью приняла душ и забралась в постель. Подруги уже укрылись одеялами и смеялись, обсуждая последние новости. Больше всего обсуждений и похвал досталось мне.

— А Виолетта всегда хорошо сражалась, — говорила Мелинда.

— Она ректору не уступала, представляешь? — восхищалась в ответ Элинна.

— Ну, довольно вам. Если бы не уступала, он бы рапиру из рук не выбил. Давайте уже спать. Завтра в город, нужно хорошо отдохнуть.

Девчонки еще похихикали какое-то время, но в конце концов замолчали, и я быстро провалилась в сон.

Глава 29
ЧЕМ ОПАСНЫ ДРУЖЕСКИЕ ВСТРЕЧИ

Утром мы встали пораньше. Все предвкушали интересное зрелище и хотели поскорее добраться до города. Когда я проснулась и села в постели, то в первую очередь проверила, на месте ли ночная рубашка, а убедившись в этом, вспомнила, что так и не забрала вещи с крыши. Придется вновь пробираться туда сегодня вечером, когда подруги уснут.

Никогда больше не буду так пить. Ведь сегодня ночью неприличные сны не мучили. Я отмахнулась от сомнений, так ли я этому рада, как хотелось бы, и стала собираться в город. Платье выбрала поскромнее, из темно-синего шелка с отделкой из тонких кружев. Прозрачная белая туника смотрелась на нем замечательно. Когда я собралась надеть корсет поверх сорочки, Элинна громко запротестовала:

— Летка, к чему этот панцирь? Забудь ты свои аристократические ужимки, современные девушки надевают под платье белье, сорочку и чулки.

— С корсетом я чувствую себя более одетой, чем в одной сорочке под платьем.

— Подумаешь, ты ведь не собираешься с парнями обниматься, чтобы они тебя ощупывали.

— Корсет помогает женщине держать осанку, казаться строже и выглядеть менее доступной. В отличие от нижнего белья правильный корсет скрывает (а не подчеркивает) те линии тела, что мужчины любят рассматривать.

— Ерунда. С твоей строгостью к тебе ни один парень не подходит, ну, кроме Истора. А ему хоть корсет, хоть нет, он тебя и так глазами раздевает.

— Перестань, Элинна. К тому же я не всегда ношу корсеты, ты знаешь, но сегодня такой день, что я хочу чувствовать себя более уверенно. Я ведь не знаю, кого мы встретим в городе.

— Ну, если это такое значение имеет, тогда я ради тебя могу тоже в корсет затянуться.

— Не стоит, просто помоги мне зашнуровать.

Когда мы наконец собрались и вышли на крыльцо, то застали там целую толпу студентов.

— Мы пешком пойдем? — уточнила я у старосты, с сомнением поглядывая на новые серебристые туфельки, которые надевала только пару раз.

— Вместе со всеми поедем на повозках. У кого своих лошадей нет, всегда так в город на мероприятия выбираются. Академия арендует повозки, чтобы доставить студентов на место. Обратно — тоже на них, если не опоздаем к месту сбора.

Замечательно! Надеюсь только, что не встречу знакомых, пока буду трястись на ухабах и раскачиваться вместе с остальными в открытой повозке.

— Руководство академий тоже там будет?

— Не уверена. Амира обычно в выходные не застать на работе, а насчет ректора Академии аристократии — не знаю. Думаю, будут некоторые преподаватели, Эди, может быть, а в основном студенты, горожане и блюстители порядка.

Когда мы добрались до города, большинство желающих полюбоваться интересным зрелищем уже собрались на площади. Помнится, последние соревнования были в тот год, когда я поступила в Академию аристократии, но тогда я не ходила смотреть, а усиленно готовилась к поступлению. Зато сейчас не собиралась ничего пропустить.

На краю площади были сооружены высокие трибуны для самых родовитых аристократов, а те, кто не оплатил места на них, стояли на небольшом возвышении у основания трибун. Огромную площадь будто незримо разделили на две половины: виеры с одной стороны, аристократы — с другой. Впрочем, сейчас это меня только радовало. Я ждала выступления и заглядывала над плечами впереди стоящих вместе с Элинной и Мелиндой.

В самом центре установили большую сцену, и сейчас на нее поднялся смешной кругленький мужчина — алькальдэ[15] столицы, состоящий в далеком родстве с самим королем. Он взял приветственное слово и выразил надежду, что сегодняшние состязания продемонстрируют всем присутствующим мастерство учащихся двух самых лучших академий в королевстве.

Виеры громко зааплодировали, кругом раздались приветственные возгласы, в которых потонули сдержанные хлопки аристократов. Полагаю, каждый из присутствующих на площади студентов считал, что его академия самая лучшая. Лично я теперь не знала, какую из двух считать своей, но все больше склонялась в пользу той, где учились мои настоящие друзья.

После вступительной речи алькальда поблагодарил всех организаторов, как он выразился, «дружеских состязаний» и спустился со сцены. Теперь туда поднялись участники первых двух соревнующихся команд: шесть виеров и шесть аристократов. Им вынесли тот самый канат, о котором говорила Элинна. Я

смотрела, как парни из виерской академии с помощью магических лассо зацепили толстую веревку со своей стороны, а утонченные представители Академии аристократии проделали то же самое с другой.

По сигналу прозвучавшего над площадью гонга каждая команда стала тянуть канат на себя. Я обратила внимание, что действия аристократов более слаженны, а длина той части магического аркана, что они держали в руках, практически одинакова. Дальнейшие наблюдения подтвердили мое мнение, что в этом состязании победят именно аристократы. Канат все больше и больше перетягивался на их сторону, а потом в какой-то миг со стороны виеров растворился в воздухе, и одновременно представители другой академии попадали с возвышения. В толпе раздался смех, а на трибунах недовольный гул.

Элинна хмыкнула рядом, а я нахмурилась в ответ:

— Это не слишком красиво, так себя вести. Состязания должны проходить честно и не выглядеть как издевательство.

— А кто виноват, что организаторы щиты вокруг сцены не поставили? Наши проверяли, еще и сказали организаторам прямым текстом, а те только отмахнулись. А канат такая вещь — коли удержал, то упал. — И Элинна снова захихикала самым наглым образом, а Мелинда старательно сдерживала улыбку.

— Я рада, что на настоящих состязаниях подобные штучки невозможны, — заявила я старосте, когда та наконец отсмеялась.

— Да, там нельзя смошенничать. А что до этих белоручек, так они два года назад нам чернильный дождь устроили.

— Ты тогда даже в академии не училась.

— Зато мне рассказывали. Подумаешь, упали немножко. Вон охают во весь голос! Эй! Вам полезно, неженки!

— Элинна, прекрати! Ведешь себя, как настоящая пле… ведешь себя невоспитанно.

— Чтобы некоторые знали, я плебейка и есть. — И Элинна с гордым видом отвернулась к сцене. Мелинда, напротив, придвинулась поближе ко мне и погладила по плечу.

— Смотри, столбы устанавливают, — указала она рукой на длинные деревянные столбы, которые сейчас поднимали и закрепляли на сцене — по три с каждой стороны.

В этот раз по трое участников из команд должны были влезть на столб и, добравшись до самого верха, сорвать висящий там светящийся шар. Чья команда проделает это быстрее, та и победила. Оставалось только догадываться, кто окажется более ловким. Хотя лично я сделала бы ставку на виеров, все-таки аристократам редко куда приходится забираться самостоятельно. Я, например, в своей жизни ни разу не влезла даже на дерево.

— В чем здесь подвох? — спросила я Элинну, осторожно тронув обиженную старосту за плечо.

— Столбы намазаны магическим маслом. — Девушка перестала дуться и снова оживилась. — Все участники должны быстро подобрать и применить нужные заклинания, чтобы там, где тело соприкасается с деревом, масло становилось не скользким, а вязким и липким и помогало удержаться на столбе.

— Но они ведь могли заранее подготовиться.

— Нет, там всякий раз меняется формула масла, и у каждого участника она особенная, так что самим думать приходится. Кто быстрее подберет нужное заклинание, у того все шансы на победу.

В итоге двое виеров полезли на столб, а третий соскользнул вниз и вновь стал искать подходящее заклинание. Аристократы в это время стояли внизу и, как мне показалось, обменивались друг с другом какими-то знаками, а потом почти одновременно начали карабкаться наверх. Наконец отставший виер решил задачу и тоже полез на столб. Я оказалась права, виеры победили в этом состязании благодаря ловкости и умению карабкаться на столбы. Отстающий виер обогнал противников, в то время как двое его товарищей уже схватили светящиеся шарики и съехали вниз.

Следующими шли бои мячами. Нужно было с помощью небольших мячей выбить соперника из очерченного сектора. При этом приходилось воспользоваться формулой перемещения предметов с заранее заданным ускорением (в этот момент я совершенно некстати вспомнила об Элизабет, и настроение несколько испортилось).

В состязании победили аристократы. Я заметила, что они довольно жестко выбивали виеров за пределы нарисованных на сцене кругов, а в конце выяснилось, что их мячи были набиты не ватой, а зернами. Однако результат им все равно засчитали. Главным судьей был алькальдэ, а потому я даже не удивилась.

— Аристократам каждый раз подсуживают, — проворчала Элинна, разделяя недовольный ропот толпы.

— Зато вы победили на прошлых состязаниях академий, — попыталась я успокоить девушку.

— Если бы не ректор, мы бы продолжали только мечтать о победе.

— Ну да, помню, он изменил методику преподавания и т. д.

— Не только. Он обратился в академический совет, они подали прошение самому королю и перечислили в нем все нарушаемые нормы, оговоренные, кстати, еще во время заключения перемирия. После этого была сформирована настоящая комиссия с равным количеством представителей с

каждой стороны. Были приняты новые правила, все стало очень строго, любая возможность смошенничать теперь исключена. Хотя ректор аристократов что-то там пытался опротестовать после победы виеров, но его не послушали.

Вновь переведя взгляд на сцену, я заметила среди новых участников виерской команды Истора. Парень поигрывал мускулами и издевательски улыбался, поглядывая на соперников.

— Что за состязания на этот раз?

— Построить песчаный замок.

— Что построить?

— Видишь там мешки с песком? Нужно с помощью формул создать из песка брусочки определенного размера и быстрее соперника построить из них замок. При выборе победителя учитывается не только скорость, но и размеры замка, насколько он крепкий получился, и даже насколько он больше похож на настоящий.

— А замки большие будут?

— Чем больше, тем лучше.

По сигналу гонга участники высыпали песок из мешков прямо на сцену и тут же разделили обязанности. Истор вместе с парой других парней носил нелегкие бруски к месту возведения замка и укладывал их один на другой. В этом соревновании никто не мошенничал. Я обратила внимание, что после предыдущего конкурса алькальдэ подтянул к сцене обряженных в красно-синюю форму блюстителей порядка. Очевидно, стремился утихомирить недовольную толпу. Аристократы, впрочем, не стали провоцировать виеров повторно.

В этом состязании виеры победили. Элинна даже запрыгала на месте и захлопала в ладоши, а парни раскланялись во все стороны. Особенно расточал улыбки своим поклонницам Истор. Девушки даже подобрались поближе к сцене и радостно пищали, подбадривая своего любимчика.

— Ой, Летка, гляди, не проворонь. Видишь, как девчонки за ним увиваются?

— Да не нужен он мне, Элинна. Пусть хоть всех поклонниц себе забирает!

— Ага, не нужен. Что тогда так нахмурилась?

— Не понимаю, как девушки могут вести себя подобным образом. Где их гордость?

— Ну… потеряли, наверное. На парня-красавца загляделись, а гордость проворонили. — Староста весело рассмеялась и толкнула меня в бок: — Гляди, гляди, точно тебя в толпе глазами ищет.

— Спускался бы уже оттуда. — Я демонстративно

отвернулась, устремляя взгляд в противоположную сторону.

Следом за песчаным замком шло очень веселое состязание, суть которого состояла в том, чтобы насмешить команду соперников и не засмеяться самому. Аристократы выиграли, когда вся наша команда покатывалась со смеху, лежа вповалку на сцене, а единственный оставшийся серьезным участник из команды соперников вовсю старался не рассмеяться. Меня даже взяло подозрение, что участники применили друг к другу заклинание щекотки, уж слишком бурно они веселились.

Следующее испытание оказалось на ловкость: нужно было пройти по двум качающимся шестам с одного конца сцены на другой и не упасть. Полагаю, здесь могло помочь только заклинание частичной левитации, уж слишком сильно качались тонкие жерди. В данном конкурсе объявили ничью, после того как все участники попадали с жердей вниз. Все-таки левитация — слишком сложное заклинание.

Игры шли одна за другой, а солнце уже клонилось к закату. Ноги гудели от долгого стояния, и я по-настоящему завидовала зрителям на трибунах. Наконец последнее испытание завершилось в пользу виеров, и толстенький алькальдэ вновь вышел на сцену, чтобы объявить, что в дружеских состязаниях победили аристократы со счетом 15:14. Трибуны радостно захлопали, толпа заулюлюкала, а довольным представителям аристократической команды выкатили на тележке огромный торт, верхушку которого украшала кремовая фигура огненной птицы.

— Вот и лопайте, элиты, — высказалась староста, — надеюсь, животы треснут, мошенники.

Будто в ответ на слова Элинны на сцену выкатили еще одну тележку с тортом поменьше, верхушку которого венчал снежный цветок.

— А это поощрительный приз для соперников, — громко возвестил довольный алькальдэ, заслужив одобрительные возгласы из толпы.

— Как предусмотрительно, — шепнула я Мелинде, — заранее испекли два торта. Алькальдэ, кажется, владеет провидческим даром, потому и догадался, что победа сегодня достанется аристократам, заранее торт побольше заказал.

Девушка улыбнулась и предложила подойти к сцене, чтобы попробовать кусочек угощения. Я к этому времени сильно проголодалась, а потому решила не отказываться. Торт оказался неплохим. Я, конечно, пробовала и вкуснее, но сейчас была рада и этому, хотя, на мой взгляд, крема было многовато.

После состязаний староста позвала нас немного погулять. До отправления в академию оставался еще один час. Мы пошли

бродить по чистым, мощенным ильнэйским камнем[16] улочкам, поглядывая на стеклянные витрины модных магазинов, в которых я часто покупала себе зонтики, перчатки или шляпки в совершенно другой, несказанно далекой прошлой жизни.

В центре сегодня было очень оживленно. Мимо проезжали фаэтоны и открытые коляски, в которых сидели молоденькие леди в сопровождении кавалеров и присматривающих за ними дуэний. Студенты рассаживались в открытых кафе или гостеприимно распахнувших двери пивных, болтали, смеялись и заказывали себе медового пива. Я пить отказалась, а после приличного куска сладкого торта есть тоже не хотелось.

Подруги увлеченно обсуждали увиденные в магазине дамских аксессуаров массивные браслеты с необработанными драгоценными камнями — писк этого сезона. Я задумчиво поглядывала на покачивающиеся в воздухе фонарики, которые все ярче разгорались в наступающих сумерках, разглядывала зажигающиеся на небе звезды. Я так задумалась, что не сразу остановилась, заслышав грубое обращение: «Эй, виерки, а ну стойте!»

Подруги резко остановились, потянув меня за руку, и только тогда я увидела перегородивших нам дорогу четырех парней в мантиях аристократической академии.

— Чего надо? — спросила Элинна.

— Поболтать захотелось, — ответил один из парней, чей голос я тут же узнала — Денри Уинтон, ленивый балбес, мать которого оклеветала меня в том гадком интервью в журнале. — Продула ваша академия сегодня, — продолжал насмехаться парень, — вы и на соревнованиях проиграете.

Я присмотрелась к остальным лицам, все они были мне знакомы, но только лицо одного человека заставило недоуменно поморщиться. Грин Тинкерелло, мой бывший партнер по практике боевой магии. В этот миг парень тоже взглянул на меня, и его брови изумленно изогнулись.

— Виолетта Лавальеро, — протянул он, привлекая ко мне внимание своих спутников.

— Перебежчица! — зло выплюнул Уинтон. — Ну что, нравится с плебеями возиться? Тебе среди них самое место!

— Девушки, идемте, — потянула я подруг за руки, — нам уже пора к месту сбора.

— Куда торопишься, предательница? — продолжал Денри, вновь заступая дорогу. — Спешишь в свою академию? Расскажи, что там такого интересного, может, и нам любопытно будет послушать.

— Освободите дорогу, — приказала я, но парни даже не

пошевелились. Я вновь взглянула на Грина, который хмуро разглядывал меня исподлобья. А ведь когда-то добивался моего внимания и присылал красивые букеты. Пусть он не подписывал послания, но я точно знала, от кого цветы.

— Такая встреча, что ее просто необходимо отпраздновать, — заплетающимся языком проговорил друг Уинтона Бен. — Составьте-ка нам компанию, девушки. — И он ухватил Мелинду за руку, притягивая к себе. Подруга вскрикнула, а я вцепилась в другую ее руку и стала тянуть на себя. Элинна размахнулась и стукнула Бена по голове сумочкой. Парень выпустил Мелинду, а Денри тут же ухватил старосту за плечо.

— Ты чего дерешься, плебейка? Тебе аристократы честь оказали, с собой позвали, а ты сумкой по голове бьешь?

Мой взгляд метался по озлобленным лицам подвыпивших парней, в поведении которых осталось очень мало аристократического. Сумерки сгущались вокруг, эта часть улицы была довольно пустынна.

— Хватит, Денри, — сказал вдруг Грин, — оставь этих оборванок, они не стоят нашего внимания. Идем.

— Ну нет, я еще не поквитался с этой рыжей. Сейчас научим их, как следует уважать аристократов, а кое-кому урок преподадим.

— А ты сперва меня научи, а то мало чести мужику с девчонкой тягаться, — раздался вдруг знакомый голос.

Я обернулась и увидела взлохмаченного Истора. Он медленно приближался к нам со стороны полутемной подворотни, которая вела на улицу, примыкавшую к площади. Ист подошел и остановился рядом, скрестив руки на груди.

— Малышка, это твои знакомые? — улыбнулся он. — Какие-то невежливые аристократы, я бы принял их за плебеев, если бы не эти крахмальные рубашечки с кружевами, будто у девчонок своих украли.

— Ты что сказал, повтори! — Денри угрожающе махнул кулаком и наконец выпустил из захвата Элинну, которая тут же метнулась ко мне, встав рядом с перепуганной насмерть Мелиндой. Девушки схватились за руки, а Истор загородил нас спиной от подступающих разозленных аристократов.

— Эй, четверо на одного? Ист, поделись красотками, нам ведь тоже охота эти сладкие мордашки подправить.

Из той же подворотни на улицу выскочили Луз и Гер, и впервые в жизни я была очень рада их видеть.

— Гляди-ка, парни, — рассмеялся пьяным смехом Бен, — а эти плебеи за аристократку вступились. Вот умора!

— А ты наших аристократок не трогай, — зло ответил Гер. —

У вас своих в академии полно, вот их и лапайте.

— А может, она не зря в другую академию сбежала? — продолжил Бен. — Может, ей вот такие мужики нравятся — грубые, грязные да вонючие? Ты ночи со всеми разом проводишь, Лавальеро, или по очереди?

Бен не успел досмеяться собственной шутке, как кулак Истора свалил его с ног.

— Ну, мужики, вы попали, — выругался Луз, и мы с подругами едва успели отскочить в сторону, как завязалась потасовка. Парни молотили друг друга кулаками, и непонятно было, кто кого бьет. Я не знала, что делать, помогать ли Истору или убираться подальше подобру-поздорову.

В следующий миг Элинна дернула меня за рукав, утаскивая с тротуара на дорогу, потому что вниз по улице уже мчались другие аристократы, привлеченные из соседней пивной звуками драки. А из подворотни выныривали студенты нашей академии, и теперь я точно поняла, что придется спасаться бегством. Подруги были со мной полностью согласны, и мы побежали со всех ног в сторону площади, стремясь поскорее добраться до места сбора. Когда мы удалились от драки на приличное расстояние, позади послышались свистки блюстителей правопорядка.

— Каждый раз одно и то же, — пытаясь отдышаться, проговорила Элинна, — ни одни дружеские соревнования не обходятся без драки. Завтра опять Амиру парней из тюрьмы вытаскивать.

— Они ведь за нас вступились, — ответила я, прижимая ладони к покрасневшим щекам.

— Ну да, а два года назад виеры повздорили с аристократами в пивной, потому что кто-то кому-то места не уступил. Мальчишкам дай только подраться.

— Нужно будет потом Истора обязательно поблагодарить, — сказала Мелинда. Она все еще была очень бледна. — Что они собирались с нами сделать?

— Притащили бы в пивную и заставили сидеть с ними за столом, а потом все равно отпустили бы. Если они не круглые идиоты, то вреда нам не причинили бы. Знаешь, как бы это им аукнулось?! Хотя я все-таки немного испугалась, Летка, когда они увидели тебя и разозлились.

— А где твой Дин, Элинна? Они ведь с Истором друзья, а я не видела его среди дерущихся.

— Он домой поехал на несколько дней, дела какие-то решить, отец письмом вызвал.

— Как, интересно, Истор нас нашел? — полюбопытствовала я, переходя на быстрый шаг.

— Нарочно тебя разыскивал, как пить дать. Наверное, тоже хотел в какой-нибудь кабак пригласить. Напоил бы тебя там, а потом зацеловал до смерти.

— Элинна, прекрати!

Староста только рассмеялась.

— А вон и наши, — указала она рукой на небольшую толпу студентов, собравшихся на краю площади. — Ну, как обычно, обратно едет раза в два меньше людей. А завтра занятия. Ох, и много будет отработок! — Элинна забралась в первую повозку и устроилась на скамье. Мелинда вскарабкалась следом и протянула руку мне.

Вскоре мы тронулись в обратный путь, а я все оглядывалась назад, надеясь увидеть спешащих к площади ребят, но они не вернулись. Очень жаль. Я так надеялась, что Истора не посадят в тюрьму за нарушение порядка. Все же он защитил нас сегодня, и мне очень хотелось как-то отблагодарить его в ответ.

Истора я увидела только на следующий день вечером. Выглядел он изрядно помятым, под глазом красовался сверкавший всеми оттенками лилового здоровый синяк.

— О, малышка, как дела? — улыбнулся парень, когда я открыла дверь. — Привет, девчонки, — потеснил он меня, входя в комнату и по-хозяйски усаживаясь на стул.

— Ты почему у Дианы синяк не залечил? — тут же спросила Элинна.

— Ректор сказал, чтобы в лазарет не обращались, раз сами драку затеяли. Так что теперь своими силами лечиться. Ерунда, пройдет через недельку. Сладкая, когда на тренировку?

— Какую тренировку?

— Ты обещала обучать меня фехтованию.

— Я сегодня не планировала…

— Ист, у нас нынче другое занятие.

— Какое?

— Будем отучать Летку от ее страха перед змеями. Видишь проектор?

— Конфетка, что же ты мне не сказала? Я тебе помогу. Давайте прямо здесь? Зачем в зал идти?

Я растерянно посмотрела на согласно кивнувшую Элинну.

— Хорошая идея. Слушай, Ист, а Дин вернулся?

— Да. Полчаса назад приехал.

— Ты не против сам с Леттой позаниматься? Я отлучусь ненадолго.

— Да какой разговор? — Истор широко улыбнулся. — Он, кстати, сам собирался к тебе заскочить.

— Ну, ребята, я пошла. Занимайтесь. — Элинна радостно выбежала из комнаты, громко хлопнув дверью.

— У меня тоже дела, — тихо проговорила Мелинда, откладывая в сторону учебники.

— Ты куда? — Я недовольно поглядела на девушку, но она уже схватилась за ручку двери, старательно отводя глаза в сторону.

— Я только схожу к преподавателю Эдвару, он должен был подписать список дополнительных учебников для моих занятий. Сказал, мне не хватает базовых знаний. Я скоро вернусь.

И еще одна предательница выскочила за дверь, оставив меня с довольным Истором.

— Конфетка, теперь нам никто не будет мешать. Расслабься, что ты так напряглась? Давай свой проектор.

Я молча протянула парню плоскую коробочку. Не демонстрировать же перед ним собственную растерянность.

— Так, что тут у нас? Хороший аппарат. Сейчас задам параметры какой-нибудь безобидной змейки. Кто там не ядовитый? Кажется, травяной полозняк. Вот, готово.

Истор установил проектор на столе и подошел ко мне.

— Сейчас, сладкая, иллюзия появится. Приготовься.

Я сжала руки в кулаки, не отводя взгляда от светлого пятнышка на полу. Секунду спустя в этом месте возникла змея. Будто живая, она высовывала изо рта раздвоенный язык и медленно скручивала в кольца буро-зеленое чешуйчатое тело.

Знакомая дрожь пробежала вдоль позвоночника, кожа похолодела, испарина появилась на лбу. Змея поползла в мою сторону, а я не могла пошевелиться и тронуться с места, даже дыхание перехватило. Змея подползала все ближе, я ощутила головокружение и покачнулась. В следующий миг Истор подхватил меня на руки и крепко прижал к себе.

— Да-а, малышка, — протянул он, — кажется, наши занятия будут о-о-очень долгими.

Я ничего не ответила, не смея оторвать взгляда от полозняка, а Истор нарочито громко задышал мне на ухо. Его жаркое дыхание шевелило выбившиеся из прически кудри, а руки прижимали к надежной широкой груди. Не знаю, был ли это изобретенный буквально на ходу метод, но только когда я ощутила легкое прикосновение губ к шее, то мгновенно отвела глаза от змеи.

— Ты что делаешь?

— Тренирую тебя. — Парень невинно улыбался, но карие глаза потемнели от желания.

— Немедленно поставь меня на ноги!

— Там змея, — ухмыльнулся Истор, наблюдая, как я мучаюсь, пытаясь принять правильное решение.

— Поставь, — велела я, ударив кулачком в широкую грудь.

— Хорошо, конфетка. — Истор опустил меня на пол прямо в метре от свернувшегося на полу полозняка. Гадина вновь высунула язык, развернула кольца и поползла ко мне.

Еще пару раз Исту приходилось подхватывать меня на руки, а после последнего слишком горячего поцелуя в шею я решительно ударила его в грудь и, когда он опустил вниз, стойко вытерпела приближение змеи. Едва полозняк добрался до моих туфель, как мгновенно испарился. Я стояла, сжимая в кулаки подрагивающие ладони и наконец осмелилась сделать глубокий вдох.

— Ну все, сладкая, на сегодня хватит. Завтра продолжим?

Истор широко ухмыльнулся, с гордостью поглядывая на меня, а я подумала немного и утвердительно кивнула.

Глава 30
НОВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Занятия шли своим ходом, тренировки тоже. Виерская команда делала успехи, радуя меня слаженностью действий и точностью выполнения заданий. За свою работу я даже заслужила сдержанную похвалу от Эди. С Истором я занималась отдельно, оттачивая на нем собственные навыки в фехтовании и поддерживая в парне стремление перещеголять своего тренера. В ответ он нещадно гонял меня на занятиях по улучшению реакции, а также во время вечерних тренировок с проектором.

Я дошла уже до того, что могла не замирать неподвижно на месте, видя перед собой змею. Истор говорил, что еще немного и я смогу подержать одну из змей на ладони, но я сильно сомневалась, что решусь на подобное. Парень, однако, грозил, что тогда всю меня зацелует, хотя после первого занятия я не позволяла ему подобных вольностей. Все шло относительно хорошо, но, как и всегда в моей жизни, неспешный ход событий был вновь нарушен одним ужасным происшествием.

В тот вечер я спокойно сидела в комнате, выполняя задание по боевой магии, как внезапно дверь распахнулась и ворвалась староста. Элинна была сама на себя не похожа. Она даже не ответила на вопрос испуганно подскочившей Мелинды, взгляд старосты был прикован ко мне. Я вдруг почувствовала страх, не понимая, что же такое произошло, что Эля смотрит на меня так недоверчиво, будто впервые видит.

— Это правда? — резко спросила она.

— О чем ты?

— Это правда, что ты разлучила Амира с Элизабет? Правда, что вы целовались в аудитории, а Элизабет видела ваш поцелуй? Зачем ты соврала? Ты клялась, что терпеть его не можешь?

— Элинна, все было не совсем так. Откуда ты узнала?

— Мне рассказала Селена, они с Элизабет ведут переписку. Селене долгое время не приходило от нее никаких писем, а когда она сама написала, то получила в ответ просьбу больше не беспокоить Элизабет вопросами об их с Амиром отношениях, поскольку отношений уже нет. Элизабет видела, как Амир целовал в аудитории рыжеволосую девушку, по описанию очень похожую на тебя. Я не понимаю одного, зачем ты нам врала, постоянно твердила о нормах морали, а сама пыталась при этом соблазнить ректора и разлучила его с любимой женщиной? Я не ожидала от него подобного, не думала, что он в этом похож на

остальных мужчин, что поддастся слабости и предаст любимую, но ты тоже хороша!

— Элинна, это моя вина. Не Амир меня целовал, а я его. — Я замолчала на мгновение, услышав изумленный возглас Мелинды. — Я сделала это нарочно. Я хотела отомстить за то, что он обманом притащил меня в академию виеров, была настолько зла, что решилась на подлость. Я все подстроила, чтобы Элизабет подумала, будто Амир ей изменяет со мной.

— Что? Что ты говоришь? Ты сделала это нарочно?

— Да. — Я склонила голову, чтобы не видеть осуждения на ее лице.

— Да ты хоть понимаешь, что натворила? Да знаешь, как долго он добивался ее? Он же был от нее без ума! А она боялась вновь довериться мужчине, отталкивала его. Потом все наконец наладилось, а тут ты! Он ведь так берег их отношения, что никто в академии, кроме Эди, Селены и меня, не был в курсе их романа. Она согласилась стать его невестой, а ты их разлучила! Как это подло! Как только ты узнала?

— Случайно.

— Даже я не знала об их связи, пока Селена со мной не поделилась. Именно она их познакомила. А теперь Элизабет и с подругой не желает общаться, чтобы не бередить старые раны. А все из-за тебя одной!

— Я не знала, что Элизабет с Селеной знакомы. Я полагала, что навредила только Амиру.

— Они из одного города. Элизабет в хороших отношениях с родителями Селены. А они ее очень уважают, несмотря на то, что сами аристократы. Селена всегда считала Элизабет своей наставницей. Именно Элизабет уговорила родителей отправить Селену учиться. Какая же ты подлая, Летта. Я никогда не думала, что ты можешь так поступить! Я не хочу даже разговаривать с тобой после этого. О совместных тренировках отныне с Истором договаривайся, я не буду тебе помогать!

Я тихо постучала в дверь кабинета, за которой раздавались громкие голоса.

— Войдите, — послышалось приглашение ректора, и я нерешительно открыла дверь.

— Ты меня ищешь? — спросил Эди, который что-то чертил на листе бумаги перед сидящим в кресле Амиром. — Это по поводу тренировок?

— Нет, мне нужно поговорить с ректором Сенсарро. Уделите мне несколько минут? — обратилась я к Амиру.

Ректор кивнул, а Эди вышел за дверь. Осторожно присев на

краешек дивана, я опустила глаза на сложенные на коленях руки и завела один из самых сложных разговоров в своей жизни.

— Ректор Сенсарро, я пришла, чтобы попросить вас о помощи. Я понимаю, что вы не горите желанием мне помогать, но хотя бы выслушайте для начала мою просьбу.

— Я слушаю, Виолетта.

— Я сделала чудовищную ошибку, когда подстроила то представление в аудитории, а потом ошиблась еще раз, когда надеялась, что этот ужасный поступок останется для всех тайной. Лучше было сознаться во всем хотя бы друзьям, может, тогда Элинна простила бы меня, а так… так она даже разговаривать со мной не желает. За целую неделю ни слова не сказала. Считает меня самой подлой на свете. Если я могу хоть что-то сделать, чтобы исправить ситуацию, то дайте мне шанс.

Я с надеждой посмотрела на хмурого Амира.

— Виолетта, что ты можешь исправить?

— Скажите мне, как отыскать Элизабет. Я поговорю с ней.

— А ты полагаешь, она будет с тобой разговаривать?

— Может, она хотя бы письмо прочтет?

— Я сильно в этом сомневаюсь.

— Ну хоть что-то? Я все-все сделаю, только поговорите с Элинной, чтобы она перестала глядеть на меня с таким презрением в глазах, что… что сердце разрывается.

— Нам не дано изменить прошлое, Виолетта. А что делать в сложившейся ситуации, я сам не знаю. Элинна добрая девушка, она простит… со временем.

— Позвольте попытаться. Если я не могу исправить того, что натворила, разрешите помочь вам в другом. Например, вернуть ту вещь, которую вы разыскиваете в аристократической академии. Она ведь представляет для вас большую ценность?

— Исключено! — Амир в упор посмотрел на меня. — Виолетта, помощи в этом вопросе я от тебя не приму, и говорить здесь не о чем. Ступай к себе.

— Но это действительно важно! Ведь если бы вы поговорили с Элинной, рассказали ей, что я оказала вам неоценимую услугу, помогла в чем-то существенном, это бы пересилило ее враждебность, подтолкнуло простить меня. Что вам стоит пойти мне навстречу? Ведь ваша невеста сама виновата, она не дала даже шанса объяснить. Все могло бы наладиться, если бы не ее упрямство…

— Виолетта, выйди, пожалуйста, из кабинета. Наш разговор окончен.

Амир сцепил пальцы, глядя на чертежи перед собой. Я замолчала и поднялась с дивана. Зря я надеялась на его

поддержку, не стоило даже приходить сюда. Молча вышла за дверь и едва не налетела на стоявшего за ней Эди.

— Что-то серьезное произошло? — задал вопрос преподаватель, вглядываясь в мое побледневшее лицо.

— Ничего. Я лишь предложила ректору помощь в поиске той вещи, что находится в Академии аристократии, но он отказался.

— Отказался?

— Да.

— А откуда ты узнала, что нам нужна помощь?

— Ниоткуда. Я просто предложила.

— Ты действительно готова помочь?

— Да.

— Вот как… ну тогда пошли.

Эди схватил меня за руку и повел за собой. Он завел меня в самый дальний уголок сада и, только убедившись, что вокруг никого нет, начал разговор:

— Слушай, Амир ни в какую не соглашается взять с собой помощницу. Я больше не подхожу, нужен кто-то из тех, кто учился в академии последние пару лет, вроде тебя или Селены.

— Почему?

— Этот гад усилил защиту. Только студенты и преподаватели могут входить без личного приглашения ректора. Селену Амир брать отказался, тебя, как я понял, тоже.

— А какой вариант вы видите?

— Там есть тайный проход, начинается в подворотне и выводит в подземелье академии. Амир тоже пойдет по нему, чтобы не привлекать ненужного внимания, а ты последуешь за ним. Я расскажу, как идти. Придется перемещаться в полной темноте, ты будешь считать шаги. Магией пользоваться нельзя, защита отреагирует мгновенно.

— Может, купить в лавке старьевщика фонарь?

— Не стоит занимать руки ненужными предметами… на всякий случай.

— Вы решили идти сейчас?

— Мы полагали все сделать в день соревнований, когда множество факторов будут отвлекать Зора, но пришлось срочно менять планы.

— А почему вы согласны, чтобы я помогла с поисками?

— Амир был прав, говоря, что на тебя можно положиться. Я убедился в этом на примере нашей команды. Я вижу, что ты держишь слово. А еще у меня нет выбора. Он не успеет один. Если бы он знал, где находится кристалл, — это одно, но на поиск нужно время. Вдвоем справиться проще.

— Этот кристалл представляет опасность для аристократов?

— Опасность для аристократов? — Эди искренне удивился. — Нет. Это не оружие, это криспп.

— Что?

— Одна магическая вещица. Только она не наша. Мы позаимствовали ее у одного человека, но Зор стащил кристалл. — Эди вздохнул. — У меня стащил, и я обязан его вернуть.

— Почему?

Мужчина задумчиво посмотрел на меня, потом перевел взгляд на окружающие нас кусты, сорвал с ближайшего веточку и принялся что-то чертить на земле. Постепенно под веточкой проявлялось в пыли чье-то лицо: большие глаза, длинные волосы, ласковая улыбка.

— Ее зовут Бэла. Ей дали это имя, потому что она была самой очаровательной малышкой. Она моя сестра. Я не буду вдаваться в подробности, скажу лишь, что всегда старался защитить ее, но не смог уберечь. Однажды ее похитили. Я долго разыскивал этого человека и наконец нашел. Зор Анделино — коварный подлый маг выкрал Бэлу и запер в своем доме.

— Откуда вы знаете?

— Ты не представляешь, сколько сил было положено на то, чтобы отыскать ее, а потом вызволить оттуда. Я пытался пробраться в этот дом, но не преуспел, я подкупал слуг, которые могли бы организовать ее побег, но безуспешно. Тогда я обратился за помощью к Амиру, и он раздобыл криспп. Я не знаю, где он его отыскал, я был поражен, что подобная вещь из легенд существует на самом деле. Наконец-то появился реальный шанс вернуть сестру и не подвергать ее жизнь опасности.

— Но почему вы не подали прошение королю…

— Прошение? — Эди горько рассмеялся. — Не будь смешной, девочка. Кого будет слушать король? Одного из своих лучших магов, ректора аристократической академии, или виера-полукровку? А может, опального мага, который встал во главе другой академии, обучая в ней тех, кто всегда противопоставлял себя королевской власти? Впрочем, сейчас это не важно.

Мы раздобыли кристалл, и я попал в дом Анделино. Забрался прямо в комнату Бэлы. Глупец! Какой же я был глупец! От счастья, что вновь увидел сестру, не обратил внимания на важные мелочи. Я освободил ее и собирался забрать с собой, когда она попросила дать ей пять минут, чтобы взять из комода одну важную вещицу. Я даже не спросил, что это за вещица. Я просто ждал и даже мысли не допускал, что она может послать тайный сигнал Анделино. Я не слышал и не видел, как отворилась потайная дверь, я глаз не мог оторвать от сестры, а потом Зор подкрался сзади и ударил меня чем-то тяжелым по голове.

Очнулся я уже в грязной канаве. Его слуги скинули меня туда, а не убили только потому, что Амир находился неподалеку и спас меня. Зор забрал кристалл, и Бэла осталась у него.

— Значит, она не хотела уходить, а вы все это время думали, что ее держат в плену? Может, Зор любит ее?

— Наивная Виолетта, разве любимых женщин запирают в комнате? Разве их заковывают в кандалы и сажают на цепь, прикрепленную к вмурованному в камень кольцу? Я собственными глазами видел эту цепь и следы затянувшихся ран на ее щиколотках. Объясни, что это за любовь, когда тебя опаивают эликсиром покорности, побуждающим предать врагу собственного брата?

— Но я не понимаю…

— У Бэлы дар, особый, неповторимый дар исцеления. Такого сильного я не встречал больше ни у кого. Даже Диана во многом уступает моей сестре. Как полагаешь, почему Зор до сих пор выглядит таким бодрым, полным сил? Почему в своем возрасте он не уступает молодым магам? Он использует дар Бэлы, держит ее как рабыню. Сестра очень красива, он пользуется и ее красотой тоже, я уверен. Я бы желал убить его, но моих сил не хватит. Я мог бы просить Амира о помощи, но если погибнет Зор, умрет и она. Он очень хорошо защитил себя, этот подонок.

Одним движением ветки Эди стер рисунок и тихо продолжил:

— После того как Зор забрал кристалл, он спрятал его. Мы пытались отыскать где. Анделино вычислил всех шпионов в своем доме и избавился от них. Осталась одна старуха, которая работает у него на кухне. Она слишком дряхлая, чтобы помочь с побегом, но приносит нам важные сведения. Мы узнали, что Зор спрятал кристалл в академии. И тогда Амир устроился преподавателем. Зор сам позвал его и очень радовался, что переманил такого хорошего учителя прямо из Дворцовой академии.

— А как Амир попал во дворец и зачем?

— Это не имеет отношения к данной истории, слушай дальше. Амир вычислил примерное местонахождение крисппа. Нам оставалось только дождаться подходящего момента и отыскать его. Именно тогда ты нам помешала. О, я готов был убить тебя собственными руками, но Амир остановил.

— Почему я помешала вам? Он ведь лишил меня сознания?

— Время было потеряно. — Эди горько вздохнул. — Набалдашник кураторской трости сделан из особого камня. Благодаря ему мы узнаем, какой момент подходящий.

— Я не понимаю.

— Защита академии строится по особому принципу. Она

создавалась на протяжении очень долгого времени, и выкрасть что-то оттуда практически невозможно. Плюс на самой академии стоял усиленный магический щит. Проникнуть внутрь здания могли лишь люди с аристократической кровью. Только каждую защиту нужно обновлять хотя бы раз в полгода. И тут как раз появляется шанс. Идеальным временем был визит короля — пока обновлялась защита, внимание Зора было поглощено монархом, но тогда мы не успели. Пока Амир возился с тобой, время на поиск оказалось упущено. Как же зол я был в тот момент!

Эди с силой ударил палочкой о землю, а потом вздохнул и продолжил:

— Вторым вариантом для нас стали состязания, на которых Зор должен присутствовать лично. Мы терпеливо ждали эти шесть месяцев, но на днях кухарка донесла, что Анделино задумал поменять защиту. Первые изменения мы заметили, когда я не смог проникнуть на территорию аристократической академии через подземный ход, а вот Амир проходил свободно, как и прежде. Ты тоже сможешь, я уверен. Затем нам стало известно, что Зор сделал крупный заказ на ритуальные предметы, а это плохо. Подобные вещи нужны для построения очень сильной и сложной охранки, сильнее только защита на крови, но нужно быть полным идиотом, чтобы решиться на подобное.

Мы все рассчитали и вычислили определенный отрезок времени, когда есть последний шанс вернуть кристалл. Амир отправится в академию один. Мы придумали, чем отвлечь Зора на эти пятнадцать минут, только для одного человека времени слишком мало, а двоим может хватить. Через три дня я отведу тебя на место, но прежде научу, как отыскать дорогу. Когда войдешь в кабинет Зора, у Амира не будет ни возможности, ни причин прогонять тебя, и ты ему поможешь. А если найдешь кристалл, он простит все, что бы ты ни натворила. Идет?

— Послушайте, я поняла, что кристалл очень важен для вас, но разве он столь же важен для ректора? Бывают ведь вещи, которые невозможно простить.

— Он дал мне слово помочь вызволить сестру, обещал моей матери вернуть Бэлу домой, раздобыл криспп и все это время помогал мне. Я однажды оказал Амиру услугу, а он не из тех людей, кто остается в долгу. И пусть теперь мы стали настоящими друзьями, но он все еще помнит о своем долге, и поверь, вернуть кристалл для него так же важно, как и для меня. К тому же эта вещь принадлежит другому человеку, ее необходимо отдать хозяину, как только вызволим Бэлу.

— Зор может предпринять вторую попытку, если ваша сестра столь важна для него.

— О, поверь, я не дам ему такого шанса. Ну что теперь думаешь, все еще хочешь помочь?

— Да. Вам осталось только объяснить, как не заблудиться в подземелье.

— Объясню, — улыбнулся Эди и хлопнул меня по плечу. — И вот еще что. — Эди набросал на земле схему и обвел в круг небольшой участок. — Это кабинет Зора, криспп находится где-то здесь, в пределах этого круга. Придется обыскать книжные шкафы и стол, где-то там тайник.

— Я запомню. А все же, что такое криспп?

— Кристалл преломления пространства.

В этот день я была как на иголках. Эди велел устроить на четвертом занятии несчастный случай, чтобы меня отпустили в лазарет. Но из-за волнения мне и подстраивать ничего не нужно было, все валилось из рук. Первый урок Эди вел сам, поэтому вопросов на этом занятии мне не досталось.

Следом шло государственное устройство, но, к счастью, с докладами о принятых много лет назад договоренностях с предводителями виерского движения выступали другие студенты.

На третьем уроке — принципах создания магических вещей — я чертила в записной книжке какие-то каракули, краем уха слушая, как преподаватель рассказывает об отличиях между магическим кубком и преобразовывающим. Один предупреждал владельца о наличии яда в питье, а другой превращал отравленный напиток в совершенно безопасную структуру. Все равно яд — это устаревший метод, сейчас никто друг друга не травит, как в древние времена.

Наконец наступил четвертый урок, и мое волнение достигло своего апогея. Учитель выдал каждому студенту индивидуальное задание. Мне досталось составление формулы для преобразования воды в кристаллы снега. Я задумалась, в каком моменте лучше допустить ошибку, но в голову ничего не приходило. Руки подрагивали, мысли мешались, я с досадой взялась вычерчивать нужные знаки.

Наверное, попытайся я все сделать нарочно, у меня бы не вышло столь хорошо, как получилось в результате сильного внутреннего напряжения. Я создала кристаллы, но не снега. Шестигранные снежинки вышли слишком большого размера, а их края оказались острыми, как бритва. Об один из таких краев я и порезала руку. Громко вскрикнув, привлекла внимание преподавателя, который тут же подбежал, а выяснив причину, отправил меня в лазарет заживлять кровоточащую рану. Кажется, я все-таки перестаралась с порезом. За дверью уже ждал Эди.

Едва он увидел мою руку, глаза полезли на лоб.

— Ты зачем так сильно порезалась? Я говорил, ссадинку какую-нибудь. Только подозрения отвести, а не без руки себя оставить.

— Я разволновалась, и рука дрогнула.

— Постой, сейчас заживим. — Эди достал из кармана баночку, намазал рану зеленой мазью и перемотал своим платком. Я ощутила, что постепенно рука перестала болеть, а потом Эди снял платок, и я увидела лишь красноватую полоску на месте пореза.

— Какая хорошая мазь!

— У Дианы позаимствовал. В основе формула ускорителя заживления. А теперь идем. — И он потянул меня на выход из академии, где возле крыльца нас ждала закрытая коляска.

— А почему в нашей академии нет отделения целителей? — спросила я Эди, пока коляска ехала по улицам по направлению к нужной подворотне.

— Потому что для целителей построена отдельная школа. Этот дар проявляется с детства. Но чтобы лечить людей, нужно обладать соответствующим характером и большим терпением. Бэла могла стать величайшей целительницей. Полагаю, кто-то из преподавателей школы проболтался о ней Зору. У него очень много связей. Именно из школы он ее и выкрал.

— Мне правда очень жаль вашу сестру.

— Я верю. Ты ведь решила помочь.

Оставшийся путь мы проделали в молчании, думая каждый о своем.

Коляска остановилась в старом квартале, и Эди помог мне выйти наружу. Когда я спустилась со ступенек, он заплатил кучеру, а сам повел меня по узкому переулку, который заканчивался тупиком.

— Здесь начинается проход, — сказал Эди и, присев на корточки, что-то начертил на земле. Раздался тихий шум, и плита, казавшаяся со стороны частью мощенной камнями улочки, сдвинулась в сторону, открывая ведущие в темноту ступеньки.

— Раньше я спускался сюда без проблем, а теперь не могу. Отсюда тебе одной начинать свой путь. Ты помнишь шаги?

— Да. Семь ступенек вниз, потом двадцать шагов прямо, после повернуть направо, и дальше… Я хорошо запомнила.

— Ну давай, удачи тебе. Буду ждать вас в академии.

Я присела на край плиты и спустила ноги в зияющий темнотой провал. Эди глубоко вдохнул, и я поняла, что он опасался, как бы защита не остановила и меня тоже. Когда я спустилась по ступенькам вниз, плита задвинулась, и все вокруг

погрузилось в кромешную тьму.

Глава 31
КРИСПП

Какой же мрачный этот тоннель. Могу лишь надеяться, что змей здесь нет. Я шла, низко склонив голову, держась руками за сырые стены, пытаясь не сбиться: я считала шаги, выучив наизусть, после какого количества шагов куда поворачивать. Эди строго-настрого наказал не применять магию, иначе это могло окончиться плачевно.

Проход оказался низким и узким, из-за спертого воздуха было трудно дышать. Очень осторожно я кралась вперед, помня о наставлениях Эди поспешить, когда пройду пятую по счету развилку. Он говорил, что тогда я как раз вовремя успею добраться до коридора, ведущего к ректорскому кабинету.

Когда дошла до нужной развилки, до меня донесся странный шорох впереди, и я испуганно замерла на месте, затаившись. Вновь шорох, едва слышный, и я ощутила чье-то движение рядом, а потом кто-то резко схватил меня за плечо, а вырвавшийся крик заглушила прижавшаяся ко рту ладонь. Я рванулась прочь, но тихий голос Амира прошипел на ухо:

— Виолетта!

О, я едва не упала от накатившего чувства облегчения. Умеет же он подкрадываться в темноте. У меня чуть сердце из груди не выскочило от страха! Неужели я слишком быстро шла, раз настигла его?

— Эди отправил? — кратко спросил Амир, и я кивнула, а потом сообразила, что кивка в темноте не видно, и шепнула: «Да. А как вы определили, что это я?»

— По твоему вскрику, — был ответ, а потом меня развернули в ту сторону, откуда пришла, и подтолкнули в спину. — А теперь обратно, Виолетта, и быстро. Над третьей ступенькой справа на стене рычаг, потянешь за него, и плита сдвинется. Вперед!

Я невольно сделала вперед два шага, оглянулась, ничего не увидела и присутствия Амира рядом уже не ощущала. Вот так уходить? Я огорчилась невероятно. А так хотелось помочь, совершить настоящий поступок! Я уже успела в красках представить, как заслужу прощение от Элинны, уважение Амира и сделаюсь героиней для Эди. Даже шанса не дал! В носу защипало от расстройства. Я сделала еще один шаг и медленно побрела в обратную сторону.

Взгляд скользнул по стенам, на которых мелькали красноватые отблески откуда-то из-за поворота впереди. Я

внезапно остановилась, осознав, что в коридоре стало светлее. Что там светится? Додумать, а тем более выяснить этот вопрос мне не удалось. До слуха долетел звук быстрых шагов — Амир буквально налетел на меня, цепко схватил за руку и потащил за собой, переходя практически на бег.

— Что там позади? — выдавила из себя, едва поспевая за ним.

Но мужчина не ответил, свернув в этот момент в одно из ответвлений. Мы снова бежали в полной темноте, несколько раз поворачивали, и я окончательно сбилась со счета, а потом ощутила ступеньки под ногами, и Амир потащил меня наверх, все так же крепко удерживая мою ладонь в своей руке.

Я услышала, как он надавил на рычаг, и крепко зажмурилась, когда свет ударил в глаза. Ректор вновь потянул меня за собой, и я наконец огляделась кругом. Мы вышли из стены где-то посередине коридора, ведущего к кабинету Зора Анделино. Вокруг было пусто и царила странная, даже немного пугающая тишина. Оставалось пройти немного, чтобы добраться до цели, как вдруг Амир крепко выругался. Из его фразы я поняла лишь, что все очень плохо, а на стенах в обоих концах, где коридор делал изгиб, вновь возникли красноватые блики.

— Что это? — спросила у ректора, резко дернувшего меня за собой.

— Защита активировалась, процесс практически завершен. Выходы уже перекрыты. Теперь только вперед, Виолетта. Отступать некуда, и времени почти не осталось, — с этими словами он распахнул дверь зоровского кабинета и указал на шкафы.

— Ищи потайные отсеки. Криспп — это минерал мутно-белого цвета, вроде куска горного хрусталя, размером с мизинец.

Я кинулась к книжным шкафам, а Амир принялся выдвигать ящики письменного стола, простукивать дно. Я последовала его примеру, простукивая точно так же все полки шкафов. Книги попросту скидывала на пол.

— Почему в академии так тихо?

— У студентов практика за пределами школы, Зор не вернется, пока процесс не завершится, надеюсь, его задержат немного дольше.

— А как вы рассчитали, что криспп здесь?

— Набалдашник трости из похожего материала, камень теплеет, стоит оказаться на расстоянии десяти шагов от кристалла. К сожалению, точное место угадать невозможно.

— Ну почему вы раньше не обыскали кабинет?

— Потому что Зор бы почувствовал и раскрыл меня прежде

времени. Точно так же я чувствую, если кто-то прикасался к вещам в моем кабинете.

О, буду знать на будущее.

Амир обошел стол по кругу, вернулся назад и стал внимательно ощупывать ректорское кресло.

Я скинула книги с последней полки, проводя руками вдоль стенок, отыскивая хоть какой-то намек на тайник, как неожиданно из стены вышла красная сеть. Она вдруг изогнулась, будто большая живая ловушка, медленно приближаясь к центру комнаты. Громко ахнув, я отшатнулась к столу. Амир поднял голову и, отшвырнув кресло в сторону, перепрыгнул через столешницу, обхватил меня за талию и крепко прижал к себе.

— Что это?

— Защита на крови, — выдохнул мужчина так, словно не верил собственным глазам.

Я совершенно не разбиралась в защитах, но от этой исходила какая-то опасность, я кожей ее чувствовала, в душе заворочалось нечто холодное, жуткое, а липкий страх окутал все тело. Сеть приближалась, и уже можно было различить, как по тонким полупрозрачным ниточкам очень мелких ячеек пробегают красные искры.

Амир не отводил от сетки напряженного взгляда. Он вдруг отпустил меня и вытянул вперед ладони, выплетая непонятную сложную схему. На его висках выступили капельки пота, губы что-то беззвучно шептали. Он выдохнул, не опуская рук, а сеть вдруг замедлила движение.

Я вцепилась в его рубашку и прижалась еще ближе. Он ведь обязательно придумает что-то, вытащит нас отсюда. Бедро уперлось в боковую стенку стола, я ощутила, как больно впилась в кожу рельефная резьба. С трудом отвела взор от жуткой ловушки. Слишком страшно было наблюдать, как сжимается вокруг красное кольцо.

Посмотрев вниз, я сосредоточила взгляд на красивой монограмме — двух искусно переплетенных друг с другом буквах «КФ». «Король Франциск», — отстраненно подумала я. Разум словно окутало пеленой, мысли двигались вяло, неохотно, будто уже сдались на милость поймавшего нас в ловушку Зора. Имя короля все еще вертелось в голове, когда вдруг одно воспоминание озарило мозг яркой вспышкой. Я так дернула зажатую в ладонях ткань рубашки, что послышался треск рвущейся материи.

— Амир! Здесь не должно быть этих инициалов, — крикнула, привлекая внимание мужчины к столу.

Он мгновенно обернулся, а я отпустила его, давая

возможность присесть на корточки. Я не видела, что делает Амир, потому что стоило ему опустить руки, как сеть вновь стала надвигаться с прежней скоростью. Я лишь схватилась рукой за край стола, боясь помешать и одновременно не решаясь смотреть по сторонам, прикрыла глаза и закусила губу от волнения, а потом вздрогнула, услышав громкий треск и щелчок.

Амир вскочил на ноги, надевая на шею цепочку с белым кристаллом. Я отклонилась немного назад, пытаясь лучше разглядеть криспп, и в тот же миг лопатки обожгло, будто огнем, а Амир резко дернул меня на себя, крепко сцепил ладони на моей талии и крикнул: «Держись».

Я едва успела ухватить его руками за шею, как воздух вокруг задрожал, перед глазами разлилось красное марево, а потом мы рухнули вниз, и нас утянуло в воздушный водоворот. Меня закружило и едва не оторвало от мужчины, но пальцы Амира сжались вокруг талии стальными тисками, а потом я ощутила сильную боль — руки, ноги и голову словно тянули в разные стороны, будто кто-то пытался оторвать их от тела.

Я не могла даже крикнуть, потому что дыхание вдруг прервалось, а секунду спустя сильный удар едва не лишил сознания. Меня приложило затылком так основательно, что перед глазами закружился хоровод разноцветных звезд. Зашипев сквозь зубы, прижала ладони к вискам, пытаясь унять боль, а потом открыла глаза и снова охнула. Мы лежали на полу в кабинете ректора виерской академии.

Я подняла голову и огляделась вокруг еще раз, ущипнув себя за руку на случай, если грежу. Так вот что означает это преломление пространства — кристалл переносит в нужное место. Понимаю теперь, почему Зор так вцепился в него, кристаллу даже магическая защита нипочем. Я перевела взгляд на Амира. Холодный бледный свет крисппа на его груди медленно угасал, пока минерал снова не стал напоминать обломок обычного мутновато-белого кварца. Глаза мужчины были закрыты.

— Ректор Сенсарро, — позвала я, подергав рукав рубашки. — Амиральд, вы меня слышите? Мы вернулись!

Он не отзывался. Я скользнула пальцами по холодной щеке. Губы мужчины посинели, кожа обжигала холодом.

— Амир! — прижавшись ухом к его груди, пыталась расслышать стук сердца, но не могла понять, слышу или нет. Мое собственное так колотилось в ушах, что его грохот заглушал иные звуки.

Я привстала, но не смогла подняться, не пускали его сжавшиеся вокруг талии руки. Они обвили меня наподобие

железного обруча, как я ни рвалась, не могла выбраться из захвата.

— Кто-нибудь! — крикнула я. — Помогите! Эди, Эди, где ты?!

Кажется, прошла вечность, а может, всего лишь секунда, равная моему вдоху, но растянувшаяся на целые часы. Дверь распахнулась, гулко ударившись о стену, и в кабинет влетел бледный Эдвар.

— Вернулись! — выдохнул он, словно боялся поверить собственным глазам. — Достали, вы достали его!

— Эди, что-то не так? Почему Амир без сознания?

— Без сознания?

Эди бросился к нам и упал рядом с Амиром на колени. Коснулся его лица и послушал сердце.

— Бьется? — прошептала я.

— Да, только очень тихо. — Эди протянул руки, попытался разжать пальцы Амира, но не смог.

— Проклятье, не получается! Кажется, он применил магическое заклинание, и ты теперь не выберешься, пока он сам не отпустит. Видно, слишком боялся тебя упустить во время перемещения. Что там случилось в кабинете?

— Я не знаю, там была какая-то красная сеть, Амир сказал — защита на крови, а потом мы нашли кристалл и переместились.

Я еще не окончила фразу, как Эди вскочил на ноги. Его вдруг затрясло.

— Защита на крови? — побелевшими губами переспросил он.

— Амир так сказал.

— Я за Дианой! Нельзя терять время. Не позволь ему навредить самому себе, когда очнется! — крикнул Эди, прежде чем дверь в кабинет захлопнулась за ним.

— А… — Я даже спросить ничего не успела. Вновь опустив глаза на бледного Амира, потрогала его кожу — все такая же холодная. Я изогнулась в его руках, еще раз попыталась разжать сцепленные пальцы, но опять безуспешно, попытка выползти из захвата тоже окончилась неудачно. Да что такого произошло? Ведь я в порядке, если не считать шишки на голове.

Не найдя ничего лучше, снова вытянулась рядом с бессознательным ректором, уложила голову ему на плечо и затихла, успокаивая себя тем, что Эди побежал за помощью. Взгляд коснулся кристалла, лежащего на ректорской груди, и я протянула руку, чтобы потрогать холодный минерал, провела пальцем по грани и вздрогнула от тихого стона.

Подняв глаза на лицо Амира, увидела, как оно исказилось судорогой боли. Руки мужчины сжались крепче на моей талии, вызвав у меня болезненный вскрик, а потом он внезапно расцепил

ладони, и я едва успела откатиться в сторону, как Амир с силой ударил кулаками по полу. Глаза его по-прежнему были закрыты, на шее вздулись вены, зубы до крови прокусили губу, он выгнулся, и новый полный боли стон ударил по напряженным нервам.

— Амир! — позвала я, но он, кажется, не слышал. Он стал метаться из стороны в сторону, мышцы напряглись, судорога вновь исказила лицо. Пальцы скрючились, будто когти животного, он принялся царапать ногтями грудь, разрывая прикрывавшую ее тонкую ткань.

— Амир! — Я кинулась к нему, ухватила за руки, попыталась развести в стороны, но он был гораздо сильнее и легко вырвал ладони из моих пальцев. Я предприняла еще одну бесполезную попытку, в испуге глядя на окрасившуюся кровью белую рубашку, а потом запрыгнула сверху и навалилась всем телом, зажав его ладони на уровне груди. Он вновь застонал, дернулся в сторону, и я едва не слетела, прижалась крепче, пытаясь не свалиться на пол и не выпустить его рук. Щека испачкалась в крови, сочившейся из ссадин на его груди, воздух пропитался металлическим запахом, а полные боли стоны вызывали внутреннюю дрожь.

Слуха коснулся стук ударившейся о стену двери, а потом меня оторвали от ректора, и Эди мгновенно занял мое место, хватая руки друга и прижимая их к полу, а бледная взволнованная Диана упала рядом на колени и достала из кармана пузырек.

— Виолетта! Держи его голову! — крикнула она мне. Я мгновенно подползла ближе, ухватила голову ректора, попыталась зафиксировать, пока Диана разжимала ему зубы и вливала в рот настойку. Едва она успела опрокинуть пузырек, как Амир дернулся так сильно, что скинул с себя Эди и вырвался от нас обеих, откатившись в сторону. Он перевернулся на живот, уперся локтями в пол, согнул спину, а из горла вырвался страшный хрип.

Я в ужасе смотрела на него, впервые в жизни видя подобные мучения. Ощущение, словно его пытали прямо у меня на глазах. Ректор мотнул головой последний раз, а потом вдруг упал на живот и затих.

— Диана, — позвал бледный Эди, — помогло?

— Отпустило немного, — едва слышно прошептала та.

— Ч-что происходит? — спросила я. — Он умирает?

— Нет. — Диана смахнула с глаз навернувшиеся слезы. — Ему очень больно. Надеюсь, настойка поможет. Должна помочь. — Она приблизилась к Амиру, нежно погладила его по

волосам и вновь обратилась к Эди: — Положим его на диван. Он больше не будет вырываться.

Они вдвоем подняли Амира и устроили на диване, а я осталась сидеть на полу. Эди склонился и снял с ректора кристалл.

— Тебе нужно идти уже сейчас, Эди, ты можешь не успеть.

— Я не могу бросить его одного.

— Ты ничего не сделаешь. Спаси сестру, это последний шанс. И возьми с собой это. — Она протянула мужчине темно-зеленый флакон, который тот спрятал в карман, после чего надел на шею кристалл и закрыл глаза. Минерал засиял холодным бледным светом, и Эди исчез.

Я перевела взгляд на Диану и увидела, что она уже стоит рядом с диваном на коленях, положив ладони на лоб Амира. Несколько томительных минут я наблюдала за целительницей, которая внезапно побледнела и сползла на пол. Тело ее сотрясала мелкая дрожь.

— Диана! — Я подбежала к женщине, подняла и прислонила спиной к дивану. Да что тут происходит?!

— Не могу, — целительница посмотрела на меня, в глазах ее стояли слезы, — у меня не хватает сил. Защита зацепила его, а я не могу излечить.

— Защита? Диана, меня тоже обожгло, но я в порядке.

— Тебя? — Целительница смотрела на меня непонимающим взглядом, а потом поднесла ладони ко рту и простонала: — Он твою боль забрал, Виолетта.

— Что?

— Он забрал твою боль. Где тебя обожгло, покажи.

— Я медленно повернулась спиной, а Диана тихо ахнула.

— Лопатки обожжены, а ты даже не чувствуешь. Так он тебя защитил, вот почему я не могу найти источник боли в его теле. Она в его голове. Он принял на себя удар и теперь мучается в агонии, а я ничего не могу сделать! Он так долго не выдержит. Настойка могла облегчить его боль лишь на немного, но он по-прежнему мучается.

— Не может быть! Вы ошиблись.

— Посмотри на него внимательно.

Я перевела взгляд на Амира. Он казался спокойным, словно спал, но изредка по его лицу будто пробегала тень, а мышцы были слишком напряжены.

— Объясните мне, Диана.

— Просто ты бы не выдержала, Виолетта. Я понимаю, зачем он это сделал. Это как пытка, люди от подобного сходят с ума. Не знаю, сколько времени у нас в запасе, чтобы спасти его разум. У

него сейчас такое чувство, будто каждое сухожилие, каждую связку разрывают внутри, ломают кости… Я не могу помочь! — Она закрыла лицо руками и заплакала.

— Кто может? — схватила я ее за плечи. — Да придите в себя, не время плакать! Кто может ему помочь?

— Только целитель, который сильнее меня.

— Сестра Эди. Бэла! Она ведь сильнее?

— Я не знаю, Виолетта. Не знаю, что с ней стало и сколько сил каждый день вытягивает из нее Зор.

Я не ответила, просто села на диван рядом с Амиром. Диана тихо плакала на полу, и только эти всхлипы нарушали воцарившуюся тишину. А я думала, что же еще мы можем сделать? Амир больше не двигался, но дыхание его было слишком тяжелым, лоб прорезала глубокая морщина, мышцы на руках вновь напряглись.

Может, ему становится хуже? Протянув руку, погладила ректора по волосам. Вряд ли это поможет, но помню, что так всегда делала няня, когда я болела. Она садилась у изголовья кровати и ласково перебирала мои кудри, а мне как будто легче становилось. Вот и сейчас показалось, что дыхание мужчины стало ровнее, а мышцы лица немного расслабились.

Я коснулась пальцами морщинки на лбу, погладила по щеке. Почему он так поступил? После всех безобразных выходок зачем он забрал себе мою боль? Уж лучше бы оставил мучиться, я заслужила. Всегда думала только о себе, даже сегодня, когда пыталась помочь Эди. И это я попалась в ловушку, меня зацепило, потому что я отвлеклась на кристалл. А теперь даже не оправдаться перед самой собой, совесть кричит слишком громко, и стыдно смотреть людям в глаза.

Стрелка больших часов на стене медленно завершала свой круг. Диана притихла и уткнулась головой в колени. Внутри меня будто сжалась невидимая пружина, так сильно было напряжение. Я сидела и ждала — а что еще оставалось?! — ждала, когда Эди вернется, и не отходила от Амира. «Тик-так, тик-так», — отдавалось в голове. Сколько еще осталось времени в запасе?! Эди, Эди, ну возвращайся же скорей!

Глава 32
НАЧНЕМ ВСЕ СНАЧАЛА

— Ах! — Мы обе дернулись, как от удара, когда яркая вспышка ослепила глаза, а на пол комнаты с шумом свалился Эди. Он крепко прижимал к груди тело бесчувственной девушки.

— Эди! — Я вскочила на ноги, Диана попыталась встать, но, кажется, силы оставили ее окончательно.

Эди осторожно опустил сестру на пол, очень бережно провел ладонью по ее щеке, и она открыла глаза.

— Бэла, — позвал он. Девушка перевела на его лицо растерянный взгляд, словно не узнавала. — Бэла, ты помнишь меня?

Мы все глядели на нее, а я как-то механически отметила, что она и правда красавица. Тонкая, хрупкая, с пышными волосами оттенка цветочного меда, с бархатистыми карими глазами, белой нежной кожей, сквозь которую просвечивали тонкие голубые вены. В отличие от «неземной» Дианы красота Бэлы была очень чувственной, эта чувственность проскальзывала в каждом жесте, даже в том, как она испуганно подтянула колени к груди и обхватила их руками, не отрывая широко раскрытых глаз от брата.

— Зелье забвения, — шепнула Диана. А я вдруг поняла, что эмоции — это самая ужасная вещь на свете. Именно из-за них люди утрачивают волю, именно из-за них прогибаются под обстоятельства. Иногда слишком сильные эмоции способны затуманить разум, смешать ориентиры, как сейчас у Эди. Он так смотрел на сестру, что мне самой стало больно.

— Эди! — крикнула я, привлекая его внимание. — Если она под действием эликсира покорности, прикажи ей излечить Амира. Мы больше не можем тянуть. — «Может, уже слишком поздно», — едва не добавила я, но вовремя прикусила язык.

Я видела, что ему очень сложно взять себя в руки, но он совершил поистине героическое усилие и, поднявшись на ноги, громко и властно произнес:

— Ты сейчас же излечишь этого человека, пострадавшего от кровной защиты. Ты поняла меня?

Девушка испуганно кивнула, а лицо Эди исказилось от боли.

— Приступай! — велел он, и голос его едва заметно дрогнул.

Бэла поднялась и подбежала к Амиру и так же, как Диана, положила ему руки на лоб и закрыла глаза.

Я даже ладони сжала от волнения, силясь рассмотреть,

происходят ли какие-то изменения. Вдруг Амир вздрогнул всем телом, а я вместе с ним. Руки Бэлы скользнули вдоль его лица, и она повалилась навзничь. Эди бросился к сестре и вновь подхватил на руки, крепко прижав к себе.

— Диана, есть еще тот эликсир для восстановления сил?

— Нет, я отдала тебе последний.

— Ей удалось? — спросила я Диану.

— Не знаю, но она отдала все силы, потому и лишилась сознания.

Мы одновременно перевели взгляд на Амира. Диана с трудом развернулась лицом к дивану и даже привстала на колени. Я затаила дыхание. Эди не отрывал взволнованного взгляда от друга, продолжая крепко прижимать сестру к груди.

Глубокий вздох прозвучал в тишине так громко, как удар тонкой палочки по туго натянутой барабанной коже. Амир пошевелился, раскрыл глаза, а потом медленно повернул голову и обвел взглядом наши лица.

Я силилась понять, узнает ли он нас, когда он едва слышно спросил:

— Все живы? Или я попал на чьи-то похороны?

Я бы, наверное, улыбнулась шутке, если бы не его слабый голос, эта неестественная бледность и отголосок нечеловеческой боли в зеленых глазах. Диана разрыдалась в голос, а у Эди мелко затрясся подбородок.

Не дождавшись от нас ответа, Амир протянул руку к Диане, успокаивающе погладил ее по голове.

— Теперь все в порядке. Все хорошо. Не плачь.

Когда Амир окончательно пришел в себя и помог Эди отнести обеих целительниц в лазарет, я поняла, что теперь буду только мешать, и поднялась в свою комнату. С тех пор лежала на кровати и смотрела в потолок, не желая даже двигаться лишний раз. Элинна, как обычно, не сказала ни слова, Мелинда встревоженно посмотрела на меня, но не стала задавать вопросов.

Я вдруг вспомнила, что у меня ожог на спине и стоило, наверное, пойти со всеми в лазарет, но прогнала от себя эту мысль. Мне ничего сейчас не хотелось, а тем более хвастать своими успехами, сообразительностью или тем, как я помогла Эди и Амиру добыть кристалл.

Негромкий стук отвлек соседок от выполнения домашних заданий. Мелинда отворила дверь, и до меня донесся голос Эдвара:

— Здравствуй, Мелинда, мне нужна Виолетта.

— Летта! — Девушка обернулась ко мне, а я села на кровати,

а потом нехотя встала. Уже на выходе услышала испуганный возглас обеих подруг, узревших мою спину, но решительно захлопнула за собой дверь.

— Идем. — Эди взял меня за руку и повел в сад.

Мы сели на скамейку недалеко от красивого мраморного фонтана. Вокруг уже загорелись небольшие фонарики, мягко освещавшие посыпанные разноцветными камушками дорожки и листья разросшихся вокруг кустов. На небе только загорались первые звездочки.

— Повернись, — коротко велел преподаватель, и я послушно развернулась, отводя со спины волосы.

Эди что-то нанес на кожу, и в вечернем воздухе разлился аромат мяты.

— Теперь раны затянутся, раз привязка разрушена.

— Расскажи мне про эту защиту, Эди.

— Затем я и позвал, чтобы все рассказать. Только сперва объясни, как догадалась, где находится кристалл. Амир поведал, что тайника там не было, сама цепочка была очень искусно вплетена в монограмму, а кристалл скрывался под тонкой деревянной дощечкой. Очень ловко Зор придумал его спрятать. Ведь тайник всегда можно найти, стоит только обнаружить пустое пространство там, где его не должно быть. А тут все на виду.

— Когда я гостила у жениха в замке, я ходила в библиотеку. Там тоже стоял подобный стол. Это мебель эпохи короля Франциска, очень популярная в среде богатых аристократов. Вот такие письменные столы изготавливают на заказ только в одной лавке в городе. В них много потайных отделений, которые открываются при нажатии, ящички могут вставать на место друг друга, стоит потянуть за рычаг, и еще много подобных секретов.

В целом столы очень удобны. Только чтобы все превосходно работало, их изготавливают согласно старой технологии, придуманной самим королем. Отступишь немного, и какая-то деталь обязательно придет в негодность. Франциск был большим выдумщиком и очень талантливым изобретателем. Я помню, что у Эрина в замке есть точная копия королевского стола, а когда увидела монограмму, вспомнила, что на столе Эрина ее не было. Король проставлял свои инициалы на крышке с внутренней стороны.

— Молодец, Виолетта. И ты поразительно много знаешь для своего возраста. Впрочем, я только рад, что ты такая любознательная.

— Не в любознательности дело, я всегда стремилась к тому, чтобы быть лучше, поражать других собственными знаниями, умениями. Я… я не молодец, Эди. Я сделала это для себя. Вот

Амир, он сознательно забрал себе мою боль. А я за всю жизнь не совершила ни одного великодушного поступка.

— Ну хватит. Совсем ни одного? Может, ты значения не придавала своим хорошим делам? Полагаешь, у меня или Амира не было таких поступков, за которые очень стыдно? Каждый совершает ошибки, нужно уметь признавать их и пытаться исправить, только тогда можно изменить себя, стать лучше. Ты храбрая и решительная, ты держишь свое слово в отличие от многих аристократов. А что касается Амира, то таких людей, как он, и правда мало. Я ведь тоже поступал эгоистично, требуя от него помощи в возвращении сестры. Представляю, каково это было работать на Зора в его академии… И в этот раз, Виолетта, именно я отправил тебя в подземелье и научил, как найти дорогу, слишком сильно боялся, что Амир не справится в одиночку. Я даже не думал, что там поставлена кровная защита, но это не может служить оправданием.

— Эди, почему ловушка активировалась раньше, вы неправильно рассчитали время?

— Нет. Такая охранка активируется намного быстрее, в этом все дело. Защита на крови — полное сумасшествие, но Амир не исключал этого варианта, теперь я понимаю. Это был наш последний шанс добыть криспп, и Амир отправился один, хотя предполагал, что может не успеть. А вот из-за меня вы оба едва не погибли. Один он бы справился с защитой, смог продержаться до возвращения Зора, а вот защитить вас двоих сил бы не хватило… Спасибо тебе, Виолетта, спасибо, что нашла кристалл.

— Я нашла его только потому, что Амир принял удар на себя и пытался остановить сеть. Все вышло случайно. Я так боялась, что не хотела смотреть на ловушку, именно тогда и увидела монограмму.

— Процесс активации начался уже тогда, когда вы были в подземелье. Сначала закрылись все выходы, а когда процесс завершился, охранка сработала на ваше присутствие и окружила со всех сторон. Она способна беспрепятственно проходить сквозь нематериальные объекты и уничтожает только живые существа. Полагаю, в подземелье Амир еще не знал, что там за защита, мог только догадываться, что это самая мощная из всех, и тогда предположил ошибку в расчетах.

— А в чем разница? Чем страшна именно кровная защита?

— Разница во времени активации и в том, что остальные не дают нарушителю выбраться, а эта разрезает человека на мелкие кусочки.

Меня внезапно замутило от слов Эди, и я с трудом смогла вдохнуть.

— В том-то и ужас, Виолетта. Поставить подобную охранку в академии может только сумасшедший. Думаю, Зор слишком боялся, что у возможных похитителей кристалла хватит сил обойти любую защиту. От кровной сбежать невозможно. Только эта охранка тянет из своего хозяина тьму энергии. Я так полагаю, пополнять ее он собирался за счет моей сестры. — Руки Эди сжались в кулаки. — Знаешь, сильных целителей и раньше похищали. Только они способны делиться своей энергией, потому что лечат людей. Потом в целях защиты им стали надевать на руку специальные браслеты. У Бэлы тоже был такой. Но сильный маг способен сломать защиту браслета, что Зор и сделал.

Эди опустил голову на руки и горько вздохнул. Я коснулась его плеча, пытаясь хоть немного подбодрить.

— Эди, ты сказал, что Амир один мог справиться.

— Да, остановил бы сеть, но оказался бы в ловушке и попал к Зору в руки. Не думаю, что Анделино решился бы на убийство, скорее, отправил бы Амира в тюрьму и очень радовался бы, что избавился от соперника.

— Как Амир смог забрать себе мою боль и почему ты сказал, что теперь раны на спине заживут, раз привязки больше нет?

— Когда сеть коснулась тебя, она не просто ранила, она тебя отметила, возникла привязка. Охранка настроена на то, чтобы уничтожать. Если сеть не смогла убить тебя физически, она должна была уничтожить иным способом, например ментально. Ты бы мучилась, пока не сошла с ума, и раны на теле не зажили бы от простых лекарств и мазей. Только очень сильный целитель может порвать эту связь, отдав тому, кто привязан к охранке, свою энергию. Когда кристалл переносил вас сквозь пространство, прямая связь была нарушена, это позволило Амиру сменить полюс, перенастроив сцепление с защитой на себя. Проще говоря, он забрал твою боль себе.

Мы замолчали и долго сидели в тишине, а потом я снова решилась спросить:

— Значит, у Бэлы все же хватило сил? Я боялась, что Зор вытянул их из нее.

— Думаю, он восстанавливает свои силы ночью. — Тон Эди сказал мне о его чувствах лучше всяких слов.

— Как Зор мог решиться на такое?

— Слишком сильно хотел победить в состязаниях, задумал использовать криспп, чтобы смошенничать. Он ведь даже перенастроил его.

— Перенастроил?

— Да. Амир рассказал. Зор сделал так, чтобы кристалл мог переносить только одного человека, того, кто надевал криспп на

себя. Ты ничего странного не ощутила во время переноса?

— Было чувство, словно ноги, руки и голову тянут в разные стороны.

— Повезло.

— Что повезло?

— Что у Амира такая реакция. Всегда ею восхищался. Если бы я тебя переносил, то мог бы вернуть в виерскую академию по частям, а Амир успел почувствовать и перенастроить кристалл в момент активации. Зор ублюдок! Все сделал, чтобы криспп никому не достался! Думаю, ему очень нужны те деньги, что достаются победителям, ну и конечно же слава лучшей академии и лучшего ректора. Два года назад наша победа стала для него слишком сильным потрясением. Он ведь ни во что не ставил виеров раньше, а Амир утер ему нос.

— Скажи, зачем Диана отдала тебе эликсир для восстановления сил?

— Чтобы хватило энергии зарядить криспп на обратную дорогу.

— И ты сразу отыскал Бэлу, когда переместился?

— Нет. Зор поселил ее в другой комнате, в дальней башне. Мне удалось незамеченным пробраться до кухни и узнать все у кухарки. Она помогла отвлечь охранников у двери, а я уж позаботился, чтобы они полежали некоторое время спокойно и не мешали мне. В этот раз не дал Бэле шанса предупредить кого бы то ни было.

— А что будет с этой кухаркой, когда Зор вернется?

— Она к тому времени покинет его дом.

Эди помолчал немного, а потом вдруг добавил:

— Прости, если можешь, Виолетта. Если бы с тобой что-то случилось, я б никогда себе не простил.

— Эди, не стоит… Я сама согласилась. Не бери всю вину на себя.

— Ты ведь девчонка совсем, а я взрослый человек, это я должен был думать, а еще слушать Амира. И прости, что так злился на тебя в начале нашего знакомства.

Я вдруг вспомнила подслушанный разговор и зябко поежилась, обхватывая себя за плечи. Эди протянул руку и привлек меня к себе.

— Замерзла? Нам уже пора возвращаться. Только не считай впредь, Виолетта, что ты очень плохая и эгоистичная. Ты намного лучше, чем сама думаешь. Я вот тоже в тебе ошибался. Может, начнем все сначала, не принимая во внимание эти глупости, что ты аристократка, а я виер и каждый из нас плох уже только по этой причине? Ведь теперь у нас общая цель — нужно проучить

Анделино, а победа в играх — лучшее наказание для него, особенно сейчас, когда он потерял Бэлу и криспп.

— Я не против дружбы, Эди. Я ведь тоже во многом заблуждалась раньше относительно виеров. А еще я решила отправиться на эти состязания, хочу увидеть все собственными глазами.

— Обязательно отправишься. А теперь идем. Борьба только началась, а мне предстоит вымаливать у Амира прощение. Если он согласится выслушать извинения прежде, чем придушит меня собственными руками.

notes

Примечания

Приор — ученое звание ниже магистра.

2

Эльтарелла — популярный в королевстве Амадин парный танец с прыжками, подскоками, низкими поклонами. Число пар не ограничено. Темп танца ускоряется к концу и обрывается, когда партнер резко поднимает партнершу в воздух, делая оборот вокруг себя.

З

Печать рода — магическая метка, которая появлялась на теле человека, нарушившего границу частной собственности. Часто на теле воров, забравшихся в чужой дом, могла проявиться подобная печать, которая ярко светилась и причиняла носителю боль. По такой метке легко было опознать нарушителя.

4

Элиты — уничижительное прозвище, данное виерами аристократам. Примерно настолько же оскорбительное, как слово «плебеи» для самих виеров.

5

Кальконэ — дамское нижнее белье, напоминающее очень короткие штанишки с кружевными вставками, рюшами и вышивкой. Носятся исключительно аристократками. Шьются из батиста или шелка.

6

Чиво — простонародное выражение для характеристики весьма недостойного мужчины, в просторечии «козел».

7

Наранья — сочный фрукт, при нажатии на который сок брызжет во все стороны. Есть его нужно очень аккуратно, предварительно разрезав на маленькие части специальным ножичком, чтобы не запачкаться.

8

Антийский шелк — один из самых качественных материалов, используемых для пошива и отделки богатых нарядов. Отличается ярко-красным, почти кровавым оттенком.

9

Ангард! — сигнал о подготовке к бою.

10

Алле! — сигнал о начале боя.

11

Финт — угрожающее движение оружием, вызывающее у противника реагирование защитой.

12

Батман — удар оружием но клинку противника.

Альт! — команда об остановке боя.

14

Гарда — круглая металлическая пластинка вокруг ручки, защищающая кисть руки фехтовальщика.

15

Алькальдэ — чин, близкий по значению к мэру города.

16

Ильнэйский камень — светло-серый очень прочный камень, который добывается в Ильнэйских горах.